

Франсуаза Дольто

**БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЙ
ОБРАЗ ТЕЛА**

Перевод с французского



2006

1. СХЕМА ТЕЛА И ОБРАЗ ТЕЛА

В начале моей практической деятельности в качестве детского психоаналитика (1938) моим консультантом была Софи Моргенштерн, первый французский детский аналитик¹. Тогда я предложила детям, желающим вместе со мной понять, что было причиной — неведомой им — их трудностей в жизни, бумагу и цветные карандаши. Позднее я добавила пластилин.

Рисунки, выбранные цвета, формы — вот средства спонтанного самовыражения для большинства детей. И они любят «рассказывать» с помощью рук про мир своих фантазмов; они вербализуют свои рисунки и слепленные формы тому, кто их слушает. Иногда без всякой логической (с точки зрения взрослых) связи с тем, что в этом может увидеть взрослый. И самое удивительное, что постепенно в результате этой работы у меня сложилось представление, что инстанции фрейдовской теории психического — Оно, Я и Сверх-Я — обнаруживаются в любой свободной композиции, будь она графической (рисунок), пластической (лепка) и др. Эти детские произведения являются настоящими проявлениями фантазмов, в которых можно декодировать структуры бессознательного. Они декодируются через слова ребенка, который антропоморфизирует, дает жизнь разным частям своих рисунков, как только начинает говорить об этом с аналитиком. И это свойственно именно детскому психоанализу: то, что у взрослых дешифруется на основе ассоциации идей по поводу рассказываемого сновидения, у детей обнаруживается через их высказывания об изображениях или пластических композициях, отражающих их фантазмы и игру воображения в переносе.

¹*Покончила жизнь самоубийством в 1940 г., когда немцы вошли в Париж.*

Посредник этих трех психических инстанций (Оно, Я, Сверх-Я) в аллегорических репрезентациях, даваемых субъектом, оказался специфичным. Я назвала его «образ тела».

Пример 1. Два рисунка ребенка примерно 11 лет, страдающего тяжелой формой тика.

Первый рисунок: конь, голова которого выходит за рамки листа бумаги, на нем всадник, он борется с врагом; его целиком не видно, но видна шпага в верхнем левом углу рисунка. В нижнем правом углу виден ядовитый змей, который собирается, как говорит ребенок, ужалить коня всадника. На этом рисунке у коня нет головы, у всадника есть голова.

Второй рисунок (сделан на одном из других сеансов). Он представляет собой вариант предыдущего мотива. Голова всадника полностью не входит в поле листа бумаги. У коня есть голова, но на рисунке нет места для хвоста. Вместо змея — голова тигра в нижнем левом углу, и она готова атаковать коня. На самом деле, голова тигра находится на том месте, где должна быть голова коня, но на более низком уровне.

Мальчику, рассказывающему по просьбе аналитика о рисунке, предлагается поставить себя на место каждого персонажа и, находясь в том месте, вообразить, что он мог бы чувствовать.

Тогда появляются друг за другом голова, означающая оральное пожирание, — это голова тигра, голова контроля анальной мускулатуры, представленная головой коня, и голова умелости всадника, которая представляет человеческое существо. Эти три головы способны меняться местами, учитывая, что исключен факт их одновременного присутствия в поле рисунка. Всадник постоянно в опасности, которая представлена либо оральностью, являющейся частью тела (тигр), либо ядовитым змеем, находящимся позади, как теллурические и анальные силы, способные отомстить индивиду. И в то же время в него метит шпага человека, расположенного выше на иерархической лестнице.

Позднее в заключительных рисунках ребенка опасность представлена в виде громоподобной молнии, способной уничтожить одновременно всадника, коня, а также — по возможности — других присутствующих животных и тех, кто находился в конфликте с этими живыми инстанциями. Конфликт фигурирует в виде атаки.

Экспликация этих различных опасностей помогла через свободные ассоциации узнать о врагах, грозах, опасностях яда, опасностях пожара, поскольку эти фигуративные темы были связаны с семейной драмой.

За смертью дедушки ребенка по отцовской линии последовали семейные конфликты, связанные с наследством. Причем отец ребенка был свидетелем попытки убийства старшим братом одного из своих братьев. Ребенок оказался в курсе событий, услышав случайно разговор родителей, когда он, находясь в гостях у бабушки с дедушкой, спал вместе с ними в комнате. Все это очень резко отпечаталось в его представлениях: оральная жадность до наследства, табу на убийство и испытанное им удивление, когда он услышал, как родители в супружеской постели с сочувственным шепотом говорят об убийце. К счастью, тот лишь ранил брата — всем было сказано о несчастном случае на охоте. При этом мальчик слышал, как родители договариваются о неразглашении тайны. С момента похорон дедушки у ребенка проявился тик.

Мы видим, как благодаря серии рисунков анализ воспоминаний и ассоциаций, бессознательно проявившихся в рисунках, позволил высвободить то, что представлялось мальчику как неразрешимые противоречия, что не давало ему держать голову и в то же время сохранять мышечную энергию и управлять поведением. Он оказался немым свидетелем, а значит, сообщником разговора родителей, что дезориентировало его как человека по отношению к кодексу Закона. Но главное, что позволяет понять возможности, даваемые детским психоанализом, — это то, что он предоставляет данные для интерпретации, содержащиеся в словах относительно фантазмагорических рисунков. Это он — змея, которая так думает, он — голова тигра, представляющего опасную мать (отец называл ее тигрицей), с которой он себя идентифицирует и которая представляет опасность для коня, репрезентирующего в данном случае его отца. Шпага Бога и молния с

неба в других рисунках появляется как знак осуждения ребенка, она ранит его в его человеческом становлении: он оказывается в ситуации, что надо судить отца, пособника своего дяди. Он чувствует себя виноватым перед лицом Закона, потому что он услышал из речей родителей, что они — особенно отец и в меньшей степени мать, которая испытывала тревогу от утаивания правды, — в своем желании преступили, нарушили закон, и он выступает как ребенок инцеста,

будучи случайным свидетелем их разговора в супружеской постели в доме отцовского клана.

Пример 2. Речь идет о мальчике 10 лет, совершенно заторможенном, почти без голоса, на лице его застыла беспокойная улыбка. На просьбу нарисовать то, что он хотел бы выразить, но не может рассказать, и что было на самом деле, он принимается представлять в графическом виде «битвы танков». И на самом деле все рисунки его первых сеансов сделаны на эту тему. Способ представления ясно свидетельствует, что его торможение в отношениях с другими сильно выражено в разных аспектах. На одном из рисунков, например, танк изображен бледными дрожащими линиями. Он занимает всю страницу. И лишь на правой кромке листа появляется кончик пушки другого танка. Из этого конца пушки не вылетает ни одного снаряда. Снаряд вылетает лишь из пушки видимого танка, но его направление таково, что очевидна невозможность нанесения ущерба невидимому танку этим снарядом.

От сеанса к сеансу повторяется этот рисунок безрезультативного боя двух танков. Затем их сменяют два боксера, нарисованные в профиль с одной нарисованной рукой на приличном расстоянии друг от друга. Та же проблема соперничества в виде невозможного рукопашного единоборства. У этих боксеров нет — в первой серии рисунков, сделанных мальчиком, — или головы или ступней ног. Они не вмещаются целиком в пространстве бумаги, учитывая объем их тела. Обратив внимание на это, мальчик перерисовывает их с согнутыми коленями. Они оба стоят на коленях друг перед другом, но их руки, даже если их вытянуть, не смогут соприкоснуться.

Когда, наконец, после нескольких посещений ему удастся разместить обоих боксеров стоящими друг против друга, оказывается, что у одного майка в полоску, а у другого нет. На мой вопрос, кем бы из двух боксеров он мог бы быть на рисунке, он ответил: «Боксером в полосатой майке». Эта полосатая майка, как показали ассоциации, напоминала пуловер его товарища по классу, который, вернувшись из школы с плохой отметкой, получил взбучку от отца.

Тогда на мой вопрос «Ты бы хотел, чтобы твой отец тебе наподдавал?» он ответил: «А я вовсе не то хотел сказать. А то, что его отец им занимается».

И действительно, отец наблюдаемого мной ребенка был абсолютно безразличен к нему. В конце концов, отец не признавал своего

сына как достойное существо. Торможение ребенка выразилось в самодеструкции его мужского либидо из-за отсутствия возможности идентифицироваться с отцом, который себя таковым не признавал и не признавал в своем сыне мальчика, приобретающего ценность, ибо не имел к нему никакого интереса. Здесь имела место даже перевернутая эдипова ситуация. Отец испытывал ревность к сыну и не разрешал ему выстраивать себя по своему образу при разработке психических инстанций — Я, Сверх-Я, Идеал-Я — в силу того, что отец не являлся ни Сверх-Я, тормозящим несоблюдение закона работы — что есть сублимация анальных влечений, — ни собеседником для своего сына. Он умел лишь говорить ему: «Замолчи. Пошел отсюда. Оставь меня в покое». Он не выносил Я-Идеального мальчика с оральной фалличностью, которая имела право и на обращение со словом к отцу, и на общение с отцом. Ребенок чувствовал себя слишком большой опасностью для отца от того, что тот его боялся. Во всяком случае, отрицая его, отец делал так, как будто он его боялся. Благодаря интерпретации рисунков удалось выявить самоторможение либидо ребенка вследствие отсутствия безопасности отца по отношению к нему, что вынудило ребенка укрыться за стеной детской жизни, где нет соперничества, а значит, и нет творчества. Вся сила либидо была заблокирована тем, что ребенок чувствовал, что он представляет опасность для своего отца. Желаемое Я было следующим: быть мальчиком, у которого сильный отец, способный контролировать торможение сына в работе, провоцируя тем самым формирование Сверх-Я, тормозителя лени. Отца, который был бы моим Я-Идеальным. Его мечтой было быть таким, как его товарищ в полосатом свитере. И тогда его отец интересовался бы всем, что интересует его сына, как отец его товарища, вознаграждающий

того за хорошие отметки. Красивый полосатый свитер ему связала мать. В этой семье была и мать. У нее была возможность любить сына, не лишая своего мужа существования, и тот продолжал быть отцом, который контролирует и одновременно поддерживает энергию своего сына, чтобы тот стал социальным существом, вооруженным на всю жизнь.

Ребенок высказывается через объемы, представленные в пространстве. Они являются опорными пунктами его интенциональности. Вначале он рисует нечто вроде сцены, но на самом деле благодаря собственной интерпретации своего рисунка он доказывает, что через графическую мизансцену он опосредует

частичные влечения своего желания, находящиеся в борьбе с частичными влечениями своего желания на другом уровне. Эти психические уровни описаны Фрейдом как Я, Я-Идеальное и Сверх-Я. И энергия, которая проявляется в воображаемых сценариях (в рисунках или лепке), есть не что иное, как либидо, выражаемое телом либо пассивно, либо активно: пассивно в психосоматическом равновесии, активно в его отношении с другими.

В качестве примера приведем ситуацию, где репрезентативной опорой служит лепка.

Пример 3. Молодой человек, учащийся лицея, 14 лет, блестящий ученик, но «очень нервный», был приведен на консультацию. В лицее жаловались на то, что он бьет ногами по столу так сильно, что развязываются шнуры. У его матери, которая привела его на консультацию, у самой ноги оказались в синяках, с ранами на уровне берцовой кости. Она показала мне свои ноги и сказала, что из-за его необычной привычки отбиты ножки кровати с той стороны, где она спит, а также ножка стола с той стороны, где она обычно сидит.

На первой встрече все, что мальчик смог мне сказать о симптоме, сводится к словам: «Я не могу делать иначе, это сильнее меня...». — «Но как происходит, что Вы нападаете на мать, а не на отца?» — «Я не знаю, я же не нарочно».

Рисовать он отказался и выбрал лепку. Он очень артистично слепил старинный колодец. Я спросила у него: «Что Вы можете сказать по поводу колодца?» — «В глубине есть вода. Это колодец старых времен. Сейчас больше нет колодцев». — «Да. А что говорят еще иногда о том, кто прячется в колодце?» И у нас заходит разговор

о колодце и о правде, которая, как говорят, из него выходит совсем голая. В конце приема начинаем обсуждать время последующих визитов. И молодой человек, вполне самостоятельный, мне говорит: «Нужно спросить у мамы». — «Почему нужно спросить у мамы, разве Вы не знаете, когда свободны?» — «Нет, нужно спросить у мамы».

Заходит мама и садится слева от него. В то время как она говорит мне о днях следующих визитов, молодой человек берет правую руку матери в свою левую руку и начинает гладить ее указательным пальцем внутреннюю поверхность слепленного колодца, в то время как она продолжает со мной говорить, не обращая, по всей видимости, на это внимания. Вместо того чтобы отпустить его с матерью, я ей

говору: «Будьте добры, подождите минутку, мне есть, о чем поговорить с Вашим сыном». Она выходит, а я спрашиваю у мальчика: «Что означает движение указательного пальца в колодце, которое вы заставили сделать Вашу маму?» — «Я? Как? Я не знаю...» (у него удивленный, даже оторопевший вид). Он говорит так, как будто забыл или ничего не заметил. Тогда я ему рассказала, что он делал. И я добавила: «О чем Вы в этот момент думали, когда палец Вашей мамы был в колодце?» — «А, да... Я не могу идти в туалет. Мама мне не разрешает ходить в туалет в лицее, потому что надо, чтобы она видела, проконтролировала, как я покакал». — «Зачем? У Вас есть проблемы с кишечником? Давно?» — «Нет, она так хочет, и она мне устраивает сцены, если я какаю в лицее». — «Позовите Вашу маму».

Мать заходит, и оказывается, что она также не обратила внимания на то, что он проделал с ее пальцем в колодце. Я ей сказала, что ее сын (присутствующий при разговоре) рассказал мне, что ей необходимо проверять, как он покакал. «Ну и что? Разве долгом матери не является поддерживать нормальное функционирование организма своих детей? Даже моему старшему сыну (21 год) я массирую анус всякий раз, как он оправится». — «Да? И почему?» — «Мне так велел делать доктор. Когда моему старшему сыну было 18 месяцев, у него было выпадение прямой кишки, и доктор мне велел массировать анус после каждого опорожнения, чтобы вправить прямую кишку».

Вокруг этой проблемы и сформировалась в пред пубертатном, а сейчас и в пубертатном возрасте т. н. нервная болезнь четырнадцатилетнего мальчика. Мать не допустила, чтобы его вегетативное функционирование стало автономным.

Мальчик выражал таким образом свою ревность к своему старшему брату, имевшему право на прерогативы анального массажа матери, в то время как его экскременты подвергались лишь визуальному контролю: ему «не повезло», у него не было в младенчестве выпадения прямой кишки.

Колодец был проекцией частичного образа анального тела. Он представлял собой прямую кишку мальчика и соединял представление о сексуальности женщины с наслаждением от испражнения. По сути дела мальчик остался на уровне анальной сексуальности, фиксированной матерью, не подозревающей о своем перверсивном желании инцеста по отношению к своим сыновьям и прикрывающейся

медициной и «долгом» матери поддерживать «хорошее функционирование» тела-объекта своих детей.

Благодаря этому можно также понять значение моторного симптома агрессии, выражаемого ударами ноги. Моторика, являясь выражением — в случае ее адаптированности к социуму — сублимированного анального удовольствия, была у мальчика извращена. Оба его нижних члена были здесь и действовали в симптоме как субститут третьего нижнего члена — пениса. Он бил по ногам матери ступнями, будучи лишен возможности проникнуть в ее вагину своим пенисом.

Становится понятно, как проявлялось соперничество со старшим братом. Он представлял собой весьма несовершенным образом Я-Идеальное, являясь в большей степени регрессивной моделью, место которой младший хотел бы занять в своем ощущении маленького мальчика.

Пример 4. Речь также идет о лепке. Восемилетний ребенок на одном из сеансов слепил кресло. Я задала ему вопрос: «Куда бы ты его поместил?» — «На чердак». — «Но у него очень прочный вид. Такие прочные кресла не убирают на чердак». — «Да, действительно». — «Тогда кем бы было это кресло, если бы оно было человеком?» — «Дедушкой... Потому что говорят, что он старый и не хочет умирать». — «Ну и что, это досаждало, что он не умирает?» — «Да, потому что в доме нет места, и мы вынуждены жить в одной комнате с мамой и папой. Он не хочет, чтобы с ним в одной комнате кто-нибудь спал».

Итак, занимающий место старый человек живет в семье, куда его в надежде, что он скоро умрет, взяли родители. Старик парализован и прикован к креслу. Его бы охотно поместили вместе с другой рухлядью на чердак. Кресло замещает надоевшее и хорошо сохранившееся тело старика, мешающего жить семье, стесненной в жилищных условиях. Очевидно, что никогда ребенок не смог бы рассказать по-другому эту историю. Благодаря лепке, которая реализовала фантазм, проявивший анальную фиксацию к сидению, — и это буквально говоря, так как у ребенка появилось недержание кала. Именно недержание кала привело его на консультацию к психотерапевту.

Здесь вновь мы наблюдаем, как ребенок через пластические формы очеловечивает выделенные Фрейдом психические инстанции.

Дедушка, в частности, воплощает анальное Сверх-Я (чувство вины за «делать», «действовать», имеющими динамический, развивающий характер). Проблема состояла в том, чтобы низвергнуть этого человека, оберегая его и уважая. Возможно, это и было причиной, в силу которой у ребенка были задержки кала, который потом выделялся без всякого контроля сфинктера. В то же время он сам попадал в сублимации оральных и анальных влечений, в ментальные манипуляции, каковым является для ребенка обучение в школе.

Эти примеры интересны тем, что показывают нам, как в любой свободной композиции являет себя, выражает себя образ тела: даваемые ребенком ассоциации актуализируют конфликтное сочленение трех инстанций психического аппарата.

У детей (и у психотиков), которые прямо не могут излагать свои сновидения и фантазмы, как это делают взрослые в свободных ассоциациях, образ тела является для субъекта медиатором их выражения, а для аналитика — средством их распознавания. Стало быть, это является сообщением, которое надо декодировать, к которому только у психоаналитика нет ключа. И этот ключ дается в ассоциациях ребенка. Именно через них аналитик приходит к самому себе. Это он приходит к тому, что схватывает себя как место тормозящих противоречий для ментальной, аффективной, социальной и сексуальной сил своего возраста.

Надо правильно понять: образ тела'— *это не образ, который дан на рисунке или представлен в лепке; он проступает в диалоге аналитика с ребенком.* Для этого, вопреки тому, что обычно думают, аналитик интерпретирует не графический или пластический материал, даваемый ребенком. Лишь те ассоциации, которые ребенок дает по поводу материала, способны дать аналитику элементы для психоаналитической интерпретации его симптомов. Не в прямой связи, но в ассоциации со словами, которые ребенок говорит (например, полосатый свитер боксера). Исходя из этого, говорить об образе тела не означает, что он сугубо воображаемого порядка, потому что он имеет и символическую природу, являясь элементом определенного уровня либидинозной структуры, натолкнувшейся на конфликт, который может быть разрешен через то, что ребенок говорит. Нужно также, чтобы его слова были восприняты слушающим ребенка взрослым через события собственной истории ребенка.

СХЕМА ТЕЛА НЕ ЕСТЬ ОБРАЗ ТЕЛА

Из предыдущих примеров с неизбежностью следует необходимость различать эти два термина: образ тела и схема тела.

Во всех перечисленных случаях речь шла о детях со здоровой *схемой* тела; и лишь ее функционирование было обременено патогенными *образами* тела. Орудие — тело или, лучше сказать, используемый посредник между субъектом и миром, если можно так выразиться, потенциально было в хорошем состоянии, не подвергнуто заболеваниям, но его функциональное использование, адаптированное к уровню сознания, было нарушено. Эти дети послужили театром — в своем собственном теле — торможения схемы тела в двух первых случаях (больной тиком, больной с идеативным и двигательным торможением, выраженным молчанием и застывшей улыбкой), отсутствием контроля над схемой тела для двух следующих случаев (удары ногой, недержание кала). Адекватное использование их схемы тела было разрушено, либидо спутано, что связано с несоответствующим

образом тела, архаичным или инцестуозным. Путь для либидо перекрыт вследствие отсутствия кастраций, не данных взрослыми своим архаичным влечениям, и сублимаций, которые, в свою очередь, работают на то, чтобы воспитать взрослых людей, ответственных за свою гуманизацию (образование).

То, как нарушение образа тела влияет на разрушение здоровой схемы тела, можно продемонстрировать на примере ребенка, рисующего два танка, которым не удается драться «по правде». Схеме тела ненарушенного типа соответствовали бы, наоборот, не дрожащая линия и изображение пушек, нацеленных на противника. Или в изображении на других рисунках боксеров, у каждого из которых было бы по две руки, и они бы не стояли на коленях для того, чтобы боксировать. Можно даже сказать, что, несмотря на здоровую целостную схему тела¹, образу тела не хватает руки; это он стоит на коленях (о чем свидетельствует беспомощность мальчика поддерживать свой потенциал стояния в ситуации соперничества). Это — в четвертом случае — отсутствие части образа тела как запрет агрессивности по отношению к мешающему всем дедушке, которого терпят родители. Это не дает возможности ребенку идентифицировать себя с мальчиком, который успешно учится, имеет мать, отца,

неконфликтующих друг с другом, как жили их родители (по причине присутствия бабушки), и способствующих каждый по-своему тому, чтобы поддерживать существование своего сына среди людей и его усилия по учебе в школе.

¹*Мальчик был плотного телосложения и физически здоров.*

Схема тела — реальность, существующая de facto, она в какой-то степени — жизнь нашей плоти в контакте с физическим миром. Наш опыт этой реальности зависит от целостности организма или от ее нарушений, их временного или постоянного характера, природы этих нарушений — неврологической, мышечной, костной, а также от наших физиологических ощущений, сосудистых, кровообращения, их еще называют кнестезическими.

Конечно, ранние органические поражения могут вызвать нарушения схемы тела, которые, вследствие отсутствия или прерывания речевых отношений, могут повлечь временные или постоянные модификации образа тела. Однако часто случается, что увечная схема тела и здоровый образ тела сосуществуют в одном и том же субъекте. Например, у детей, больных полиомиелитом с двигательным, но не сензитивным параличом. Если болезнь наступает после 3 лет, после усвоения ходьбы, оправления и половой идентификации (первичная кастрация), схема тела, даже при условии ее частичного поражения на долгий срок, остается совместимой с образом тела, почти никогда не подверженному болезни, как это видно на рисунках детей.

Зато схема тела всегда поражена, по крайней мере, частично, когда полиомиелит развивается очень рано в возрасте грудного вскармливания и колыбели, особенно до приобретения опыта ходьбы. Но даже если у этих детей не восстанавливается здоровая схема тела, целостная с моторной и неврологической точки зрения, их инвалидность может не сказаться на их образе тела. Для этого нужно, чтобы до болезни, в течение болезни, в период излечения и восстановления их отношения с матерью и окружением были гибкими и вызвали удовлетворение, без проявлений большой тревоги со стороны родителей, чтобы они были адаптированы к потребностям, о которых должно быть проговорено так, что как бы дети сами эти потребности удовлетворяют, хотя мышечный паралич и его последствия делают их неспособными к этому. Ребенку-инвалиду необходимо объяснить его физический дефицит, сравнить с предыдущим неинвалидным

состоянием или, если того требует случай, с врожденной разницей между ним и другими детьми. Нужно, чтобы он смог, через мимику или речь, выразить свои желания и фантазмы по их поводу, несмотря на возможность или невозможность их осуществления в соответствии с его увечной схемой тела.

Так, с ребенком, больным параплегией¹, мать должна проводить игры посредством речи, говорить, как он бегаёт, прыгает — то, что он никогда не сможет сделать, и мать знает об этом. Тем самым он проецирует здоровый образ тела, символизируемый речью и графическими репрезентациями, в фантазмы эротических удовлетворений, в субъектно-субъектный обмен.

¹*[Параплегия — неврологический паралич нижних конечностей.]*

Тот факт, что эти желания проговариваются таким образом с другим человеком, кто принимает эту проективную игру, позволяет субъекту интегрировать в речь эти желания, несмотря на реальность, увечность его тела. И речь ему приносит открытие собственных средств коммуникации. У ребенка-фокомела, без нижних или верхних сегментов конечностей, увечная схема тела. Однако его образ тела может быть совершенно здоровым. Для него возможна речевая коммуникация той же полноты и удовлетворения, что и в случае любого неинвалида. Таков случай Дениз Легри, женщины без конечностей, автора книги «Рожденная такой»¹. Калека от рождения, она была горячо любима отцом, матерью и их социальным окружением.

Однорукий ребенок может с помощью имеющейся у него руки научиться пользоваться всеми необходимыми ему предметами. Ребенок становится асоциальным, даже трудным по характеру, с нездоровым образом тела, не способным к кастрации в момент отнятия от груди, затем действовать автономно (анальная кастрация) по отношению к матери, которая его сохраняет в зависимости от себя, с филической или фобической фиксацией в том случае, если мать ни разу не нашла нужным поговорить с ним о его инвалидности. А ведь он видит разницу между своим телом и телами других детей.

Здоровая эволюция такого субъекта, символизируемая неувечным образом тела, зависит, следовательно, от эмоционального отношения родителей к ребенку, а именно от того, что правдивая

информация относительно его физического состояния как инвалида очень рано ему дается в словах. Эти гуманизирующие обмены — или наоборот их дегуманизирующее отсутствие — имеют исходной точкой принятие — или непринятие — инвалидности тела ребенка. Испытывают ли они чувство вины в своей генитальности? Испытывают ли они тревогу? Находится ли ребенок в стадии нарциссизма, которого любят таким, какой он есть, или, наоборот, он денарциссирован в своей ценности быть собеседником, будучи нелюбим из-за того, что калека, стало быть, его увечность не признана и не проговорена? В своем качестве калеки отброшен ли он родителями, вместо того чтобы быть во всей полноте признанным

¹*Legrix D. Nee comme ca. Paris: K 1972.*

сыном/дочерью в испытании, рассматриваемым как человеческое существо со всеми правами и с инвалидностью? Если он признан как субъект своих желаний, символ речи в сопряженном аккорде со своими двумя попечителями, которые несут ответственность за его рождение и любят его в его реальности, которую не стремятся дать забыть, его родители (затем его воспитатели) могут дать в ответ на его вопросы посредством речи и бессознательным для них способом структуру здорового образа тела. «Если бы ты был птицей, ты мог бы летать...». «Если бы у тебя были ноги, руки, ты мог бы делать, как этот маленький мальчик... ты такой же умный, как он».

И мы видим, как эти дети без рук и без ног научаются рисовать ртом так же хорошо, как те, кто это делает руками. А те, у кого есть только ноги, делают ловко то, что другие делают руками. Но это возможно лишь, если их любят и поддерживают в тех средствах, которыми они располагают, чтобы они стали творцами, и которые являются представителями влечений в обменах с другими.

У человека может быть неструктурированным образ тела в ходе развития его схемы тела. Это может быть связано — как мы только что видели — с увечностью, с ранними органическими заболеваниями нейровегетативного или мышечного характера; причиной могут служить и заболевания новорожденных вследствие несчастных случаев при родах или из-за инфекций, разрушивших зоны субтильного восприятия в раннем детстве (глухота, аносмия¹, заячья губа, слепота и др.).

Но можно сформулировать гипотезу, что неструктурированность образа тела обусловлена большей частью тем, что обладающая правами инстанция, дезориентированная от того, что не получает обычно ожидаемых ответов от ребенка данного возраста, не пытается вступать с ним в коммуникацию, кроме той, что связана с его телом, обслуживанием его физических потребностей, и не занимается его гуманизацией. Более чем вероятно, что такое человеческое существо — а его тело живет — будет способно рано или поздно выработать такой речевой образ тела в соответствии с данными ему

¹*Аносмия — неспособность воспринимать или различать запахи; отсутствие обоняния.*

условиями существования через сенсорные опоры в отношениях и аффективное сообщничество с тем, кто его любит и вводит его в отношение треугольника «отец—мать—ребенок», и которое ему позволяет иметь доступ к символизации отношения.

У детей, больных полиомиелитом, инвалидов с раннего возраста, к примеру, у которых схема тела в сильной степени увечна, вполне может сформироваться здоровый образ тела при условии, по крайней мере, что они не были подвергнуты неврозу до заболевания и в острый период болезни ощутили поддержку матери и отца в отношениях с другими и с ними самими. И они рисуют тела, где нет никаких дисфункций или отсутствия того, что отсутствует у них самих.

Образ тела и схема тела: как их различать

Рассмотрим наше основное разграничение с другой стороны.

Схема тела специфицирует индивида как представителя вида, каковы бы ни были место, время и условия его проживания. Именно схема тела будет активным или пассивным выразителем образа тела в том смысле, что она позволяет объективацию интерсубъективности — речевого либидинозного отношения с другими, — которая без схемы тела, без опоры на нее навсегда останется фантазмом, который невозможно включить в коммуникацию.

Схема тела в принципе одна и та же для всех индивидов (примерно того же возраста, живущих в одном климате) человеческого рода. Образ тела, напротив, носит индивидуальный характер: он связан с субъектом и его историей. Он отражает специфичность либидо в данной ситуации, тип либидинозного отношения. Из этого следует, что схема тела частично бессознательна, но также предсознательна и сознательна, в то время как образ тела в высшей степени бессознателен: он может частично стать предсознательным и лишь тогда, когда ассоциируется с сознательным языком, использующим метафоры и метонимии, отсылающие к образу тела как в речевой мимике, так и в вербальном языке.

Образ тела — это живой синтез нашего эмоционального опыта: отношений с людьми, пережитых через избирательные эрогенные ощущения, архаичные или актуальные. Его можно рассматривать как бессознательную символическую инкарнацию субъекта желающего и это еще до того, как данный индивид будет способен обозначать себя личным местоимением Я, уметь сказать «Я». Я хочу тем самым сказать, что бессознательный субъект желания, находящийся в отношениях со своим телом, существует с момента зачатия. Образ тела в каждый момент есть бессознательная память всего опыта отношений, и в то же время он живой, актуальный, находящийся в динамическом развитии, одновременно нарциссический и межотношенческий: запрятываемый или актуализируемый в отношении здесь и сейчас через любое речевое выражение, рисунок, лепку, музыкальную инвенцию, пластическую форму, а также в мимике и жестах.

Благодаря нашему образу тела, воплощаемому схемой тела и пересекающемуся с ней, мы можем войти в коммуникацию с другим. В основе любого контакта с другим, будь то вхождение в коммуникацию или ее избегание, лежит образ тела, поскольку именно в образе тела, опоре нарциссизма время пересекается с пространством, бессознательное прошлое приходит в резонанс с переживаемым моментом. В любом актуальном моменте всегда филигранно повторяется что-то из отношения прошлого. Либидо мобилизовано в актуальном отношении, но может быть разбужен, воссоздан архаичный отношенческий образ, загнанный внутрь и вернувшийся таким образом.

Давайте еще раз подчеркнем, что схема тела, представляющая собой абстракцию жизни тела в трех измерениях реальности, структу-

рируется через обучение и опыт, в то время как образ тела структурируется через коммуникацию между субъектами и запоминаемый изо дня в день след наслаждения, фрустрированного, подавленного или запрещенного (кастрация, в психоаналитическом смысле, желания в реальности). И в этом он имеет референции в воображении, в воображаемом интерсубъективном мире, отмеченном у человека с самого начала символическим измерением.

Если сказать иначе: *схема тела относит актуальное тело в пространстве к непосредственному опыту. Она может существовать независимо от языка*, понимаемого как история отношений субъекта с другими. Схема тела бессознательна, предсознательна и сознательна. Она испытывает эволюцию во времени и пространстве. *Образ тела отсылает субъекта желания к его наслаждению, опосредованному запечатленной речью коммуникации между субъектами.* Он может существовать независимо от схемы тела и соединяется с ним через нарциссизм, порождаемый отелесниванием субъекта при зачатии. *Образ тела всегда бессознателен и образуется из динамической артикуляции базового образа, функционального образа и образа эрогенных зон, где выражается напряжение влечений.*

Роль кушетки в психоанализе

В техниках психоанализа использование образа тела становится возможным именно благодаря тому, что схема тела нейтрализована положением лежа пациента. Он включается в игру, и в то же время для него становится невозможным видеть тело и в особенности лицо аналитика, что вызывает у анализирующего воображаемое представление другого, а не схватывание видимой реальности. Таким образом, имеет место отсутствие наслаждения визуальными влечениями и фрустрация наслаждения от аудитивных влечений (поскольку больше говорит пациент, а аналитик говорит очень мало). В какой-то степени Фрейд пользовался, сам того не подозревая, образом тела, и он этим пользовался даже больше, чем мы сейчас, поскольку он накладывал своим пациентам запрет на генитальное удовлетворение в течение всего срока лечения.

Поиск желания и защита против желаний составляют конструктивные речевые процессы для образа тела, целью которых является предохранение целостности схемы тела, т. е. самого тела как связную

телесную совокупность, которая должна оставаться целостной, чтобы воспринимать. Так, при очень сильной боли весь организм (весь психический аппарат?) предчувствует, что встреча с препятствием для тела, страдающего в том или ином раненом или больном месте, может нарушить его безопасность, и это защита себя в соблюдаемой дистанции по отношению к другим. Это исходит от схемы тела, воображаемого сознательно, здесь речь не идет об образе тела.

Бывает, что аффективные процессы отрицания удовольствия—неудовольствия или идеативные процессы отрицания эротического объекта посредством языка тела или вербального языка имеют целью предохранить субъект от повторного опыта, от которого он может ожидать лишь неприятное¹. Интересным для аналитика будет ухватить динамику бессознательного желания на его разных уровнях: сначала уровень тела-объекта, затем уровни, открываемые образом тела каждой стадии в ее бессознательном тройном аспекте: бессознательный мимический язык, висцеральный и жестовый.

В случае лепки колодца, упомянутом мной², мы увидели, как анальный частичный образ тела мог оказаться актуализированным в проживаемом опыте отношений. Приведем в качестве иллюстрации пример девочки, которая на первом сеансе нарисовала, будучи одна со мной, очень красивую вазу с распустившимися цветами, указав уровень воды, куда помещены стебли. Затем, пока я беседовала в присутствии девочки с ее матерью, она сделала другой рисунок: маленький цветочный горшок без уровня воды с маленьким букетом завядших цветов. Видна разница между образом тела девочки, каким она его бессознательно ощущает в присутствии матери, и ее образом тела в отсутствие матери. По отношению к матери она чувствует себя ничтожной и увядшей, в то время как в качестве единственной собеседницы аналитика, который ее слушает, она себя ощущает вправе расцвести и пребывать в нарциссической соблазнительной красоте.

Схема тела этой девочки не менялась в присутствии матери; зато ее присутствие влекло изменения в образе тела и, вследствие этого, в его проективной репрезентации. Эта модификация позволяет понять нарушенные в настоящий момент отношения между матерью и дочерью. Симптомы, послужившие мотивами для консультации, получают иллюстрацию в рисунках. Ребенок выражает в них то, что ощущается как рана в его нарциссизме в отношении с матерью, то, что может быть развязано, декодировано лишь благодаря психоаналитической работе. Это декодирование

¹Банальным примером этого служит застенчивость, ее язык тела — «краснеть», «потеть». Эритрофобия является неврозом, но застенчивость к неврозам не относится.

² См. выше, с. 8.

должно происходить не только по отношению к желанию девочки в ее отношении с желанием матери и обратно, но также по отношению к желанию каждой из них в их эдиповом треугольнике отношений — актуальном для ребенка, прошлом для матери, — т. е. по отношению к объекту их генитального желания: для девочки это отец, иначе говоря, супруг ее матери.

Ситуация треугольника, возникающая из-за присутствия аналитика, вследствие того, что мать разговаривает с врачом, помещает ребенка в положение второстепенного персонажа состарившегося цветка¹, не получающего более жизненных сил, в то время как диада «ребенок—аналитик» благотворно сказалась на ее нарциссизме. (Аналитик, несмотря на то, что женщина, по всей видимости, занимает в данном случае место отца.) Этот рисунок выражает болезненное ощущение от генитальной кастрации девочки, воображающей себя по причине матери в позиции нежеланной для отца.

Благодаря наблюдению и выслушиванию детей, с одной стороны, в их реальных семейных и дружеских отношениях, с другой — в отношениях переноса в аналитическом сеансе, мне удалось понять первостепенную роль образа тела пациента, своего собственного и его проекции на другого в любом экзистенциальном фантазме присутствия для себя и в мире.

Техника анализа, адаптированная к детям

Предложить ребенку, пришедшему на прием, нарисовать или слепить не означает играть с ним. Для психоаналитика правилом является не участвовать активно в игре ребенка, т. е. не примешивать активно свои фантазмы к фантазмам ребенка на приеме; это подразумевает, что аналитик не эротизирует свое отношение с пациентом и не нацеливается на репарацию. Речь идет о работе, об облечении в слова фантазмов ребенка, таких, какими их часто видят на первых сеансах, которые выражаются лишь взглядами, а не в игре. Так же

¹Цветок — проекция эрогенной зоны пассивного орально-анального образа тела, место вынашивания плодов растений, индивидуальных живых созданий, но лишенных одушевленности и двигательности.

как и взрослые, дети приходят к психоаналитику не развлекаться и забавляться. Они приходят выразить себя по правде. Многие дети, прошедшие психоаналитическое лечение, не смогли из него извлечь для себя никакой пользы по той простой причине, что эти сеансы были им представлены как то, где они поиграют с дядей или тетей, которые любят детей. Результатом было испытанное ими эротизированное отношение, как продолжение «существа-игрушки для другого».

Роль психоаналитика как раз состоит не в том, чтобы заменить желание родителей, предполагаемое патологическим, на желание, предполагаемое здоровым, не в том, чтобы «похитить» ребенка у родителей или воспитателей, которые теоретически были, есть или будут для него плохими. Но, напротив, позволить ребенку через свои жесты, речевые знаки, к которым он добавляет свои высказывания, обращенные к его персоне (в присутствии родителей или в их отсутствие), узнать о том, что аналитик испытывает доверие к его родителям и что они остаются такими, какие есть, ответственными за опеку над ним, с тем, чтобы он сам смог прийти к собственному пониманию того, из-за чего он страдает. И тогда он сможет обрести себя как желающего субъекта в первичном треугольнике первосцены. И если он на самом деле страдает, принять или, по крайней мере, попытаться принять предложенный ему контракт: не играть с ним для его удовольствия, но выразить рядом с психоаналитиком через игру, пока он не может это сделать словами, свои мысли, чувства, фантазмы. Его рисунки и лепка должны быть проговорены, они находятся в ситуации переноса, как в психоаналитической технике для взрослых сновидения, фантазмы и свободная ассоциация.

Добавлю, что моим принципом по отношению к детям, не пережившим период Эдипа, даже если они не глубокие аутисты или фобисты, независимо от их возраста, является принимать их в начале лечения в присутствии родителей, часто приглашать родителей одних, и давать возможность всякий раз, как ребенок желает, родителям присутствовать и даже участвовать в сеансах.

Я никогда не позволяла себе во время сеанса играть с ребенком. То же и со взрослым больным. Мы не вступаем в беседу. То же и с ребенком. Мы не имеем права примешивать свои фантазмы к

фантазмам больного. Наша задача — быть настроенным, наблюдая его поведение, на слушание того, что больному нужно сказать, того, что он чувствует и что думает и что *a priori* нами абсолютно принимается.

Опираясь на свой рисунок, ребенок постепенно приходит — через ассоциации идей — к тому, чтобы говорить об отце, матери, братьях и сестрах, своем окружении, обо мне по отношению к себе и предлагаемым мною интерпретациям. Мои «интерпретации», как и в случае взрослых, — это вопросы относительно того, чтобы оживить те или иные фантазмы, и в особенности они касаются близости между ассоциациями, относящихся к тому или иному прошедшему периоду его жизни.

Рисунки и лепка, однако, предлагаются ребенку не с целью побудить рассказать об отце или матери... они являются, так же как и сновидения и фантазмы взрослых, свидетельствами бессознательного. Любой рисунок, любое представление мира есть выражение, немая коммуникация, сказанное себе или сказанное другому. Во время сеанса это приглашение к коммуникации с аналитиком, к чему следует добавить, что, когда ребенок разговаривает во время сеанса (впрочем, так же как и взрослый), если он говорит об отце, матери, братьях, он говорит о них в их реальности, но об этом отце в нем самом, матери в нем, братьях в нем, т. е. уже о диалектике его отношения с этими реальными лицами, которые в его словах становятся уже фантазмами.

Веря в то, что он говорит об этих людях в их реальности, он говорит на самом деле о них таких, каковыми он себе их представляет, по отношению к своей собственной субъективности. Его опыт есть факт суперпозиций по мере развития его истории в его отношении со взрослыми. Отсюда возможность проецирования опыта отношений в пластическом представлении, описанном нами в терминах антропоморфизации. На мой вопрос «Кто мог бы быть солнцем?», в котором условное наклонение выражает возможность дать ассоциации с солнцем, ребенок может ответить: «Солнцем мог бы быть папа, травой такой-то...». Я еще могу спросить у него: «Если бы ты был на этом рисунке, где бы ты был?», не забывая о том, что маленький ребенок может войти в отношение лишь через проекцию. И действительно, лишь по мере переживания эдиповой кастрации и вхождения в символический порядок Закона, одного для всех, реальное прямое отношение становится возможным. До тех пор мужчина имеет

референтом папу, присутствующего или отсутствующего, женщина — маму, есть

она или нет. И через наблюдение проективных интерпретаций — «бабушка была бы чашкой», «дедушка был бы креслом» — мы видим, до какой степени ребенок отдает часть образа тела или целиком образ тела предметам, животным, людям и т. п. И в тот момент, когда имеет место эта проекция, он сообщает о своей бессознательной жизни.

Ребенку около полутора лет, он у окна, смотрит на небо. Впервые он привлечен видом звезды на еще светлом небе. Подходит мама закрыть ставни. «Подожди, подожди, смотри!» — говорит он. Мама ему объясняет: «Это звезда, это Венера, первая звезда, появляющаяся на небе». И она добавляет: «Холодно. Нужно закрыть окно». С сожалением покидая свое место, ребенок бросает в окно: «До свидания, принцесса!» и машет на прощание рукой звезде. Он говорит «до свидания» не принцессам из сказок, но звезде, которая блестит, как взгляд его матери, которая соотносится с принцессой в сердце ребенка, он говорит «до свидания» принцессе, каковой она для него является.

Увиденный в жизни, этот пример позволяет вообразить, что представляет собой небо на рисунке ребенка. Достаточно пронаблюдать, что маленький ребенок, который смотрит на взрослого снизу вверх, видит, как голова его родителей вырисовывается на небе, когда они на улице, и приписывает их лицо воображаемому человеку, занимающему небо, т. е. своему Богу или своему Королю в реальности пространства рисунка: своему Богу «воображаемой реальности» (фантазм родительского всемогущества), реальность космического и божественного всемогущества — всемогуществу, господствующему над его поведением, символизируемому словами «Король» или «Королева». Это его способ обнаружить в детском небе инстанции Сверх-Я или Я-Идеального¹.

¹Я-Идеальное есть инстанция, которая принимает существо в реальности (некое Ты) как идеализированную опору (модель), для пред-субъекта, каковым является Я, соотношенное с Ты. Главная модель, имеющая право сказать «Я-собственное». В период после Эдипа субъект есть сам субъект «Я-собственного», несущий в себе Я, его поведение отмечено генитальным законом таким же образом, как это происходит у взрослых; Идеал-Я более не соотносится с кем-либо, но с этикой, которая служит для Я воображаемой поддержкой, чтобы вступить в возраст взрослого человека.

Образ тела — до Эдипа — может проецироваться в любое представление, каким бы оно ни было, и не только в человеческие представления. Так, рисунок или слепленный предмет, растение, животное или человек являются одновременно образом того, кто рисует или лепит, и образом тех, кого он рисует и лепит, какими бы он их хотел, в соответствии с тем, что он позволяет себе от них ожидать.

Все эти представления символически связаны с эмоциями, отметившими его личность в течение проживания, и учитывают эрогенные зоны, которые были для него последовательно превалирующими. Известно, что превалирование, элективность эрогенных зон меняется, перемещается по мере роста субъекта и развития его схемы тела, насколько это позволяет неврологическая система ребенка (формирование которой еще не закончено при его рождении и заканчивается в 2—2,5 года). Эта эволюция к эрогенности является не только развитием физиологической программы, она структурирована содержанием интерпсихической связи с другим, в частности, с матерью. Свидетельством этому является образ тела.

Интерпсихическое отношение означает, что не только потребность имеет место быть, речь идет не только об отношении «тело— тело». Например, когда ребенок просит конфетку у матери, удовольствие, которое он предвкушает, артикулируется с исчезнувшим удовольствием от контакта его рта с соском груди матери или с соской, но это удовольствие освобождено от питательности лактации, равно как и от обоняния запаха матери. Получить конфету есть доказательство того, что человек, который ее дает, любит ребенка и что ребенок может чувствовать себя любимым и признанным в своем желании. Это дар любви¹. В конечном счете, если ребенку отказывают в исполнении его просьбы дать конфету, признавая то, что за его просьбой скрывается просьба отношения, и если этот кто-то интересуется личностью ребенка в данный момент, говорит с ним, эбщается, это доказывает ребенку, что он любим, даже если ему отказано в материальном вознаграждении. Любовь, которую ему дают, хотя и не была удовлетворена просьба в оральном удовольствии (рта), ему дает удовольствие человеческой ценности, которое имеет гораздо больший компенсирующий эффект.

¹К сожалению, это не всегда доказывает на практике, что он любим как личность. Поскольку конфета является иногда средством

отказать ему в запрашивании отношения. Давая конфету, часто стремятся заставить его замолчать.

И только, как было сказано, с достижением символического порядка вследствие эдиповой кастрации настоящее отношение в речи сможет ясно выразить того, кто говорит, как субъекта, ответственного за свои действия от своего Я, манифестируемого телом. До этого собственное желание ребенка, будь оно обонятельного, орального, анального, уретрального (у мальчика) или генитального (у мальчика и у девочки) характера, не может быть прямо выражено речью, автономной или переданной (и зависимой) относительно той или иной обладающей правами инстанции, которые, фиксируя желание, определяют мир отношений ребенка. Он может выразить свое желание лишь посредством частичных желаний, через проективные представления, даваемые им о частичных желаниях. Отсюда теоретическое и практическое значение — в психоанализе — понятия образа тела для детей доэдипова возраста. Желание ребенка выражается по отношению к любому мужчине и любой женщине, включая аналитика, с необходимой защитной осторожностью, чтобы предохранить совершающуюся структуриацию. Он не мобилизует — по отношению к человеку внесемейного круга — те из эротических влечений, которые должны остаться задействованными в эмоциональной ситуации, обеспечивающей безопасность семейного пространства, в бессознательно эротической ситуации по отношению к обоим родителям. Дело в том, что в своей реальности родители отвечают за его нарциссическую целостность, они отсылают во времени к первородной сцене, а в пространстве — к его сегодняшнему отношению зависимости по отношению к себе, необходимому для выживания. Его структурирующее желание имеет инцестуозный характер (бессознательный, конечно), гомосексуальный и/или гетеросексуальный, который направлен — и должен таким оставаться — на отца и мать. Отсюда эмоции, вызванные сегодняшней эротической ситуацией в состоянии эволюции к полному установлению Эдипа¹ по отношению к родителям, не могут

¹См. *Dolto, F. Le complexe d'Oedipe, ses etapes structurantes et leurs accidents // AJD. — P. 194—244.*

быть перенесены с безопасностью для нарциссической целостности ребенка на психоаналитика, ни на любую другую особу женского или мужского пола. Опасность происходит от риска, что ребенок может переносить лишь эмоции, не прошедшие кастрацию, не вошедшие в символический порядок, связанные с архаическими влечениями. И риск еще больше, если, как это часто бывает, родители сами испытывают регрессию из-за того, что ребенок проходит лечение, к столь же архаичным либидинозным состояниям, что проявляется, например, в безусловном доверии или иррациональном недоверии по отношению к аналитику своего ребенка. Ребенок попадает тогда в безвыходную ситуацию, где ему нужно противостоять архаичному бессознательному эротизированному и эротизирующему поведению своих родителей. Они, несмотря на то, что остаются по-прежнему ответственными за его воспитание, не могут быть представителями Я-Идеального в мужском или женском варианте, как только начинает доминировать в их поведении архаичное либидо над поведением взрослых, охваченных генитальным желанием друг по отношению к другу.

Для ребенка в процессе лечения, более чем для любого другого на пути эволюции в семейной обстановке к Эдипу и кастрации генитального инцестуозного желания, важно, чтобы родители осуществляли свою роль ответственных за ребенка и его кастрацию, утверждая свое автономное желание взрослых с доверием к себе таким, какими они себя ощущают, взрослыми среди взрослых своего возраста, короче, им надо сохранять этот нарциссизм.

Возможная регрессия опекунов-взрослых — родителей и любого взрослого — перед лицом архаичных желаний ребенка объясняет, почему *не может идти речи о подготовке психоаналитиков только для работы с детьми. Детский психоаналитик должен быть обязательно, прежде всего, психоаналитиком для взрослых.*

Отсюда необходимость для нас, аналитиков, в некоторых случаях осуществлять выслушивание ребенка (или его молчания) и работу с ним в присутствии кого-то из родителей столь долго, как ребенок пожелает, чтобы иметь защиту по отношению к взрослой персоне в нашем лице. Поскольку он согласился придти к аналитику в остаться на сеанс, это означает, что он хочет, чтобы ему помогли,

но не в ущерб его отношению с родителями и до тех пор, пока он не почувствует себя в полной безопасности по отношению к нам, т. е. до тех пор, пока он не будет уверен, что мы уважаем в нем ребенка его родителей и через него родителей, каковыми они являются для него,

такими, какие они есть, никоим образом не нацеливаясь на то, чтобы их разлучать, если он сильно к ним привязан, ни изменить их поведение по отношению к нему.

Быть психоаналитиком для взрослых необходимо еще и потому, что он принимает решение дать согласие или нет на лечение ребенка, симптоматика которого беспокоит его лечащего врача, родителей или воспитателей, в то время как его лично ничто не беспокоит, благодаря именно этим симптомам. Предварительные сеансы с родителями, вместе или по отдельности с каждым, в отсутствие ребенка, могут сами по себе значительно улучшить состояние ребенка. И это приводит к мысли, что первопричиной реактивного синдрома ребенка являются отношения между родителями или тревожное состояние одного из родителей, вызванное неврозом, хотя о нем и не шло речи. Субъектом, подлежащим лечению, в восьми случаях из десяти является не ребенок, а кто-то из его окружения, старше по возрасту или родственник, на которого — без ведома на то кого бы то ни было — и среагировал ребенок, что, в свою очередь, встревожило семью.

В случае, когда ребенок сам страдает от необратимых нарушений, важно, чтобы его родители остались его воспитателями, следуя изо дня в день своему педагогическому замыслу, движимые желанием управлять его действиями. Роль психоаналитика совершенно иная: он прямо не занимается реальностью, но только тем, что в ней воспринимает ребенок, в настоящее время обращенный ко всей своей прошлой либидинозной истории.

Интерес к декодированию образа тела при помощи графических и пластических иллюстраций, даваемых ребенком, обусловлен тем, чтобы понять, как можно войти в речевую коммуникацию, выразиться по правде со взрослым, не вступая с ним в беседу. Часто взрослый реагирует в таких беседах один на один с ребенком, который ничего не говорит, словами: «А, ты потерял язык?», не понимая, что как раз этот ребенок не может взять язык с собой. Даже не испытывая недоверия (если родители этого не ощущают), ребенок, находясь

здесь, еще не чувствует себя в безопасности рядом со взрослым, о котором он не знает, в курсе ли он его истории или нет, уважает ли или нет свободное действие и отношения между его родителями и его собственными отношениями с ними.

Человек, который требует, чтобы ребенок с ним разговаривал, а тот не знает еще данного человека, будучи в то же самое время вовлечен в первичность своего отношения с родителями, воспринимается им как насильник, захватчик по отношению к его желанию и

словам, которые он не обязан ему говорить. И он будет в еще большей степени восприниматься таковым, если из желания обольстить захочет «поиграть» с ребенком, или если по отношению к нему, совершенно не подозревающему о «профессии» взрослого, к которому его отвели родители, этот человек поведет себя как имеющий на него личное право: под предлогом, что его родители хотят, чтобы он вошел в отношения с этой особой, которую он еще не знает и по поводу которой он не понял, как и в чем она будет на службе его собственной личности.

ОБРАЗ ТЕЛА. ВЛЕЧЕНИЯ К ЖИЗНИ И К СМЕРТИ

Образ тела для человеческого существа в каждый момент есть имманентное бессознательное представление, где лежит источник его желания. Так же, как и Фрейд, я думаю, что влечения, имеющие целью осуществление желания, — это влечения к жизни и к смерти. Влечения к жизни, всегда связанные с представлением, могут быть активными и пассивными, в то время как влечения к смерти, отдых субъекта, существуют без представлений, ни активных, ни пассивных. Они проживаются в отсутствие образования представлений. Влечения к смерти превалируют во время глубокого сна, обмороков, комы. Это не желание умереть, но отдохнуть.

Влечения к смерти характеризуются отсутствием остаточного представления эротических отношений с другим. Они есть факт тела, не тревожимого желанием. Влечения к смерти регулярно побуждают субъекта отойти от любого эrogenного образа, как в глубоком сне, как в обмороке, в результате очень сильного волнения, так же как и при энурезе или вторичном энкопрезе¹, проявляющемся у ребенка, владеющего воздержанием, схема тела которого усвоила естественное воздержание, присущее любому млекопитающему. Но перед лицом эмоционального состояния, неприемлемого для его образа тела и выработанной им этики — состояние, которое его нарциссизм не может себе представить, — регрессирует к погружению в сон либо к функциональному образу тела, либо к образу эrogenной зоны, в данном случае уретральной или анальной эrogenной зоны.

И он тогда спит не так, как ребенок трех лет, каким он является, но как ребенок, каким он был до дневного и ночного воздержания при схеме тела трехлетнего ребенка. Он может даже потерять — под

влиянием влечения к смерти — в своем бодрствовании или во сне эту привычку к воздержанию, приобретаемую, однако, как я сказала, спонтанно любим млекопитающимся. Он может ее потерять вследствие желания, которое он себе запрещает и которое его заставляет вернуться во время сна к архаичному образу тела. Именно в течение сна, потому что в это время схема тела с приобретенным воздержанием может оказаться нейтрализованной за счет оживления либидинозного периода субъектно-субъектных отношений, в которых малыш долгое время был неврологически незрелым и в силу этого невоздержанным. Сон, действительно, отмечен превалированием влечений к смерти и погружения в сон — буквально — влечений к жизни (за исключением сновидений²).

Образ тела всегда является потенциальным образом коммуникации в фантазме. Нет человеческого одиночества, которое бы не сопровождалось запоминанием прошлого контакта с реальным или антропоморфизированным другим. Одинокий ребенок всегда присутствует сам с собой через фантазм прошлого отношения, реального или нарциссизирующего, между ним или другим, с которым у него в реальности было интроецированное отношение. Он фантазирует это отношение как грудной малыш, который, находясь один в своей

¹[Энурез, энкопрез — неспособность контролировать, соответственно, акт мочеиспускания и акт дефекации.]

² Во время сновидения субъект общается с объектом не в его реальности, но с объектом фантазмов или объектом интроекции. Сновидение — охранитель сна.

колыбели, представляет себе присутствие матери своим гулением, думая, что повторяет фонемы, услышанные им от нее. Утешенный таким образом, он не чувствует более себя одиноким, но собой для нее и с ней.

Видение мира малышом согласуется с его актуальным образом тела и зависит от него. Стало быть, войти с ним в контакт мы можем только посредством этого образа тела.

С самого рождения контакты, воспринятые телом ребенка, сопровождались словами и звуками речи. От слов, которыми мы думаем, происходят слова и группы слов, которые сопровождали образы тела в контакте с телом другого. Их услышит и поймет ребенок

иначе в зависимости от стадии, в которой он находится. Значит, необходимо, чтобы мы, практики, понимали, что слова, употребляемые нами при работе с детьми, — это те слова, которые соответствуют сенсорному опыту, уже перешедшему в символический порядок или осуществляющему этот переход. Очевидно, что слово «любить» выражает разные вещи у младенца шести месяцев в оральной стадии и у взрослого в генитальной стадии. Ребенок, образ тела которого соответствует оральной стадии, понимает лишь слова удовольствия рта и носимого тела, те, что относятся к функционированию и оральной эротике тела, схема которого еще не автономна.

Маленькая девочка пяти-шести лет приходит на консультацию: вот уже два года она ничего не брала руками. Частичные влечения к смерти вывели из функционального образа тела ее верхние конечности. Когда ей дают предмет, она складывает пальцы к кисти руки, кисти рук к нижней части руки, прижимает их к грудной клетке таким образом, чтобы кисти не соприкасались с приближающимся предметом. Она ест прямо из тарелки, если видит еду, которая ей нравится. Я ей подаю пластилин и говорю: *«Ты можешь ее взять ртом руки»*. Немедленно она схватила пластилин и поднесла ко рту. Она может понять «рот руки», потому что речь идет о словах в согласии с ее оральной эротикой. Она не реагирует, если я ей даю пластилин. Она бы не стала реагировать, если бы я сказала: «Возьми пластилин в свою руку». Или: «Слепи что-нибудь», поскольку это слова, предполагающие образ тела анальной стадии, утраченный ею. Эти слова, не несущие более для нее отсылки от образа тела к схеме тела, остались бы лишены смысла. В некотором роде я ей пред-

дожила нафантазированного посредника в виде рта, эрогенной зоны, предназначенной для глотания и выживания, что для нее сделало возможным использование руки. Поскольку кисти у нее были только во рту, своими словами я ей положила рот в кисть руки, вернув руку, которая связывала кисть «руки-рта» с «ртом-кистью» лица, также потерянной. Схема тела и образ тела регрессировали в отношении «взять» (но не для «ходить») в то время, когда они еще не встретились на уровне «действовать», «делать», относящимся к анальной эротике. Ее этика основывалась на «можно есть/нельзя есть», «содержащее/содержимое», «приятное/неприятное», «хорошее/плохое». Понятие осязаемой формы было подчинено тактильному, лабиальному¹, аудитивному, визуальному, ольфактивному² аспектам

— то восприятие, которое присуще оральной стадии. Восприятие объема приходит лишь на анальной стадии.

Образ тела есть то, куда вписываются опыт отношений в потребности и желании, имеющий ценность и/или не имеющий таковой, т. е. нарциссизирующий и/или нет. Эти ощущения, дающие ценность или обесценивающие, проявляются как символизации вариаций восприятия схемы тела и в особенности тех, что индуцируют межчеловеческие встречи, в ряду которых контакт и слова матери доминируют.

Образ тела и Оно

Подчеркнем сразу: *образ тела относится к желанию, его не следует сводить к одной потребности.* Образ тела может предсуществовать, но обязательно то, что, сосуществуя с любым выражением субъекта, он свидетельствует о недостаточности бытия, которую желание стремится заполнить и именно там, где потребность имеет целью насытить отсутствие обладания (или делания) схемы тела. *Изучение образа тела в качестве символического субстрата могло бы способствовать прояснению термина «Оно».* При этом следует добавить, что речь идет об «Оно» всегда и прежде всего в отношении с частичным объектом, необходимым для выживания тела,

¹[Лабильный — губной звук.]

²[Ольфактивный — носовой звук.]

в ассоциативном отношении с предыдущим отношением с тотальным телом, которое было перенесено с этого объекта на другой, частичный или тотальный¹. Образ тела сам по себе уже есть «Оно» отношений, «Оно» внутриутробное, но воплощенное в теле, расположенном в пространстве, перешедшее к автономности, будучи массой в пространстве; «Оно», часть которого составляет пред-Я: «Оно» ребенка, способного какое-то время выжить в отделенности от тела другого. Влечения, исходящие от биологического субстрата, структурированного в форме схемы тела, могут в действительности перейти в выражение в фантазме, как в отношении переноса, лишь посредством образа тела. *Если местом-источником влечений является схема тела, местом их представлений является образ тела.* Однако

изучить, как вырабатывается образ тела, можно лишь у ребенка в ходе структуризации его схемы тела в отношении с воспитателем-взрослым. *Поскольку то, что мы называем образом тела, затем отщесняется открытием визуального образа тела, а затем эдиповой кастрацией.* У ребенка в течение первых трех (или четырех) лет он формируется на основе опыта обонятельных, визуальных, аудитивных, тактильных ощущений, имеющих значение коммуникации на расстоянии, без контакта «тело—тело», с другими. Прежде всего с матерью, но также и другими людьми его окружения. Когда никого нет, а возникает новый сенсорный опыт в отсутствие человека-свидетеля, речь идет теоретически о схеме тела. Но практически этот опыт сенсорного восприятия для самого субъекта облечен уже известным ему символическим отношением.

¹Я называю «тотальным объектом» живое существо в его целостности, дерево, животное, человеческое существо. «Частичным объектом» для меня является представительная часть этого тотального объекта, посредством которого субъект может войти в опосредованное отношение с этим тотальным объектом.

Фантазм, желание. Реальность, потребность

Ребенок ушибается, например, о стол и думает, что тот нехороший. Он ожидает, что стол его утешит за то зло, которое причинил. Он проецирует на предмет мебели образ тела. И лишь через слова матери он сможет разделить предметы и лица. Лица для него — это масса, о которую он может ушибиться, и они тогда его утешают. Мебель — это масса, о которую он ушибается, но она его не утешает, она не реагирует, хотя он и ревет, и бьет по ней. Зато, когда есть свидетель, реальный или имеющийся в его памяти, схема тела, место потребности, которая составляет тело в его органической жизненности, пересекается с образом тела, местом желания. И эта ткань отношений позволяет ребенку структурироваться как человеческому существу. Впоследствии интроецированные таким образом отношения между людьми позволят ему установить нарциссическое отношение с самим собой (вторичный нарциссизм).

Если вернуться к предыдущему примеру, то позже, ушибившись о мебель, ребенок себя потрогает и погладит своей собственной рукой, он сам позаботится о своем теле, испытывающем боль. Он более не приписывает предметам интенциональных действий. Он интроецирует опыт различия между вещью и живым телом, в данном случае своим;

вещь, тело его матери и объект-стол. Он передал руке способность спасительного и успокаивающего действия, которое только его мать могла осуществить для него, когда он был маленьким и делал себе больно, натываясь на вещи. Эта интроекция ему позволяет самому окружить себя материнской заботой.

И в силу того, что образ тела структурируется в intersубъективном отношении, прекращение этого отношения, этой коммуникации может иметь драматические последствия. Грудной ребенок, оставшийся в течение двух недель без матери, ждет ее такой, какой он ее покинул. Когда она возвращается, он ее видит иной, и он тоже стал другим в своей реальности. И здесь может возникнуть аутизм, поскольку он не находит с другим ощущения себя двухнедельной давности, он не находит в матери ни ту же самую мать, что раньше, ни того же себя. И это изменение может быть травматичным при виде матери, вернувшейся из родильного дома с малышом. У нее более нет малыша в животе, как тогда перед уходом. Однако это то, что ожидает увидеть старший ребенок, не подозревая об этом. Он не ожидает ее увидеть с грудным младенцем. Зная из слов, что родился братик или сестренка, он предполагает, что она вернется с ребенком его возраста.

Фантазм, сформированный его ожиданием, — не то, что происходит в реальности. И эффект этого рассогласования между воображаемым и реальностью в случае его патогенного характера есть предмет психоанализа. Любому ребенку необходимо постоянно приспосабливать фантазм, происходящий из прошлых отношений, к непредсказуемому опыту актуальной реальности, отличной во всем или частично от фантазма. Это постоянное приспособление сопровождается непрерывным расширением схемы тела ребенка перед лицом реальности взрослых в их форме, которая кажется совершенной, незыблемой (любое изменение представляется необычным) и желаемой. Когда мы говорим об образе тела, речь идет о желании, а не только потребности.

Постоянный повтор разновидностей потребности, сопровождаемый почти полным забвением сопровождающих ее напряжений, подчеркивает тот факт, что человек гораздо более нарциссически проживает волнения желания, ассоциированные с его образом тела, чем ощущения удовольствия и страдания, связанные с возбуждениями его схемы тела (за исключением, на самом деле, пограничных случаев, когда его жизнь в опасности или когда у ребенка эта часть тела, которая находится в напряжении, сверхинвестирована фантазмами,

разделяемыми взрослым-опекуном, в особенности, если они не были выражены ни тем, ни другим).

Лишь желание может найти способ удовлетворить себя, никогда не достигая насыщения. И эти средства выражения, относящиеся к речи, образам и фантазмам, теоретически безграничны. Потребность может быть «отсрочена» речью лишь на время, она должна быть удовлетворена телесно. С удовольствием или без удовольствия она должна быть обязательно удовлетворена для того, чтобы жизнь тела могла продолжаться. Посредством двух процессов — напряжения боли и удовольствия, с одной стороны, слов, услышанных от другого, очеловечивающих эти восприятия, — с другой — между схемой и образом тела устанавливается связь.

Воздвигнутый в отношении — посредством речи — с другим, образ тела составляет способ коммуникации, мост межчеловеческого общения. И, наоборот, жить в схеме тела без образа тела означает жить глухим, одиноким, молчаливым, нарциссически бесчувственным, на краю человеческого отчаяния: аутичный субъект или психотик остается пленником несообщаемого образа: образа животного, растения или вещи, где может манифестироваться лишь существо-животное или существо-растение, или существо-вещь, дышащее и пульсирующее, не испытывающее ни удовольствия, ни горя. Это наблюдается у детей, которые не говорят о себе, и кажется, что они ничего не знают ни о своих чувствах, ни о своих мыслях. Они выражают себя, лишь отдавая свой голос кукле, кошке или марионетке¹.

Именно посредством речи прошлые желания смогли организоваться в образ тела, а прошлые воспоминания смогли затронуть зоны схемы тела, ставшие вследствие этого эrogenными, в то самое время когда объект желания не присутствует. Я настаиваю на том, что без слов образ тела не структурирует символизм субъекта, он делает из него идеативного отношенческого дебила.

В этом случае, тем не менее, существовал бы некий образ тела, но настолько архаичный, сенсорно мимолетный, нестойкий и не передаваемый словесно, что не было бы возможности для общения с кем-либо. Такой субъект живет в ожидании символизации. Он не в состоянии ничего выразить о своем образе тела, ничего передать о нем «мимикой». Лишь глупое или встревоженное оцепенение в ожидании смысла. Смысл дается языком, в котором происходит обмен эмоциями между двумя субъектами, один из которых, по крайней мере, высказывает свои эмоции, представляет собой личность. Эти два субъекта общаются своими образами тела, находящимися в дополнительном

отношении. Если этого не происходит, независимо от причины, субъект остается внешне дебильным, потому что его образ тела не имеет языкового посредника.

¹См. *Dolto, F. Cuzc psychanalytiqna a l'aide de la poupee-fleur (1949a) // AJD. — P. 133—193*

О дебильности. О шизофрении

Возможно, это слишком, говорить о дебильности, поскольку мы не уверены, что настоящая дебильность существует. Что существует, так это разрыв в коммуникации по причинам, которые в каждом отдельном случае должны быть дешифрованы. Даже если есть слова, звуки... если они не означают для субъекта-ребенка коммуникацию данного человека с ним, образуется своего рода брешь в символизации, которая может привести к шизофрении.

В случае дебилов с характерной для них клиникой потенциальность символизации образа тела находится в спящем состоянии. У шизофреников эта потенциальность символизации образа тела была прервана в определенный момент. Так как не было сказано слов лицом, отношение с которым имело для ребенка структурирующий характер — отношение любви, ребенок сам переводит в символический план то, что он проживает, используя код, который не может быть сообщен. И это происходит от того, что с ним не было проговорено, или ему были сказаны слова или он услышал слова, которые не были прочувствованы, я хочу сказать, что они не соответствовали переживаниям, выразить которые они были предназначены. Это были слова-шумы, не имеющие настоящей эмоциональной ценности, они не были интенционально нагружены человеческим смыслом, способным сообщить любовь (или ненависть) субъекта, разговаривающего с ребенком, или к которому обращался ребенок. Все другие воспринимаемые сигналы, будь то слова, примеры, высказывания, если они исходят не от ожидаемого объекта-сообщника, ощущаются как речевые шумы, сенсорные ощущения, лишённые смысла для образа тела, и вновь он оказывается сведен, как и до всякого познания, к схеме тела того образца, когда он стал шизофреником. Эта схема

тела, отделенная от образа тела, создает своего рода разрыв пространства и времени, можно сказать, спущенную петлю, сквозь которую ребенок проваливается в воображаемое, создаваемое желанием, разьединенным с его возможной реализацией. Для его желания более не существует представления, нацеленного на моральную поддержку, заслуживающего доверия у нарциссизма субъекта в коммуникации с другим субъектом.

Так, шум извне ему кажется ответом на актуальное «переживание» его тела, весь мир вещей находится с ним в разговоре, но не мир людей, поскольку отношение с другим стало для него опасностью в силу того, что оно выпущено из рук. Кем? Другим? Им самим? И тем, и другим? Кто первый начал? Он перестал в этом ориентироваться и понимать что-либо. И он уходит в себя и устанавливает с собой новый языковой код, бредовый для нас, в то время как для

него этот код дает смысл тому, что он проживает; или же он перестает говорить, как мы, издавая звуки, не являющиеся смысловыми совокупностями слов.

Понятно, почему труппа мимов, выступившая со спектаклем в психиатрическом госпитале перед психотиками, почувствовала, что ее здесь лучше понимают, чем обычная публика.

Образ тела и способность понимать язык жестов и слов

Мим, будучи посредником для образов тела, моментально становится понятным для психотика, шизофреника, именно потому что он не дешифрует через лингвистические знаки пантомиму, не облакает в слова то, что он видит. Спектакль мима разговаривает напрямую с образом тела¹.

В общем виде понимание слова зависит одновременно от схемы тела каждого и конституции его образа тела, связанного с живыми обменами, сопровождавшими для него интеграцию, усвоение этого самого слова. Конечно, слово само себе имеет символический смысл, т. е. оно объединяет через время и пространство в коммуникации посредством языка, устного и письменного, человеческие существа, которые, даже не имея совместно усвоенного опыта, могут передавать друг другу таким образом, если они доверяют

друг другу, речевые плоды, усвоенные ими при пересечении их образа тела и схемы тела. Но тот, кто не имеет образа тела или схемы тела, соответствующие сказанному слову, слышит слово, не понимая его, за

¹*Обратим внимание на то, что мимы не всегда интересуют здоровых детей, в отличие от клоунов, всегда для них представляющих интерес. Дело в том, что мимические движения клоунов относятся к архаичным образам тела, оральным и анальным, в то время как движения мимов очень часто показывают чувства и поведение из области человеческой эротики, пережившей анальную и генитальную кастрацию, т. е. относятся к образу тела постэдипова периода и к этике, согласованной с социальной жизнью. Иначе с клоунами, которые ожидают от Г-на Лояльного^a знак остановиться в их фантазматических эротико-игровых измышлениях, оральных или анальных.*

^a *Белый клоун.*

отсутствием телесного отношения (образа к схеме), позволяющего дать ему смысл.

Слепой от рождения может, например, говорить о красках, произносить слова «голубой», «красный», «зеленый» — слова, которые дадут образ, будут наделены смыслом для видящего собеседника (поскольку у него визуальные ощущения способствовали установлению образа тела); тем не менее, слепому от рождения неведом смысл его речей. Точнее, означающие красок не могут для него собраться в образ тела видящего при схеме тела невидящего. Каждый из нас, по правде говоря, имеет нарциссическое соотношение (пересекаемое нарциссизмом) сенсорных элементов со словами своего вокабуляра¹

Никто не знает точно, даже среди видящих, когда кто-то говорит о синем, о каком синем идет речь. Лишь только когда оба собеседника ищут среди оттенков синего тот цвет, о котором каждый говорит, в тот момент они замечают, говорят ли они об одном или разном цвете.

Слепорожденный не располагает образом тела, соотносимым с глазами, схема тела имеет глаза; и он знает, что у него есть глаза-органы, но у него нет образа отношений через зрение. Это, однако, не мешает ему говорить, пользуясь означающими видения. У меня были такие пациенты, которые всегда говорили: «Я это хорошо видел...», «Я его не видел...». — «Что Вы имеете в виду под "увидеть его"?» — «Да, этот человек приходил домой».

— «Но Вы его слышали. Почему Вы говорите "Я его видел"».

— «Но потому что все говорят так». Хотя он и не может себе представить цвета, слепой слышал, что люди говорят о цвете, о холодных красках, теплых красках, интенсивности, красоте, грусти, веселом,

Это помогает понять способ, каким пациент реагирует на интерпретации аналитика, отталкивая их, говоря, что они непонятны. Действительно, термины, используемые аналитиком, могут относиться к образам тела, которые пациент вытеснил, заставляя его тем самым отклонить объяснение, вопрос или высказывание, имеющее к этому отсылку, даже если аналитик прибегает к словам, употребляемым пациентом, потому что эти слова не покрывали те же ментальные и аффективные взаимосвязи, что у аналитика. Это бывает иногда причиной внезапного разрыва отношения переноса, не восполнимого в ситуации психоанализа, что требует смены аналитика.

что слепые ассоциируют со своим видением цвета; он выстраивает аудитивное и эмоциональное представление о цвете в его отношении с другими, аудитивное, а также тактильное, тепловое.

То же для ребенка, который может, например, сказать: «Она нехорошая, она зеленая! У этих рядом учительница синяя, я бы хотел с ними». (Обе учительницы ходят в белом халате!)

Случай слепорожденного указывает нам косвенно, как обстоит дело для ребенка, который вследствие незрелости схемы тела еще не смог зарегистрировать, встретившись с настоящими ощущениями и своим образом тела, сенсорный опыт, сопровождающий определенные слова, сказанные взрослыми. Он их слышит и повторяет по просьбе старших. Походя на них в своем речевом поведении, ребенок не обладает, как взрослый, фантазмированным образом тела, следствием его прожитого личного опыта, по поводу того, что говорит, образом, который соответствовал бы смыслу произносимых взрослым слов.

Слова, прежде чем они обретут смысл, должны обрести телесность, быть, по крайней мере, включены в обменные процессы в отношенческом образе тела. Как у взрослого, который, пройдя в принципе через генитальную эдипову кастрацию, говорит о поле приобретенных ощущений для тела, взрослого в сексуальном отношении, для схемы тела и межотношенческих восприятий, какими он их знает: всего этот ребенок еще не знает. И, когда он в своей речи повторяет слова взрослого, которые слышит, они для него представляют другие эрогенности, чем те, которые может иметь в виду взрослый.

Образ тела и частный случай личного имени

Из всех фонем, из всех слов, слышимых ребенком, есть одно, имеющее первостепенную важность. Оно обеспечивает нарциссическую целостность субъекта. Это его имя. С самого рождения имя — а оно связано с телом и присутствием другого — содействует определяюще на структуриацию образов тела, включая наиболее архаичные. Имя — это фонема или фонемы, сопровождающие всю сенсорную сферу ребенка сначала в его отношениях с родителями, затем с другими от рождения до смерти. Даже в глубоком сне произнесение

имени может разбудить человека. Если он в коме, и кто-то называет его по имени, он открывает глаза. Имя человека — это первое и последнее созвучие, соотносимое с его жизнью для него и с другим, что ее поддерживает, потому что это было с самого его рождения означаящим его отношения с матерью. При условии, конечно, если она не обращалась к нему в течение долгого времени «щипленок», «сокровище», «мося», «лапуня». Если имя сопровождает субъекта по прохождении эдиповой кастрации и принято в социуме, мать должна отказаться в будущем от ласковых кличек, как это было в свое время с отнятием от груди и приучением к горшку.

Все это объясняет, почему нельзя без серьезного риска менять имя ребенку.

Случай Фредерика

У меня на излечении был мальчик, брошенный при рождении родителями и помещенный в приют. В возрасте 11 месяцев он был усыновлен. И в этом возрасте приемные родители дали ему другое имя, Фредерик, отличное от предыдущего. Но об этом мать ничего не сказала на предшествующих курсу лечения приемах.

Фредерик поступил на консультацию в возрасте 7 лет с симптомами психотического характера. Начало психоаналитического лечения показало, что он гипоакустик¹. С ним проводилась соответствующая работа, и с помощью психотерапевтической работы его интеллект пробудился, разрешилось недержание сфинктера.

Он полностью адаптировался к классу по своему возрасту, но в школе отказался читать и был неспособен писать. Однако я заметила, что он пользуется буквами и в частности буквой А, которая

обнаруживается повсюду, написанная во всех направлениях и во всех рисунках. «Это А?». Он дает знак, что да. Я повторяю вопрос: «И это тоже?» (Буква «А» наизнанку). Он отвечает «Да» на вдохе, в то время как он разговаривает звуками на выдохе.

Учительница мне сообщила, что он участвует во всех видах деятельности, но отказывается учиться писать и читать.

¹[*Гипоакустик — слабослышащий.*]

Я пытаюсь понять, что бы могло быть обозначено этими «А», поскольку в семье нет никого, чье имя начиналось бы с этой буквы. Интерпретация, что речь могла бы идти о педагоге из консультации, имя которой начинается с «А», оказывается безрезультатной. И тогда приемная мать мне сообщает то, чего мы не знали: ребенка звали в момент усыновления Арман. Это мне позволяет сказать ребенку, что, возможно, «А» в его рисунках означает Арман и что он, вероятно, очень страдал от перемены имени при усыновлении. О нем его очень рано информировали. Но эта интерпретация не дала никакого результата.

И тогда — и это свидетельство важности образа тела аналитика, поскольку то, что последовало, не было даже осмыслено мной, — после некоторого периода молчаливого ожидания, когда ребенок был занят рисованием или лепкой, а я — размышлением, мне пришлось в голову позвать его, не обращаясь к нему непосредственно, не глядя на него, т. е. не обращаясь к его персоне, представленной его телом в моем присутствии, но более громким голосом, разным тоном и интенсивностью. Я поворачивала голову в разные стороны, к потолку, смотрела под стол, как будто я звала кого-то в пространстве, не зная, где он: «Арман!.. Арман!.. Арман!..». Присутствующие на консультации в приюте Труссо увидели, как ребенок слушает, поворачиваясь ухом во все стороны комнаты. Не глядя на меня, так же как и я не глядела на него. Я изображала мимически поиск некоего Армана, и наступил момент, когда глаза ребенка встретились с моим взглядом, и я ему сказала: «Арман — это твое имя до того, как тебя усыновили». И я увидела в глазах ребенка исключительную интенсивность. Субъект Арман, переименованный, смог связать свой образ тела с образом тела Фредерика, тем же самым субъектом, названным так в 11 месяцев. Произошел совершенно бессознательный процесс: он имел

потребность услышать это имя, но сказанное не нормальным голосом, принадлежащим мне, кого он знал, который обращался к нему в его теле сегодняшнем в пространстве теперешней реальности, но голосом, не отмеченным определенным местом, голосом головы, голосом off¹, как сейчас говорят, зовущим его без непосредственного обращения к нему.

¹[Голосом off (англ.) — голосом извне.]

Это был голос, похожий на голоса неизвестных нянь, которые он слышал, когда о нем говорили или когда его звали в то время, когда он был в приюте для брошенных детей. Это было обретение в переносе на меня, психоаналитика, его архаичной идентичности, потерянной в возрасте 11 месяцев, что позволило ему преодолеть в течение последовавших двух недель испытываемые им трудности в обучении чтению и письму.

Эта устойчивость восприятия самых архаичных звуков, чему имя — типичный пример, показывает, что *образ тела есть структурный след эмоциональной истории человеческого существа. Это бессознательное место (где оно находится?), откуда идет вся система выражения субъекта, место излучения и приема речевых межчеловеческих переживаний.* Он извлекает то, что есть длительного в соединении внимания и стиля любви, направленных на ребенка. Само собой, вследствие этого, он зависит от аффективных отношений с матерью и членами семьи. Это есть структура, вытекающая из интуитивного процесса организации фантазмов, предгенитальных аффективных и эротических отношений. Под фантазмом мы понимаем запечатлевание — обонятельное, аудитивное, вкусовое, визуальное, тактильное, чувствительное к давлению, кинестезическое — слабых или сильных субтильных перцепций, воспринимаемых как язык желаний субъектов, отношений с другим, перцепций, которые сопровождали субстанциальные напряжения вариаций, пережитых телом, и в частности среди последних ощущения умиротворения и напряжения, вытекающие из витальных потребностей.

ТРИ ДИНАМИЧЕСКИХ АСПЕКТА ОДНОГО И ТОГО ЖЕ ОБРАЗА ТЕЛА

Поскольку образ тела не является естественной анатомической данностью, какой является схема тела, и который вырабатывается, в отличие от нее, в истории жизни субъекта, *следует изучить, как он конструируется и изменяется в ходе развития ребенка*. Для этого мы приходим к необходимости различать три разновидности одного и того же образа тела: *базовый образ, функциональный*

образ и эрогенный образ — все вместе они составляют живой образ тела и обеспечивают его функционирование и нарциссизм субъекта на каждой стадии его эволюции. Они связаны между собой в каждый момент; их взаимосвязь поддерживается тем, что мы называем *динамическим образом (или скорее субстратом)*, обозначая так субъективную метафору влечений к жизни¹; они, имея своим истоком биологическое существо, континуально напряжены желанием субъекта коммуницировать с другим субъектом с помощью сенсорно означенного частичного объекта.

¹*Активных или пассивных.*

Базовый образ

Первая составляющая образа тела — это базовый образ. Это то, что позволяет ребенку чувствовать себя в «самобытии», т. е. в нарциссической континуальности или в пространственно-временной континуальности, которая живет и наполняется содержанием с рождения, несмотря на жизненные перемены и вынужденные перемещения тела и вопреки испытаниям, которым оно подвергается. Именно так я *определяю нарциссизм: как «самобытие», известное и признанное, продвигающееся-становящееся для каждого в духе своего пола*.

Из этого самобытия в сильной или достаточно постоянной степени происходит понятие существования. Чувство существования человеческого существа, которое крепит тело к своему нарциссизму, чувство очевидное, происходит из безусловно иллюзорной идеи континуальности. Также для этого, в противоположность самобытию, существуют ослабления нарциссизма. К ним относятся открытость к разного рода абберрациям для равновесия человека. Сюда же относятся

сбои, функциональные перебои, которые можно интерпретировать как настоящие «провалы» или дефекты нарциссизма, способные спровоцировать посредством влечений к смерти, локализованных в тех или иных частях тела, поражения органов, в частности инфаркт или язвы, возникающие в момент эмоциональных шоков.

Но если нарциссизм есть континуальность, он, тем не менее, есть история, он, тем не менее, способен на изменения, что заставляет различать ряд моментов. И поскольку я сейчас говорю о базовом образе, я должна добавить, что в фундаментальном плане он «относится к», «является составляющей частью» того, что я называю *примордиальным нарциссизмом* и понимаю под ним нарциссизм субъекта как *субъекта желания жить, которое предшествует его зачатию*. Это то, что делает живым призыв жить в этике, поддерживающей субъекта, который готов желать. И в этом ребенок является символическим наследником желания зачавших его родителей. *Эта этика, этика плода*, взаимосвязана с наслаждением увеличивать каждодневно свою телесную массу, это *вампирическая этика прибавления*, этика «собирать вместе», «брать». Раз речь идет о плацентарной крови, эта этика эквивалентна, в последствии, в фантазматическом воспоминании вампирическому периоду¹.

Первичный нарциссизм составляет в определенном смысле прожитую интуицию существа-в-мире для индивида рода, т. е. лишенного какого бы то ни было средства выражения, каковым является состояние ребенка *тйего*. Именно означающее дает смысл социальной идентичности, символический смысл. Здесь располагаются, как мы подчеркивали, значимость и *важность личного имени*, которое в момент перехода от плода к грудному младенцу получает субъект от инстанций-попечителей, оно связано с телом, видимым для другого, и удостоверяет ему в реальности его экзистенциальное постоянство; *доказательство, когда он узнает себя, узнает в звуках этого слова, господства влечений к жизни над влечениями к смерти*. **азовый образ не может быть поражен, не может быть искажен без того, чтобы тут же не возникло представление или фантазм, угрожающие самой жизни. Этот фантазм, однако, не является продуктом**

¹**Вампирическому — так называемого другого, плод которого был бы паразитом. Однако плацента является своей и вырабатывается самой оплодотворенной яйцеклеткой, так же как и амниотические оболочки. Языковые выражения, такие как «взять с собой», чтобы выйти из состояния слабости, или «вернуться в себя», чтобы**

обрести умиротворение соединения, являются бессознательными референциями этого периода.

влечений к смерти, поскольку они представляют собой витальную инерцию и, вообще говоря, не имеют представлений. Когда базовый образ под угрозой, появляется состояние фобии, специфическое средство защиты против опасности, ощущаемой как преследование. При этом фантазм-представление о преследовании связан с эrogenной зоной, превалирующей в данный момент для субъекта. И тот реагирует на опасность, которой оказался подвергнут базовый образ, фантазмом висцерального, пупочного, респираторного, орального или анального преследования — лопнуть или взорваться, в соответствии с травматичным моментом, который был первым пережит в его истории.

Это подводит к мысли, что каждая стадия изменяет представления ребенка о своем базовом образе; иначе говоря, *есть базовый образ, присущий каждой стадии*. После рождения появляется *прежде всего дыхательно-обонятельно-аудитивный базовый образ* (полость и грудная клетка); это первый базовый образ во внеутробной жизни. Вслед за ним формируется *оральный базовый образ*, который включает не только первый дыхательно-обонятельно-аудитивный образ, но и всю зону рта, глотки и гортани, которая к полости и грудной клетке присоединяет образ живота, представление наполненности и пустоты желудка (который испытывает голод или насыщение), и который может быть в резонансе с ощущениями голода и переполнения желудка плода во внутриутробной жизни.

Третий базовый образ — анальный базовый образ — добавляет к двум первым функционирование удержания или удаления из нижней части пищеварительного тракта и добавляет также массивное окружение, составляющее таз с тактильным представлением ягодич и периней.

Мы еще вернемся к тому, что является настоящей межотношенческой архитектурой, но она таковой является, если мать-кормилица говорит с ребенком во время ухода: архитектура, центрированная на эrogenных зонах удовольствия (в частности, отверстия тела, но не только), которые всегда взаимосвязаны с функциональным местом, где ожидается восприятие, призываемое иногда криками, ожидание, удовлетворенное или получившее отказ матери-кормилицы.

На уровне базового образа и первичного нарциссизма лучше всего можно ухватить конфликт, противопоставляющий влечения к

жизни и к смерти¹. Влечения к смерти могут оставаться долгое время преобладающими у грудного ребенка, когда мать (или окружение)

относится к малышу как пакету, объекту ухода, не разговаривая с его личностью.

Я хотела бы проиллюстрировать вышесказанное примером.

¹Воспользуюсь моментом, чтобы указать на ошибку, которую совершают, путая влечения к смерти с агрессивными влечениями, активными или пассивными. Никакое агрессивное влечение, активное или пассивное, не может фигурировать среди влечений к смерти. Поскольку активные и пассивные влечения, каким бы ни был образ тела, где они были пережиты, всегда находятся на службе либидо и, стало быть, желания субъекта жить в отношении с внешним миром, имеющим целью удовлетворение до полного осуществления сексуальных влечений данной стадии. В течение всего существования влечения к смерти оспаривают это у влечений к жизни, это в какой-то степени напоминает чередования дня и ночи, они одерживают победу во время естественного сна, где каждый попадает в царство влечений к смерти, благодаря чему тело, как бы анонимное, отдыхает от требований желания субъекта.

Случай беспокойного Жилья

Жиль, мальчик 8 лет, был приведен на консультацию по поводу энуреза. Главным симптомом была его крайняя неуравновешенность, невозможность оставаться на одном и том же месте. И в семье и в школе это было трудно вынести. Ребенок не плохой. У него нет друзей, но нет и врагов. Замечания, наказания так и сыпались на него.

Находясь на консультации, он не переставал смотреть во все углы комнаты. Глаза, полные беспокойства, едва задерживались, пока он рисовал, но как только он начинал двигаться, снова начинал осматриваться вокруг себя. Лечение значительно улучшило его состояние, прекратился энурез — и я стала договариваться с ним о прекращении психотерапии. И во время приема, который по нашей договоренности должен быть последним, он мне сказал: «Сейчас я могу сказать, где опасность». — «Потому что ты уходишь?» — «Да».

И тогда он мне объяснил при помощи рисунков, что острые и тупые углы, углы стен и мебели представлялись в его фантазмах как бросающие стрелы. Стрелы располагались в биссектрисах углов, и

проблема была в том, что, если он находился в месте встречи трех стрел, в месте их пересечения, он рисковал тем, что они его пронзят, и

он сразу же умрет. До лечения опасность была повсюду. Теперь же только в письменном столе аналитика.

Позже мы смогли понять, поскольку он решил вместе со мной продолжить лечение в течение нескольких сеансов, что эта навязчивая идея смертоносных углов была связана с означающим «английский». Этому парижскому мальчику было три года во время эвакуации в 1940 г. Тогда — и это было первым реальным испытанием для его схемы тела — он попал в автомобильную аварию вместе с семьей в машине, которую вел его отец, направляясь со всеми своими на юг. Некоторое время спустя на берегу моря он чуть было не утонул, выскользнув из рук отца, который его учил плавать (его реанимировали благодаря искусственному дыханию). Психоанализ вернул ребенка к событиям, давно всеми забытыми, но их точность была подтверждена родителями, удивленными его памятью. С момента этих событий Жиль не выносил расставаний с матерью, он был ее «хвостиком», постоянно рядом. Он был рядом с ней, вцепившись в нее, в телефонной кабине, когда она говорила со своим братом. Разговор носил драматичный характер. Брат сказал, что после призыва 18 июня он уезжает в Англию присоединиться к де Голлю в Лондоне. Для матери это было ощущение, полное тревоги, она была очень привязана к своему брату, а для него это был большой риск. Она к тому же боялась, что сын, который мог услышать разговор, повторит его содержание, а работа отца требовала его возвращения вместе с семьей в оккупированную зону. И, на самом деле, с тех пор то, что было невысказано, и озабоченность родителей сосредоточивались для ребенка вокруг слов «английский», «Англия»¹: смертельная опасность, если немцы, занимавшие в доме две комнаты, об этом узнают. А ребенок их часто встречал.

Итак, во время приема, который был по нашей договоренности последним, все эти элементы, неизвестные для меня и совершенно забытые родителями, выплыли из небытия.

¹ [*«Англия» по-французски Angleterre. Это слово Ф. Дольто разбивает на два слова angl — угол и /taire — молчать, /taire как омофон слова (terre — земля. — Прим. перев.)*]

И проявилось, что базовый образ тела этого мальчика, подверженного фобиям и тревогам, был когда-то эротизирован, вплоть до обоняния под юбками своей матери ее запаха тревоги, когда она говорила со своим родственником, которого обожала, и что он ощущал сильное переживание матери из-за этого расставания. Однако мать по выходе

из телефонной кабины сочла лучшим ничего не сообщить о том, что было сказано в разговоре с ее братом, думая, что трехлетний ребенок ничего не понял.

С этого времени слова «английский» и «Англия» стали для него означающими больших переживаний и опасности как для тела, так и для «сказать для того, чтобы молчать». Знаком опасности в то время, когда по причине двух последовательных происшествий с отцом (автомобильная авария и угроза утонуть) Я-Идеальное регрессировало к матери, в то время единственному образу взрослого — защитника и покровителя, — и к вторичной потере воздержания сфинктера. Этот напряженный период его жизни в момент формирования эдиповой структуры в ситуации, когда жизнь двух мужчин его матери — отца и дяди по материнской линии — была в опасности, оказался инкапсулирован в виде угрозы, исходящей от биссектрис углов, вооруженных векторными стрелами (образ анальной и уретральной сексуальной зоны), фантазматические преследователи для базового образа тела ребенка. Его тело в своей пространственной массе, вследствие двигательной нестабильности (анальный функциональный образ тела), старался обуздать фобию, вызванную сексуальными влечениями. Уретроанальная эрогенная зона была представлена в пространстве англичанами и предполагаемыми как принадлежащие им стрелами, вместо того, чтобы быть на месте сначала ануса, затем пениса, управляющего удержанием струи мочи и эрекциями, ставшими запретными из-за того, что угнездиться в матери было его единственным убежищем, по меньшей мере, в воображении (почти галлюцинаторные фантазмы жить внутри земли и спать там в стране, названной им «Лифия»).

Функциональный образ

Вторая составляющая образа тела, вслед за базовым образом, — это функциональный образ.

В то время как базовый образ является статичным, функциональный образ — это стенический образ субъекта, имеющего целью осуществление своего желания. Происходящее посредством запроса, локализуемого в схеме тела в эрогенном месте, где дает о себе знать специфическая нехватка, есть то, что вызывает желание. И, благодаря функциональному образу, влечения к жизни могут,

объективировавшись в желании, стремиться проявить себя, чтобы получить удовольствие, объективироваться в отношении к миру и к другому.

Так, анальный функциональный образ тела ребенка есть прежде всего образ экспульсивной эмиссии, по своему происхождению он связан с потребностью дефекации, испытываемой и ощущаемой пассивно, и который может или нет получить речевой смысл с матерью; затем вторично он принимает форму образа, выражающего приятное стеническое удаление частичного объекта, необязательно материального свойства и который может быть при помощи перемещения перенесен на субтильный частичный объект собственно тела. Например, удаление ради удовольствия воздушного столба из легких, изменяя форму открытия и издания звуков, что позволяет сублимацию анальности в произносимых словах и в модуляции поющего голоса. Мы должны понять, что выработка функционального образа реализует — по отношению только к самому задействованию эрогенных зон — обогащение возможностей общения с другим. Кисть руки, к примеру, которая прежде всего оральная — хватательная — эрогенная зона, затем анальная отбрасывающая, впоследствии интегрируется в плечевой функциональный образ, дающий ребенку скелетно-мышечную свободу, благодаря чему он достигает целей, обслуживает удовлетворение своих потребностей и выражение желаний посредством игр. И наоборот, когда функциональный образ отринут полностью или частично, например, при вмешательстве физически репрессивного или вербально кастрирующего характера, препятствующего действиям ребенка («Не трогай!»), он может выбрать в качестве выхода функционирование уходом в себя, чтобы эрогенная зона не входила в контакт с запретным объектом, опасным для него, равно как и его желание не вступало в конфликт с желанием взрослого попечителя.

Достаточно обратиться к случаю девочки с фобией касаться, которая смогла обрести использование хватания благодаря моим словам: «*Возьми ртом своей кисти руки!*» Таким образом я «обманула» тактильный образ: ребенок взял объект, ухватил его и моментально поднес ко рту при помощи руки, которая вместо того, чтобы остаться согнутой и прижатой к телу, смогла распрямиться и позволить кисти руки взять. Этого она не умела делать на протяжении нескольких месяцев, как будто она не знала, что у нее есть кисти рук. Я ей вернула возможность орально-анального функционального образа и орального интереса к анальным вещам, предоставляемые телом

ребенка в возрасте после полутора лет. Однако, этому ребенку было около трех с половиной лет. Она была по словам тех, кто ее знал, шаловливой и общительной до двух с половиной лет, и ей выпало прожить серию психических травм, лишивших ее реальности.

Эрогенный образ

Третья составляющая образа тела — эрогенный образ.

Чтобы только представить его, я скажу, что он соединяется с функциональным образом тела того места, где фокусируется эротическое удовольствие или неудовольствие в его отношении с другим. Его репрезентация имеет референтом круги, овалы, вогнутости, шары, щупальца, линии и дыры, воображаемые наделенными интенциями активного эмиссивного или пассивного рецептивного характера, приносящими удовольствие или неудовольствие.

Важным представляется описать, как эти три составляющие участвуют в обмене, трансформируются и реструктурируются с учетом испытаний, которым подвергается субъект, и встречаемых им ограничений, в частности, в виде символических кастраций¹, которые на него налагаются; описать, следовательно, как превратности его истории позволяют в лучшем случае его базовому образу гарантировать нарциссическую целостность. Для этого необходимо: 1) чтобы функциональный образ тела позволял адаптированное

¹См. следующую главу, С. 70.

использование схемы тела; 2) чтобы эрогенный образ открывал субъекту путь разделенного удовольствия, гуманизируя в символической ценности, что может быть выражено не только мимикой и действием, но словами, сказанными другим, запечатленными в данной ситуации ребенком, который будет ими пользоваться, как это нужно, когда заговорит.

Как мы выше указали, *образ тела есть живой синтез в постоянном становлении этих трех образов: базового, функционального и эрогенного, связанных между собой влечениями к жизни, и они актуализируются для субъекта в том, что я называю динамическим образом.*

Динамический образ

Динамический образ соответствует «желанию быть» и быть таким в дальнейшем. Это желание, будучи первоначально отмечено нехваткой, всегда открыто неизвестному. *У динамического образа не существует, стало быть, своей собственной репрезентации, он есть напряжение интенции.* Его репрезентацией могло бы быть слово «желание», спрягаемое как активный глагол, участвующее и присутствующее для субъекта как воплощающее глагол «продвигаться» в смысле продвигающегося-желающего, прикрепленного к каждому из трех образов в актуальной или потенциальной коммуникации с двумя другими. *Динамический образ выражает в каждом из нас Сущестующее, призывающее Наступающее: субъект вправе желать, мне бы хотелось сказать: субъект «в состоянии обладать желанием»¹.*

Если бы мы захотели расшифровать структуру репрезентации динамического образа, это была бы виртуальная форма *пунктира, исходящего от субъекта*, через посредничество эрогенной зоны его тела, *который пойдет к объекту*; но это представление очень приблизительное. Динамический образ корреспондирует с интенсивностью ожидания достижения объекта. И он появляется косвенно в рисунках с баллистикой, которую дети представляют в виде ружей и

¹[Здесь используется неологизм Ф. Дольто «en desirance».]

пушек, показывая, что из этого ружья или пушки вылетают маленькие точки, чтобы достичь объекта мишени. Это маршрут желания, наделенного смыслом, «которое идет к» цели.

Он появляется также в виде другой виртуальной формы, и это происходит очень рано в развитии ребенка (девять-десять месяцев): когда детей интересует картинка, они рисуют *маленькое завихрение* (называемое ими позже улитка) на всех частях интересного для них графического изображения, затем переворачивают страницу и ищут другое. Это и есть *образ субъекта, чувствующего себя динамически, т. е. чувствующего себя в состоянии желания.* Эти графические следы отмечают его ритм.

Хотя он и обнаруживает себя в той или другой графической форме, тем не менее это факт, что динамический образ как таковой не имеет репрезентации и вследствие этого недоступен любому событию кастрации. Он может быть отнят у субъекта состоянием фобии, и тогда

объект фобии перекроет путь динамическому образу в следовании желанию, ставя его под угрозу в праве на бытие.

Можно говорить об оральном динамическом образе, который по отношению к потребности имеет центростремительный характер, а по отношению к желанию — центробежный и центростремительный характер. Можно говорить об анальном динамическом образе, который по отношению к потребности центробежен, а по отношению к желанию носит центробежный или центростремительный характер (в последнем случае это касается содомии, осуществленной над другим или претерпленной от другого у гомосексуалистов).

Генитальный динамический образ — у женщины это центростремительный образ относительно пенисного частичного объекта. Для мужчины это центробежный динамический образ. В родах есть экспульсивный центробежный динамический образ по отношению к ребенку — субъекту, а значит, тотальному объекту, хотя как рождающееся тело плод есть частичный объект для генитальных путей роженицы, женщины, а вскоре матери по отношению к субъекту, матери, принимающей или отталкивающей его такого, какой он есть при рождении.

Уточним, что мы хотим сказать по поводу орально-анального динамического образа. Этот целостный образ пищеварительного тела должен быть обязанным соответствовать схеме тела, образу всегда центростремительному в направлении перемещения перистальтики, идущей ото рта к анусу. В случае инверсий перистальтизма — при рвоте — это означает, что оральный (не анальный) образ инвертирован, т. е. он принял анальный характер, который вызывает отталкивание внедренного частичного объекта. Он инвертирован в его отношении с другим, лицом присутствующим в воображении или реальности или по отношению к объекту, ощущаемому как опасный в желудке¹.

Такой пример хорошо раскрывает жизнеспособность динамического образа, который, будучи связанным с желанием, может вызвать обратное движение частичного объекта потребности. Добавим к этому случай регрессивного нарушения генитального динамического образа. Речь идет о подростке, который, чувствуя себя импотентом, неспособным к отношениям с девушками, стал навязчивым мастурбатором. Вместо желания объекта у него субститут этого желания в регрессии к функциональному образу тела (рука, мастурбирующая пенис), что становится для него достаточным, чтобы представить в

фантазме желаемый объект, не имеющий ничего общего с реальным существующим лицом. И он попадает в своего рода аутизм, относящийся к генитальному отношению, который в реальности его все более и более тормозит и создает фобию по отношению к встречам, которые бы могли вывести его из изоляции. Динамический образ — это всегда образ желания в поисках нового объекта. В этом он находится в совершенном противоречии с аутоэротизмом, который проявляется, чтобы быть паллиативом для отсутствующего адекватного реального объекта желания.

Это проявляется на другом уровне, когда ребенок принимается сосать большой палец. Это происходит в три месяца с ребенком, с которым «не разговаривают» после кормления. Напротив, если с ним говорят после того, как он пососал, прикладывая предметы к его пальчикам и называя все предметы, которые он тащит в рот, если мать, тотальный объект, называет ему все тактильные, ротовые, визуальные ощущения от предметов, которые он трогает и берет, потом бросает, ребенок испытывает настоящее удовольствие, которое он разделяет с матерью и затем, устав, засыпает.

¹*«Он мне вытошнил все, что высосал». «Он мне выташнивает все, что я ему даю» (слова матерей). «Спектакль тошнотворный».*

После нескольких кормлений он больше не сосет палец. Большой палец был тактильным субститутотом соска, частичным репрезентантом матери, тотального объекта, кому ребенок хотел сообщить желание, которое он имел к ней. Мать исчезала слишком быстро как объект желания после удовлетворения потребности и в отсутствие соска ребенок в силу достаточного развития схемы тела, которое ему позволяло отныне подносить руку ко рту и в силу больших динамических возможностей его либидинозных влечений в поисках встречи с другим, через кого он чувствует, что существует, приходит к чему-то, имеет и делает, утоляет их таким самообманом и оральной мастурбацией: сосание пальца. Место нехватки и ее выражения при помощи крика не имеет места быть, и ребенок не тревожит больше мать своим зовом и постепенно доходит до того состояния, что более не ожидает присутствия другого. Всякий раз, как он испытывает либидинозный толчок в отсутствие объекта, он удовлетворяется переносом, справедливо называемым аутоэротическим на частичный объект, на свой кулак, большой палец как замену груди, соска; часть

его тела становится иллюзорным средством замены другого. Таким образом он входит в состояние навязчивого желания, где оно использует образ тела, функционирует, чтобы функционировать. Происходит повторение того же самого телесного ощущения, всегда сопровождаемого различными фантазмами, но при этом отсутствуют отношенческие контакты между субъектами через сенсорное отношение различных частичных объектов в реальности. И еще менее присутствуют новые эмоциональные отношения, межотношенческие и речевые, открываемые с каждым новым днем.

2. ОБРАЗЫ ТЕЛА И ИХ СУДЬБА: КАСТРАЦИИ

Эволюция образов тела

Об эволюции образов тела можно сказать, что трудности, встречаемые на этом пути, всегда происходят по одному и тому же сценарию. *Желание, действуя в динамическом образе, стремится осуществиться благодаря функциональному и эрогенному образам, где оно фокусируется* для достижения удовольствия через схватывание своего объекта. Но желание встречает в своем поиске препятствия в этом осуществлении: это недостаточное желание субъекта, отсутствие объекта или запрет на объект.

Следует, однако, сказать, что именно присутствие/отсутствие объекта удовлетворения желания, если желание имеет место быть, делает ту или иную зону эрогенной.

Действительно, желание всегда выходит за рамки потребности. Области субтильных перцепций полости, слуха, зрения, позже ануса, влагалища, пениса становятся эрогенными зонами вследствие, с одной стороны, их контакта с частичным объектом успокоения в отношениях с матерью (позже с сексуальным партнером), с другой стороны, отсутствия, опосредованного языком, в случае, когда не присутствует

частичный объект. Отсюда первостепенная, выдающаяся важность матери — тотального объекта *и* субъекта, выражающегося на языке жестов, мимики, визуальном и вербальном во взаимодействии с ребенком (в то время как он вырабатывает свои образы — базовый, функциональный и эрогенный). И мать, благодаря речи, разговаривая с ребенком о том, чтобы он хотел, но она ему не дает, опосредует ему отсутствие объекта или неудовлетворение просьбы о частичном удовольствии и тем самым придает ценность

самим фактом, что она об этом говорит, а значит, признает как имеющее ценность желание, отринутое — и она выражает сочувствие в данной ситуации — в своем удовлетворении. Эрогенная зона не может быть введена в язык речи до того, как будет обеспечено полное лишение специфического объекта, через который она была введена в эротическую коммуникацию. И это возможно лишь, если один и тот же тотальный объект озвучит слова, специфицирующие эту эрогенную зону: «Грудь матери теперь тебе запрещена», «Нет, нет, конец грудному кормлению». Эти слова позволяют вернуть рту и языку их значение желания. Это происходит потому, что эротический частичный объект был назван тотальным объектом (матерью), который лишил ребенка желаемой им груди, но голод и жажда ребенка были утолены другим способом, и он в них более не испытывает «потребности».

В этом состоит роль речи: в силу своей символической функции она приводит к мутации уровня желания — от частичного эротического удовлетворения к отношению любви, являющейся коммуникацией от субъекта к субъекту, или скорее от пред-субъекта (грудной ребенок) к субъекту, каким является мать, тотальный объект для малыша, для которого она соотносится с миром и с ним самим.

Это означает, что в нормально протекающем процессе субъективного вырабатывания образов тела происходит речевой обмен, что и обеспечивает символизацию объектов испытанного наслаждения.

Из этого следует, что в предречевых вербальных переходных фонах имеется нечто паранормальное. Поскольку переходный частичный объект, каким бы он ни был, субстанциальным или субтильным, есть одновременно долговечная вещь и туманный язык отношений «ребенок—мать» или «ребенок—отец»: материализованный

язык, фантом невыразимых слов, бессознательно сопрягаемых с сенсорным багажом, который как будто отвечает за существующего в пассивном состоянии, могущего привести пассивно к бытию субъекта.

Переходный объект слов, которые для ребенка не складываются в вокабуляр, — это, возможно, лексика, закодированная, предназначенная для представления субъектной целостности, которая интуитивно входит в отношение с объектом-телом, потенциально

эрогенным, и в еще фузионное функциональное отношение с «матерью» (взрослым, от которого зависит выживание ребенка).

У детей, которые слышали достаточно слов любви и имели достаточно двигательной игровой свободы, нет нужды в переходных объектах. Каким бы ни было их желание быть в безопасности, они обладают достаточной двигательной изобретательностью, связанной с матерью, и имели достаточно слов любви от нее — таким образом она достаточно присутствует, — чтобы они могли обновлять свой запас слов в звуковой форме, возможно, как сонорные переходные объекты, прежде чем те будут привязаны к ситуациям и действиям и станут настоящими словами, которые они будут хранить в период одиночества и сна.

Переходный объект — это объект, который зацепляет детей за тактильные образы базовой, функциональной и эрогенной зон, оральной и обонятельной, за анальные функциональные манипуляторные образы того периода, когда дети еще не были самостоятельны в ходьбе и были «перемещаемы» взрослыми. На переходные объекты они переносят отношение взрослых, испытанное ими, когда они себя ощущали частичными объектами этих взрослых.

Переходные объекты им необходимы, если есть опасность, угрожающая отделить их от материнского места безопасности, и они теряют свой анальный функциональный образ, а значит, двигательность и хождение, т. е. когда их кладут в кровать (иногда, когда они оказываются в другом месте).

И тогда им становится необходим т. н. переходный объект, один из нескольких, который представляет отношение, припоминаемое ими о них самих, когда они были маленькими, со взрослым, создающим полную безопасность, взрослым, который играет роль потенциального всемогущества по отношению к этой вещи, каковой является переходный объект, фетиш безопасности. Фетиш — для субъекта —

его коммуникации с другим, создающим для него безопасность в пространстве в течение времени, необходимого для наступления глубокого сна, где желание общаться исчезает, на смену влечениям желания приходят влечения к смерти.

Скажем в самом общем виде, что, если мать помогает своему ребенку, страх его гуманизируется субтильными перцепциями и речью.

Этот создающий безопасность обмен с матерью, с его матерью, является для него доказательством длительного отношения с человеком поверх поражения функционального образа или угрозы нарушения базового образа или же помимо ощущения нарушений в обменах на службе субстанциальных потребностей, когда в пертурбации ребенок себя чувствует «больным». И благодаря этому долговечному объекту он вновь обретает свой образ тела — обонятельный, тактильный и т. п., оральный и анальный: обретение знания о нем самом первостепенно нарциссическое, что является основой его здоровья. Воображаемый «сообщающийся сосуд» с его матерью, родительницей и кормилицей, восстановлен, и он ассоциируется с остаточными фантазмами первичного симбиоза: найденное Я—моя Мама—мир.

Образ тела ребенка, восстановленный таким способом в своей целостности, сохраняет от пережитого страдания символизированный опыт влечений к жизни субъекта, сосуществующего со своим телом. Им удалось превалировать над влечениями к смерти (сон, болезнь). Ребенок, получая помощь от матери, чувствуя себя избранным объектом в обретенных им ее руках после испытания, получает прививку против страха. И при следующем испытании он почувствует себя более вооруженным, чем малыш, не потревоженный до сих пор никаким инцидентом. Медицина занимается органическими расстройствами ребенка и позволяет оценить материальные и гигиенические условия хорошего физиологического функционирования, имеющего значение для любого человеческого индивида (воспитание, педиатрия). Благодаря психоанализу мы обнаружили, что в основе психосоциального прогноза будущего данного ребенка, рожденного от данных родителей, избежавшего физических опасностей, лежат обмены, субтильная поддержка нарциссизма, необходимого для обретения аффективного здоровья. Как мы видим, нарциссизм, который в начале жизни вроде бы связан с эйфорией хорошего здоровья, на самом деле с самого рождения встречается с субтильным речевым отношением, творящим человеческий смысл,

имеющим начало в матери и поддерживаемым ею, — отношением, которое не может быть в начале жизни надолго прервано без опасности для ребенка.

Случай Аньес

Это можно показать на примере новорожденной, когда ее мать после пяти дней грудного кормления была госпитализирована по поводу тяжелой родильной горячки, потребовавшей гинекологического вмешательства. И в последующие дни ребенок наотрез отказался принимать что бы то ни было из рук оставшегося одним отца и тети, присутствовавшей дома с самого ее рождения: ни водичку из ложечки, ни бутылку с соской. Она совсем отказалась от еды. По совету моего знакомого педиатра, безоружного в данной ситуации, отец позвонил мне. Должна сказать, что событие происходило во время войны в провинции и, вследствие этого, привезти ребенка не было никакой возможности. Я лишь ответила обеспокоенному отцу: «Езжайте в больницу, привезите оттуда рубашку, которую носит ваша жена, но так, чтобы она сохранила весь ее запах. Вы обернете ею шею ребенка и дадите соску». Содержимое соски было высосано в то же мгновение!

Работа с понятием образа тела как раз и помогла мне придумать такой ход и подсказать, что делать. Чего не хватало грудному малышу в отсутствие матери, чтобы уметь глотать? Она не болела, но теряла вес — была голодна. После трех-четырёх дней вскармливания она вдруг лишилась обонятельного образа матери, и ей этого не хватало. Первоначальный нарциссизм субъекта (позволяющий телу жить) укоренен в первых повторяющихся отношениях, которые одновременно сопровождают дыхание, удовлетворение потребностей в питании и удовлетворение частичных желаний — обонятельных, слуховых, визуальных, тактильных, иллюстрирующих, если можно сказать, коммуникацию от психизма к психизму субъекта-малыша с субъектом - матерью.

На фоне недифференцированности телесных зон этого реального места, каким является тело ребенка, некоторые телесные функционирования избираются повтором испытываемых ощущений, и эти места служат центром первичного нарциссизма. В этих местах своего тела ребенок распознает изо дня в день от напряжения-лишения до разрядки-удовлетворения посредством голода-жажды, за которыми

следует насыщение, самобытие, прочувствованное как обретение быть и функционировать. Но одновременно с этим субстанциональным функционированием — субстанциальным поступлением и забираем в телесных эрогенных зонах с кардиореспираторной, оральной и висцеро-уро-анальной доминантой — имеет место слушание, обоняние, тактильность и видение, которые сопровождают в пространстве и во времени ощущения удовлетворения ребенка в этих эрогенных зонах и развивают его нарциссизм. В случае разлуки ребенка и его кормилицы желание оказывается фрустрированным, но ребенок отдает в этом отчет только в тот момент, когда проявляется потребность, привязанная к желанию, и она удовлетворяется кем-то, и при этом желание не может распознать слух, зрение, обоняние человека, который раньше сопровождал удовлетворение этих потребностей. Место, где напряжение желания и напряжение потребности сопрягаются, стало местом обещанного, ожидаемого, удовлетворенного или нет ощущения наслаждения. И это место, где ощущается нехватка, место не только субстанциального (для поддержания жизни тела, т. е. потребности), но также и субтильного поиска (поиск отношения от сердца к сердцу, другого я-сам в любви, т. е. желания), — это место в теле есть эрогенная зона. Но в пространстве место, где во времени повторяется встреча, отвечающая потребностям и желаниям, становится пространством безопасности для ребенка. Например, ребенок слышит дальше, чем видит. Его слуховое пространство безопасности больше, чем визуальное пространство безопасности. И его пространство тактильной безопасности еще более сужено, чем визуальное пространство безопасности. В совокупности они образуют место безопасности — это пространство, в котором связь с матерью потенциально обнаруживаема. Понятно, что грудь и сосок, соединенные в материнском запахе с сосущим ртом малыша и его слизистой, и одновременно расположение малыша в ложбине руки у бока своей кормилицы — все это образует *паттерн* желания, смешанного в одновременном осуществлении потребности и желания с удовольствием быть и удовлетворением жить и любить. При каждом расставании наступает сон, а при голоде ребенка происходит встреча, вследствие чего он продолжает ощущать как эрогенное место и совокупность мест, которые связывают его с матерью. Частичные влечения желания продолжают фокусироваться во рту и полости рта

малыша в ожидании этих встреч. Всякий раз, когда грудной ребенок испытывает напряжение, независимо от причины, желания или

потребности, он ищет, как достичь цели — нирваны материнского присутствия и безопасности, находящейся в ее лоне. Лишение, длящееся некоторое время, когда ребенок в напряжении, пробуждает все возможности для замены, на которые он способен, и они ассоциируются с субстанциональной сенсорикой частичного объекта — груди ради встречи с другим, которого он фантазирует с любой пороговой сенсорикой от прошлых встреч. И, возможно, это и есть обещание другого. Аналогично звук материнского голоса издали есть обещание встречи, которую он ждет с напряжением к наслаждению, что влияет на развитие слухового распознавания этого голоса.

Следовательно, можно сказать, что при телесном дистанцировании грудного малыша от его матери-кормилицы, когда та вышла из его визуального поля, субтильные ощущения ее запаха и ее голоса продолжают быть для ребенка в окружающем его пространстве местом, где он подстерегает возвращение матери, т. е. местом его нарциссизирующей связи с ней и продолжением этого живого ощущения безопасности, испытываемого им с ней. Так же обстоит дело и с испражнениями в подгузники, которые приносят вместе с запахом экскрементов тактильность контактов с матерью при его туалете. Экскременты в его попе служат для него обещанием, что она скоро вернется. Отсюда смысл недержания кала, случающегося в более позднем возрасте: это в случае страха бессознательный способ, каким уже большой ребенок пытается найти материнское пространство безопасности. Новые пути установления отношений с людьми малыша, субтильные пути через время, дистанцию, а не субстанциональные пути от тела к телу должны быть сохранены для того, чтобы субъект не получал слишком много ударов для своего нарциссизма, т. е. для того, чтобы обеспечить безопасность его самобытия, знакомого и признаваемого им как находящегося в связи с первым другим известным тотальным объектом — его матерью-кормилицей. Благодаря чему он признает себя человеком и любит себя живущим. Дело в том, что в малом возрасте для организации образа тела необходимо обеспечить континуум повторяющихся и узнаваемых ощущений с чередованием последовательно присутствующих и отсутствующих ощущений, куда бы поступали новые и незнакомые ощущения, которые ребенок

открывает для себя, и они ему задают вопросы. Среди них есть те, что он узнает, и те, которым он удивляется. Перед лицом тех, что

его удивляют, — неизвестные цвет, форма, ощущение, человек, пространство, — необходимо, чтобы взрослый свидетель дал ему посредством звуков ответ на его удивление. Именно так происходит расширение поля вариации субтильных ощущений, принимаемых, проживаемых в безопасности. Необычные поначалу перцепции, но ассоциированные с присутствием матери, которая ведет себя как обычно и называет вещи, разговаривает, затем имеющиеся в опыте ощущения, связанные с ее отсутствием, за которым следует ее возвращение, позволяют ребенку запечатлеть в памяти эти связи. Интегрируясь с сенсорной сферой ребенка, связи обеспечивают его единство с матерью. Когда ее нет, все, что его окружает, то, что она очеловечила своим присутствием, своими словами, движениями, действиями, перемещениями, свидетельствует для него посредством размышлений — в пространстве — о том, что есть для ребенка его экзистенциальная безопасность в его бытии, фантазмах, его действиях через доверие к скорому возвращению той, которую он любит и которая его любит.

В силу этого ребенок целостен в своей предличности в состоянии структуриации, месте данной связи, связи прерванной и обретенной. Первичная личность и он сам обретают себя немного другими, но она его всегда узнает, даже если на это уходит какое-то время, а затем эта связь обнаруживается. Это то, что меня побуждает говорить об объектах «мамаизированных», т. е. о предметах, благодаря которым через ассоциации фантазмов возникает создающее безопасное пространство присутствия в его памяти матери. К ним относятся используемые предметы привычного пространственного окружения ребенка, игрушки, которые она ему называет, домашние животные и в особенности окружающие его люди, с которыми мать общается на языке и которые в силу этого специфицируются для ребенка как другие человеческие существа этого первого избранного другого, каковым является мать. Ребенок благодаря этой интроецированной связи, символу его фундаментального нарциссизма, оказывается тогда в любой момент целостным в своем теле, «соединенным».

Его образ тела, объединенный континуальным символическим отношением, осуществляет ощущения. Если бы это отношение не

существовало или недостаток в нем ощущался слишком долго, воспринимавшее им разбивало бы эту целостность. Фантазматическое расчленение себя или окружающего мира происходит от образа (как метафоры) пищевого или испражняющегося функционирования (челюсть и анус), которые схема тела обуславливает; это обуславливание лежит в основе различия потребности и желания, оно было общей референцией отношения общения с матерью, общения от психизма к психизму, контаминированное перцепциями субстанциального общения орального частичного объекта и частичного объекта испражнения — удовольствия от нежности, сопровождающие телесные контакты во время ухода, связанного с потребностью, перепеленыванием, питанием и туалетом. Чем более длительно проживается отношение с матерью в субтильных отношениях звуковых, визуальных, слуховых, мимических, жизнерадостных и игровых, помимо моментов, связанных с уходом за телом ребенка, тем меньше устанавливается фантазмов расчленения и тем менее они делятся.

Из того факта, что нарциссизм обеспечивает континуальность бытия человеческого индивида, не следует, что нарциссизм не может быть реорганизован в зависимости от испытаний, выпавших на долю желания ребенка. Эти испытания, которые мы называем *кастрациями*, выводят нас на символизацию, и в то же время они способствуют складыванию образа тела в истории его последовательных перестроек.

Если исходить из идеи (которую мы в дальнейшем уточним), что кастрация есть радикальный запрет, противопоставленный удовлетворению, искомому и известному из предыдущего опыта, из этого следует, что образ тела структурируется благодаря болезненным переживаниям, связанным с эротическим желанием, на которое накладывается запрет после того, как приобретен в определенной степени длительный опыт наслаждения и удовольствия при его удовлетворении. Этот путь однажды раз и навсегда перерезается в момент возможности еще большего осуществления удовольствия, получаемого от прямого и немедленного удовлетворения, воспринимаемого в телесном контакте с матерью и в умиротворении субстанциальной потребности. Результат этой операции разрыва — возможность для ребенка собрать то, что можно назвать «плодами кастрации».

Для объяснения того, что мы понимаем под этим, дадим сначала в первом приближении последовательность кастраций и затем вернемся к их детальному рассмотрению.

«Плод» кастраций. Их гуманизирующие эффекты

Плодом *оральной кастрации* (отлучение от «тело к телу» кормилицы) является возможность для ребенка иметь доступ к речи, понятной не только матери. Это позволит ему более не быть зависимым исключительно от нее.

Результат *анальной кастрации* (разрыв связи от «тело к телу» в отношениях «опекающая мать—ребенок») — это лишение ребенка удовольствия, разделяемого с матерью, от манипуляторных действий. Хотя он и не испытывает потребности во взрослом для умывания, одевания, еды, подтирания, передвижения, его желание страдает от того, что он лишен вольностей в телесных контактах удовольствия, разделяемых со взрослым. Благодаря вербальному языку — плоду отлучения от груди, если кастрация была пережита, — развитие схемы тела позволило приобщиться к мимическому и жестовому языку, к физической ловкости, акробатической сноровке и умению действовать руками. Анальная кастрация, которую предоставила мать ребенку, ее речевое и технологическое обеспечение, отсутствие страха создает для ребенка больше безопасности. Под опекой он чувствует себя в безопасности и готов взять свою жизнь в свои руки, приобретать опыт, усвоить автономность в выражении, в движении относительно своих потребностей и каких-то желаний.

Многие дети переживают это отдаление матери как невыносимое испытание (а какое это испытание для некоторых матерей). Однако в такой же степени как прекращение грудного вскармливания — запрет на сосание от «слизистой к слизистой», от совместности ребенок-рот — мать-пища, короче говоря, запрет на удовольствие каннибалического присвоения — физическое разлучение, запрет на телесное удовольствие ребенка от телесного удовольствия матери, что и является анальной кастрацией, есть условие гуманизации и социализации ребенка с двух до двух лет и четырех месяцев.

Полное лишение физической помощи матери является также началом автономности для ребенка по отношению к предшествующей опеке, где он находился в зависимости от желаний только матери, занимавшей превалирующее положение по отношению ко всем другим. Это решение, рассматриваемое как переход ребенка на но-

вый уровень развития и подготовленную матерью через предоставление ребенку возможности овладеть всеми техническими приемами для ухода за телом, осторожностью в свободе движения, через постепенную инициацию, через правдивые ответы на все его вопросы, — такое решение, как мы утверждаем, открывает ребенку поле общения со всеми детьми его возраста и с любым человеком в речевом поле, в игровых или утилитарных манипуляциях, разделяемых близким семейным и социальным окружением, где он чувствует себя выдвинутым на роль помощника.

Плодом анальной кастрации, кладущей конец его паразитарной зависимости от матери, является также открытие живого отношения с отцом, другими женщинами, предпочитаемыми им товарищами; это вхождение в способ и сферу действия мальчика и девочки в обществе, умение обуздывать свои действия, отличать сказанное от сделанного, возможное от невозможного, не уступать удовольствию сделать то, что может повредить себе или тем, кого любишь.

Благодаря приобретенной через анальную кастрацию автономности, автономности ребенка по отношению к матери, но особенно матери по отношению к нему, ребенок — девочка и мальчик — чувствует себя человеком и может, как говорят, «встать на место другого», особенно ребенка или животного, или слабого по отношению к сильным, и тем самым развить основы человеческой этики: «Не делать другому того, чтобы я не хотел, чтобы сделали мне» с также, увы, столь частым импульсивным детским следствием из этого — мстью.

Именно во власти речи находится то, что не подлежит «дрессу-ре»: само это слово должно быть изгнано из лексикона, относящегося к человеческому существу; там должно быть обучение, которое с первых часов его «вращения» есть воспитание.

У ребенка нет другого пути, как имитировать то, что он воспринимает, и затем идентифицировать себя с окружающими его людьми. Эти люди, служащие для него образцами, от которых он зависит для выживания, облечены для него правом ограничить его агрессивность или пассивность на пользу принадлежности к семейной или социальной группе: культурная, утилитарная, игровая цель, достижению которой он способствует с подобными ему или отличающимися от него. Говоря со своим окружением о своих наблюдениях, желаниях, он получает ответы, согласия, отказы, суждения. И в этих речевых обменах с отцом, матерью, членами семьи ребенок неоднократно слышит

запреты. И так символическая кастрация подтверждается в той или иной форме одним из тех, кому ребенок доверяет в силу его принадлежности к группе. Принимая запреты, он приобретает значение живого элемента группы.

И в этот момент ничто не способно заменить для него посещения внесемейного мира, что не означает быть оторванным от своей группы и в особенности от матери, которая есть гарантия его живой континуальности. Особенно в случае единственного ребенка, для которого только посещение других детей позволит войти здоровым образом в эдипов период через знакомство с ребенком своего пола — мужского или женского, в зависимости от сравнения, которое он сможет сделать, наблюдая других детей обоего пола. У него тогда появится потребность в точных ответах относительно своих наблюдений как о сексуальных, так и расовых и социальных различиях, наблюдаемых им в действиях и поведении встреченных им мальчиков, девочек, мужчин и женщин.

В своем развитии он идентифицирует себя со старшими представителями своего пола, и опыт показывает, что если те, с которыми он общается, как и взрослые, прошли кастрацию архаичных влечений, он развивается нормально к Эдипу в соответствии с присущей его культуре в данный момент моралью. И, напротив, он немедленно демонстрирует признаки страха перед взрослыми и старшими по возрасту детьми, если архаичные влечения не получили необходимой кастрации и недостаточно сублимированы. В силу этого их влечет к детям, поскольку они не порвали со своим детством. Удовольствия, которые они ожидают от встречи с детьми и которые те, не догадываясь, им позволяют получить или обменяться с ними, не только не приносят какого-либо воспитания детям в смысле инициации в сублимации влечений в направлении взрослой креативности, но «соблазняют» детей в смысле повторяющегося блокирования нарциссического удовольствия, не приводящего к закону блага как в отношении индивида, так и социальной группы, к которой он относится. Многие детские неврозы происходят от того, что дети не были вовремя проинформированы об ограничениях по отношению к ним прав всех взрослых, включая их родителей, членов семьи, воспитателей и в целом общества.

По-другому все происходит для ребенка, если он может говорить с доверием и получать информацию о том, что имело место нарушение его прав и кто из взрослых несет вину по отношению к нему. Само по себе это утверждение является достаточным, чтобы вернуть ребенку естественный порядок человеческой этики, т. е. той, которая не пре-

кращается сама по себе в поиске возобновления известных удовольствий. Человеческая этика — это постоянный поиск преодоления. Вот почему после анальной кастрации ребенок, открытый посещению общества помимо своей семьи, подтвержденный в принадлежности к своему полу, соперничая со старшими по возрасту, добивается прав и удовольствий взрослого, родителя (или воспитателя) своего пола, матери или отца, относительно своего предпочитаемого объекта — друго родителя (любимого воспитывающим).

Дело в том, чтобы запрет на инцест был высказан (если ребенок воспитывается не родителями, то запрет на сексуальные отношения взрослых и детей), но также — в особенности — высказана реальная невозможность для ребенка достичь успеха, прибегая к ужимкам для соблазнения по отношению к родителю противоположного пола, в том числе и по отношению к родителю-сопернику того же пола; это приводит к тому, что ребенок проходит *эдипову кастрацию*. Плодом этой кастрации является его адаптация к любым социальным ситуациям. Кроме того, оральные, анальные, уретральные влечения, прошедшие кастрацию в момент прекращения грудного вскармливания, затем в момент автономности тела подвергаются метафоризации в манипуляциях с такими сублимными объектами, как слова, синтаксис, правила всех игр (что не означает, что ребенок соглашается на проигрыш или он не пытается мошенничать). Наконец, репрезентативные признаки звукового языка — письмо, чтение — знаки, которые представлены в числах, являются сублимациями, т. е. плодами всех предыдущих кастраций, и приобретают свой смысл от ориентации мальчика и девочки в будущей генитальной жизни, ожидаемой как обещание и подготавливаемой удовольствием приобретать знания и умения, приемы, проявления любопытства и удовольствия. В конце эдипова периода ребенок живет не только, чтобы нравиться папе или маме, но и самому себе, товарищам, приятелям, друзьям.

После Эдипа

Это период латентности, в который ребенок входит, располагая всеми обещаниями на будущее, ориентированными на то время, когда в пубертатном возрасте наступит половая зрелость. Кастрация, имеющая наибольшие шансы на успех (в символизации кастрированных влечений, вытекающей из нее), — та, что вовремя дается, ни слишком рано, ни слишком поздно ребенку взрослым или старшим по возрасту,

которого он уважает и который, в свою очередь, любит ребенка и уважает его не только в его персоне, но и относится к нему таким образом, что через него ребенок чувствует уважительное отношение к своим родителям.

Считаем правильным, чтобы ребенку каждая кастрация была дана вовремя, целомудренным способом человеком, запреты которого вызывают доверие уже в силу того, что поведение наложившего запреты мужчины или женщины соответствовало его словам.

Плоды принятия слов кастрации, сначала всегда горестных для восприятия, проявляются в отказе — после переживания — от запрещенных действий, посредством которых ребенок хотел получить еще более сильное удовольствие, чем то, которое он уже вкушал, будь это еще в воображении, в проектах. В реальности это проживается как траур по мечтам об удовольствиях, признаваемых нереализуемыми для него, ребенка, который любит взрослого-запретителя и желает идентифицироваться с ним. Это отказ от каннибалических, перверсивных, смертельных, вандалистских и других влечений.

Если резюмировать то, что я называю «плодами кастрации», в двух-трех фразах, следует сказать, что это участь, уготованная влечениям, которые не могут быть удовлетворены напрямую от тела к телу или при посредстве инцестуозных эротических объектов. На эти влечения наложен запрет — ив этом факт реальности, выводящей на новый уровень развития, — той моделью, которая произнесла слова запрета из уважения к процессу гуманизации ребенка. Конкурируя со способом, каким другие, ценимые в обществе, используют влечения, они входят по истечении более или менее длительного периода молчания, вытеснения в то, что именуется процессами сублимации, т. е. в культуру. Для собственно тела это непринужденность, грация, ловкость, спортивность и полная автономность; для ментальности это речевая коммуникация и понимание жизненных вещей. В том, что касается пола, независимо от интереса к удовольствию сексуальных эrogenных зон и чувственно-сексуальных аттракции, гордость, испытываемая ребенком в три года за свое имя, свой пол, свою принадлежность к главной семейной группе, за удовольствие быть с детьми своего возраста, есть знак, что оральная и анальная кастрации успешно преодолены.

Сублимации генитальных влечений, которые будут осуществлены после эдиповой кастрации самое позднее между шестью и девятью годами, развиваются во время фазы латентности с восьми-девяти до

двенадцати-тринадцати лет относительно внесемейных объектов в социальных отношениях в соответствии с Законом и в усилии ребенка развивать себя к пубертату, открывающему дверь в подростковый возраст. Он, в свою очередь, перерабатывает все конфликты неуспешных кастраций субъекта и его архаичных моделей у старших по возрасту и родных. Затем после подросткового периода, когда все кастрации подверглись пересмотру и были приняты, — это цена за раскрытие чувственного и творческого потенциала, при отсутствии патогенных декомпенсаций подростки становятся ответственными за свое символическое слово, за свою личность, действия, в полной мере они несут бремя своей любовной и социальной жизни, становятся взрослыми, равными своим родителям, которые входят или нет в период старения иногда с ясной головой, но также иногда немощными, что требует помощи.

Эта своего рода панорама последовательных гуманизирующих кастраций, несомненно, позволяет лучше понять, что речь идет о «символогенных» кастрациях. Именно на это капитальное понятие будет обращено все наше внимание.

ПОНЯТИЕ СИМВОЛОГЕННОЙ КАСТРАЦИИ

О слове «символогенный»

Мне кажется важным добавить прилагательное «символогенный» к слову «кастрация». Оно придает ему тот смысл, что имеет в психоанализе. Действительно, слово «кастрация» означает во французском языке удаление половых желез, т. е. физическое покушение, которое делает необратимо бесплодным кастрированного индивида. Однако в психоанализе под словом «кастрация» понимается процесс, происходящий с человеческим существом, когда другое человеческое существо дает ему знать, что осуществление его желания в той форме, какой бы он хотел ему дать, запрещено Законом. Это значение передается через язык, будь он жестовым, мимическим или вербальным.

Получение этого запрета к действию, которого он страстно добивался, вызывает у субъекта — адресата запрета эффект шока, усиление желания перед лицом препятствия, иногда возмущение, в

силу чувства угрозы аннуляции своего желания перед полной бесполезностью преследовать объект желания.

На втором плане он испытывает торможение с депрессивным эффектом. Это работа по вытеснению влечений, вовлеченных в процесс: вытесняющее напряжение, которое, преодолевая отказ от объекта желания и условий удовлетворения желания, достигает значимости самого желания и может вызвать окончательное отсечение (психического порядка) от источников влечения. Следует тогда говорить о травматической информации, об *истерическом отсечении*, а не о кастрации в психоаналитическом смысле. Неясность, испытываемая субъектом между предстоящим испытанием и воображаемым риском отсечения, относительно своего тела и эрогенной зоны, затронутой запретом, побуждает нас сохранить за этим комплексом название *комплекса кастрации*.

Для иллюстрации можно сравнить индивида с растением, которое в очень молодом возрасте выпускает свой первый цветок, думая, что это единственный, который он когда-либо будет иметь. И в этот момент садовник его срезает. Мы знаем, что цветок — это половой орган растения. Если бы растение могло думать, оно бы решило, что ему отсекали его репродуктивную судьбу. На самом деле, садовник срезал этот первый цветок, потому что он знает, что благодаря этому сила корней увеличит рост растения и что, напротив, оставив эту уже расцветшую ветку, он обедняет витальность растения. Воспитание людьми человеческого существа, ребенка в ходе развития, соответствует тому, что делает садовник, специалист в этом деле, который даст цветку, если предположить, что он начнет мыслить,

испытать никчемность славы, связанной с первоцветом, представлявшимся ему обещанием его единственного шанса на плодовитость. Как и для цветка, кастрация — это то, что еще будет у человека. Если условия эмоционального отношения между данным ребенком и данным взрослым обогащены взаимным доверием, появляется гуманизирующий смысл через пример и через слова. Ребенок, подражая взрослому, представляющему для него законченный образ его будущей личности, принимает от него то, что тот ему навязывает, потому что он желает, дабы приобрести большую ценность, иметь доступ к примеру, даваемому тем, кто вызывает у него доверие, тем, кто управляет его становлением и кто к тому же имеет в силу Закона на него права. Вербализация запрета, налагаемого на данную цель его желания, *при условии, что он хорошо знает, что и взрослый так же,*

как и он, отмечен этим запретом, помогает ребенку вынести испытание. И доверие остается у субъекта в своем праве вообразить цель того желания, которое запретил взрослый. Таким образом, через запрет желающий субъект приобщен к силе своего желания, которое есть ценность, в то же время он приобщен таким образом к Закону, и Закон дает ему другие пути идентификации других людей, отмеченных — и они тоже — Законом.

Все это вызывает процесс, который можно назвать мутацией для субъекта и усилением для желания. Закон, о котором идет речь, это не только репрессивный Закон. Речь идет о Законе, который, даже если на какое-то время он покажется репрессивным для действия, является на деле Законом развития субъекта для его деятельности в сообществе людей. Это никогда не может быть Законом такого-то взрослого, который его изрекает в свою пользу против ребенка. Это Закон, которому подчиняется взрослый так же, как и ребенок.

Вытесненные таким образом влечения подвергаются динамической переструктуризации, и желание, которому его первоначальная цель была запрещена, стремится к осуществлению новыми средствами — сублимациями: средства, требующие для удовлетворения желания процесс выработки, для которого не нужен первоначально желаемый объект. И этот последний процесс как раз и носит название символизации, являющийся следствием понимаемой в психоаналитическом смысле кастрации.

Это вовсе не говорит о том, что кастрация равна сублимации. *Кастрация может привести к сублимации, но она может также вывести на перверсию, на оттеснение с выходом на невроз.*

Перверсия — это символизация, но такая символизация, которая не соответствует Закону для всех: закону прогрессии, которая от кастрации к кастрации ведет того, кто его осваивает, к гуманизации в смысле как креативности, так и этики. В этом процессе может иметь место сбивание с пути влечений к удовлетворению, не вводящему прогрессии субъекта к допущению Закона. Так происходит, когда кастрация ведет индивида к отрицанию витальных процессов, как это видно в мазохизме¹.

Представим девочку, которая отвечает на агрессию со стороны своего маленького товарища, высвобождая агрессивные импульсы криком. Если мать вмешивается, чтобы нейтрализовать это оральное выражение агрессивных импульсов дочери, и насмехается над ней, как если бы она, ее мать, принимала сторону мальчика, девочка, для которой мать является образцом, может испытать эту агрессию как то,

что мать реально желает для нее. То есть испытать удовольствие от физического страдания, которое, как она предполагает, одобряется ее завершенным образом, представленным во взрослом.

Именно так Сверх-Я становится перверсивным, мазохистским, ипохондрическим (когда это интроецировано) или мазохистским в отношении к другим, или саморазрушающим (повторяющиеся несчастные случаи), или лишенным гуморальной защиты перед патогенными агрессиями. Кастрация понимается иногда — в соответствии со взрослым, от кого она исходит, ребенком, получающим ее, в особенности от родительской пары как жизненного примера, получаемого в данный момент, и обещания будущего — как запрет на любое желание, целью которого является удовольствие, и как отрицание верной интуиции, которую имеет ребенок касательно того, чтобы пользоваться своим физическим, аффективным и ментальным развитием. В этом есть символенный перверсивный эффект кастраций. Часто совершенно бессознательный со стороны родителей или воспитателей, которые его вызывают. *Кастрация, индуцирующая желание находить удовлетворение в страдании вместо того, чтобы удовлетвориться в удовольствии, является перверсией*

¹См. случай Леона, гл. 3, С. 271.

. Это также тот случай, когда имеет место гомосексуализирующий эффект запрета, касающийся инцестуозного осуществления генитального желания. Запрет на женщину-объект субъекту-мальчику, т. е. его матери (или сестер), может быть высказан и услышан как запрет на любую женщину, где любая женщина понимается как собственность отца. Поведение и высказывания отца запрещают тогда любую попытку привлечь внимание какой-либо женщины семейной и социальной среды своего окружения. Тогда кастрация, которую отец навязывает желанию мальчика, приводит его к тому, чтобы направить фаллические центробежные влечения, которые у него проявятся, на поиск мужчины, а не женщины.

Скажем еще раз, что *кастрация не является в точности синонимом сублимации. Если сублимация произошла, это на самом деле потому, что имела место кастрация*, она поддержала символизацию влечений в речевом смысле в поиске новых объектов способом, соответствующим законам окружения, ограниченного семьей и социальной группой. Это произошло также потому, что субъект нашел большее удовольствие в игре и осуществлении своих

влечений, избегая сектора реализации удовольствия, на который наложен запрет. Тот факт, что имела место данная и полученная кастрация, не обеспечивает еще, что процесс приведет к «евгенной»¹ символизации, источнику новых символизации, исключаяющей символизацию, которая заблокируется, т. е. «патогенную». Патогенная символизация вызывает перверсное направление в осуществлении желания. Субъект тогда обманывается насчет удовольствия, которое он для себя открыл, например, в объекте фиксации, приносящем интенсивное и повторяющееся удовольствие, в котором нарциссизм попадает в ловушку, поскольку в своем поиске желание остановилось на теле, частичном или тотальном месте наслаждения, но объекте для смерти?"}

Все мое исследование, касающееся нарушений раннего возраста человека, направлено на декодирование условий, необходимых для того, чтобы кастрации, данные ребенку в течение его развития, открыли бы ему доступ к сублимациям и символическому порядку человеческого Закона.

¹[Евгенная — касающаяся происхождения.]

Именно символический порядок продвигает данный человеческий образец, рожденный от мужчины и женщины, наделенный мужским или женским телом, к тому, чтобы стать ответственным субъектом данного этноса и в то же время свидетелем своей культуры и развивать эту культуру в данное время и в данном месте. В течение всей эволюции человека символическая функция, кастрация и образ тела тесно связаны. Символическая функция, которой наделен любой человек с рождения, позволяет новорожденному в качестве субъекта желания, носящего имя, быть отличным от анонимного представителя человеческого рода (каковым он, однако, становится в глубоком сне в момент, когда субъект желания не находится в связи ни с одним объектом в реальной действительности).

Именно благодаря кастрации субтильная коммуникация для тел на расстоянии становится креативной от субъекта к субъекту посредством коммуникации через актуальный образ тела и речь во время каждой эволюционной стадии либидо.

Кастрация порождает новый способ существования перед лицом желания, удовлетворить которое становится невозможным тем способом, каким оно удовлетворялось до сих пор. Кастрации — в

психоаналитическом смысле — это испытания символического разбиения. Они есть ^сказанное или сделанное, у Них есть означающее, ~> они носят необратимый характер и имеют силу закона. Все это в реальности оказывает свой эффект и всегда тяжело принимается в тот момент, когда данная кастрация дается. Но они необходимы как для индивидуации ребенка по отношению к матери, затем отцу и близким, так и для речевого развития.

Отлучение от груди, например, отделяет ребенка от матери как материальной пищи, осуществляя отделение рта ребенка от молочной груди. Но отлучение от груди как первая оральная кастрация нацелено лишь на одно условие удовлетворения желания как частичного. Тактильность, запах, телесный контакт при вскармливании из бутылочки или при кормлении из ложки или питье из стакана остаются, и мать по-прежнему является тотальным объектом отношения, которое ребенок имеет с ней. По правде говоря, материнская грудь в момент, когда ребенок ее сосет в последний раз, грудь как частичный

объект его желания (в то же время как и посредник его потребности), составляющая часть его матери, воспринимается ребенком как принадлежащая ему.. И, следовательно, он оказывается отделенным от части его самого, что, конечно, иллюзорно, но этот опыт ему надо приобрести, пройдя через испытание. И этот опыт имеет символический характер, в зависимости от способа, каким мать делает отлучение от груди, что выводит на новый уровень в их речевом отношении, отношении нежности и взаимопонимания.

Итак, «короткий круг» желания от слизистой к слизистой, от рта к соску трансформируется на фоне напряжения, страдания, неудобства или нехватки в длинный круг коммуникации от психизма к психизму, коммуникации более обширной в пространстве и во времени и более сублимной, нежели повторяющаяся коммуникация «тело к телу» потребностей, ассоциированных с желанием. Можно сказать, что отлученный от груди и сосания ребенок (сообщающийся сосуд, фантазматическая антропофагия) еще больше эрогенизирует сублимное, если получает от матери. Эрогенизация сублимного, обоняния, слуха, зрения уже является более речевым символическим, чем эрогенизация субстанционального, поглощенного молока, удовольствия от сосания; поскольку субстанциональное связано с повторяющейся потребностью в условиях, где нет удивления для удовольствия. В сублимном слышимое пересечение голоса матери с голосами других людей вводит ребенка в новые отношения, в то время

как в отношении «рот—грудь» никто другой не появляется. Благодаря расставаниям, имеющим символогенный эффект такого типа, какими являются последовательные кастрации, эрогенные зоны, связанные с тактильностью до прекращения контакта от тела к телу, могут стать местами желания и удовольствия как полученного, так и данного другому, и знаком альянса.

Даваемое удовольствие ощущается с этого момента как открытие, изобретение, творение, совершаемое обоими для сопряжения — посредством тела — психизмов матери и грудного ребенка. Наслаждение становится символическим плодом встречи, одновременно воображаемой и реальной, во времени и в пространстве; оно ассоциируется с телом ребенка в частичных ощущениях, но также и со всем телом в его целостности, благодаря сублильному и экспрессивному присутствию матери: присутствию, модальности восприятия которого сохраняются в памяти и не стираются, как это происходит для субстанциального.

Речь идет о модификации символического порядка, с каждым днем новой, присутствия матери, а вовсе не об исчезновении объекта-матери. О совершенствовании знания, которое ребенок имеет о ней и о себе, испытывая удовольствие вспоминать о ней, ждать и обрести ее, похожую и удивительную, в каком-то смысле другую. Зато, если объект исчезает навсегда, кастрация не является более ни валоризацией¹ желания, ни носителем знакомой жизни, ни открытостью в призыве к межчеловеческой коммуникации. По прошествии ожидания происходит истощение желания и остановка динамики желания, расчленение образа тела, который уже развился в отношении грудного младенца и матери; из этого следует невозможность символизации исчезнувшей связи и, стало быть, сублимации в сублильных речевых отношениях, которые могли бы услышать другие люди. В силу чего эти внезапно разорванные отношения с единственной персоной, через которую ребенок знает, что существует, возвращаются в тело ребенка, ставшего обезличенным по отношению к своему желанию. Ребенок регрессирует как «кто-то до своего рождения», не имея более опор, которые он имел до рождения.

Это аутизм.

И, напротив, посредством символогенной кастрации мать, отлучившая ребенка от груди и удостоверившаяся, услышав его крики, о его несчастье жить и принять это испытание, ищет способы его утешить. Тем более что часто она сама страдает от этого изменения

отношения к своему собственному телу и к своему ребенку. Она иницирует ребенка к тому, чтобы чувствовать себя более близким ей и более приятным образом, чем это было до лишения, в человеческом обмене с ней. Она его приобщает к тому, чтобы найти в речевой коммуникации с ней внимание других — отца, братьев и сестер, утешителей и собеседников, которые могут ее заменить, — союзников матери. И они открывают малышу социальный мир. Когда ребенок улыбается, протягивает ручки, и кто-то другой здесь говорит: «Какой он милый, ваш малыш, как он улыбается», этот человек вводит его в общество другого, помимо матери.

¹[*Валоризация — доел.: придание ценности.*]

И от одного к другому, от человека к человеку, которые признают его как коммуниканта, он входит в коммуникацию с обществом. И именно таким образом отлучение от груди, эта оральная кастрация становится символической.

Страх восьмого месяца

Вот почему, например, то, что называют «страх восьмого месяца», который наблюдался и был описан некоторыми психоаналитиками, не является ни фатальным, ни необходимым переходом, но имеет место часто от того, что ребенка недостаточно носили и перемещали в сторону того, что его привлекало, к тому, что он хотел бы потрогать (потому что его желание двигательности в его воображении является более ранним, чем реальная возможность его схемы тела). Страх восьмого месяца обусловлен тем, что взрослый не называет в пространстве предметов, которые ребенок видит и к которым, когда он их видит, желает иметь доступ телом или троганием, хватанием. Это чувство беспомощности, которое происходит из-за недостатка медиатизации матерью; не хватает социализации, в которой ребенок нуждался в этот момент. И тогда он скучает, что-то ослабевает от неосуществленности, что-то не понято из его речи.

Воспользуемся этим, чтобы заметить: для того, чтобы кастрации могли обрести свою символическую ценность, необходимо, чтобы схема тела ребенка была в состоянии их пережить. Рождение,

отлучение от груди, разлучение с бицефальной опекунской инстанцией — мужской и женской, которую образуют оба родителя, и т. п. должны совершаться с уважением к изначальной, самой тонкой целостности, которая специфична для нарциссического континуума образа тела субъекта.

Ребенок, возраст внутриутробного развития которого не достиг семи месяцев, не способен без особого ухода на самостоятельное рождение и на символизацию при помощи дыхательных обменов пупочной кастрации. Ребенок, не прошедший достаточно времени с телом матери, не способен перенести отлучение от груди без регресса к самым ранним стадиям первых дней своей жизни. Существует наиболее подходящий момент для внесения каждой кастрации.

Подходящий момент — это тот, когда влечения — те, что в ходу, — уже привнесли определенное развитие для схемы тела, благодаря чему ребенок способен осуществлять свои удовольствия иначе, чем в удовлетворении тотально «тело к телу», и оно более не абсолютно необходимо для данного представителя человеческого вида, представленного организмом-телом для его выживания в качестве существа потребности. А именно с этим организмом, который делает из ребенка существо потребности, ассоциируется субъект желания.

Субъект, который вне всякого сомнения присутствует с момента оплодотворения, манифестируется лишь через желания. Эти желания не могут сразу же отделиться от их совместности с потребностями. Лишь речевая деятельность в широком смысле слова и в самом точном смысле речь служит опосредованию этих эволюции, каковыми являются преодоленные кастрации.

Например, ребенок, начавший ходить и перемещающийся у себя дома, рядом с отцом, матерью, может в другом доме, если он знает человека, продолжать развивать свою двигательную способность и радость жизни: благодаря этому человеку, который становится посредником между предыдущим пространством и новым, он находится с родителями в своем воображении, в особенности, если этот человек говорит о них. Но если его неожиданно перенесли в другое место, и это сделал тот, кто не знает его родителей, не говорит ему о том, что с ним происходит и почему, кто не возвращает к предыдущим воспоминаниям, ребенок переживает психическую травму. Он перестает ходить и начинает привыкать к новой опекунской среде — кормилице, лишь регрессируя, теряя свои завоевания, и устанавливает с новой средой архаичное отношение. Разлука, ка-

страция желания, которое было вовлечено в любовь к людям предыдущей среды, не была символической, разлука была травматичной, произошла регрессия, и символизация наступит позже. Но в данный момент это травма¹.

Есть еще одно условие, необходимое для того, чтобы обеспечить символическое измерение процесса кастрации. Оно проистекает из качеств взрослого, поставленного в положение того, кто должен дать кастрацию.

¹Речь идет о расчленяющей кастрации динамического образа тела, т. е. несимволической.

Ребенок принимает ограничение и отсрочивание в удовлетворении своих желаний и даже решительный запрет на их удовлетворение, если человек, накладывающий запрет, — тот, которого он любит, к власти и знанию которого он вправе иметь доступ. Этот кто-то, этот взрослый может предоставить ребенку доступ к символизации его влечений лишь, если в тот момент, когда он дает ему кастрацию, испытывает сам уважение и целомудренную любовь к ребенку, которому он предлагает временные ограничения или окончательные запреты по отношению к тому частичному наслаждению, что искал ребенок. Нужно еще, чтобы этот взрослый был для ребенка примером успеха как человека и обещания, что эти самые влечения могут быть удовлетворены получением гораздо большего удовольствия по образу того, кто с ним говорит и им управляет. Тогда этот человек является моделью, которой ребенок может следовать, слушать, если он хочет одновременно развиваться, быть на пути доступа к символическому фаллосу и иметь уверенность, что его желание оценено, что удовольствие достижимо и хорошо воспринимается взрослым. Он еще не знает, как следует найти дорогу к этому, но поскольку его гид ее уже нашел, почему бы ему самому, слушая его, оказывая ему доверие (но не покорность), не суметь ее найти?

Именно так испытанная кастрация ведет индивида к еще большему доверию к самому себе и к все более дифференцированной коммуникации с другим, и это благодаря как все возрастающей ловкости в использовании словаря и речи вообще, так и ловкости рук, которая позволяет ребенку изобретательную деятельность; его умения, способность к обменам с другими, могут быть оценены другими и позволят, шаг за шагом, избавиться от зависимости по отношению к

семейным опекунам-взрослым. Прогрессировать от кастрации к кастрации — это способ расстаться с инфантильностью и поведением беспомощности, переход к поведению пред-гражданина в состоянии обретения доступа ко всем своим правам: при условии, что эти права оплачиваются им принятием законов, управляющих людьми, усвоенных от людей, которых ребенок любит, т. е. родителей, воспитателей, а также своих товарищей по возрасту и своих старших товарищей. Это чувство продвижения позволяет ему оставить позади себя наслаждения малышоваго детства, чтобы иметь доступ к большему наслаждению, наслаждению старшего его по возрасту.

У детей есть это естественное желание взрослеть как проект, заключенный в их растущем организме. Надежда не остаться маленьким поддерживает их смелость перед лицом многих неудач, обусловленных в реальности их беспомощностью по сравнению с творческими инициативами. Увы, многие взрослые этого не понимают и упрекают или скорее пренебрежительно выражают ребенку свое недовольство, обесценивая его значение как субъекта, что является для него оскорбительным. Легко понять, что растущий ребенок иногда ощущает опасность возврата к возрасту до кастрации, поскольку вместе с этим он потеряет достижения, приобретенные благодаря ей. Еще до того, как он будет абсолютно уверенным в достижении новых культурных модальностей, для ребенка опасно смотреть назад и идентифицироваться с собой тогдашним.

Это то, чему соответствуют фобии малышей, которые, будучи помещены в новое пространство, прячутся в юбку матери, вначале с более или менее обеспокоенным выражением лица, но которые могут впоследствии давать более серьезную реакцию, вплоть до потери речи, в силу как раз того, что именно речь использует оральные влечения цивилизованным способом, в то время как фобия проецирует эти влечения на идею опасности в пространстве, имеющей форму челюсти с зубами, назначение которой поглотить все или часть тела того, кто ищет наслаждение.

Когда, напротив, ребенок достиг уровня анальной кастрации, т. е. уже способен при помощи схемы тела использовать двигательные влечения, совершенно сублимированные в легкости тела, непринужденности, во всех модуляциях его влечений уже культурным способом, в этот момент он не боится быть идентифицирован с собой маленьким. Это, впрочем, возраст, когда дети не боятся играть с маленькими, смеяться над их забавностью и уже совсем не ревнуют к проявлениям нежности к малышам со стороны тех, кого они любят.

Напротив, когда анальная кастрация была плохо прожита, либо потому, что она была плохо дана взрослым, либо потому что давший кастрацию словесно не является моделью для подражания для субъекта (если этот взрослый сам в беспокойстве от своих желаний), никогда тот, кого он воспитывает, не сможет сублимировать в достаточной степени свои анальные влечения, т. е. говорить о них, фантазировать «для смеха» по их поводу. Взрослый-опекун смешивает воображаемое и реальное; он не является терпимым, снисходительным, все разрешающим по отношению к своим собственным фантазмам по поводу оральных и анальных влечений, которые должны остаться бессознательными, вытесненными. Грустно констатировать, как много взрослых не способны дать символическую кастрацию архаичных стадий, поскольку они сами сожалеют, что более не находятся в детском возрасте, или сожалеют о том, что ребенок растет и испытывает желания автономии по отношению к ним. Они мешают ребенку подняться на уровень, который бы позволил ему преодолеть архаичную этическую стадию, где ему необходимо было побыть какое-то время и из которой он выйдет почти спонтанно по достижении возраста, если рядом будут счастливые родители — я хочу сказать, родители, проживающие свое генитальное либидо по-другому, чем на либидинозном уровне потребления и работы (оральная и анальная сублимации). В семейной динамике агентом воспитания в гораздо большей степени служит бессознательное, удачное или нет, чем выученное педагогическое знание. (Вне семейной динамики западня инцеста более не представлена прямо.) Теперь, когда я эксплицировала то, что понимаю под символической кастрацией, перейду к более детальному рассмотрению, как она актуализируется на исторических этапах жизни ребенка.

ПУПОЧНАЯ КАСТРАЦИЯ

То, что рождение может быть фактически первой кастрацией в том смысле, какой мы придаем этому термину, может удивить. Однако именно это я и собираюсь сейчас показать.

Рождение, несомненно, есть прежде всего — по всей очевидности — факт природы. Но символическая роль этого для новорожденного неизгладима и отмечает его приход в мир первыми эмоциональными модальностями в его качестве человеческого существа,

мужского или женского пола, принимаемого в соответствии с ним, о чем впервые свидетельствует его тело, и в зависимости от способа, каким он принят, — таким как есть, фрустрирующего или благодарного для нарциссизма каждого из его родителей. То, что отделяет тело ребенка от тела его матери и делает его жизнеспособным, — это перерезание пуповины и ее завязывание.

Иссекание пуповины закладывает начало схеме тела в границах оболочки, каковой является кожа, отрезанная от плаценты и внутренних оболочек матки, оставленных в ней. Образ тела, берущий частично начало в ритмах, тепле, звуках, внутриутробных ощущениях, модифицируется вследствие внезапного изменения этих ощущений; в частности, потери для пассивных слуховых влечений двойного биения сердца, которое ребенок слышал *in utero*. Эта модификация сопровождается появлением грудного дыхания и активацией перистальтизма пищеварительного тракта, который при рождении ребенка выделяет меконий¹, накопленный во время жизни плода. Пупочная рана и потеря плаценты могут, вследствие продолжения человеческой судьбы, рассматриваться как предвосхищение всех испытаний, которые впоследствии будут названы кастрациями (с добавлением к ним прилагательных оральная, анальная, уретральная, генитальная). Это первое разделение будет, следовательно, названо пупочной кастрацией. Она совпадает с моментом рождения и лежит в основе модальности радости или страха, которые сопровождали рождение ребенка в его отношении к желанию других. Модальности рождения, этой самой первой мутирующей кастрации, послужат матрицей для модальностей последующих кастраций.

Рождение сопровождается, благодаря физиологическим изменениям, происходящим в теле ребенка, криком, которым он себя манифестирует, и одновременно он реагирует эвакуацией кишечного материального содержимого на клоачном полюсе, тогда как раньше он был плодом, центрированным исключительно на выход через пуповину заглыванием амниотической жидкости и мочеиспусканием в амниотическую жидкость.

И в тот момент, когда наступает дыхание и он слышит свой собственный крик, вступление в игру обоняния (запах матери) бессознательно является для новорожденного первым улавливанием особых опор в его отношении с матерью.

¹[*Меконий — первичный кал новорожденного.*]

Исчезает приглушенный пренатальный слух, он уступает место интенсифицированному слышанию уже знакомых голосов: отца, матери и членов их семьи¹.

Потеря знакомых ощущений и возникновение новых знаменуют то, что называют «травматизмом» рождения, что является первоначальным изменением жизни для всех и маркирует беспокойством, так или иначе отражаемом в памяти каждого плода, вступившего в воздушную жизнь, его первое пороговое ощущение асфиксии, связанное с покиданием теплой водной среды и появлением в воздушном мире притяжения. Таким образом, наше рождение отмечено катаклизмическими изменениями, нашим первым разделением на части, вследствие которого мы оставляем значительную часть того, что составляло т и его наш собственный организм, — амниотические оболочки, плацента, пуповина, — часть, благодаря которой мы смогли быть жизнеспособными для другого пространства, которое, принимая нас, навсегда делает невозможным возврат к предыдущему пространству, к способу существования и испытанному нами наслаждению.

Вместо плацентарной крови, пассивно питавшей симбиотической жизни плода в организме матери, можно сказать, что жизнь плоти отныне соединена с воздухом, новым общим для всех земных творений элементом, и с легочным насосом, поддерживающим вдох и выдох. С переходом на дыхание появляется изменение сердечного пульсирующего ритма с маятникового на волнообразный, как ритмически было настроено во внутриутробной жизни сердце матери. Да, новорожденный потерял при рождении слух к собственному сердечному ритму, такому, каким он его знал. Появляется также ощущение массы тела, испытывающего притяжение и условия манипулирования им со стороны рук, которые его приняли; и плоскость кровати или тела матери, на котором лежит ребенок. Свет ослепляет сетчатку, запах матери заполняет полость, голоса присутствующих и шумы раздаются четко, в то время как до сих пор звуки мира доходили сквозь перегородку вод и плоти на фоне переплетения быстрого маятникового ритма сердца плода с ритмом материнского сердца, более медленного на два с половиной такта.

¹ Следует отметить, что недавние исследования доказали, что *in utero* ребенок слышит низкие звуки, т. е. голоса мужчин, а от матери он слышит сердце, которое бьется, и звук, похожий на звук волн,

которые бьются о берег. Он слышит лишь материнский голос, если в нем есть интенсивные низкие звуки. Самое интересное, что после рождения происходит обратное, когда он начинает слышать преимущественно высокие частоты.

В зависимости от времени суток эти синкопированные ритмы чередовались с ритмами хождения тела-носителя плода и с шумами его активной деятельности, отмеченными иногда сонорными вибрациями, которые передавали слова, в особенности низкие голоса, мужские, и они доходили приглушенными до яйца, в котором развивался ребенок. Ночь была временем двойного слышимого ритма, к которому присоединялись звуки материнского сна и урчание перемещений в пищеварительном тракте спящей матери.

И вот внезапно, неожиданно ребенок открывает ощущения, о которых до сих пор он не имел понятия: свет, запахи, тактильные ощущения, ощущения давления и притяжения и сильные и четкие звуки, воспринимавшиеся им до сих пор приглушенно. Самым отмеченным слуховым элементом будет, вследствие его повторяемости, звук его имени, означающее его существование в мире для родителей. Означающее также его пол, поскольку первое, что он слышит: «Это мальчик!», «Это девочка!» И слова, которые тотчас были сказаны присутствующими, и голоса родных, присутствовавших при родах; голоса приближаются, голоса удаляются, и постоянно слышатся фоны слов «мальчик», «девочка», сопровождаемые именем, каким родители его отныне означают. Это имя и это качественное обозначение, обозначение его пола, произносятся голосами, оживленными радостью или настороженностью, говорящими об удовлетворенности или неудовлетворенности окружения; и мы убеждаемся с каждым днем, насколько младенцы хранят «записанными», как на магнитофонной ленте, где-то в коре головного мозга эти первые означающие нарциссизирующей радости — уже — или настороженности, или даже гора или страха, что для них уже является денарциссизирующим.

Стало быть, через язык происходит символизация кастрации рождения, называемой пупочной кастрацией; этот язык будет путем повторения доноситься до слуха малыша как эффект его существования в эмоциональном столкновении с родителями, в соответствии с произносимыми слогами, модуляциями и аффектами, которые он воспринимает интуитивно, и мы не знаем в точности, как он их может воспринимать. Как если бы все эти аффекты, сопро-

вождающиеся фонемами, воплощали первый нарциссический способ существования.

Первые слоги, которые нас означили, являются для каждого из нас слуховым посланием, символом нашего рождения, синонимом настоящего с двойным смыслом актуального и дара, каким является жить как действительный факт для этого ребенка, который из воображаемого, каким он был для родителей, становится реальностью. Реальностью необратимой, женского или мужского пола, таким, какой он есть и каким станет, каким он явился всем, его родителям и представителям общества, которые его приняли. В качестве мальчика или девочки, носящего/носящей то или иное имя, данное его отцом матери, полученное отцом от матери, они оба получают это не только друг от друга, но и от предшествующих поколений, родивших их, и от судьбы, носящей для них или нет имя Бога, но которая любым образом отметила это существование. То, что это девочка или мальчик, изменить нельзя, — это факт, не подвластный родителям. И они тоже переживают в этом акте кастрацию. Их собственная кастрация состоит в записи ребенка в гражданское состояние, означающее его статус гражданина, чтобы ни произошло с его родителями. Стоят ли они на его защите или не в состоянии это сделать, он отныне на их попечении, если они в состоянии его обеспечить, но он им полностью не принадлежит, поскольку является законным субъектом общества, по отношению к которому их права ограничены. А их долг нет!

То, что фантазировалось по поводу имени и пола, на этом прекращается, в силу фиксации в записи гражданского состояния, включая принадлежность тех, кто его считает или нет законнорожденным или отказывается его признать легально или, что еще важнее, аффективно. Более нет возможных фантазмов, как только этот акт осуществился в мэрии. Ребенок вошел в реальность, от которой ему не отделиться, кроме как по Закону. Символизация для новорожденного и в равной степени для его родителей этой кастрации плода и вместе с ним его родителей по рождению ребенка и его записью в актах гражданского состояния состоит в его принятии, полном и целостном, аффективном и социальном, или в принятии с оговорками означенным способом, каким его родители решили записать. Эта запись, след которой оставлен в гражданских актах, в соединении с фамилией дает ему на всю жизнь главное означающее его существования в мире, то, которое его тело пронесет до смерти.

Есть чему удивляться, но это так: встреча новорожденного со слухом и ощущениями от взрыва радости, от сердца к сердцу своих родителей или, напротив, с депрессией, в какую его рождение из-за пола или из-за того, что он такой, а не другой, — повергло одного или обоих родителей, всегда обнаруживается в психоанализах. Что бы ни говорили о символизации пупочной кастрации, мы располагаем в настоящий момент формальными доказательствами, что она может дать ребенку более или менее значительную символическую энергию в зависимости от способа, каким были пережиты матерью в физиологическом плане роды, т. е. выход плаценты примерно через полчаса после рождения, и как было прожито супружеской парой отца и матери, как было выполнено с их точки зрения в реальности обещание относительно их фантазмов плодovitой и жизнеспособной генитальной жизни в ребенке, девочке или мальчике. Они могут себя чувствовать щедро одаренными; но ребенок может не соответствовать тому, на что в своих фантазмах они надеялись.

Следовательно, есть два источника символизованной жизненной силы благодаря пупочной кастрации: первый связан органическим влиянием рождения на равновесие психосоматического здоровья матери и в силу этого супружеской пары в их генитальном отношении; другой источник есть аффективный импакт^ жизнеспособности ребенка — в плюс или минус нарциссизму — для каждого из родителей; вследствие этого родители примут ребенка с качеством той эмоции, которую испытали в данный момент, и введут в свою жизнь как носителя смысла, который он имел для них тогда.

Эти два источника символизованной энергии, результирующие пупочной кастрации ребенка и воображаемой кастрации родителей, хорошо обнаруживаемы, когда тот или другой иссякли в момент рождения. Смерть или болезненность матери неизгладимо маркируют — чувством вины, которое проживается бессознательно, — любого ребенка, который своим рождением показался ответственным для отца за патогенный или смертельный исход для своей родительницы. То же касается пола и внешнего вида ребенка, вызвавшими глубокое разочарование, одновременно сознательное и бессознательное, того или другого родителя, еще хуже, если обо-

[Импакт — удар; в перенос, смысле: влияние.]

их. Жить для него фундаментальным образом связано — и его имя тоже — с чувством вины: язык, навязанный субъекту относительно жизни его желания в его теле. Это то, что мы обнаруживаем в случае ранних психозов, которые нужно лечить, где разрушение способов коммуникации желания — и это мы видим — есть разрушение символического порядка, испытавшего нарушения в раннем возрасте.

Вопреки тому, что можно было бы подумать, вовсе не факт смерти или постнатального кровотечения матери, например, который, имея несомненное влияние на органический аспект ребенка, может вызвать психотическое состояние. Ведь факт — это то, что можно было констатировать в плане реальности; однако то, что показывает психоаналитическое лечение, говорит о запрете на развитие ребенка со стороны психогенного элемента. Анализ рождения и новое проживание этого испытания в верных словах, сказанных как родителями, так и ребенком при анализе, избавило окончательно от тенет, удерживавших его в запрете жить для самого себя.

Катастрофическим условиям рождения приписывали такое нарушение очень раннего возраста как плохое соматопсихическое развитие психотического ребенка; и иногда грешили на прошедшее незамеченным заболевание энцефалитом. Однако факт, что анализ смог вывести ребенка из психоза, доказывает, что нарушения не происходят от физических ран. Ранние функциональные расстройства или физические поражения дали бы знать о себе в теле новорожденного. Трудности развития были сами по себе выражением ранних переживаний и аффектов, разделенных с окружением, но при этом они не могли быть означены в словах, сказанных вовремя ребенку, даже если бы речь шла о словах, оспаривающих право на символическую жизнь ребенка.

Стало быть, связанные с пупочной кастрацией страх или радость в треугольнике «родители—ребенок», где циркулирует динамическая жизненная сила бессознательного, помечают или не помечают символенными способом психизм человеческого существа, независимо от его органических свойств. Речь идет о запуске бессознательного динамического источника, который будет поддерживать — разнообразно или обедненно — развитие ребенка. Эта энергия поступает широким или узким потоком к субъекту, в соответствии с нарциссизмом родителей, его мирным или конфликтным характером; это то, что поддерживает или препятствует преодолению испытаний при рождении и первых дней адаптации к жизни в воздушном пространстве.

И лишь через открытые места, отверстия лица, открытые субтильным коммуникациям, центрированным и сходящимся к полости, — ноздри, уши, ассоциированным с оптическими восприятиями, эти встречи возможны и являются символическими для его существования в мире.

С этой символизацией, составляющей фундамент существа мужского или женского рода, которая следует за рождением и присваиванием имени ребенку, тот входит в оральный период. И те, кто был ранен в своей символической жизни, рано проявляют расстройства тех самых отверстий, которые открылись субстанциальным обменам с внешним миром при рождении, а именно: вход в пищеварительный тракт, связанный в голове с полостью рта, и в тазовой части выход пищеварительного тракта, где экскременты в двух своих видах — жидком и твердом — тесно связаны через тактильную смежность с развитием генитальных ощущений.

Мы бы пренебрегли клиникой, если бы не сказали, что воздействие рождения ребенка и его условий на старших детей как в отношении здоровья матери, так и радости или грусти по поводу пола ребенка также влияет на то, что, принося недовольство или радость своим старшим братьям или сестрам, он получает в ответ энергию или обеднение желания жить. Мы знаем, насколько разочарование из-за пола братика или сестренки может сказаться на деструктуризации доверия старшего ребенка к родителям, когда он еще не достиг возраста понять, что родители не настолько всемогущи, чтобы уметь управлять реализацией их желания относительно пола ребенка, которого родили¹.

Мы знаем также, насколько соперничество между братьями и сестрами может лишить малыша его символической энергии, вследствие влечений старшего, который отказывается принять дома существование младшего. Со стороны старшего проживаемая им драматичность по случаю рождения младшего располагается в зоне

См. случай Пьера, С. 230.

эдиповой ситуации. Пол новорожденного вводит в игру то, что ему самому не хватает, и ответственность за это несет для него новорожденный, девочка или мальчик. Это он виноват. Рождение малыша в семье пробуждает кастрации старших.

Отделение от плаценты, символический момент рождения, является важным для всех человеческих существ. Это пока проходит незамеченным; но с тех пор как медицина спасает много новорожденных, мы наблюдаем, насколько этот момент социального приема и его условия, какими они проживаются, важны для будущего в эмоциональном и соматическом развитии¹.

Именно так реальные опасности, пережитые ребенком в связи с инфекцией пуповины, пупка или страхами акушера из-за слишком короткого перевязывания пуповины или страха кровотечения у новорожденного, оставляют неизгладимые следы в психизме и в естественной склонности к страху у малыша, в то время как речь шла о преждевременных страхах, и в реальности не произошло ничего, что подтвердило бы беспокойство в течение нескольких дней. Все, что относится к патогенной болезненности, происходящей, можно сказать, от неонатальных страхов, проявляется у детей — и иногда позже — в том, что любой страх, который они ощущают, вызывает вокруг носа и рта внезапную бледность и в то же время сосудистую дрожь, часто сопровождаемые, по всей вероятности, эмоциональной лихорадкой. Эмоциональной, потому что температура появляется у этих пациентов, детей или взрослых, без всякой другой причины и исчезает, когда при помощи анализа удастся в речи сказать о пупочном страхе первых дней, первых пятнадцати дней жизни, прежде чем правильное отпадение пуповины успокоило акушера и семью, а стало быть, и самого ребенка.

Важность пупочной кастрации лучше осознается в наше время, когда исследования физиологии родов привели к поискам родов без насилия. Наблюдения за дальнейшей жизнью ребенка показали, что роды без насилия в случае, если дети одной семьи могли этим воспользоваться, защищает их от экзистенциальных страхов новорожденных, переживаемых большинством новорожденных. Эти исследования ведутся в настоящее время во всех странах. Во Франции первым, кто занялся родами без насилия, был Фредерик Лебуайе. Он дает статистику долговременного эффекта, оказываемого на детей родами такого типа (см. также исследования по проблеме в СаБегв сги поиуеаипе, изд. 31оск).

ОРАЛЬНАЯ КАСТРАЦИЯ

Второй из типичных великих запретов, накладываемых на ребенка, — оральная кастрация — означает лишение ребенка всего того, что является для него каннибализмом по отношению к матери: т. е.

отлучение от груди, а также воспрепятствование тому, чтобы брать в рот то, что является для его тела смертоносным ядом, т. е. запрет есть то, что не является пищевым, а несет опасность для здоровья и жизни. Эта кастрация, когда она разумно дана, приводит к желанию и возможности говорить, а значит, к открытию новых средств коммуникации и разных удовольствий с объектами, введение которых внутрь не является возможным или более таковым не является. Все объекты представляются опорами переноса молочной груди и всасываемого молока (из груди или соски бутылки) для получения еще большего удовольствия, разделяемого с всемогущим опекуном, с матерью, отцом, членами семьи.

Отлучение от груди, кастрация для малыша, требует от матери, чтобы она также приняла разрыв контакта тело к телу, в котором ребенок находился, перешедший от внутренней груди к молочной груди и ношению, полностью зависимый от ее физического присутствия. *Оральная кастрация матерью* имплицитно, что она сама должна быть способна на коммуникацию с ребенком иначе, нежели давая ему кормление, забирая у него экскременты и покрывая его поцелуями и ласками, а именно — при помощи слов, жестов, т. е. языка. Оральная кастрация для ребенка, отлученного от груди, и для матери, которая также отлучается от ее эротического отношения, даваемого рту ребенка, так же как и от ее эротического отношения тактильного и схватывающего с его сидением, обнаруживает, что мать получает еще более выраженное удовольствие разговаривать со своим ребенком, управлять его фонемами, пока они не станут какими надо в родном языке, так же как и от его двигательных движений брать и бросать предметы, которые она дает и бросает, в самом начале двигательного языка. Ребенок может тогда символизировать оральные и анальные влечения по-

[По-французски: «материнском». — *Прим. перев.*]

средством речевого поведения, потому что его мать счастлива от того, что он способен общаться и с ней, и с другими; он замечает испытываемое ею удовольствие от того, что она присутствует и видит его радость идентификации с ней в его речевых игровых обменах с другими людьми. Именно возможности символического отношения оказываются для ее ребенка выведенными этой кастрацией на первый план в его бессознательном и психизме.

Не следует забывать, что контакт тела к телу, идущий от матери, является для малыша эротизирующим. Впрочем, это необходимо и составляет часть отношения «мать—ребенок», но с отлучением от груди наступает иной этап, этап мутации и коммуникации для удовольствия, вне контакта тело к телу — жестовая коммуникация, не являющаяся более обладанием ребенка, дающая ему возможности идентификации с матерью в его отношениях с другими и с окружением.

Важно, чтобы мать позволяла ему быть таким же счастливым в других руках, как в своих, чтобы она ему помогла войти через улыбку и речевые выражения (фонематические пробы) в общение с другими.

С точки зрения влечения, владения объектом оральная кастрация является для ребенка разлукой с частью него самого, которая находилась в теле матери: молоко, которое, благодаря ему, малышу, прибывало в грудные железы матери. Он расстается с этим частичным объектом, грудью матери, но также и со своей первой молочной пищей и открывается для принятия и приобщения к разнообразной и твердой пище. Он отказывается от призрака каннибализма по отношению к этому частичному объекту, каким является грудь матери. На некоторое время, если мать не проявляет бдительности, он переносит каннибалические влечения на собственные руки, начинает сосать большой палец или кулак, питая иллюзию, что тем самым продолжает находиться у груди своей матери. И отлучение от груди в какой-то степени не удалось, хотя бы отчасти, для ребенка, если он продолжает создавать себе иллюзию связи с матерью посредством аутоэротической связи между своим ртом и руками. Нужно понять, прежде всего, что молоко есть молоко ребенка, с которым он находится в коммуникации, в то время как он влияет на его пребывание в теле матери своим сосанием.

Когда он отлучен от груди, он отлучен от пищи, которая благодаря ему была выработана в матери, и она была его пищей. И в это же время его рот лишен тактильной связи с соском и грудью, частичным объектом матери, но который он привык считать своим. И он заполняет огромную пропасть, разверзшуюся из-за отсутствия груди в его рте, помещая в нее большой палец. Он испытывает удовольствие, не получая пищи, это удовольствие состоит также в том, что он удостоверяется, что его рот никуда не исчез.,

Это я и предлагаю изучить большим детям, сосущим большой палец, которые хотят от этого «излечиться»; я прошу у них поразмышлять: «Соси палец и обрати внимание на то, что ты чувствуешь.

Нужен ли твоему рту большой палец? Доволен ли больше твой рот, что у него большой палец, или большому пальцу хочется быть под укрытием рта?» Потрясающе видеть, как они сосредоточиваются на своих ощущениях и предаются размышлениям. Они приходят к выводу, что это большой палец, а не рот, или что это рот, а не большой палец, и тогда с ними можно говорить как раз о том, что большой палец заменил материнскую грудь, и о том, что они не согласились, когда были маленькими, с тем, что их лишили сосания мамы, хотя в то время они уже были достаточно большими, чтобы говорить и брать себе в рот все, что попадалось. А мама не подумала, что они были достаточно большими, чтобы знать все, а не только разделить с ней удовольствие быть у груди. Эта иллюзия поддержала привычку, которая им сейчас доставляет столько неприятностей, но от нее им не удается отказаться в моменты усталости и забот.

Когда, наоборот, отделение при отлучении от груди происходит постепенно и частичное удовольствие, связывающее рот с грудью, распределяется матерью на постепенное ознакомление с тактильными восприятиями других предметов, которые ребенок берет в рот, они называются ею и вводят ребенка в язык, мы наблюдаем тогда, как ребенок упражняется, когда он один в колыбели и не спит, в разговорах с собой сначала в форме лепета, затем в форме модулирующих звуков, как он это слышал, как делает мать с ним и с другими.

И тогда мы видим, как в дело включается символизация, если мать внимательна и старается в этот момент (примерно в три месяца) подсунуть ребенку сразу же после сосания и перед сном неважно что, что попало ей под руку, и что он тут же засовывает в рот вместо

грудь. Если она ему дает и слова, означающие, что он чувствует в тактильном ощущении, например: «Это погремушка, она холодная, из металла, из кости; это твой плюшевый мишка, он из ткани; это твой кулак; это папин палец; это шерсть твоей кофточки», — все эти слова, когда ее не будет с ним, будут для него опорой для воспоминания о ней, и он будет стремиться повторить звуки, сопровождавшие ее, и он может упражняться в том, чтобы делать, как она поступает с разными объектами их совместной жизни, приветствовать радостными криками, жестами, звуками, улыбками приход отца и других членов семьи, и при этом мать не будет испытывать чувство ревности или покинутости. Именно так речь становится символом связи «тело к телу» в короткой цепи, соединяющей ребенка с матерью, которая превращается в длинную цепь посредством сублингвальной вокализации и смысла этих слов, покрывающих различные сенсорные перцепции,

но все они «мамаизированы» голосом матери, тем же самым, что при сосании груди.

Символогенный эффект оральной кастрации — это введение ребенка, отделенного от абсолютно необходимого присутствия матери, в связь с другим: ребенок попадает в условия речевого поведения, которые ему позволяют принять присутствие любого человека, с которым мать поддерживает хорошие отношения и с кем он сам развивает возможности для коммуникации, открытые в коммуникации с матерью или отцом и развитые с другими.

Мы хотим подчеркнуть, что только после отлучения от груди в его подлинном значении, т. е. отлучения от контакта тело к телу, начинается усвоение родного языка, начиная с сочетания фонем, сопровождающих ощущения и эмоции, тактильных ощущений от близкого присутствия матери, эмоций от ее приближения или удаления.

Это неопределенное время речи, результат которой ребенок не может предъявить тут же. Он будет способен сделать это позже, когда откроет для себя удовольствие контроля над примордиальным анальным объектом, а именно над экскрементами, пуская в действие уретральный и анальный сфинктеры, играя с тем, что может задержать массы или выпустить их, в особенности по просьбе матери, издать звуки или не издавать их — в этом случае следуя просьбе матери в их играх лицом к лицу, затем играя звучанием имен родителей, затем экскрементов часто до того, как будет звучать название пищи.

Первые двусложные слова из повторяющихся слогов, соответствующие чувству существования ребенка, когда он соединяется как подобный со своей матерью и удваивающий их ощущения, вследствие чего первые произносимые слова начинаются с Ма... ма... та... та...; это всегда он-другой, подобный, «спаренный», что провоцирует начало речи в виде двух похожих повторяющихся слогов.

Я думаю, что чувствование себя дублером еврей матери, сначала в симбиозе, а затем в диаде, с преимущественным ритмом в два периода — именно это делает данный возрастной период двухтактным. Очевидно, это укоренено в сердце и его биении, но в особенности в факте, что нужно быть двойным, раздваиваться с неудовольствием, когда уходит мама, воссоединяться с удовольствием, снова становясь двойным, и вновь неожиданно раздваиваться для того, чтобы символическое заняло место понятия различного чувствования ощущений с мамой и без нее; ощущений, которые сопровождаются остаточным удовольствием за вычетом одного из ощущений, другое ушло вместе с

матерью, и встречей, дающей дополнительную радость, поскольку выражается и матерью. Совокупность метафор присутствия частичных объектов, продублированных присутствием/отсутствием матери, и объясняет, как мне кажется, двойные слоги, составляющие первые означающие между детьми и их кормилицей.

Роль матери здесь состоит в приобщении к языку и является первостепенной. Это не очень известно мамам и кормилицам. Важно, чтобы после каждого грудного вскармливания в момент, когда ребенок, очень оживленный до сна, любит уже вступить в разговор — что для него есть манипулирование предметами и рассматривание себя в лице матери, — она ему называла все предметы, которые он берет в рот, обозначала их имя, вкус, какие они на ощупь, цвет. Ребенок учится давать эти предметы маме, как бы он ей давал ложку с пищей. И мама, возвращая их ему, затевает игру, которая состоит иногда в том, чтобы неожиданно бросить предмет за борт: в точности так же, как во рту, после какого-то времени пребывания пищи, где с ней что-то происходит, пережевывания челюстями и языком, она исчезает посредством глотания в желудке; метафора желудка здесь — перемещение в результате бросания за борт, т. е. сделать так, чтобы предмет исчез из колыбели. И для ребенка большая радость, если мама подбирает брошенные вещи, именно потому что это вещи, и речь не идет о частичных объектах потребления. Здесь мы еще не в анальном порядке бросания; это может возникнуть, но выбрасывание начинается со способа глотания, с поглощения пространством.

Мы видим таким образом, как ребенок через две-три недели после отлучения от груди — ему шесть-восемь месяцев, у него уже пошли зубы — начинает пожинать символические плоды оральной кастрации, реализованной в полном согласии с матерью. Это мимический выразительный язык, модулируемый по-разному в зависимости от окружающих людей, чувств и ощущений ребенка; мы видим, как ребенок приступает к использованию модулированной речи, еще без грамматики, и она достигает самой большой интенсивности к полутора годам. Ребенок становится способным управлять на расстоянии людьми своего окружения. Вслед за овладением ловкостью рук, что было оценено родителями, его язык управляется с фонемами, и они являются для родителей, для окружения каждый раз знаками чувств, ощущений, желаний, которые он хочет сообщить. Очень интересно знать, что происходит в этом случае между разными эрогенными зонами. Первые речевые сегменты, где слова еще не

узнаваемы, но где намерение и интенсивность желания признаваемы окружением, развивает у ребенка, если он не находится постоянно с родителями, изобретательное манипулирование на расстоянии и иногда манипулирование близкими объектами, чтобы сделать так, чтобы они пришли. Он хорошо знает, например, что, скучая в отсутствии матери, если он роняет предметы, издает шум или кричит, взрослый приходит. И он это делает, как тянут за веревку, чтобы колокольчик зазвонил. Для него это язык.

Если мать общается с ребенком мимикой и вербально на расстоянии, ребенок получает по-настоящему удовольствие и аплодирует руками: либо ладошками, когда его этому учат, либо чаще берет в руки предметы и бьет ими от радости сверху вниз по неподвижной опоре, например, по столу. Он издает крики радости и совершенно счастлив, если мама пропевает в тон ему, чтобы разделить его радость, которую он выражает, стуча предметом в своем ритме. Он стучит в своем ритме, и мама включается в игру со словами, иногда модулируя их — и получается песня: это фантастика, все обретает смысл.

Вот на что способен малыш, который еще не ходит, но никогда не расстраивается, что его мама (или дружественное лицо, замещающее ее) присутствует или не присутствует при условии, чтобы она не находилась слишком далеко, в пределах слышимости. Он не скучает,

потому что символические плоды оральной кастрации уже сделали из него человеческий индивид, у которого есть внутренняя жизнь, и она протекает в связи с радостями матери, в ассоциации с его собственными радостями; радости матери есть для него также уверенность, что отец и взрослые из окружения его матери гордятся им; и что по отношению к старшим детям, если они есть, он находится на стадии преодоления этапов, которые их уравнивают.

Я бы упустила фактор, который может иногда играть капитальную роль, если бы не упомянула здесь об *обонятельном аспекте всего того, что происходит вокруг оральной кастрации*. Ибо одновременно с кормлением грудью, удовлетворяющим его потребность, ребенок испытывал эротическое удовлетворение, обонятельное и псевдо-каннибалическое, вследствие хватания груди челюстями. Ребенок, лишенный груди и питающийся из бутылочки, оказывается лишенным обонятельной эротики, сопровождавшей его воображаемый каннибализм, в то время как хватание и сосание во время отлучения от груди и перехода к соске продолжают, тем не менее, приносить ему уже знакомое с прежних времен удовлетворение. Полость и рот ребенка будут служить — конечно, бессознательно — для сублимной

коммуникации с матерью на расстоянии от тела к телу, т. е. с матерью как тотальным лицом, а уже не с частичным, субстанциональным объектом.

Избирательно через обоняние мать, рассматриваемая как частичный объект с молочными железами, может стать единичным тотальным объектом: и именно потому, что обоняние не связано для ребенка с определенным местом. Ребенок купается в subtilности запаха, распространяющегося в окружающем его пространстве по соседству с матерью. Запах более не приписан к той или иной части материнского тела, и, поскольку эрогенная зона слизистой всегда ассоциируется с вдыханием через нос, запах матери лишь в том случае отсутствует в восприятии ребенка, если он страдает от anosмии. Важно понять, что в силу того, что потребность дышать не подчинена времени, обоняние будет сопровождать любое вдыхание через нос. Следовательно, желание и различение удовольствия, вызванного присутствием матери, происходят посредством обоняния, в то время как потребность дышать удовлетворяется любым воздухом, через рот или нос, каким бы ни был его запах.

8-6119

Отлучение от груди может быть событием эйфоричным для малыша и для матери, если на известном фоне субстанциональной коммуникации — т. е. в данном случае сосания из бутылочки — и функционального образа сосания — поглощение молока, жидких и полужидких продуктов до получения твердой пищи, а они имеют отличный от материнского молока вкус, — ребенок и мама сохраняют то, что являлось специфичным для их психической связи, выраженной в их совместном присутствии. Для малыша сенсорно-психической связью является запах тела близко находящейся матери, ее голос, ее расположение в поле зрения ребенка, ее взгляд, ритмы — все, что исходит от нее для него, в том, как она его держит и что он может воспринимать в их контакте тело к телу; в то же время для матери ничего не изменилось в ее ребенке, который больше не берет ее грудь, но каждый день она восхищается его грацией и развитием.

Напротив, и это надо сказать, если мать не разговаривает с ребенком во время вскармливания, лаская его непрерывно, или во время ухода за ребенком, вследствие депрессии, проявляет себя полностью безразличной к нему, не способствует благоприятному отлучению от

грудь ребенка для правильного протекания дальнейшей социализации, вербального поведения и развития двигательной способности.

Еще меньше этому способствует мать, которая после отлучения от груди не может удержаться от того, чтобы не покрывать малыша поцелуями и ласками. Она была уязвлена в детстве в силу расстрой-ства отношения «дочь—мать», что безнадежно пытается преодолеть. Ребенок для нее — фетиш архаичной материнской груди, от которой она сама была отлучена травматично.

АНАЛЬНАЯ КАСТРАЦИЯ

Имеется два значения термина «анальная кастрация». В первом значении — второго отлучения от груди — он синонимичен отделению ребенка, ставшего способным к произвольной быстрой двигательности, от помогающего присутствия матери в том, что касается «делать», необходимого для жизни в семейной группе: это усвоение автономии, «я сам», «я, а не ты». Эта кастрация, которую осуществляет ребенок, зависит очевидным образом от толерантности родителей по отношению к тому, как ребенок изо дня в день развивает свою автономию в пространстве безопасности, данном его свободе для полезного, игры и удовольствия. Ребенок, становящийся субъектом, перестает быть частичным объектом, зависимым от имеющей права инстанции, в подчинении как ее собственность и под ее полным наблюдением (питание, одевание, туалет, укладывание спать, перемещение).

Другое значение термина «анальная кастрация» состоит — и это касается двух лиц, каковыми являются ребенок, ставший автономным в своем действовании, и взрослый-воспитатель, — в запрете, означенном для ребенка как запрет на любое «действовать» во вред другому, «делать» другому то, что он сам не хотел бы, чтобы делали ему. Это доступ к речи, которая делает ценными отношения в общении между людьми, признаваемыми хозяевами своих действий, и удовольствие от общения должно быть взаимным и Свободным. И в этом второе значение термина «анальная кастрация» тесно соединяется с первым.

Любой ребенок, отец и мать которого не прошли анальную кастрацию от него и хотя в своих словах или действиях по отношению к нему навязать запрет на действие во вред (в то время как они сами вредят его гуманизации, рассматривая его как объект для дрес-

сировки), означает в словах противоположное примеру, который они подают. Они не дают анальную кастрацию. Они дрессируют домашнее животное. Субъект получает отказ в признании вместо того, чтобы его влечения были частично преграждены, частично поддержаны при его вхождении в речь для общения и обмена в играх, чтобы он был социализирован со знаком удовольствия между субъектами.

Можно говорить об анальной кастрации лишь в случае, если ребенок признан как субъект, хотя его тело еще незрелое и его действия никогда не совпадают с выражением субъекта в нем до тех пор, пока он не усвоил полной автономии в семейной группе.

Итак, анальная кастрация — это запрет на действие во вред своему собственному телу, а также миру живому и неживому, окружающему исходный треугольник «отец—мать—ребенок», в своем перемещении, бросании, опасных и неконтролируемых действиях. Это по сути дела и по своему происхождению? запрет на убийство и вандализм во имя здоровой гармонии группы; и в то

же время инициация в свободу двигательного удовольствия, разделенного с другим в речевой и жестовой коммуникации, где каждый получает удовольствие от согласия с другими. Контроль двигательных влечений, которые могут нанести вред, приобщение к удовольствию от речевой коммуникации и контроля перемещения, к знанию меры и к контролю над силой, используемой для полезной и приятной деятельности, — все это позволяет субъекту вступить в этап поддержания себя в порядке, самосохранения и перемещения в пространстве, а затем и приступить к творческой производительной или игровой деятельности (стало быть, не только утилитарной). В то же время путь остается открытым для других удовольствий, для открытий в последующих стадиях, уретральной и вагинальной, которые приведут мальчика или девочку к генитальной стадии.

Человеческие существа, каким бы ни был их возраст, способны дать анальную кастрацию младшим как примером, так и словом.

Почему она называется анальной, ведь все, что я только что сказала, отмечает отсутствие стимула, исходящего от социальной среды, для агрессивных двигательных удовольствий, которые могли бы навредить себе или другим, и приобщение к удовольствию от контролируемой двигательности, а также от общения с другими? Дело в том, что там у ребенка располагается с еще неразвитой двигательной способностью первое двигательное действие, которое ему

удостоверяет, что оно ему приятно, и вообще доставляет удовольствие матери, поскольку она приходит, чтобы что-то сменить, и уносит то, что он произвел. После сосания—глотания уретральное и анальное движение выталкивания всегда вызывает заметную модификацию для обоняния и часто изменение ощущений, связанных с отношением с матерью. Своими экскрементами ребенок отбрасывает воображаемую мать, инкорпорированную в форме орального частичного объекта, который после повторного заглатывания, в результате которого она исчезает, проделывает путь в пищеварительном тракте, дает о себе знать и появляется вовне в заднем месте. Он отведал мамы из удовольствия, связанного с воображаемым каннибализмом, и выталкивает теперь то, что от мамы в нем раскладывается на твердые и жидкие экскременты. Он принимает и от-

брасывает воображаемую маму, принимает ее и дает, в то время как реальная мама дала ему частичный пищевой объект и забрала у него экскрементальный пищеварительный объект. Объект, до которого она, как ему кажется, охоча, поскольку у него еще нет другой логики и этики, кроме логики инкорпорирования хороших вещей: экскременты ребенка приобретают ценность как объекты, которые предполагаются относящимися к пище и дающими удовольствие матери. Когда двигательная система развивается, и оральная кастрация была символической, материнский уход за задним местом ребенка сопровождается словами, играми, полнотой аффективного отношения с матерью, в течение которого развивается изо дня в день схема тела. *Но схема тела развивается во взаимопроникновении с образом тела: в привязке к эрогенному дару экскрементов и функциональному удовольствию двигательной мускульной силы, удовольствие, выражаемое радостным хлопанием его членов, телом, ртом, улыбками, лопотанием, снами, звуковыми играми и криками, обозначающими его горе или радость для матери.*

И благодаря этим двигательным играм, ползанию ребенок открывает из своих перемещений и перемещений предметов, — а он испытывает все, что его окружает, на движение, — что его двигательность становится для матери проблемой, и она стремится ее решить, ограничивая его свободу или, наоборот, побуждая расширять его возможности перемещения первооткрывателя, а они есть возможности общения с ребенком, источник речи, удовольствия, горя и радости, связанных с ними ограничений и разрешений, обозначенных в речи. *Ан^Ш1дя1<С1стра^1^ дается, таким образом, постепенно. Она направляет ребенка к самоконтролю за его движениями, не*

только за движением экскрементов. То есть он становится воздержанным, когда начинает контролировать свои движения в поиске доброго согласия с кодом двигательного языка одушевленных существ внешнего мира. Анальная кастрация возможна как символотогенная, делающая ребенка изобретательным лишь тогда, когда имеет место двигательная идентификация с тотальным объектом, представленным каждым из родителей и старшими детьми в их намеренной двигательности, наблюдаемой ребенком.

Когда символизация двигательности в полезных и игровых актах не может быть осуществлена из-за отсутствия инициации,

контроля, речи и игровой веселости с окружением, ребенок не может сублимировать аноректальное удовольствие, единственное, оставленное ему для него самого; и он к нему возвращается из-за отсутствия перемещения анальных влечений, пассивных и активных, на другие частичные объекты вне своего тела в осуществлении двигательности для большей коммуникации с лицами, на которые может быть перенесено его отношение с матерью. *Он возвращается, за неимением символотогенной анальной кастрации, к пороговому первоначальному общению, которое он имел с внутренней матерью: т. е. к игре с задержкой — через запор — или выведением наружу кала в виде, в случае необходимости, поноса, во всяком случае путем недержания, отсутствия контроля. И потом он скучает, иногда возбуждается по пустякам и снова скучает. Мать остается в его воображении внутренней вместо того, чтобы быть бессознательно представленной всеми внешними объектами, которыми она должна позволить орудовать.*

Запор может, значит, быть знаком торможения двигательного отношения с внешним миром, потому что ребенок не был приобщен к этому отношению матерью, поскольку он в дисгармонии с ней в том, что касается функции экскрементов. Но он может также страдать диареей в случае, когда эффекты двигательного возбуждения не могут выразиться иначе и подавляются относительно действий его скелетно-мышечного тела с предметами внешнего мира. Анальные влечения воздействуют тогда на первичный образ тела, т. е. на перистальтику пищеварительного тракта, который становится гиперактивным и его гиперфункционирование приводит к диарее. Первичная диарея — это не инфекционная диарея, но поскольку пищеварительный тракт подвергнут сверхактивности, просвет пищеварительного тракта, не успевающего переварить содержимого пищеварения, которое слишком быстро выталкивается, возбуждается сам по себе и провоцирует

инфекцию в результате холостой работы перистальтики, что приводит к расстройству слизистой. В этом открытие г-жи Обри, сделанное в ходе исследований в детском приюте для малышей «Паран де Розан». Когда нянечки ругались над кроватками детей, оставленных родителями, детей, образ тела которых уже был сведен к комку, состоящему из грудной клетки и брюшины, и к пищеварительному тракту и перемещался от одного эrogenного полюса к другому, они, не имея

речи, адресованной им лично, пытались вторить в унисон резким высказываниям, которыми обменивались незнакомые люди. Эти люди внушали им страх. И они реагировали на это гиперперистальтизмом реакционного типа, который провоцировал диарею. Суть открытия г-жи Обри состояла в том, что эта диарея была абсолютно ами-кробного типа и что она прекращалась, если ребенку давали один за другим два-три кормления, чтобы заполнить просвет его пищеварительного тракта: ему было тогда чем занять его перистальтическое возбуждение, и это не приводило в патогенным последствиям.

Диарея — это способ выбросить опасность, инкорпорированную в воображении матери. Возможно, она означает с точки зрения ребенка, что, если он выпускает из себя много, оральная мать ему даст снова через верх, принесет частичные объекты через вход в пищеварительный тракт: он отбрасывает из себя снизу «плохую» мать (это по причине того, что говорится о запахе: «Это плохо пахнет»). И это может ему дать надежду, что сверху придет хорошая мать — молоко, каша: «Это хорошо пахнет», что собственно и произошло в эксперименте, проведенном г-жой Обри. Она заставляла давать вновь в короткие промежутки времени одно-два кормления страдающим поносом детям, которых раньше ставили на диету. Конечно, этого не надо делать, если диарея носит инфекционный характер, и пищеварительный тракт поражен внутренними трениями из-за чрезмерной работы перистальтики. Но все это доказывает, по крайней мере, что когда диарея проявляет постоянство у ребенка, находящегося в атмосфере большого нервного напряжения, значит у него нет других, кроме пищеварения, средств заявить о себе. Если бы он мог кричать, это было бы уже другим средством: крик есть выражение напряжения, сверхнапряжения, ищущего коммуникации с другим. Даже если крик никто не слышит и если он не приводит к тому, что кто-то придет, чтобы успокоить и войти с ним в речевой контакт, тогда он направляет напряжение на воображаемую архаичную мать, поскольку он страдает внутри себя от того, что у него в пищеварительном тракте

ассоциировано с этой внешней матерью, заставляющей страдать посредством нервного напряжения, вызывающего беспокойство.

Чтобы лучше понять эту динамику, можно рассматривать пищеварительный тракт ребенка подобием того, как черви, которых мы видим на берегу моря, продвигаются, заглатывая песок и оставляя его позади себя, как будто они питаются той средой, через которую передвигаются. Что касается ребенка, то это его мать проходит внутри него ото рта до ануса: его воображаемая мать в форме частичного объекта, который он поглощает. И реальная мать — это та, что дает ему уют и безопасность, которая в альтернативном фантазме дает рту и берет у ануса. Когда ребенок резко опорожняет содержимое своего пищеварительного тракта, то это как будто говорит матери: «Заполни меня сверху», т. е. он вызывает коммуникацию. Он хотел бы слов, но предпочитает пищу, чем вообще ничего. И именно это он и выражает. Он требует пг^ис^тствщ. символической матери. И если мать не понимает, что ему нужна она, ее присутствие, ее спокойная нежность, если она дает лишь пищеварительный материал, пить, есть, а это не речь, такой ребенок, которого она воспринимает только как пищеварительный тракт, для которого она ищет, чего ему не хватает, и который выдает какашку, которую она хватает и ничего при этом не говорит, он неизбежно будет проявлять торможение относительно своего приобщения к речи в будущем. И это происходит очень рано. Когда ребенок начинает говорить, уже девять месяцев, как он является потенциально говорящим, поскольку он «глотаёт фонемы». Он их глотал ушами и он их должен вернуть глоткой, и аналогично это то же самое для субтильного и для субстанциального, это метафора того, что происходит в пищеварительном тракте.

Итак, я говорила, что двигательная кастрация, несущая закон запрета на убийство, вандалический вред как себе, так и другому и объектам, инвестированным другим как его собственность, есть часть анальной кастрации. И я говорю, чтозюбое человеческое существо, каким бы ни был его возраст, способно дать эту анальную кастрацию младшим при условии, что как более развитый по сравнению с субъектом, подлежащим кастрации, этот человек был бы образцом для его становления, благодаря желанию самого младшего имитировать его, чтобы придать себе ценность с точки зрения нарциссизма, достигая более развитого, более гармоничного, более адаптированного к группе образа, чем он сам. Это желание идет в

направлении его развития в обществе к паттерну взрослого человека как мальчика или девочки. У него есть из речи знание его

пола, оно у него есть интуитивно из желания имитировать тех, кого он воспринимает как себе подобных, имеющих пол, и мы не знаем, как он это знает.

Случай Франсуа

Принять кастрацию от старшего по возрасту другого пола и не иметь при этом референции относительно поведения своего собственного пола может быть девиантным для становления ребенка.

«Первым этапом для того, чтобы стать таким, как мой отец, было быть моей сестрой», — говорил ребенок, который дошел до попытки самоубийства. Это был мальчик тринадцати лет, умный. Ему потребовалось два дня, чтобы выйти из комы. Он попытался покончить жизнь самоубийством, вскрыв ножом себе живот. Он испугал хирургических медсестер, сказав, когда пришел в себя: «Но зачем? Я снова это сделаю!» И вот тогда, встревоженные, они подумали о психоаналитической консультации и вызвали меня. Я знала только, что у него было две сестры, одна немного постарше, чем он, а другая помоложе, и он был единственный мальчик. И это первое, что я ему сказала. Он лежал с закрытыми глазами; я подождала, чтобы он их открыл. Он почувствовал мое присутствие. Открыл глаза, посмотрел на меня. Я ему назвала свое имя, сказала, что я психоаналитик, что меня пригласил медицинский персонал, «потому что им понадобилось два дня, чтобы вас реанимировать, и ваши первые слова были "Почему меня реанимировать, ведь нужно, чтобы я снова это сделал". Итак, поставьте себя на место врачей и хирургов, которые спасли ребенка, обреченного на смерть, и он им говорит: "Я хочу умереть". Им это непонятно, и поэтому они позвали меня, психоаналитика, чтобы понять вместе с вами, действительно ли вы хотите умереть или вы хотите жить, но не знаете как. И если вы хотите со мной говорить, вы это сделаете» (он закрыл глаза), «.. вы мне дадите знак веками, поскольку вы не можете говорить» (у него повсюду были трубки), «если вы не хотите меня видеть — и я отнесусь к этому с полным пониманием, — не давайте никакого знака, я уйду. Вы имеете право желать умереть, но я думаю, что было бы интереснее, чтобы вы поняли, что для вас, может быть, есть

возможность жить, если вы поймете причины, из-за которых вы думаете, что у вас более нет права жить».

И он мне сделал знак, который повторил два раза: открыл и закрыл глаза. Я ему сказала: «Меня зовут мадам Дольто, вас зовут Такто, и я прихожу в госпиталь по вторникам. Мы сможем поговорить, но могли бы вы мне сказать, поскольку вы можете немного говорить, почему нужно, чтобы вы это снова сделали?» — «Я никогда не был, как другие». — «Ну и что, это меня не удивляет, потому что другие — это девочки, а вы мальчик!» Он широко раскрыл глаза, как будто он оторопел от ответа. А я: «До вторника!»

Это было необычным лечением, молниеносным, за пять сеансов с промежутком в неделю. Для этого мальчика представлялось невозможным достичь зрелости: он был ребенком, который требовал идентификации с мужчиной, но все время был в фузионном¹ состоянии с сестрой, старше его на четырнадцать месяцев. Попытка самоубийства была совершена вскоре после того, как она стала способной к деторождению. За шесть месяцев она разительно изменилась, из ребенка стала девушкой, у нее появились месячные, она пережила по сравнению с ним мутацию. И потом все мальчики интересовались ею, звали к телефону, а он, ее брат, отвечал: «Ее нет дома». И ее никогда якобы не было, если ее просил пригласить к телефону юношеский голос, и он брал трубку.

Они оба никогда не говорили друг о друге иначе, как от имени «мы». «Мы оба — Кристина, — говорил он, — мы хотим то..., мы думаем это». А она говорила «Мы оба — Франсуа...». Никогда «Я» ни от того, ни от другого; они были всегда «тот и другой». Он сам страдал анорексией² с семи лет, но никто в семье этим не обеспокоился. Он был вытянутый, очень худой, спортивного сложения, активный, очень хороший ученик, и родители говорили: «Это так, он никогда не ест ни жирного, ни хлеба, никогда не ест сахара — и он так питается с семи лет» — возраст, когда родилась его самая младшая сестра. И к этому он мне дал ключ, он мне сказал, что это с тех пор, как его мать ждала «фантома»... Я у него спросила: «Что это за фантом?» — «Ну, вы понимаете, малыши, когда они рождаются, они встают на ноги в

[Фузионное состояние — состояние слияния с объектом.] [Анорексия — отказ от еды.]

колыбельке и двигают парусами. И я это назвал "фантомом"». — «И кто этот фантом?» — «Ну и это была девочка». — «Да, и это ваша сестра?» — «Ну нет, вы понимаете, если бы это был мальчик, я мог бы

быть братом, но поскольку это девочка...». — «Поскольку это девочка, вы тогда кто?» — «Ну, это моя сестра (он хотел сказать про Кристину) была сестрой». В его нелепом представлении он был бы братом, если бы новорожденный был мальчиком, но в данном случае он был ничем. Кристина, его ложный близнец, была «моя сестра», а младший был фантомом. На самом деле фантомом становился он сам.

Он мне сказал еще, что, когда его мать ждала «фантома», семейный доктор ей объяснил: «Вы должны этим воспользоваться, чтобы посадить вашего мужа на диету, поскольку он толстый, и это может повредить его сердцу». Действительно, пока она ходила беременной, отец Франсуа сидел на диете для похудения. И Франсуа добавил: «Вы понимаете, живот у женщин делает детей, а живот у мужчин душит им сердце».

Это потрясает то, что он смог мне сказать за несколько сеансов и... потолстев на двенадцать килограмм! На последнем сеансе он мне сказал: «Что у вас за профессия... Чему нужно учиться, чтобы получить эту профессию? Я хотел бы заниматься тем, чем занимаетесь вы!» — «Нужно быть сначала или врачом или психологом, а затем пройти психоанализ и научиться этой профессии».

Тогда он: «А, ну психоанализ, я знаю, это история эдипова комплекса. Да, мне рассказал папа». (И это было на последнем сеансе, сеансе прощания. Он захотел, чтобы отец присутствовал.) «О, это была история одного типа, ему мешал другой, от которого все время шел лай (51с!), и он его уколошил!» Я сказала: «Да, это примерно так, но есть и другое». — «Ах да, ты хорошо знаешь, — вмешался тогда отец, — я тебе говорил, это потому, что отец был влюблен в ту же женщину, что и сын (*еще хгс/*)»-

В любом случае, если вернуться к проблеме идентификаций, он потому никогда не ел жирного, что хотел стать мужчиной и не хотел иметь живота, который становится малышом. Отсюда анорексия, приводящая к обморокам. За несколько недель до попытки самоубийства, он был выбран главным в классе в лицее. Он мне объяснил: «Когда парни меня выбрали, я подумал: но ведь я не девочка, почему эти парни меня захотели?»

Когда он заговорил со мной о полной потере аппетита, из-за чего он падал в обморок, я ему сказала: «С чего это началось? Началось с невозможности есть или с невозможности какать?» — «Да-да, с невозможности какать. Понимаете, у меня было полно маленьких хлебцев в форме суппозитория¹» (речь шла о бутербродах, которые он назвал «в форме суппозитория», он их ел в лицее вместо обеда). «Это

меня заполняло целиком и более не могло выйти, потому что их было слишком много. И я уже не мог больше есть».

Как необычно, что пубертат при наступлении спровоцировал появление всех инфантильных фантазмов. Имело место смешение всех отверстий с образом пищеварительного тракта как такой «штуки», где складывается все, что он поглощал. У него возникла мысль препятствия посредством накопления. Впрочем, он сказал: «Вы знаете, это как трубы, когда они забиты; их нужно освободить». И для этого он освободил свой желудок, вскрыв брюшину кухонным ножом. Ему надо было убить фантома, чтобы стать реальным. В его случае анальная кастрация была дана сестрой. А, значит, с сестрой он себя и идентифицировал в момент усвоения моторного контроля над ним самим и мира вокруг него в пространстве ложных близнецов, где он себя считал подобным своей сестре. Он хорошо знал половые различия, но не знал разницы в поведении до того дня, когда желание мальчиков направилось на его сестру. Тогда он почувствовал себя потерянным, потому что он был покинут своим вспомогательным Я. До этого у него не было реальной автономии, вопреки очень высокому интеллектуальному развитию и редкой успешности в школе. Анальная кастрация ему была дана, но идентификация с мужчиной была невозможна, и Эдип был прожит в неопределенности образа тела, который не был образом тела мальчика; это был желающий-быть-мальчиком с бесполом или женским образом тела, ставшим бесполом субъективно от того, что он заметил, что он не был женщиной, но был вторично подвергнут угрозе (в его глазах) феминизации, когда в результате голосования мальчиков его класса он оказался избранным главой: он им нравился, как его сестра мальчикам.

[Суппозиторий — свеча; форма лекарства в виде цилиндров.]

Мы видим здесь, что *анальная кастрация должна быть дана теми, кто поддерживает, в том, кому они ее дают, то, что мы называем идентификацией с их полом*, Я-Идеальное ребенка — т. е. желаемая модель, та, с которой он хочет идентифицироваться, — и кто в жестах и словах ему запрещают нежелаемое моторное поведение *в соответствии с законами группы: поведение, подсказываемое желанием, но которое могло бы повредить ему самому или другому*. Из этого следует, что, если прячась или зная о неведении взрослого, ребенок экспериментирует из любопытства со своим желанием, не выполняет данных ему вербальных запретов и не только не

испытывает никакого ущерба, но получает удовольствие без вреда самому себе и другому, он сам открыл способ удовлетворять свое желание и тем самым испытал силу, на которую взрослый не считал его еще способным. Это самый важный момент в воспитательных отношениях между взрослым и ребенком двух-четырех лет. Когда эта моторная трансгрессия замечена воспитателем, тот должен поздравить ребенка, его послушавшегося, вместо того, чтобы сделать его виноватым за то, что тот послушался слов, поскольку целью этих слов было всего-навсего предохранить его от реальной опасности, а вовсе не делать его зависимым от слова запрета на двигательность. Эти слова становятся неважными, коли ему уже не нужен запрет, чтобы находиться в безопасности при попытке осуществить свое желание. *И в этом вся трудность воспитания ребенка двух-четырех лет, которому хотят внушить, потому что так удобнее, что он или она не должны слушаться слов осторожности со стороны инстанции-опекуна: когда он переступает через них, и у него нет умысла, следует сказать: «Браво. Я тебе запретил/а, потому что не думал/а, что ты достаточно большой, чтобы сделать это без опасности для себя, но поскольку ты, оказывается, большой, я тебя поздравляю, отныне тебе это делать позволено; но не делай вот того, на что ты еще не способен до того момента, как почувствуешь, что сможешь, потому что может случиться то-то. Проследи также, чтобы тот ребенок, младше тебя, не делал этого, пока не сможет».*

Если, напротив, при попытке нарушить запрет или нарушив его, ребенок оказался беспомощным и обманулся в своих ожиданиях или причинил, не желая того, вред в своем проекте действия, анальная кастрация должна быть снова осуществлена ему словами, и

в то же время следует прийти на выручку его нарциссизму, так как он потерпел неудачу в своем желании переступить, что было желанием двигаться дальше в сторону идентификации со взрослым. Мы видим в основном, что воспитание осуществляется иначе. Ребенок страдает от неудачи нарушить запрет, а взрослый, обеспокоенный тем, что с ребенком чуть было не случился несчастный случай или произошел инцидент, действует агрессивно в свою очередь и часто радуется в садистической форме, говоря: «Это хорошо, ты послушался и, вот, наказан¹».

Такая манера давать анальную кастрацию совершенно неблагоприятна, бесчеловечна. И ребенку кажется, что причиной его неудачи является сам взрослый с его магическими словами, в которых

выражается его желание. Именно взрослый хочет как всемогущий навязать ему моторную беспомощность, которая рискует осуществляться из желания самого ребенка путем идентификации со взрослым, когда он будет домогаться успеха в реальности. Разумеется, необходимо, чтобы взрослый проговорил реальную опасность, беспомощность, в какой оказался ребенок перед действием, которое он хотел осуществить. Но взрослый должен ему объяснить, что уделом взрослых была бы та же беспомощность, если бы они на своем уровне попытались предпринять такие же действия, как те, что предпринял ребенок и потерпел неудачу. В первом случае он дает ребенку надежду однажды идентифицироваться с ним, развивая и соблюдая те же условия для действий; во втором случае он дает ребенку доказательство, что тот беспомощен не более, чем его родители, если бы им пришлось бороться — в их условиях—с теми же обстоятельствами при осуществлении этой опасной деятельности. Анальная кастрация дает ребенку безопасность, всячески поддерживая его свободу желать и его надежду быть успешным.

Ребенок открывает благодаря опыту, что запреты дают ему безопасность: когда он их нарушает, это приводит к реальному страданию. И этот опыт вызывает доверие к родителям и к их словам, ограничивающим его полную свободу. Однако следует знать,

Даже может сказать: «Бог тебя наказал».

что любая неудача является для него нарциссической раной, и в то же время страдание, которое он может испытать от неудачи, спровоцированной желанием своего произвольного действия, находится в порядке кастрации. Вот почему важно запрещать лишь на какое-то время то, что может навредить ребенку в данный момент, но что он сможет успешно сделать, когда станет старше или будучи взрослым, в соответствии со способом анальной этики, и это будет безопасно, когда ребенок овладеет технологией. Необходимо, чтобы ребенку было сказано в утвердительной форме, что со временем, приложив терпение, понаблюдав, развив большую ловкость и при идентификации с поведением взрослых, кому он может доверять, его настойчивость и усилия будут вознаграждены: он сможет однажды развить ту же силу, которую видит у родителей, и, может быть, даже будет более сильным, чем они. Из всего этого вытекает, что взрослые, родители или другие, способные дать ребенку анальную кастрацию с максимумом символической эффективности как для его игровых,

производительных, художественных или практических способностей, так и для его социального смысла и уважения к другому, — это те люди, кто не проецирует страх в любой ситуации на действия малышей, за которых они отвечают. Это те, кто готов отвечать на все вопросы, задаваемые ребенком, не выходя за пределы того, что он спрашивает, кто способен быть разумными и оказать ему помощь, когда он нервничает и обескуражен от того, что не может достичь того умения, которого домогается, не располагая для этого адекватным техническим средством.

Это те, кто может сказать «нет» желанию ребенка, когда тот поступает вопреки закону «не навреди», в силу, например, стремления обладать — утащить, захватить, украсть чужие личные вещи в отсутствие их хозяина, либо в силу реально опасных для его возраста действий. Когда я говорю, что ребенок должен научиться относиться с уважением к чужому в отсутствие хозяев этих вещей, это возможно лишь, если ребенок сам имеет в своем владении собственные предметы, принадлежащие ему, и если взрослый не узурпирует себе право покушаться в отсутствие ребенка на его добро. Можно видеть, например, как некоторые мамы и папы регулярно выбрасывают игрушки своего ребенка под предлогом, что они сломаны. Есть родители, которые конфискуют игрушки или заставляют ребенка доверять им подаренные ребенку деньги. Они не отдают себе отчета в том, что, делая это, они подрывают возможность уважительного отношения к чужому. Прежде всего, дети разбирают игрушки на части, так как это составляет часть их игры, и никогда ничто, принадлежащее малышу, не может быть выброшено, если такое решение не принял ребенок. Аналогично ни одна вещь, принадлежащая ребенку, не должна быть у него конфискована в наказание. Если предмет забирается у ребенка, то это может быть лишь потому, что он представляет реальную ценность и чтобы помочь самому ребенку, который рискует нанести ему ущерб и пожалеть потом об этом, поскольку цена предмета и степень его сохранности исключают возможность его замены. Но никогда нельзя сказать: «Я конфискую твою куклу, потому что ты разбил/а китайскую вазу».

Если с уважением отнеслись ко всему тому, что ребенок складывает в свой ящик с игрушками и что для него — по личным причинам — является абсолютно ценным, он будет естественным образом относиться с уважением к чужим личным предметам. Мы видим, что *анальная кастрация может быть дана лишь, если родители реально относятся с уважением к ребенку и принадлежащим ему вещам, если*

они воспитывают его с доверием к его уму и к жизни в становлении этого маленького мужчины или маленькой женщины, оставляют широкое пространство для его инициативы, снижают изо дня в день число накладываемых на него запретов, по мере его развития и приобретаемого опыта: иногда ценой нарушений родительских предписаний, что рискованно, но если они удаются, то ребенок выходит из этого без инцидентов.

Когда у ребенка удачно проходят нарушения и его непослушание оказывается ему на пользу, он чрезвычайно внимательно прислушивается к тому, что ему будет сказано. Будут ли его ругать, за то, что он ослушался, или будут гордиться его успехом? Признает ли взрослый, что он недооценил степень развития способностей ребенка, продолжая запрещать то, на что ребенок способен; ребенок будет еще больше доверять тому взрослому, который был внимателен к нему ради его безопасности, а не для того, чтобы его держать в зависимости от себя. Когда ему будет дан другой запрет и будет сказано, что в предыдущие разы он нарушил запрет и справился с задачей, но в данном случае дело слишком рискованное, даже катастрофическое для него и для других, ребенок послушает и не ослушается.

Много воспитательных идеологий в момент анальной кастрации — т. е. между полутора и четырьмя-пятью годами, когда развивается двигательность, когда важно значение согласия в играх с другими детьми, когда обнаруживается ценность контроля над телом, источником удовольствия и здоровья, — являются причиной нарушений в характере в семье и обществе. Эти нарушения проявляются либо в виде торможения, либо в неуважении любого правила поведения. Неуспех в социализации ребенка происходит от того, что воспитатели относились изо дня в день с неуважением к желаниям моторных инициатив, в то время как они не содержали никакой реальной опасности, но просто потому, что они издавали шум, нарушали порядок в пространстве и вызывали у родителей фантазматические страхи, во имя которых они придумывали пророчества несчастья, угрожали наказаниями или поркой: и все это при малейшей попытке нарушить абсурдные и садистические запреты, касающиеся движений, важных для здоровья и воздающих должное ребенку.

Так, запрет пачкаться, устраивать беспорядок, шуметь в игре, лезть на мебель (стоит ее лишь прикрепить к стене), на толстые ветви деревьев, трогать то, что трогает взрослый, при том, что он хорошо наблюдает за тем, как он за это берется, чтобы, в свою очередь, стать ловким. Ребенок хочет подражать взрослым, это его обязанность, если

можно так сказать; он должен быть поддержан в своем усилии вниманием и заботой. Ребенок с возраста года и десяти месяцев — двух лет может владеть своими руками и всем телом столь же ловко по отношению к внешнему миру, как и некоторые взрослые, не будучи способны контролировать сфинктер для абсолютной континентности¹. В четыре-пять лет, если он воспитан в доверии, он может быть очень искусным, если его научили технологии и если он радуется, помогая, в свою очередь, взрослому всякий раз, как тот ему это позволяет. Разделенный таким образом труд, двигательная активность с утилитарными целями, игры с родителями, любая деятельность, когда каждый получает удовольствие, обмениваясь высказываниями о том, что они делают и что умеют делать, все это удесятерит удовольствие к тому, чтобы действовать у ребенка, и готовит его к развитию и достижению полной автономии приобщением

[Континентность — здесь: самообладание.]

1-6119

изо дня в день к приобретению умений, соединенных со словами и дружбой между ним и взрослым, между ним и другими встреченными детьми, дружбой, которую он прочувствовал благодаря совместной деятельности.

Выше я указала, что *анальная кастрация обязана своим названием тому, что она берет начало в произвольном функционировании сфинктера и его контроле*, даже если его гуманизирующее значение выходит далеко за пределы этого одного достижения, которое называется достижением чистоты, и касается автономного поведения ребенка для удовлетворения своих потребностей, содержания своего тела, бессознательного воздержания во время глубокого сна. Скажу даже, что *когда это достигается в очень раннем возрасте, оно неблагоприятно для воспитания и калечит ребенка. То есть оно не действует как символическая кастрация*, открывающая ребенку удовольствия сублимации анальных влечений. Как и все другие млекопитающие, ребенок способен достичь стихийно контроля сфинктера в нужное время, независимо от того, добивался ли этого взрослый-воспитатель. Контроль сфинктера наступает «естественно», как только это позволяет нейрофизиологическое развитие, ю, что взрослые делают слишком рано, и/или слишком настойчивый акцент на требование быть чистым несет тот смысл, что они приписывают потребностям вес, который на самом деле должен быть обращен к желанию коммуникации и к социализирующим обменам.

Именно так поведение взрослых, демонстрирующих желание контролировать потребности детей, приводит к совращению части детей, толкая их к тому, чтобы изображать удержание, чтобы понравиться или не понравиться требующему взрослому. Отношение к какашкам как ценности, вследствие оказываемого им внимания, вызывает интерес трогать экскременты в горшке, и тогда ребенок, действуя тайком от взрослого, получает удовольствие, пряча их, чтобы... ими поиграть, как он думает. Ребенок, у которого никогда не просили или не требовали экскременты, не играет с ними и предпочитает играть с другими объектами, кроме случаев, когда у него совсем нет ни игрушек, ни предметов в распоряжении. Он берет свои экскременты, потому что это первый частичный («мамаизированный») объект, который он может найти в своем пространстве; но если у него есть игрушки, предметы, которыми интересно орудовать, брать в рот и т. д., он никогда не будет заниматься какашками. Р^етку до них, нет

дела, если он не делает заключение об отношении матери — каждодневно — как к ценности к содержимому своих подгузников и горшка. Данная здоровым образом анальная кастрация, т. е. не центрированная на писать-какать, но на ценности моторики рук и тела, должна позволить ребенку провести субституцию удовольствий от оправления (имеющих ограниченный характер) радостью от «делать», «орудовать» объектами вокруг него как для своего удовольствия, так и продвижения на пути идентификации со взрослыми и родителями. Руки, на самом деле, есть место перемещения эрогенной зоны после отлучения от груди. Они действуют на объекты: как хватающий рот, как зубы, как клещи челюстей, пальцы вонзаются в мягкие предметы в поле их досягаемости, они их царапают, расчлняют, ощупывают, оценивают формы. Любимая игра ребенка — рвать руками с радостью. В этом использование «рта рук». Малыши высказывают иногда бьющую через край радость, когда они достигают такого владения предметами, стихиями — водой, землей; человеческую радость первого разрушения, что для них есть созидание, поскольку является переносом на частичные объекты, вызывающие удовольствие, для рук, на частичные пищевые объекты, вызывающие удовольствие, для рта. Желание никогда не насыщается от тактильного обследования предметов. Слова отца и матери относительно этого исследовательского «трогания-всего» приносят безопасность, где они присутствуют при первых проявлениях наблюдения и творения как пред-изобретательские этапы, хотя в начале эта исследовательская работа предстает как разрушительная, даже вредительская. И лишь впоследствии, после того как пройдет определенное время тренировки разрушающего на внешний взгляд характера, деятельность рук становится конструктивной и собирающей, как, например, в складывании кубиков. И тогда посредством перемещения орального желания, а затем анального, ребенок становится ловким и умным, соблюдает физические законы в соответствии с приобретенными в результате опыта сенсорными ориентирами, в частности законами притяжения, с которыми он начинает считаться.

И эти двигательные и творческие приобретения будут вызывать затруднения в случае, если приписывают идиотскую ценность «проблеме» писать-какать и ранней континентности ребенка. Ребенок к этому способен всегда сам по себе, а воспитание состоит лишь в том, что, когда континентность наступает, приучить ребенка к тому, чтобы оправиться в предназначенном для экскрементов месте как для

взрослых, так и для детей, в туалете, и чтобы он сам с ними разбирался в гордом одиночестве, как только это неврологически возможно. И, действительно, ребенку кажется, что взрослые, которые ходят в туалет и там закрываются, обладают крайне ценным символическим ключом, тем более что ребенок их туда не сопровождает. Пописать и покакать в месте, предназначенном для взрослых, и способом, выражающим континентность, характерную для больших, дает право на достижение нового этического уровня, выдающим с полной автономией для удовлетворения потребностей тела лейбл человеческого достоинства в обществе.

Лишь среди детей, от которых требовали слишком рано континентности, обнаруживаются те, у кого с опозданием развивается схема тела в образе тела. Поскольку для них это единственный способ остаться субъектами путем оппозиции настойчивым предписаниям матери и лишения себя удовольствия, с которым она — и которое ребенок чувствует орально и анально как инцестуозное — занимается его писами-каками и ягодицами, этой зоной одновременно стыдной и священной, где потребности и желания лежат в основе контрадикторных этических ценностей¹. Ребенок на анальной стадии сам способен контролировать удовлетворение своих потребностей, он не оправляется в постель ночью в возрасте от года девяти месяцев до двух лет трех месяцев самое позднее, при условии, что не было никакой воспитательной дрессуры, а воспитание было нацелено на развитие его человеческого во всех его поступках — овладение моторикой, сенсорикой и ее выражением в речевых обменах, расширение словаря, принятие обычаев и правил поведения в обществе, посещение других детей — и в этом состояли усилия воспитателей-опекунов.

Есть матери — эксгибиционистки и вуайеристки: они на людях могут говорить о стуле своих детей и оголяют их, чтобы переодеть, неважно, в какой комнате и перед любым человеком.

Естественная континентность всегда наступает спонтанно для ребенка, воспитанного в доверии, в уважении к его человеческому достоинству среди старших по возрасту и взрослых, с которыми он вправе идентифицироваться, как только это станет неврологически возможным, не подвергаясь одергиванию: «Ну нет, не ты, ты еще слишком маленький!» Она не наступает естественным образом у тех детей, кто под предлогом, что они маленькие, не могут удовлетворить

свое желание действовать, когда они его испытывают, и тем способом, каким это, как они видят, делают другие.

Ребенок, ставший континентным спонтанным образом, никогда не мешает взрослым, если только они терпимы к его вопросам, просьбам, действиям, инициативам. Просьбы ребенка, хотя иногда утомляют родителей, всегда разумны; и если взрослые видят, что ребенку не удастся осуществить желание, лучше будет обнадежить ребенка предпринять новую попытку позже, чем бросать ему в лицо: «Ты видишь, я же тебе говорил/а!» Многим из детей приходится подолгу находиться в общественных местах или, например, за столом в неподвижности, которая им вредна, ради удовлетворения родителей. И у себя дома они не получают помощи в том, чтобы стать более умелыми, а каждый ребенок желает этого. Его неумелость происходит часто как из его неопытности, недостаточной концентрированностиTM и наблюдательности, так и, в особенности, от недостатка объясняющих слов со стороны тех взрослых, за которыми он любит наблюдать в их деятельности. Ребенку необходимо понимание того, как это делается, следовательно, нужна вербальная помощь родителей, которые бы объяснили, что если бы они взялись за дело так, как это сделал он, они бы столкнулись с такой же задачей. И опять же удовольствие от способа «делать» с материалами и предметами достижимо лишь через сублимацию удовольствия испражнения, удовольствия производить самому субстанциальные частичные объекты — «писи» и «каки», удовольствие от любого другого «делать» является переносом в его аффективном, символическом и речевом интересе в подлинном смысле этого слова.

Правда то, что с самого рождения экскременты ребенка по необходимости являются объектами интереса для родителей: ибо их регулярность и удовлетворительный внешний вид, так же как функционирование пищеварительного тракта, дают возможность

врачу и матери судить о здоровье ребенка. Более того, для него эти объекты интереса к испражнениям смешиваются также с тактильными ощущениями его соприродной связи с матерью и с обонятельными ощущениями от того, что покакал в подгузники, и он их испытывает, даже когда ее нет. И она добавляет к этому, забирая у него подгузники во время его туалета и удаляя это тактильное ощущение на попе, — тогда он воспринимает характерный запах, мимические оценки (речь), которые не проходят для него незамеченными. Это она приобщает его к умению владеть руками, демонстрируя его по отношению к

частичным объектам выталкивания, обусловленным потребностями, а также к роли, которую ребенок, благодаря этому умению, может выполнять по отношению к данным объектам, служащим в том числе его желанию и удовольствию, которое может принести процесс испражнения: удовольствие, испытываемое чаще всего в одиночку, а до того разделенное с матерью.

Это потребности, какаясказала, но приобщение ребенка «делать» происходит через все отношения с матерью, с этим связанные, после того как это произошло с «поглощать» для желания. С развитием своей схемы тела ребенок становится естественным способом чувствительным к тому, что он может — исторгая или мешая исторжению — испытать локальное удовольствие или удовольствие на расстоянии, влияя на эмоциональное состояние взрослого по отношению к себе. Умение играть своими испражнениями может, во имя воспитательных требований, стать общением, исполненным смысла, с другими — речевым общением и обменом предметами. Много писали — даже слишком много — о какашках-подарке: это очень свойственно некоторым способам воспитания малышей, что достаточно распространено у нас.

Отсюда важность того типа ответа, который дает взрослый, в частности, мать. Если создается впечатление, что она придает такое же значение получению, виду или отсутствию частичного объекта испражнения, что и ребенку в целом, — болтая, улыбаясь, перебирая предметы и обмениваясь ими с ребенком, — она придает речевой смысл потребностям, испражнениям как таковым, в то время как для ребенка речь идет совсем о другом. Испражнения как таковые не могут быть подарком. Они становятся таковым для

ребенка, если мать больше радуется им, нежели его игровым действиям руками и голосом. Анус становится тогда в некотором роде субститутом рта, поскольку она наделяет смыслом анальное означаемое. Именно так какашки могут стать или остаться кака-подарком. И мы видим матерей, которые радуются, рассказывают всем про то, как пописал или покакал ребенок!.. И он, уже готовый к пер-версивности, старается еще более понравиться матери, «показывая себя», выставляя напоказ свой талант. Он приносит горшок и показывает всем гостям. В этот момент он подлежит не наказанию, но символической кастрации: «Не приноси это, лучше принеси свою игрушку. Ты же никогда не видел, чтобы я или папа приносили свои "каки" показать всем». «Принеси сладости, покажи нам игрушки, которые тебе интересны,

приходи побыть с нами, если хочешь, но тогда и делай, как мы». Так мать помогает ребенку — который хочет в силу своего общительного характера показать себя интересным, принять участие в жизни группы, сделать, чтобы его там приняли, — внести что-то в социальный порядок.

То огромное значение, которое придают какашкам, существовало недавно¹. Важность испражнений малышей и детей не существовало до языка, называемого «делать по-английски». С этим столкнулись, в известной степени, из-за «лености» матерей стирать подгузники. Чем раньше ребенок становился чистым, тем меньше у них было стирки в то время, когда не было стиральных машин, не было ваты из целлюлозы. Верно также и то, что и ребенок понимал выгоду от того, что был сухим. Когда он был мокрый, ему было холодно, случались колики. Был целый комплекс оснований для страха, как в отношении работы для матери, так и преследуемого риска. Когда я была ребенком, не существовало штанишек из каучука, а пеленки делали из шерсти, но мокрый ребенок мог простудиться, и детская смертность как раз не давала покоя матерям.

Тем не менее, если субстанциальными средствами обмена остаются преимущественно уретральный и анальный частичные объекты, каковыми являются экскременты, и в той самой мере, в какой

В некоторых книгах авторов-психологов, где даются советы матерям, звучит мысль, что восхищение фекалий-подарком составляет часть набора действий т. н. «хорошей матери».

эти грубые частичные объекты бессознательно и неизбежно производимы телом, ребенок привыкнет считать, что его пассивное послушание дать свои экскременты тогда, когда взрослый этого хочет, представляет собой гармоничное межчеловеческое отношение. Это первертирует то, что составит смысл креативности ребенка, образуя принудительное смещение в становлении, что делает из ребенка функционирующую «вещь» беспокойной матери, когда она не обнаруживает в горшке того, что хочет увидеть.

И это вызывает сожаление ввиду предстоящей гуманизации для детей, чьи матери считают необходимым посвятить — под предлогом воспитания — все свое внимание дрессуре: т. е. после согласия на ту пищу, что навязывает мать, испражнения по ее воле. Любая дрессировка есть перверсивное побуждение к пассивности, к пролонгированному паразитированию; мать замедляет тем самым в силу простого факта своих требований и регулярности, навязываемой ею

ритмом потребностей, интерес ребенка к двигательной игровой активности, доступ к хождению, телесной и ручной ловкости. Эти оба вида деятельности требуют мышечного расслабления, которое неизбежно вызывает «неприятности со штанишками». Ребенок еще не способен из-за недостаточности своего неврологического и анатомического развития (до года девяти месяцев — двух лет четырех месяцев) одновременно контролировать то, что видит, и то, что слышит, то, что его руки изобретают или как они играют, и свой сфинктер. В этом возрасте он еще не может быть одновременно «на ярмарке и на мельнице». К счастью, многие матери устают от того, что не могут получить, что хотят, и обращают свой интерес к другим проявлениям развития ребенка, откладывая на позже столь утомительную для них дрессировку, неиссякаемый источник эмоциональных ссор с малышом, если он с характером: и это лучшее предзнаменование для будущего, чем если бы он был в этом послушным матери.

Для ребенка девяти-десяти месяцев самое раннее вхождение в активную анальную стадию двигательного удовольствия всего тела есть наступление желания и удовольствия произвольных двигательных открытий: сначала позвоночника и верхних отделов, затем таза и нижних членов. Они становятся способны на произвольное перемещение в положении сидя или ползком, на ловкость рук, в которой он находит все большее удовлетворение. Наконец, ребенок выпрямляется для ходьбы в возрасте около года, иногда позднее. Счастлив тот ребенок, кто открыл для себя сам, что может ходить, которого никто не держал в стоячем положении и не заставлял ходить, как это слишком часто бывает еще до того, как он открыл сам свои возможности. Это момент чрезвычайной радости для ребенка, когда он впервые сделал открытие, что может идти вперед сам на своих двоих. И, само собой, желательно, чтобы он сделал это открытие, когда рядом нет взрослого.

В любом случае свои первые шаги ребенок делает из желания пойти к матери или к чему такому, что его привлекает. Когда он делает свои первые шаги, он совершенно поражен. Если тогда, когда он пошел, возникает неприятный случай, он не возобновляет своих попыток месяц-другой, поскольку ассоциирует этот инцидент с открытием ходьбы.

В своем материнском опыте я находилась в положении матери, незаметно присутствовавшей в этом переходе к вертикальному хождению, и могла наблюдать на лице ребенка это удивление. Это очень

волнующий момент видеть эту потрясающую ликующую радость у маленького мужчины или маленькой женщины, изобретающих стояние.

Теперь ребенок может перемещаться в пространстве. Это двигательное перемещение, осуществляемое сначала ползком или на задку, он его повторяет ползком, хотя и умеет ходить. Нужно, чтобы матери понимали, насколько необходимо для развития грудной клетки и мышц спины, поясницы и плеч, чтобы дети как можно дольше ползали, даже если они умеют ходить. Затем ребенок с удовольствием пользуется устойчивой опорой, которую он толкает перед собой, и это дает ему наслаждение и помогает овладеть своим телом; в то же время он испытывает удовольствие пойти к матери и уйти от нее своим ходом. Он замеряет так по своему хотению свое пространство безопасности в рамках автономии, предоставляемой ему матерью, чувствующей себя вполне спокойной, для исследования квартиры и пространства вокруг нее.

Передвижение внешних предметов и его собственное автономное перемещение в пространстве является для ребенка речевой метафорой — в аспекте двигательного самовыражения, благодаря

возможностям своего скелета и мышц — пищеварительного перистальтизма, который перемещает пищевой объект ото рта к анусу¹. Именно это позволяет объяснить то, что ребенок, который пошел в первый раз, оторвавшись от опоры, возвращается ползком в место, где он встал и пошел, и повторяет несколько раз, прежде чем поймет, что может идти и дальше. Нужно, чтобы двигательность оторвалась от своих первичных условий, чтобы она могла быть введена в практику двигающегося субъекта и не зависела от условий внешнего пространства². Но это можно наблюдать лишь в самом начале хождения. Повторим: условия, сопровождавшие ходьбу к объекту, можно сравнить с работой перистальтики, движение ото рта к анусу, и ребенок возвращается в место, где он открыл возможность встать и пойти, чтобы возобновить этот опыт. Ребенок, открывающий ходьбу, не может тут же повторить опыт в обратном направлении, т. е. вернуться на двух ногах оттуда, куда он дошел, сделав несколько шагов в осуществлении своей первой смелой попытки, до того как упал на попу. Он никогда не разворачивается, чтобы вернуться, когда ходит. Он всегда идет по прямой, можно сказать, что он продолжает перемещение некоторое время в пространстве, как в схеме устной речи (метафора движения из одного отверстия тела к другому).

Смена плана, иначе говоря, «подняться» и «опуститься», — это новое открытие, которое может предшествовать ходьбе и возникнуть с момента ползания. Но ребенок, поднявшийся по ступенькам, еще не может сам с них спуститься. Это также удивительное зрелище наблюдать, как впервые происходит взбирание на табурет с планками маленькой лесенки по бокам; само по себе это так же легко с нее спуститься, но, поднявшись с одной стороны, ребенок хочет спуститься с другой, головой вперед, из-за чего он падает. Аналогично тому, как он не думает, что можно, прошагав несколько шагов, развернуться и вернуться, ступая ногами; он сумеет спуститься задом лишь после долгого научения. Есть одно направление в порядке вещей. Другое направление будет для него нарушением порядка. Это как если бы он

Может быть, это объясняет наступление анорексии для некоторых детей, когда они открывают для себя ходьбу.

² Некоторые дети умеют ходить у себя дома и больше нигде.

ходил задом наперед во время своих первых попыток ходьбы. Что для него немислимо. И немного позже, когда он овладеет ходьбой, когда произойдет изменение его поведения как совсем малыша, мутация, которая его заставит желать действовать «я сам», как это «делают» большие, в то время как раньше он пользовался их помощью, чтобы «играть» в «делая вид», действовать, как они. Начиная с этого момента, он хочет быть большим по-настоящему, а не делать вид, будто он взрослый. Слово «большой», слово, выбираемое очень рано, произносимое «сой» или «фам»¹, становится синонимом развития и нарциссирующей цели. «Посмотри, мама, посмотри, папа, я большой, я сам...». Потрясающе видеть лицо ребенка, его гордость, что он хочет попытаться сам превзойти тебя, чтобы одолеть свою идентификацию с большими. Его попытки имитировать старших дают понять маленькому ребенку, что он на это неспособен, что его слабость заключается в тазовой части и в невладении членами тазовой области. Его руки были инвестированы оральностью, перенесенной на предметы зубной агрессии: разорвать на части, бросить, переместить, свести вместе, разделить. Теперь инвестирование агрессивностью и тактильностью, присущими рукам, перешло на ноги. Мы знаем, как дети любят исследовать пальцы ног, пятки, икры вплоть до места, откуда они берут начало. — подмышки и половые органы, анус, область ягодич. Они любят себя щипать, это по-прежнему остается привилегией рук, в основе лежит перемещение щипка рта на область кисти, которая к тому

же открывается и закрывается как сфинктер, благодаря противопоставленности большого пальца другим. Ягодицы остаются привилегией рук взрослого, у ребенка в возрасте двух с половиной лет часто руки недостаточно длинны для того, чтобы добраться до любой части тела (лишь в шесть лет правая рука может достать через голову мочку левого уха). Но это также потому, что он не знает тактильную форму ягодичной щели и анального отверстия, он стремится изучить. Все его действия с телом должны сопровождаться словами, обозначающими разные части, и мы далеки от мысли, что мать, когда видит, как ребенок трогает их, не должна давать

[Имитация детской речи: «большой», «сам». В оригинале: «slap» и «Ioi ze!». — *Прим. перев.*]

ему трогать себя. С самых первых слов, когда ребенку было всего несколько месяцев, если ему удалось случайно на несколько мгновений ухватить себя за генитальную область, — когда руки его были всего-навсего маленькими клещами, сжимавшими все, что им попало, и тащавшими все, что удалось ухватить, малыш, если мать в этот момент не надавала ему по рукам, смог получить ощущения, совершенно отличные от тех, которые он мог иметь в другом месте, а также от тех, что вызывались уходом матери за ним.

С наступлением на анальной стадии умения управляться руками и владения всей мышечной системой, ребенок делает в гораздо более конкретной форме все то, что ему было известно о теле, в тактильности, навязанной матерью. Теперь его собственные открытия в центре его интереса. Ему нужны слова, чтобы специфицировать все эти чувствительные области исследования его тела, и нужно, чтобы эти слова ему дали понять, что он сделан так же, как и другие люди. Ибо он испытывает потребность в словаре, чтобы знать географию тела, в частности, урогенитальную область функционирования его системы опорожнения, активной и чувствительной, пассивной и сдерживающей, функционирования, которому он любит предаваться, не зная еще, какими словами выразить удовольствие.

Выражения «пись-пись», «кака» ему очень интересны не только потому, что они заключают владение словом (оральность), но также потому что они ценятся в реальности, с того момента, как он их сказал, он может приказывать своему стулу. Речь идет о согласованном владении слов и функции, в то время как ребенок говорит «есть», он не может в это же самое время есть. Когда он говорит «пись-пись», он

может пописать, а может и нет. Он не может есть в то время, когда он говорит, но вполне может какать и говорить.

И в этом вся разница между дефекацией и тем, что происходит во рту. Вот почему запрещение разговаривать об этом приводит ребенка к мысли, что ему хотят запретить чувствовать, что он ощущает в этом месте так изобильно иннервированном и чувствовать умное сопряжение между, с одной стороны, владением функционированием своего тела, которым необходимо овладеть так, как это у взрослых и старших, с теми же сопровождающими их удовольствиями и, с другой стороны, с чувственными удовольствиями другого уровня, чем те, что связаны с поведением, способствующим его взрослению.

Невозможно ухватить важность получения анальной кастрации, если не понимать, что именно она позволяет приобрести адекватное и гуманизированное владение двигательностью, пусть это будет в виде, помимо других, научения ходьбе.

Определяющий — для дальнейшей жизни ребенка — характер анальной кастрации состоит, если говорить одним словом, в том, что она есть череда событий, которая сделает возможным (или нет) сублимацию экскрементальных проявлений в форме *делать производительно и творчески*. В это же самое время фаза отношений ребенка, о которой мы говорим, — это та, где его задачей является овладение двигательностью и где ему нужно учитывать поведенческие реакции, воспринимаемые им как необычные, а именно реакции других живых существ, животных, взрослых и детей, которых его автономия позволяет встречать в пространстве, и они предстают перед ним вначале как новые, чужие для его обычного семейного окружения. Еще не владея автономным хождением, он был наблюдателем вне риска в нимбе семейной безопасности. И в этой безопасности, которой ему теперь не хватает, ребенок испытывает еще большую потребность, чем раньше, но в своем воображении, через слова, которые он хранит в памяти как наставления, касающиеся новых существ, которых повстречает- слова, несущие технологические знания о мире, частью которого он является, и которые он с каждым днем все больше открывает, слова, вводящие его в действия с вещами благодаря их постоянному присутствию в воспоминании, когда нет рядом родителя-воспитателя. Через эти объяснительные слова, которые он вспоминает, как если бы отсутствующий родитель вводил его в то, как ведут себя еще незнакомые ему существа и вещи.

Эти наставления позволят ему внимательно рассмотреть незнакомое пространство, осваиваемое им каждый день, поддержат в освоении семейного дома, во всех комнатах, вне фантазматической опасности. Он сможет его завоевать благодаря вербализованному знанию, дающему ему возможность брать новые высоты в развитии. И он чувствует себя признанным в этих первых нарциссических испытаниях, когда они не заклеены, как другие «дурости», и в реальных успехах всякий раз, когда он действует, как делают — он это видит — большие.

Легко на этом промежуточном этапе между малышом, каким он является, и большим, каким он желает быть, интроецировать неудачу и успех как магический эффект, причиной которого является хитрость вещей, желание навредить у животных, растительных созданий или еще инертных вещей, которые ребенок антропоморфизует по модели своей всемогущей матери. Ребенок на этой стадии проецирует антропоморфизированные интенции поглощения или отбрасывания или вреда на все, что ему сопротивляется, все, что у него вызывает страх — по делу или нет — в его контактах с объектами.

Пример: ребенок девяти месяцев, быстро передвигающийся на четвереньках, получает от отца, когда пытается сунуть пальцы в розетку, запрет это делать; если он будет это делать, ему будет очень больно, и папа категорически запрещает совать пальцы в дырки розетки. Как любой девятимесячный ребенок, он пытается, поскольку умный, переступить через запрет. И в какой-то момент, когда никто не видит, он совершает запрещенное действие. Раздается крик. К нему приходят. К счастью, в этот раз вред не очень большой. Но ребенок показывает на розетку и говорит с ужасом: «Папа там!» Спустя три дня приходят в гости бабушка и дедушка. Он делает знак деду идти за ним. Сам бежит впереди на четвереньках. Показывает розетку издалека и снова: «Папа! Там!» Короче говоря, человек, давший ему запрет, присутствует для него там, где он, переступив запрет, получил неприятный электрический разряд¹.

Любой удар по нарциссизму толкает ребенка укрыться в знакомых удовольствиях без ущерба, следовательно, для своей схемы тела. В этом возрасте все телесные удовольствия фокусируются в полости рта, во рту, в анусе, для мальчика на члене, для девочки на вульве и клиторе; удовольствия, вызываемые посредством рук. Слишком многочисленные запреты трогать внешние по отношению к своему телу предметы заставляют ребенка считать свои руки опасными; и если ему запрещают трогать свое собственное тело, ему приходит мысль ви-

То, что делаем мы, взрослые, когда, нарушив порядок законов, вписанный в плохо схваченную реальность вещей, мы думаем «Бог или Боги этому препятствуют». То же, когда наши невротические процессы складываются так, что ведут к неудаче или болезни, мы ищем ответственного преследователя, злую судьбу, короче, «врага».

деть в теле — целом или части — объект опасности, который может быть рассеченным и поглощенным, и считать свои половые органы в опасности при посредстве рук. И они в самом деле сами по себе представляют беспокойство для некоторых детей, кому без конца говорят «Не трогай!»

Желание расчленять, разбирать, все трогать — способ для ребенка сделать открытие, что его руки способны, как и руки взрослых, заниматься чем-то другим, помимо рта, сиделища или половых органов. У него развиваются ловкость рук, визуальное, слуховое и тактильное узнавание предметов; в то же время, овладевая умениями обращения с ними, он научается справляться с опасностями, экспериментирует с их утилитарным предназначением или узнает приятные стороны, иначе говоря, он примиряется с миром, научаясь со-знавать его и себя, делать его близким себе.

Неудачный опыт, когда он совпадает с насмешкой, неудовольствием или беспокойством взрослого, добавляющего к этому временами сентенции типа «Этот ребенок меня убивает», или «Он себя погубит», «У него только глупости на уме», «Это хорошо, вот что значит не послушаться», — моментально проецирует для рано развитого ребенка его желание в деструктурирующую плоскость ужасающего одиночества в окружении опасностей, которые поджидают под личиной привлекательности, опасностей, угрожающих ему, и с которыми его родители согласны, а значит в сообщничестве, и, следовательно, становятся преследователями. Любая привлекательность порождает в образе тела двигательный функциональный образ. При разумном использовании желание развернет его к поиску удовольствия, которое в случае, если он того добьется, приведет его к еще большей автономии.

Перед лицом неудачи ребенку нужны слова, которые ему объяснят причину, не порицая его, и примирят с намерением, лишая «волшебства» опасность, которой он подвергся и о которой он подумал, что она была ему нарочно подстроена родителями. Необходимо ясность в том, как получилась неудача, что она может также постигнуть и взрослых, поскольку речь идет о реальности вещей.

Перед лицом своих неудач ребенок чувствует себя униженным в своих глазах и просит утешения либо криком, либо идет жаловаться, как маленький, к матери. Однако часто, когда ребенок просит

помощи у взрослых, потому что совершил неловкость, хотя хотел чего-то добиться, он бывает отвергнут агрессивными словами: «Замолчи, оставь нас в покое!» Или взрослый его оглушает своим собственным страхом, заключая в свои объятия вместо того, чтобы вернуть к препятствию, показав собственными руками или ногами, объяснив при помощи слов, как он мог успешно справиться с задачей. Скажем больше: если взрослые делают за него то, с чем он не справился, потерпел неудачу, это столь же плохо, как если бы они ничего не делали, поскольку они удаляют желание к опыту, давая немедленный результат. Отсюда усиление зависимости, в то время как ребенок пытался сделать себя независимым от матери.

Начиная с того момента, как ребенку нравится для своего удовольствия сидя управляться с предметами, затем когда он начинает двигаться на четвереньках или на попе, еще более когда он начинает ходить и все исследовать, способ поведения взрослого рядом с ним является определяющим для развития этого ребенка. Роль присутствия взрослого — обеспечить безопасность окружения для того, чтобы ребенок чувствовал себя как можно более свободным действовать, как ему хочется. Нужно допустить беспорядок, передвинутые предметы, допустить, что он может что-то бросить на пол, чтобы они там повалялись. Все это предполагает терпимость, которая не свойственна многим, особенно в маленьких квартирах. И тем не менее! Если бы взрослые знали, что они вредят ментальному и сенсорному развитию, доверию к себе и к другим, не терпя шум и беспорядок, производимый здоровыми малышами и детьми трех-четырёх лет, я уверена, они бы отказались от манежей и воспитания «не трогать» и открыли бы раннее развитие, которое выражается через эту непрерывную активность, на первый взгляд лишённую порядка.

Присутствие взрослого, занятого своими домашними делами или работой, слегка приглядывающего за ребенком, позволяет дать ему, иногда в растерянности или недовольному, что не может добиться своего, технологическое воспитание посредством примера или вербальных объяснений: достаточно, чтобы он сопровождал словами действенные операционные жесты к тому, что ребенок хотел бы увидеть.

Следует также к этому добавить ободряющие дружеские слова, лишённые беспокойства; и никогда не пугать ребенка тем, что он

хочет делать (за исключением реальной и неизбежной опасности). Дать ему возможность заметить свою беспомощность и перед ее лицом обещать, что, когда подрастет, будет способен на это и на другое; но никогда не делать за него, не обманывать физической помощью, давая понять, что можно ловчить с трудностью.

Важно понять, что есть воспитание в этом возрасте. Приучение к горшку, естественно, является частью воспитания, и все дети, которые к четырем-пяти годам не овладели этим умением, — это те, кто не прошел двигательного воспитания. Была лишь его видимость, если можно так сказать, из-за слишком большой и инфантилизирующей помощи. Это в результате делает из них пожизненно нуждающихся в помощи, зафиксировавшихся (за исключением времени сна и в моменты выхода из-под внимания) в той поре жизни, когда они не контролировали свой сфинктер. На самом деле, воспитание маленького ребенка, начиная с возраста «все потрогать», возраста начала ходьбы, сводится к предположению его негласной просьбы «Объясни мне, как я могу делать все сам так же хорошо, как ты».

Нарциссизм, толкающий ребенка к идентификации себя с взрослым, которым он восхищается, выражается фактом, что он стал способен «проявить о себе материнскую заботу» самому, когда он хочет есть, положить себе, чтобы поесть, одеться, надеть носки, даже если ему пока не удастся натянуть или зашнуровать ботиночки. Он может найти убежище от неприятностей для тела так, как это бы сделала его мать: укрытие от напряжения и потребностей, когда, разумеется, у него в его распоряжении есть, чем кормиться. Он может также помочь младшему, изображая адекватно роль матери или отца. Он ведет тогда себя по отношению к человеческому объекту таким образом, чтобы дать ему избежать опасности и страдания (когда ревность преодолена, конечно, и особенно когда речь идет о ребенке другой семьи, которого ему на время доверили). В психоанализе мы говорим, что этот ребенок уже выработал пред-Сверх-Я относительно всего того, что касается тела и его выживания, как своего, так и другого. За исключением переживания сильных эмоциональных состояний, он более не может навредить другому, не забывает поесть и пойти в туалет. Разве что он приписывает любому другому свои желания: что как раз вызовет некоторые весьма полезные инциденты, находящиеся в ведении анальной кастрации.

10-6119

Действительно, *разница между воображаемым действием-с-другим, предполагаемым подобным себе, и реальностью, в которой другой вовсе не хочет вести себя, как он ожидал, научает ребенка следующему: что его воображаемое желание не соответствует воображаемому желанию любого другого.* Если другой отказывается быть его объектом или сотрудничать с ним, например, чтобы с ним поиграть, он испытывает разочарование. Но если инстанция-попечитель ему объясняет, что у каждого свои желания и что, когда желания встречаются, есть удовольствие для обоих, он откроет для себя ключ жизни в обществе. Увы, часто взрослые заставляют старшего играть с малышом, тогда как это не доставляет тому удовольствия и вовсе не нужно младшему. *Никогда не может быть здоровым учить ребенка получать удовольствие за счет неудовольствия другого.* Внушать ему это следует словами или давать пример.

Другая частая ситуация: ребенок, ради которого присматривающий взрослый «вертится», как говорят, «как юла» и удовлетворяет все его желания, этот ребенок в опасности и впоследствии среди других детей своего возраста он будет слабым. Почему? Потому что он не прошел анальную кастрацию в том, что касается различия между воображаемым двигательной активности, которую нужно перенести и дать перенести другому, и реальностью встречи с другим, желание которого совершенно не соответствует манипуляции другого, к которой он был приучен родителями.

То же самое касается старших детей, когда им дается перверсирующий совет уступить младшему брату или сестре под предлогом, что тот маленький, или допустить их до своих занятий совершенно другого интереса, в их время и пространство. Это мы постоянно видим в семьях: эти советы, эти впускания имеют извращающий характер как для старших, так и для самого младшего, но для самого младшего это хуже всего, ибо он не получает кастрации. Эта этика перверсии на анальной стадии невротически отразится на ребенке на генитальной стадии.

Я понимаю под «анальной кастрацией» запрет делать что-либо ради своего эротического удовольствия. Лимитативные запреты должны быть наложены на «делать» начиная с момента, когда «делать» вызовет неудовольствие или опасность для других, тогда,

когда пользование свободой реально стесняет свободу действовать другого.

Анальная кастрация должна научить ребенка разнице между тем, что есть его обладание, в чем он совершенно свободен, и тем,

что есть владение другого, использование чего должно пройти через слова просьбы, обращенной к другому дать на время предметы, которыми бы он хотел воспользоваться, и принимающего, что другой может ему в этом отказать. Помимо влечения к обладанию частичными объектами уважение к личному владению другим объектом вызывает у ребенка понимание его собственного пространства, которое продляется во внешний мир, но которое должно считаться с тем, что пространство другого продляется его собственными личными объектами, на которые не распространяются де факто его право, а лишь на те, что обусловлены *переговорами посредством речи*.

Воспитание влечений с момента анальной кастрации должно предоставить ребенку свободу давать или нет другому принадлежащий ему предмет, который тот желает взять, или произвести обмен — часто неблагоприятный для наивного, который стремится подружиться или испытывает искушение предметом во владении другим.

Обмены ведерками, лопатками в песочнице проходили бы очень рано и имели бы весьма социализирующий характер, если бы мамы не вмешивались: «Это твое ведро. Нечего его отдавать».

Когда ребенок растет, мы имеем, возможно, дело с дарением нерассудочным, с невыгодным, возможно, обменом или слишком выгодным (в зависимости от денежной стоимости полученного в результате обмена предмета): при условии, что речь идет о предметах, являющихся собственностью детей, участвующих в обмене, очевидно, что это не должно быть запрещено, но объяснено. *Нет имплицитной регламентации в дарении, но она есть по отношению к обмену*. Если машинка более ценна в глазах ребенка, чем красивая игрушка, полученная на день рождения, это его дело. Это достаточно тяжело принять некоторым родителям, но для ребенка — и для многих взрослых — вещи имеют более аффективную ценность, чем денежную. Обсуждение этого с ребенком имеет воспитательную силу, не следует продолжать себя чувствовать владельцами того, что они подарили детям, и им не следует определять, какой будет или нет аффективная ценность полученного подарка.

Анальный садизм?

На мой взгляд, когда во всех психоаналитических работах говорят об анальном садизме, что будто удовольствие вредить нормальным образом связано с влечениями этой стадии, совершают большую ошибку. На самом деле они говорят о детях, воспитанных в перверсии, без

уважения к их персоне. Ибо ребенок, который получает по мере своего желания двигательное™ ограничения во имя настоящих причин нанесения вреда (себе и другим), будучи поддержан и утешен опекунской инстанцией, которая ему утверждает, что позже у него получится, этот ребенок, поддержанный несмотря на чувство беспомощности ободряющими словами, совершенно не развивает желания деструкции по отношению к другому, в равной степени не понимает, что может быть удовольствие в разрушении. Никогда ребенок не проявляет садизм, разве что только в самом начале во время появления первых зубов. Садизм бывает оральный, но не анальный. Первертированная на определенной стадии этика в силу неданной или плохо данной кастрации (в данном случае отлучение от груди) может отравить перверсией следующую стадию развития. *Любое принуждение взрослого по отношению к ребенку является инициацией к садизму и побуждает ребенка идентифицироваться с этой моделью.*

Видно, что анальная кастрация — это (как для самого себя, так и для других) запрет на членовредительство в той же степени, как и на захват предметов, принадлежащих другому, и любого нанесения вреда относительно тела: не только тела человеческих существ, но и вреда ради вреда для единственно удовольствия того, кто, пользуясь силой и властью, наносит вред телу животных, растениям, утилитарным или декоративным, обычным предметам, используемым в жизни дома или окружающих людей; что есть вандализм. Вербализация этих запретов взрослым, который дает пример, соотнося свои действия с этими запретами, — это также анальная кастрация.

Малыш в возрасте от двух лет до двух лет восьми-деяти месяцев в самом разгаре анального возраста и, стало быть, произвольной двигательности также не получает анальной кастрации, символической в психоаналитическом смысле, если ему все запрещено и если его свобода в поиске — интенсивным и аутоэротическим способом — удовольствия от своих движений, акробатических трюков, хватания и приведения в беспорядок предметов, с которыми он может что-то делать, невозможна в течение дня и в пространстве того места, где он живет. Он не может также сублимировать свои влечения социальным способом, если у него нет компаньона для игры. *Именно благодаря компаньонам-ровесникам или немного постарше или помоложе в обучении через опыт, ему удастся избежать неприятных моментов, вызываемых силой другого со стороны старших и тех, что он сам причинит младшим, пользуясь своей силой.*

Анальная кастрация — это запрет вредить другому, который изо дня в день, начиная с возраста ходьбы, дается внимательным воспитателем, что делает возможным полезный и приятный импакт мышечной активности, предоставленной свободной инициативе, контролируемой на расстоянии и поддерживаемой воспитателем жестами и словами, так же как и постоянным примером. Это и следует давать ребенку — здоровое отношение к влечениям, отмеченным анальной кастрацией. *Желательно, чтобы к любой свободно принятой им деятельности в том, что ему нравится, взрослый отнесся с уважением, если она не вредит никому; и когда он играет и ему интересно, важно, чтобы ему не мешал взрослый. Равно как и он был не вправе мешать занятому взрослому.* И в этом пример имеет большее значение, чем слова.

Взрослый мужчина или женщина, родитель, старший по возрасту или внешний по отношению к семье человек, если он разумно дает кастрацию, которая длится несколько месяцев, иногда два-три года, если он не превращает свои высказывания относительно действий ребенка в садистические замечания ради своего собственного комфорта взрослого человека, нетерпимого к желанию ребенка, этот взрослый — настоящему здравомыслящий воспитатель — не проявит ни страха, ни напряжения, ни ворчливости, когда будет накладывать запрет на какое-то действие. Напротив, он будет краток, проявит расположение и уважение к ребенку. И если тот ему задаст вопрос относительно запрета, он сумеет ему объяснить, а не ограничится тем, что «все это для его блага». Он постарается ему объяснить, что является причиной его запрета, например, что его действие может повредить ребенку, но не будет прибегать к уловкам, ни к шантажу типа «чтобы мне доставить удовольствие». Нет ничего унижительнее в настоящем смысле слова для ребенка как запреты такого рода «Потому что я так сказала!», «Потому что я распоряжаюсь!» При этом ребенок не чувствует, что есть для него оправданный резон в опасности, т. е. ребенок не чувствует, что его любят в самом его развитии, а не как животное, которым распоряжаются и которому вменяется послушание. Взрослый воспитатель избегает всего, что может внести бесполезное беспокойство для ребенка, а следовательно, загнать вглубь его влечения. Он избегает также все, что может того перевозбудить посредством сексуальной антиципации. Воспитателем для такого малого возраста является тот, кто быстро понимает, с каким типом характера он имеет дело в данном ребенке: те, кого надо стимулировать, те, кого не надо стимулировать, лишь наблюдать за его прогрессом, не слишком обращая внимания, чтобы не

развить в них эксгибиционистские стремления, а наоборот, развить потребность в разворачивании того, что для них подлинно, не для того, чтобы они показывали это кому-либо.

Воспитывающим в отношении и словах взрослого-опекуна является все, что развивает пересечение схемы тела, которая теперь завершена, и образа тела, значительно больше, чем то, что будет развивать зависимость ребенка по отношению к зрительным, слуховым и приятным влечениям его ближайшего окружения.

Чтобы разумно заниматься детьми и по-настоящему носить титул воспитателя, чем облечены все родители, но по своим качествам они редко ему соответствуют по отношению к своим детям (но с другими они могут их проявлять), следует серьезно относиться к гражданской роли, которую могут нести старшие, чтобы способствовать развитию более младшего, в любой форме¹ при условии, что это согласие между детьми не использовалось родителями, чтобы самим ими не заниматься.

Сознание гражданского долга старшими важно для развития младшего, ибо, когда ребенок просит посмотреть, что он делает и что он считает сродни подвигу, необходимо иметь доверие взрослого и уверенность, что тот ему позволяет эти подвиги.

Быть в группе с более старшими и под их присмотром (не мешая им), слушать, наблюдать за ними в играх.

Вот почему эксгибиционизм длится у ребенка какое-то время, прежде чем он откажется от поиска этого чувства восхищения. Любому ребенку испытывает потребность, чтобы мама смотрела, когда он что-то делает. Это не должно длиться, но всегда имеет место в самом начале. Иначе ребенок не развивает у себя чувства гражданина. Он развивается только сам для себя. Нужно также, чтобы взрослый разделял и ратифицировал, что он делает, словами: «Это хорошо, у тебя получится лучше, если ты...». И когда ребенок захочет рискнуть, важно, чтобы взрослый сумел ему сказать: «Делай, если ты чувствуешь себя способным на это, но я не хочу смотреть на тебя, потому что мне страшно. Ты сам суди о том, способен ли ты на **это**».

И тогда ребенок возьмется или нет за то, чтобы сделать в отсутствие других то, на что он чувствует себя способным. Важно, чтобы воспитатель его поддержал в добывании личного опыта, плоды которого позволят усвоить способы автономии и признания в обществе детьми своего возраста. В то же самое время воспитатель обязан ответить на все

вопросы, задаваемые ребенком, и никогда не говорить ему, что это его не касается, поскольку как раз, если он проявляет интерес к чему-то, это означает, что это «его как раз касается». Или, если быть более точным, что ребенок это наблюдал и хочет, чтобы ему дали разъяснения по поводу того, что он наблюдал. Поддержать любознательность ребенка, вместо того, чтобы ее ограничить или запретить, в то время как она есть самое основное из влечений — эпистемологическое¹, — ключевой момент в воспитании оральных и анальных влечений без садизма. Накладываемый на ребенка запрет интересоваться чем-либо имеет антивоспитательный и даже вредный характер: интересоваться чем-либо никогда не может нанести вреда. « Следовательно, каждый раз, как ребенок задает вопросы, ему нужно отвечать словами по правде, что думаешь, что знаешь, или признаться в незнании. Таким образом основы садизма нейтрализуются. Может быть, позже садизм проявится на уретральной стадии, но не | на анальной. В тот момент садизм будет регрессией уретральных или

Которое побуждает человеческое существо к тому, чтобы знать. Короче говоря, любопытство.

генитальных влечений к анальной стадии. Но на анальной стадии это не существует, если ребенок находит поддержку в реализации своей двигательной активности, а также, если она для него неосуществима, она ему проговаривается. И он получает разрешение на ее осуществление в будущем, «когда ты сможешь делать ту или иную вещь...». *Поддержать и признать ценной любознательность, сопутствующую наблюдению, лежит в самом принципе гуманизирующего воспитания.* Если символическая кастрация ориентирована на него, тогда человек, ограничивающий ребенку прямой и известный ему доступ к желанию, является сам по себе для него представителем более развитого человеческого существа, обладающего умением и знанием, к которым он хочет прийти, мочь и уметь, которые он хочет ему делегировать и передать в словах и через предвидение опыта, доступного ему в ближайшее время. И это большая работа, это: «Ты скоро сможешь, это не запрещено».

Психоаналитическое лечение как раз основано на разрешении говорить о своем желании. Мы побуждаем также ребенка рисовать все, что он нафантазировал. Включая, конечно, и садистические выражения. Это означает, что мы согласны с желанием самим по себе, выражающимся здесь через фантазмы преувеличенной буйности. С того момента, как ребенок осуществляет это в диалоге и посредством него в

ситуации аналитического переноса, у него нет больше эффективного желания вредить в реальности для удовольствия. Это доказано опытом. Перешедшее в языковые символы выражение в отношении, где субъект признан ценным — значит нарциссизирован кем-то, кто не желает ребенка, но находится на службе его развития, уважает его личность и личности тех, кого тот любит, родителей, воспитателей, и не имеет целью его с ними разлучить, — это уже сублимация для желания. Символизация постепенно отдаляет субъекта от получения удовольствия тело к телу, снимающего субъектно-субъектное отношение. Любой представитель влечений вне собственного тела, испытывающего желание, есть уже опосредование на пути управления своим желанием и гуманизирующим признанием его ценности в согласии с законом жизни среди людей. Любое человеческое существо от рождения социально при условии, что социальное не опровергает желание в поиске своего осуществления в удовольствии. Довольствие усиливается от того, что разделяется другими: их тем больше, насколько речь позволяет сообщить, что они испытывают.

Отсюда символический характер кастраций, позволяющий влечениям выражаться иначе, нежели только посредством единственного и немедленного наслаждения тела, снимающего напряжение желания, уничтожающего в то же самое время обогащающий поиск другого, чтобы сообщить и разделить волнения сердца и вопрошания мысли.

ЗЕРКАЛО

Интеграция двигательности собственно своего тела — интеграция, санкционирующая в отношении с другим анальную кастрацию, возможна благодаря нарциссическому моменту, который аналитическая практика позволила выделить как стадию зеркала.

Говорить о стадии является само по себе излишним, поскольку речь идет скорее о допущении субъекта в нарциссизм; оно позволяет и покрывает поле кастрации, присущей анальной стадии и последствия которой ощущаются за ее пределами в реализации разницы между полами (первичная кастрация, как мы увидим дальше).

Добавлю, что часто придают ценность зрительному измерению т. н. зеркального опыта: не по праву, если не настаивать в достаточной мере на отношенческом аспекте, символическом, этих практических опытов ребенка. Недостаточно иметь в реальности плоское зеркало. Оно ничему

не служит, если субъект на самом деле сталкивается с отсутствием *зеркала своего существа в другом*. Ибо именно это и является важным.

Драматичным может быть то, когда ребенок при отсутствии матери или другого живого существа, который бы отражался вместе с ним, доходит до того, что «теряется» в зеркале.

Как девочка, которая впала в шизофрению в два с половиной года, поскольку ее поместили в номере гостиницы, где вся мебель была зеркальной и стены были покрыты зеркалами. До двух с половиной лет она жила в США и была совершенно здоровым ребенком, она смеялась, играла, говорила; во Франции за два месяца пребывания в гостинице с незнакомой няней, нанятой, чтобы заниматься с ней, из нее сделали больную шизофренией. Она потеряла себя в пространстве незнакомой комнаты, оказалась разбросанной в виде частей тела, видимых везде в зеркалах, стекле дверей, ножек стола; расчлененной во всем пространстве и в отсутствии какого-либо дружеского лица. Ее родители были заняты посещением Парижа и оставляли ее на незнакомую им и ей няню, которая к тому же не говорила по-американски.

Некоторые дети могут таким образом впасть в аутизм через созерцание своего образа в зеркале, иллюзорную западню отношения с другим ребенком. Я говорю не о тех, кто видит себя по частям во множестве зеркал, но о тех, кто имеет зеркало в своем распоряжении. Этот образ их самих дает им всего лишь твердость и холод стекла или поверхность стоячей воды, в которой привлеченные встречей с другим, как Нарцисс, они не встречают никого: только отражение. Это момент, когда оспаривается чувство существования у ребенка. Стадия зеркала может быть символической для ребенка, его существования в мире для другого постольку, поскольку он есть индивид среди других индивидов, и также оказаться лишающей символическости для его образа тела, лицемерием этой вещи, каким является собственно тело, если он его не признает как свое собственное.

Попытаемся подытожить, что следует понимать под индивидуацией субъекта ребенка в стадии зеркала. Каково значение этого опыта для первичного нарциссизма, откуда появляется после эдиповой кастрации вторичный нарциссизм?¹

Как уже было сказано, ребенок может посредством образов (антиципирующих фантазмы) осуществить временную замену отсутствующего другого избранного, который ему необходим для выживания. Если этот другой будет долго отсутствовать, непременно

¹ См. далее С. 140, 145.

случится нечто вроде регрессии, что можно будет наблюдать лишь в чрезмерной сонливости малыша. При травматической регрессии в воображаемом ребенка возникают влечения, диссоциированные от всякого фантазма образов функционирования. И начинают пре-валировать только влечения к смерти. В противоположность этому пред-Я ребенка имеет своим началом диалектику материнского присутствия/отсутствия в дающем безопасность континууме восприятия, постепенно ассоциированного с обещанным присутствием, ожидаемым и обретенным, внутри пространственно-временной среды бытия в мире посредством запоминания в речевой форме. Слышащий ребенок узнает себя через того, кто с ним говорит; и день за днем это узнавание персонализирует его как аудитивно представленного фонемами его имени, произнесенными этим голосом, ощущениями, которые он распознает и которые составляют особенность этого человека (матери), обретаемой им вновь и вновь. Возвращение матери на узанном фоне есть источник новых открытий. И в этой мимической и голосовой речи матери, сопровождающей новые восприятия, они принимают гуманизированный смысл.

Образ тела вырабатывается, таким образом, как сеть речевой безопасности с матерью. В этой сети персонализуется опыт ребенка, связанный с обонянием, зрением, слухом, тактильными ощущениями, в соответствии со специфическими ритмами привычного для матери образа жизни. *Но он не индивидуализирует ребенка по отношению к его телу;* поскольку пространственные границы его речевых перцепций остаются неопределенными: он есть также его мать, а его мать есть он сам; поскольку это она, ее покой, ее горечь или радость. Можно сказать, что цезуры, разделения (оральные и анальные кастрации, как мы их обозначили), каковыми являются отлучение от груди и переход к самостоятельной ходьбе, уже осуществили относительную индивидуацию, позволившую схеме тела ребенка отделиться от схемы тела матери и путем субституции связать свою собственную схему тела в процессе вырабатывания с бессознательным образом тела. *Эта связь субъекта со своим телом осуществляется путем вырабатывания нарциссизма пред-Я* и является одновременно для субъекта гарантом его существования и его непрерывного отношения с телом через этику, которая упрочивает и укрепляет его состояние безопасности после исполненного беспокойства испытания, каким является любая кастрация.

Но понятие индивидуации, присущее нарциссизму пред-Я, ре-ферентно связанное для каждого с границами его кожного покрова в

своей целостной реальности, тактильной и визуальной, происходит из другого опыта — опыта зеркала. Опыт образа, который субъект видит в зеркале, когда он его интуитивно воспринимает как свой, его сталкивает неожиданно с тем, что зрительные влечения начинают доминировать по отношению ко всем другим. И их возросшая ценность, далеко не очевидная, сталкивается с ценностями обмена и нарциссическими ценностями других влечений, обонятельных, слуховых, тактильных. Напомним, что *в создании образа тела зрительные влечения занимают в организации первичного нарциссизма очень скромное место или совершенно отсутствуют*. Зеркало даст этот опыт: внешний вид незнакомого другого, образ младенца, каких субъект мог видеть в пространстве и о котором он не знает, что это он; этот зрительный образ должен для него наложиться на уже знакомый опыт пересечения его схемы тела с бессознательным образом тела. Я хочу сказать, что он видит там образ, о котором он, находясь перед зеркалом, узнает, что он один тому причина, поскольку он встречается лишь с холодной поверхностью, а не с другим малышом. При этом, как только он покидает пространство перед этой холодной поверхностью, образ исчезает. Мимический и аффективный язык, установленный ребенком с окружающим миром, не дает ему никакого ответа относительно этого встреченного в зеркале образа, вопреки всему его опыту, который он имеет о другом. Вот почему, если мать или другой знакомый ему человек не находятся рядом, существует риск, что по причине зеркала его образ тела исчезнет и зрительный образ не обретет для него смысла. Зрительный образ обретает смысл живого опыта лишь благодаря присутствию рядом с ребенком человека, вместе с которым его образ тела и схема тела будут узнаны, и в это же время он узнает этого человека в плоской поверхности зрительного образа: он увидит в зеркале двойника человека, которого он видит рядом с собой, и сможет тогда поручиться за образ как свой собственный, поскольку этот образ дает ему увидеть бок о бок со своим образ другого. Он тогда открывает себя в виде малыша, каких он видит вокруг, в то время как до сих пор его единственным зеркалом был тот другой, с кем он находился в коммуникации: это могло дать ему знать, что он был этим другим и при этом не знал, и не знал на самом деле, что этот другой имел зрительный образ, и он тоже.

Лишь через опыт зеркала, который имеет для ребенка эффект шока, он схватывает, что его образа тела недостаточно, чтобы отвечать для других за свое «быть», известное им. И что образ не является тотальным. Это не означает, что зрительный образ отвечает за него. Эту неизлечимую рану зеркала можно назвать символической

дырой, откуда проистекает для нас всех неадаптированность образа тела и схемы тела. По этой причине множество симптомов отныне будут иметь целью залечить непоправимый ущерб, нанесенный нарциссизму. Повторение опыта зеркала вакцинирует ребенка от первого полученного оцепенения и заверяет, благодаря зрительному свидетельству, в том, что он, что бы ни произошло, не может быть разделен на части: ибо для других, которые, как и он, отражаются в зеркале, «перехват» их внешнего вида не покушается на целостность существа. Он их обнаруживает такими, как и раньше, в теплоте обменов, в сталкивании или согласии желаний между ними и другими, выражаемых в языке — в тотальном смысле термина, — но в малой степени или совсем нет зримым видом тел.

Через эту дыру, это отверстие я хочу сказать о «пробеле» странного зрительного отношения, имеющего характер рассогласования, которое служит живой маской, всегда в той или иной степени предательской, для того, что чувствует субъект. И тогда по отношению к другому субъект открывает, что он является аутентичным лишь в своем бессознательном образе тела, который, будучи ассоциирован или нет со схемой тела, в соответствии с тем, думает ли он о другом в своем воображении или этот другой в реальности находится здесь, позволяет ему различить разницу между встречей в отсутствие или в присутствие. Между фантазмом и фактом. Зеркало позволяет ребенку видеть себя, как будто он другой, которого он никогда не встречает. Он видит «себя», но его желание общаться с другим здесь есть фрустрированное.

Представим себе слепого от рождения, который встречается с зеркалом. Для него оно лишь частный случай стены, холодная поверхность с краями, от нее он получает перцепцию тактильных ощущений — и всё. Для видящего ребенка эффект абсолютно иной, поскольку в нем — в этом странном окне — обман: другой, которого он не знал, никогда не узнает, и который вместо того, чтобы иметь объем и излучать теплоту, представляет собой плоскую и холодную поверхность. Его образ исчезает с этой поверхности, когда он не стоит перед зеркалом, и появляется, как только он возвращается. Он становится для него опытом, соответствующим его присутствию, но опытом исключительно зрительным, без ответа, без коммуникации. Его обращение, его жест в зеркале те же самые, но наоборот. Его обращение адресовано образу, но он слышит лишь собственный голос, и никто другой ему не отвечает. В этом смысле это искажающий образ, если в пространстве нет знакомого ему человека, который бы, находясь вместе с ним напротив зеркала,

показал бы ему, что он тоже попадает в эти любопытные условия отражения на этой плоской и холодной поверхности.

Здесь он получает опыт ложной встречи с другим, которая ему может принести удовлетворение, как в какой-то степени объект переноса: впадая от скуки в одиночество, вследствие отсутствия встреч с другими людьми, из-за отсутствия игрушек, как говорят, развлечений. Эта ловушка может стать зрительным источником получения наслаждения и обесценить межсубъектные отношения, поскольку они не получили для ребенка значения разделенного удовольствия. Она может стать даже смертельной фасцинацией¹ для бессознательного образа тела, так как зрительный образ становится сознательным субститутом бессознательного образа тела, провоцирующим у ребенка неузнавание его настоящего отношения с другим. И он уже обращает внимание лишь на внешний облик другого и в своем отношении с другим придает значение лишь видимости удовольствия от встречи. Его собственный образ может быть достаточным для получения наслаждения. В память о своем собственном образе он делает гримасы для другого, как он это делает для себя: он более не выражает себя в своей правде. Такова западня, создаваемая видимостью. Обман от того, что не является живым существом, но частичной видимостью, манекеном и маской живого существа. Если ребенок может попасть под фасцинацию повторяющегося видимого образа живого существа, это может означать, что образ оказывает на него успокаивающее воздействие перед лицом фобических фантазмов жить лишь среди неодушевленных предметов, но в то же время он совершенно динамичен².

Любой малыш, который видит свое изображение издали в зеркале,

¹ [Фасцинация — словесное воздействие с целью уменьшения потери значимой информации.]

особенно в первый раз, радостно удивлен, бежит к зеркалу и восклицает, если он умеет говорить, «вот малыш», в то время как он, говоря о себе, называет себя по имени, произнося звуки своего имени. Это хорошо, что он себя не узнает. Начиная с этого момента, он будет открывать для себя

² Эта фасцинация живущего в одиночестве может привести поиск им коммуникации к ложному ответу, внешне менее устрашающему, чем одиночество, но повторяющемуся ответу застывшего образа самого себя, фетиша другого. Его видят принимающим различные позы, играющим в «строить рожи», улыбающимся себе, изображающим мимикой плач — все это может тренировать его в выражении неиспытанных им чувств. Это есть «делать вид».

[Ономатопея — звукоподражание.]

[Материнская школа — аналог детского сада.] Имя малыша.

свой внешний облик и играть с ним. До этого времени образ тела в отношении субъекта с желаемым был для него бессознательным и в интуитивной референции с желанием другого.

И в этом, *благодаря нашим слепорожденным пациентам, мы может показать разницу между ними и зрячими в их первичном нарциссизме: разницу, обусловленную отсутствием у них зрительного образа зеркала.* Аффективная мимика слепых имеет столь же волнующую аутентичность, как и у малышей до-зеркального периода. Они никогда не скрывают, что чувствуют, и на их лицах мы читаем все, что они испытывают при контакте с встреченными людьми. Но они не знают, что это прочитывается. Стало быть, они не могут и не умеют это скрыть; что хорошо доказывает, что мы, зрячие, прячем от себя и других, что мы чувствуем, вследствие возможности приобрести опыт зеркала. Вид своего изображения в зеркале навязывает ребенку открытие, что его тело — маленькая масса рядом с таким количеством других и в особенности с большой массой взрослых. Он этого не знал. И еще новое для него обнаружение, что его лицо и тело не делимы отныне друг от друга и отныне в реальности ребенок не может также, вследствие зрительного опыта, разделенного с другим, спутать себя с другим или другого с другим. Я хочу сказать, ни с отцом, ни с матерью, ни со старшим по возрасту, что он охотно делал раньше. Он так же не может больше спутать себя с нарциссическими фантазмами, которые побуждали его представить себя таким, каким он хотел быть: поскольку ребенок легко воображает, что он автобус, самолет, поезд, конь, птица; это можно увидеть, когда он играет в ономотопеи¹, выражая звуками свою предполагаемую идентичность. Иногда он играет персонаж и по-настоящему верит, что он им является. Начиная с опыта зеркала, уже никогда не будет, как это было раньше. Он знает, что он уже не может себя спутать с фантазматическим образом самого себя, что он не сможет играть в то, чтобы быть другим, которого не хватает его желанию. *В этих играх воображения, где он любит в фантазмах придумывать другую идентичность, появляется в его речи «условность»: «Я будто бы самолет», «А ты как будто...».*

Чтобы еще лучше понять этот сложный процесс зеркала, который требует своего выражения в речи для преодоления травматизма этого процесса, упомянем случай, рассказанный мне матерью однойцовых близнецов (т. е. внешне абсолютно похожих, но не похожих ни по своей «натуре», ни по «характеру», по словам матери). Этих близнецов, которые до сих пор никогда не расставались, никто не мог различить,

даже в семье, кроме матери и малыша, родившегося после них, который к ним обращался, используя разные фонемы, и безошибочно их отличал. Однажды (они уже ходили в материнскую школу¹) одного из них из-за насморка мать решила оставить дома. Она отвела другого в сад. Потом вернулась и занималась своими делами, как вдруг услышала умоляющий голос сына, игравшего одного в комнате. Тон жалобы становился все выше, в нем звучало беспокойство, однако ребенок звал не мать. Она подошла к приоткрытой двери и увидела, как мальчик умоляет свое изображение в зеркале гардероба взять деревянную лошадку и взобраться на нее. Его беспокойство становилось все сильнее, тогда мать зашла и позвала сына, который бросился к ней на руки и сказал требовательным и подавленным тоном: «Х..² не хочет играть в лошадки». Обеспокоенная мать понимает, что ребенок принял свое изображение в зеркале за присутствующего для него брата. Она подошла, держа его на руках, к зеркалу, взяла лошадку в руки и сказала, что зеркало дает изображение, это их изображение, но это ни она, ни лошадка, ни отсутствующий брат. Тот, чье изображение он видит в зеркале, — это он. И она ему напомнила, что утром он был немного болен, а брат нет, что она его оставила дома, а брата отвела в сад, и что она за ним сходит. Ребенок выслушал ее с огромным вниманием.

В этом частном случае столь похожих близнецов у ребенка никогда не возникало проблемы по поводу его изображения в зеркале, хотя оно и было расположено на двери шкафа в их комнате. Когда ребенок себя там увидел, он несомненно допустил, как это сделал и его брат (им уже исполнилось три года), что он видит там брата, несколько не удивившись, что их двое. Когда брат-близнец вернулся из школы, мать проделала с ними то же самое, встав перед зеркалом, поместив их рядом с собой по бокам и показав каждому его изображение, свое собственное и изображение другого как изображение его брата. Она им объяснила, что они похожи друг на друга, потому что близнецы, которые родились в один день. Ее объяснения, внимательно выслушанные, по всей видимости, создавали сыновьям серьезную проблему, хотя они и не говорили об этом.

До испытания опытом с плоским зеркалом опорой, дающей смысл для первичного или фундаментального нарциссизма ребенка, была схема тела матери, ее тело в реальности. И лишь после испытания зеркалом образ тела малыша ему сообщает о его собственной схеме тела в соответствии с языком, который конституирует образ тела для субъекта по отношению к субъекту-матери. И он обнаруживает или нет его

внешнюю целостность, его вызывающий или не-вызывающий радость характер только тогда, если его нарциссизм испытывает удовлетворение от изображения, видимого им в зеркале³ и которое может видеть любой другой человек⁴.

Именно это есть момент клинического появления первичной идентификации: первооснова первичного нарциссизма, следующий за примордиальным нарциссизмом, который я также именую фундаментальным. Первичный нарциссизм не приходит на смену фундаментальному. Он входит в него в смысле, аналогичном прививанию. Он пристраивается к нему, расширяя тем самым поле отношений ребенка. Образ сердцевины лука, обернутого кожурой, хорошо иллюстрирует отношение между фундаментальным и первичным нарциссизмом. Последний накладывается на первый.

Сначала нужен фундаментальный нарциссизм, затем первичный, с ментальной *рефлексией*, касающейся себя самого, отосланной к испытанию изображением, *рефлектируемого* зеркалом. Раньше нарциссизм ребенка справлялся у бессознательного матери и искал согласования с ним, приспособлялся к тому, как она на него смотрела. Его состояние живущего (своей «жизненности») в вегетативном смысле (пассивном) и его жизнеспособность в животном смысле (моторном), его пол бессознательно согласовывались с переживаниями, которые он вызывал, и испытываемыми людьми, которые им занимались, проживая заново историю своего собственного нарциссизма, память о котором вернулась через ребенка. Нарциссизм ребенка в своем качестве субъекта конструируется также в его отношении — изо дня в день — с желаниями избранницы своего желания и своих близких, с отцом-родителем или другим взрослым, который, в силу того, что он является повседневным спутником его матери, каким бы ни был у него пол, приобретает в его глазах значение супруга его матери.

Давайте поразмышляем. До сих пор ребенок видел собственными глазами лишь переднюю часть своего тела, грудную клетку, живот, верхние и нижние конечности. Объем тела, отверстия, выступы, рельефы, лицо, шея, спина — он их ощущал сначала через контакт с руками матери, потом посредством контакта рук с частями тела, которые они могли достать, и через ощущения удовольствия или боли. Но до сих

³ Представим, что, стоя перед зеркалом, мы не увидим своего изображения. Какое беспокойство! Но абсолютно никакого беспокойства, если это происходит до первого испытания зеркалом. Только с этого момента отражающая поверхность не может рассматриваться как нейтральная.

⁴ Здесь источник вкуса к переодеванию, к макияжу.

пор он не знал своего лица, ни его собственного выражения. Он щупал голову, умел показать пальцем уши, глаза, рот, нос, лоб, щеки, волосы во время игр, которым матери любят предаваться с детьми. Но он не знал, что другие видят его лицо, как он видит лица других. И об этом он узнал благодаря зеркалу, как я говорила выше, в противоположность слепому, который знает об этом, но не «видел» этого.

Однако *ребенок ощущает себя связным еще до стадии зеркала*, благодаря висцеральным референциям: например, непрерывные субтильные перистальтические ощущения пищеварительного тракта, в котором он чувствует перемещение частичного орального объекта, показывая на желудок, когда ему нравится то, что он съел. Затем восприятие ощущения перемещения по кишечнику: он любит трогать и ласкать свой живот. Еще ощущение частичного анального объекта и его удаление, с которым связаны специфические тактильные и обонятельные ощущения. Все это составляет связный континуум, внутренний, границами которого является кожный покров, они установлены тактильными ощущениями благодаря уходу матери и ношению на руках. Достаточно сказано, насколько мать или кормилица есть по-настоящему гарант фундаментального нарциссизма грудного ребенка вплоть до того, как он начнет ходить и даже вплоть до приобретения опыта благодаря возвращением матери, имеющим благотворный эффект, после трудностей в установлении отношений с другими в обществе! Вот почему встречи по возвращении матери, отмеченные во времени специфическими референциями, необходимы для постоянства нарциссической целостности ребенка. Лишь после приобретения опыта лицезрения себя, повторяемого в виде эксперимента перед зеркалом, когда он ходит туда-сюда, он начинает в какой-то степени присваивать собственное тело и загонять туда свой нарциссизм, который отныне именуется первичным. *«Казаться» начинает приобретать ценность и иногда превалировать над «быть»*. В частности, его собственное лицо, открываемое им в зеркале, отныне неотделимое от его идентичности, в солидарности с его телом, грудной клеткой, позвоночником, конечностями убеждает ребенка, что он подобен другим людям, он среди них. Открытие относительного размера тела в пространстве зеркала не свершается само по себе. Не это ли причина того, что отсутствие перспективы и непропорциональные размеры человеческого тела в архитектурных постройках доминировали в искусстве в течение стольких веков?

Аналогично тому, как ребенок открывает посредством наблюдения зеркала видимую реальность своего существования в мире, лицом к лицу, в неподвижности или почти так, наблюдение за голыми детьми, о которых он знает, что они такие же, как он сам, и которых он видит со спины, где сверху у них волосы без лица, а внизу ягодичы, начинает его больше интересовать после испытания зеркалом, чем до этого. В скором времени после того, как ребенок принял результаты испытания зеркалом, он открывает для себя, что если у всех детей сверху тела голова, где спереди лицо, а сзади волосы, если у них сзади поверх ног ягодичы (если все дети со спины одинаковы), то спереди они не все одинаковы. Если смотреть со стороны лица, то у некоторых внизу прорезь, похожая на маленькие ягодичы, а у других удлинение. А как дело обстоит с его собственным телом? Правильно ли он увидел? Ребенок испытывает тогда то, что мы называем первичной кастрацией, эффект обнаружения различия полов. И оно естественно ассоциируется с лицом, потому что оно видимо в фас, как и половой орган, и имеет отверстия — глаза, нос, рот, — окружено массой волос, которые относят лицо к голове. *Это открытие своего тела по отношению к телу других детей не может произойти до стадии зеркала. Это опыт повторяющийся, что способствует интеграции первичной кастрации в убеждение человеческого существа, а не проживается как феномен животности. Увидеть себя голым, таким же, как другие дети, позволяет ему узнать, что раз он такой, он станет взрослым, мужчиной или женщиной, а не останется собакой или любым другим творением, каким бы он мог себя вообразить до испытания изображением. Дело в том, что это как раз момент идентификаций с животным, без человеческого лица, потому что ребенок идентифицирует себя со всем, что он видит и что его интересует. Но он идентифицирует себя со своим образом, что запечатлевается в памяти, как только он смог себя узнать в зеркале, что было означено в речи, хотя и удивленный вначале, но потом выведенный на уровень быть человеческим существом среди других как продвигающийся-становящийся мужчиной или женщиной.*

Идентификация с животным, если она не компенсирована знанием себя как ребенка человека, делает так, что его перцепции, связанные с полом, эротизируются тем способом, каким ему об этом говорят и отвечают на его вопросы, ассоциируя позитивно или негативно его пол с нарциссизмом его виртуального зеркального образа. *Есть случаи, когда ребенок, мальчик или девочка, не может интегрировать с гордостью особенность своего пола.* «Я—Я-собственное» не чувствует себя ценным от того, что он мальчик или девочка, по причине референции его семьи к

фаллосу, имеющей свои особенности, из-за своего места среди братьев и сестер или относительной важности отца или матери в семье (если

Забавно, но дети говорят как о «проборе» сзади о темной линии, которая разделяет со спины мышечную модель. Это слово относится к визуальному, но не тактильному, как, по видимому, у слова «прорезь». Дети его никогда не употребляют.

родитель его пола ему кажется обесцененным другим или по отношению к другому в словах, которые он слышит, или через то, что он наблюдает в отношении их общения друг с другом или в их поведенческих реакциях). В этих случаях дети себя чувствуют имеющими лицо, соответствующее тому, кем они являются, девочкой или мальчиком, но с анатомическим половым органом, ощущение от которого ими отрицается (позже они его подавят), принимая удовольствие лишь от функционирования потребности — запор, энкопрез, т. н. цистит или энурез, либо, напротив, с половым органом, ощущаемым как им принадлежащий, но принятие его не отражается ни в присущем им способе говорить или вести себя. Им не удается в обществе согласовать лицо и принадлежность к полу¹.

Создается или накладывается на работу либидинозных влечений то, что половой орган не придает ценности «Я—Я-собствен-ное» как животному, на работу влечений частичной эрогенной зоны, ассоциированной с половым органом до первичной кастрации; и существует ощущение несоответствия человеческого лица соответствующему этому половому органу, принадлежащего ему. В этом случае у ребенка есть ощущение или его лица, или его полового органа, доминирует или тот, или другой, но они не корреспондируют. Когда ребенок чувствует себя обладающим полом, он себя чувствует как животное; когда он говорит, он чувствует себя человеком, но неопределенного пола. Между этими двумя способами самовыражения субъект хрупок и более не соединен. Успех в школе может, придавая ему ценность среди других, помочь ему сохранить лицо. Но психозы или психотические анклавы фиксируются в образах альтернатив, которые остаются низко звучащими в нейтрализованной относительно пола структуре ребенка, и они обнаруживают себя иногда позже. Ибо на этой рассогласованной базе он не может ни по-настоящему вступить в этап Эдипа, ни его разрешить. И особенно в послепубер-татный период, в момент кризисов, спровоцированных нарциссиче-скими испытаниями, в особенности кризисов, касающихся неудачи сублимаций, просыпается страх прегенитальных кастраций (увидевших зло отверженных).

Прегенитальная природа отрицания ценности их собственного полового органа.

И для того, чтобы освободиться от этих прегенитальных реликтов желания, не прошедших через гуманизирующую кастрацию, несомненно, полезны мимы, маски, переодевания, с человеческой точки зрения уводящие от реальности, спонтанно возникающие в играх любых детей, здоровых или страдающих неврозом, но неведомые детям-психотикам. Они без масок проживают нечеловеченные переживания. Возможно, групповые или общественные праздники, где лица скрыты масками, позволяют также каждому высвободить вытесненные влечения, которые не все были сублимированы в согласии с этикой кастрированного желания. Они дают разрешение в определенные даты на коллективное высвобождение, снимающее несомненно чувство вины со взрослых тех анклавов, восходящих к периоду, когда имела место несовместимость некоторых сексуальных влечений с их человеческим лицом.

Или человеческое лицо, или право на половой орган: это противоречие происходит от непрохождения кастрации и символизации в момент различных кастраций и, в частности, в момент первичной кастрации во время стадии зеркала.

Поскольку в первичной кастрации одновременно должны соединиться опыт зеркала, имеющий значение инициации воображаемого, и символическое допущение субъекта, лицо которого есть гарант желания в согласии с его полом и с будущим, какое он интуитивно предполагает, она заслуживает, чтобы мы обратили на время на нее внимание. Первичная кастрация наступает после сознательной ментальной интеграции оральных и анальных этических законов — запрет на каннибализм, вандализм и убийство. Они соединяют нарциссизм ребенка и гордость или стыд от действия в соответствии с тем, является ли действие этичным или неэтичным (человеческим, без отнесения к полу).

В качестве введения в исследование первичной кастрации, которое следует далее, скажем, что оно служит мостом, с одной стороны, между анальной кастрацией, с которой она связана, и, с другой, эдиповой генитальной кастрацией, которая следует прямо за ней. Скажем также, что с момента испытания зеркалом и диалектикой, ведущей к символическому допущению субъекта, ребенок испытывает чувство стыда, толкающее его к целомудрию: не показываться голым, не осмеливаться смотреть одновременно на половой орган и лицо тех, кто для него «Я-Идеальное». У ребенка есть в реальности образец того, кто является референтом его «Я-Идеальное». И в момент Эдипа ребенку

открывается пол этого человека. Стыд или гордость, которые проявляются после открытия лица и полового органа как соотносимых, выражается посадкой головы, прямым или избегающим взглядом, грацией тела в его осанке и движениях или, наоборот, в неловкой позе, в своего рода постоянной маске у того, кто стыдится своего пола и не только его, но и своих не прошедших кастрацию желаний. С ними Лицо [уваŝе] не справляется из-за риска потерять лицо [face]. Ибо после стадии зеркала и первичной кастрации гримасы, маски, переодевания становятся средством вести переговоры, не показывая этого, об испытываемых чувствах бессилия или стыда от влечений, которые могут его привести к потере лица или отринуть ценность его генитального пола.

Когда опыт зеркала интегрирован, каким бы ни был способ этой интеграции, представления о людях модифицируются. Интуитивное представление, которое ребенок имел о своей правде и примате своего бессознательного образа тела, порядке в невидимом, которые он проявлял в рисунках и лепке, уступает место представлениям образов, сознательно ценных и видимых. Ребенок рисует персонажи такими, какими бы он хотел, чтобы зеркало ему представляло в образе тела: в виде, согласованном с его нарциссизмом. Он дает человеческим лицам узнаваемые характеристики и показывает женские или мужские символические атрибуты, если он гордится своим полом.

Если он испытывает несчастье от принадлежности к своему полу, в его рисунках выражается через архаичные референции способ орального или анального воспитания, полученного им относительно принятия своего лица, своего тела и своего полового органа. В любом случае после стадии зеркала в рисунках отводится очень большое место, гораздо большее, чем в бессознательных образах тела, изображениям ухищрений в одежде и частичным объектам, аксессуарам, ассоциированным с персонажами и предназначенными представить их ценность.

Они проецируют себя в этих персонажах, и эти атрибуты власти, роли доказывают, что у них по-прежнему проблемы с полом; это продлится в течение всего доэдипова периода и периода латентности.

Эта черта характерна на самом деле для детских рисунков, начиная с первичной кастрации, даже если она удачно прошла и вслед за ней удачно осуществилась и генитальная кастрация.

Действительно, для этики, которая служит осью, начиная с раннего детства, для нашего нарциссизма как гарант нашей со-единенности самыми сильными моментами являются те, когда мы защищаемся от потери иллюзий относительно тела либо лица, либо

пола, либо могущества, всегда ассоциированными со страхом кастрации. Глубинная идентичность в каждом из нас, что берет на себя во всей полноте наши переживания, наши слова и наши действия, ставит серьезные вопросы. Нарциссизм необходим, чтобы защитить связность субъекта в его отношении с Я-собственным (его тело) и через него с видимостью, которую он показывает и которой в некоторых отношенческих ситуациях в той или иной степени следует пренебрегать своей желающей глубинной идентичностью (бессознательный образ тела), чтобы не подвергать себя риску реторсии¹. Все это ставит серьезные проблемы. Во время Эдипа и в течение всей жизни нам нравится завоевывать одну за другой идентификации и испытывать от этого восторг. *Эти идентификации наступают просто-напросто от перемещения ценности, приписываемой фаллосу; но ни одна из этих идентификаций не может отвечать за нашу неизвестную желающую идентичность*, которая с момента первичной кастрации оказывается без бессознательного образа тела! Эта неизвестная каждому из нас, мальчику или девочке, идентичность несомненным образом привязана к освещенному и светящемуся восприятию первого лица, склонившегося к нашему лицу. Был ли в этом взгляде отблеск выражения любви, когда нас принимали, нового неизвестного гостя в домашнем очаге наших родителей? Был ли это взгляд профессионального техника родовспоможения? В любом случае это был взгляд человеческого лица, первой опоры в нашей идентичности как ценности.

[Реторсия — обращение довода противника против него самого.]

ПЕРВИЧНАЯ КАСТРАЦИЯ, ИНОГДА ИМЕНУЕМАЯ НЕЭДИПОВОЙ ГЕНИТАЛЬНОЙ КАСТРАЦИЕЙ

Речь идет об обнаружении разницы полов между девочками и мальчиками.

Мы видели, как по истечении двух с половиной лет ребенок достигает уровня развития, дающего двигательность, способность к хождению, независимо от того, хорошо или плохо он был воспитан, говорит он или нет. В силу того, что у него есть руки и гортань, он обнаруживает в играх, в обменах с другими достаточно сублимаций по отношению к влечениям оральной стадии — обоняние, вкус, зрение,

слух, тактильность, чтобы делать собственные наблюдения и осуществлять собственные сенсорные эксперименты.

Он, несомненно, уже имеет опыт зеркала и наблюдал все зоны тела у других, аналогичные своему, независимо от того, были ли ему даны слова для их обозначения.

Так, факт лицезрения заднего места другого ребенка дает возможность открыть для себя ягодичные формы в их зримом виде, в то время как за исключением возможных и очень редких случаев зеркальных отражений ему известны лишь формы передней части его собственного тела. И только тактильные ощущения — от удовольствия или боли — ему позволили прочувствовать задние зоны таза, например, при своем туалете¹.

Передняя часть таза, служащая для испускания струй мочи и характеризующая половой орган, обнаруживается с необходимостью ребенком в отличии мужской и женской форм в основном после двух с половиной лет. (То же самое в семье, хотя он видит взрослых — родителей, братьев и сестер — голыми, он не замечает, будучи маленьким, волосистую систему на теле других.) И в реальности лишь познав заднюю часть тела другого человека, он начинает интересоваться

В связи с этим я думаю о детях, подвергшихся порке при шалостях. Значит, там мать и отец видят источник интенций желания своего ребенка. Что, дети в это верят, невинные создания, получая наслаждение от употребления фрондерского «пис-пис-ка-ка» и неприличности какашки-колбаски, почему бы и нет? Но то, что родители в это верят до сих пор, считая шокирующим эти слова! И они воображают, что занимаются воспитанием, придавая значение задней части!

передней частью таза, как своей в зеркале, так и той, что у других.

Зато с передней частью у него уже возникли вопросы, когда он, сидя на коленях у взрослого, сравнивал грудь женщины с грудной клеткой мужчин. Почему он сам, девочка или мальчик, разглядывая себя в зеркале и ощупывая свою грудь, обнаруживает, что у него нет молочных желез? Почему их нет у отца? Все эти вопросы задаются детьми данного возраста, поскольку на слова, касающиеся тела, нет ограничений. И слова, сказанные относительно различий в теле, побуждают их предположить, особенно мальчиков, что выступ, который можно потрогать, их полового члена и взрослого мужчины той же природы, что другой выступ, который можно потрогать на грудной

клетке женщины, — молочной железы. Нередко дети и далеко не самые маленькие используют одно и то же слово для обозначения женской груди «ло-ло» или «пи», которым они обозначают расширительно свой половой орган. Слово «пи» удваиваясь становится «пи-пи» во французском языке, так же как и «ло-ло» есть звуковой повтор слога, обозначающего жизненный элемент, который, как и молоко из материнской груди, утоляет жажду: вода [Геаи]. Слово «пи», ономапоея¹ для последовательных струй, которое им дано для обозначения сосков вымени коровы или козы, которых доят вручную, как бы удваивается, чтобы назвать «крантик» мальчиков, я хочу сказать пенис, слово, редко называемое ребенку. По причине интереса к молочным железам и пенису, интереса, передаваемого словами, которыми располагает ребенок, девочка или мальчик, возникает вопрос различия в формах тела между мужчинами и женщинами, мальчиками и девочками. Как так получается, что у мальчиков что-то есть внизу, у пап тоже, у мам тоже (и это естественно) и что у мам этого две вверху, в то время как девочкам нечего показать такого же красивого и функционального ни вверху, ни внизу?

Несомненно, разница уже сказана словами: «Ты! Ты маленькая девочка», «А ты маленький мальчик», но они не были отнесены к телу: скорее к «манерам», соответствующим тому, что ожидают от девочки или мальчика. Лишь благодаря вопросам, касающимся различий тела родителей, ребенок познает эти различия. Но для этого нужно также, чтобы он обратил внимание на то, что нет различия между задней [Ономапоея — словотворчество.]

стороной тела между девочками и мальчиками. Именно это вызывает его любопытство относительно различий в передней части. Когда родители, говоря о тазовой части, используют только слова «зад» или «попа» независимо от того, идет ли речь о переде или заде, они все усложняют, даже если, чтобы отличить место его назначением, они добавляют к «попа» или «зад» прилагательное «большой» или «маленький». Первое ясное впечатление для мальчика от странности полового органа девочки носит характер шока; так же и для девочки, когда она впервые обратила внимание на половой орган мальчика. Не бывает случаев, чтобы дети, если они могут свободно высказываться, не отреагировали бурно на это открытие. Мальчик думает, что у девочек есть пенис, но он спрятан, втянут вовнутрь на время, а у девочек тут же проявляется непроизвольный жест хватания. Сколько из них, по словам родителей, говорит: «Это мое, ты у меня его взял». Они не задают вопросов, они

хватают, уверенные в своем праве! Что касается мальчика, он впечатлен этим интересом или начинает смеяться и тут же бежит рассказать кому-нибудь. В связи с этим опытом и прямыми или косвенными вопросами, касающимися сексуального различия, должны быть сказаны ребенку обоих полов правдивые слова, подтверждающие справедливость его наблюдений. Его надо поздравить с тем, что он обнаружил разницу, которая всегда существовала. *Слова об истинном положении вещей, отражающие соответствие пола его будущему женщины или мужчины, — это то, что придает речевую и социальную ценность его полу и ему самому*; это то, что подготавливает здоровое будущее для его существования в половой принадлежности в том возрасте, когда генитальные влечения еще не являются доминирующими. Ребенок слышит с малого возраста, что он мальчик или девочка, но это чисто речевая референция, которой ничего не отвечает в наблюдаемом им теле. В этом слове содержится довольно туманные этические суждения, в каждой семье по-своему, и, кроме того, неприятные или приятные идеи для мам или пап, которые хотели бы, чтобы родился ребенок другого пола. О девочках в обыденных разговорах говорят, что они кокетки, о мальчиках, что они грубы. Девочки плачут, мальчики не должны плакать. Девочки ласковые, мальчики — это сорвиголовы. Каких только праздных речей ни слышат дети, которые затрагивают различия, касающиеся пола, задолго до того, как они узнают, в чем эти слова соотносятся с половыми органами! А сколько детей было оставлено без объяснений по поводу этого наблюдения, основополагающего для их общего умственного развития и аффективности! Ибо именно оно является основой для всех значимых различий в результате сравнений, различий, аналогий, индукции, дедукции и словаря родственных связей, гражданственности, ответственности.

Необходимо, чтобы детям, когда они выражают свою любознательность, свои сомнения по поводу увиденного и когда из осторожности они обвиняют другого ребенка, что тот проявляет интерес, чтобы смотреть или показывать эту зону, или еще когда они делают ложные высказывания, чтобы знать правду, были в этот момент сказаны не замечание замолчать, не слова, ставящие их в смешное положение, но слова из словаря точного обозначения по поводу наблюдаемых им явлений, физиологических форм их полового органа и органов других. Форм, которые делают так, что с самого рождения малыш записан в

мэрии как мальчик или девочка, и они сделают из него по мере его становления и развития мужчину, как его отец, или женщину, как его мать. А это — или лекция, сопровождаемая моралью и предупреждениями, или чаще всего отказ: «Сейчас не время!», «Это слишком важно, чтобы тебе ответить сейчас». Как будто для этого нужна беседа с глазу на глаз, в крайнем случае эротизированная, или ботанико-зоологические слова! Не считая того, что почти всегда предлагаются только слова функционирования, подтверждающие иллюзию, что это форма, предназначенная для мочеиспускания, чтобы спутать следы любознательности, касающейся удовольствия, о котором ребенок уже знает, и запутать его в вопросах: зачем нужны эрекция, половой орган (они находятся в поле наблюдения), зачем нужно то, что в этом месте чувствуешь такое интересное, волнующее, особенно когда речь идет о девочках, у которых нет пенисной эрекции, и они не могут говорить о ней и у них нет ничего видимого там, где они испытывают ощущения.

Многие взрослые — мы, психоаналитики, это слышим, когда они на кушетке, и врачи могут также свидетельствовать об этом — продолжают пользоваться для своих половых органов детскими словами, в которых функция служит для наименования органа, или, на крайний случай, кличками пейоративного¹, забавного или эротического характера. Отсюда, несомненно, идет от дающих жизнь к ими рожденным, от отца к сыну, от матери к дочери невозможность информации от родителей для детей, которые, тем не менее, все ожидают от них объяснений. Они ждут в особенности, чтобы не было обойдено молчанием ни желание, ни удовольствие: поскольку это то, что важнее всего ребенку, который их открыл для себя гораздо раньше, прежде чем обратил внимание на разницу между удовольствием, сопровождающим освобождение от экскрементов, и тем, которое он испытывает от манипуляций в этой зоне, а также в некоторые моменты от эмоций, которым он не имеет объяснения. *К двум с половиной годам* в конце анального периода — это может быть позже — *эпистемологическое влечение ребенка доходит до вопроса «Зачем это надо?»* по поводу всего, и он ищет ответа относительно полезного, бесполезного, приятного, неприятного, на короткое время или на долгое время, короче говоря всему, что уже дает критерии удовлетворения или отказа перед опасностями анальных или оральных влечений. Одна из опасностей, банальная, — вызвать неудовольствие мамы, и он констатирует это неудовольствие в связи со своим удовольствием от испражнения. Констатация этого неудовольствия — одно из средств для

ребенка отличить то, что обусловлено сексуальным по отношению к экскрементам, в то время как поначалу они не были различимы. Особенно у мальчика, так как он может испускать мочу лишь в эрекции до возраста два года четыре — два года шесть месяцев. И лишь после этого возраста эрекции, независимые от мочеиспускания, побуждают к вопросам по поводу подвижности этого органа вне целей функционирования. Он не способен сам декодировать смысл того, что он испытывает. Что касается девочки, мочеиспускательная функция для нее очень рано не связана с удовольствием от клиторальных и вагинальных ощущений. Отсюда девочки имеют более раннее развитие, но может быть потому, что

[Пейоративный — уничижительный.]

их органы в эрекции, т. е. в момент ощущения изменения, не видны, им труднее об этом говорить. Это интимные ощущения, нет ничего, что видимым образом отвечало бы испытываемым ими ощущениям.

Для любого ребенка носителями любого знания являются его родители, и то, что те говорят, для него авторитетно после отлучения от груди — все, что касается действия брать, действовать, делать для ребенка под их опекой.

По мере нейромышечного созревания из-за перемещения интереса — осуществляющегося от пути перемещения пищи к перемещению в пространстве — ребенок запечатлевает по поводу того, что говорят и делают, свои ощущения, что в них есть приятного и неприятного, как в своем теле, так и в гармонии своих эмоциональных отношений с окружением. Кастрация, данная ему обладающей правом инстанцией в словах (и также примером в лучшем случае), т. е. запреты, ограничивающие свободу ребенка, касается хорошего и плохого для его тела и чужого тела, растений и животных в согласии или в противоречии с удовольствием, испытанным от действия своих желаний или от сопротивления им при воздействии чужих желаний. Ребенок приобщается управляющими инстанциями к возможному и невозможному, в зависимости от природы вещей, к запрещенному и разрешенному, которые с этим связаны и иногда зависят от технических умений, полученных в опыте, соответственно возрасту, времени, пространству, словам взрослого, более чем прямому опыту, которым он обладает относительно возможного и невозможного. «Позже, когда ты

станешь большим», — часто получает он ответ. Критерий невозможного, что у него есть в интуиции и чему он обучается (соответствующий истине или нет в зависимости от беспокойства данной инстанции), — это настоящая опасность на короткий или длинный срок, и его следствие — запрет наносить вред себе или нарочно вредить другому. Делать себе больно, ранить себя, делать себя больным, отравлять себя, резать себя, калечить, может даже умереть — слова, которые он слышал и которые создают для него проблему по поводу всего, что его прельщает и что ему запрещено. Хорошее и плохое соотносятся с телом; но некрасивое, отвратительное с тем, что видит другой. «Добро» и «зло» — это очень осложнено по отношению к хорошему и плохому, потому что хорошее может, если его взять много, стать плохим, и это плохо не подчиниться высшей инстанции, беря много того, что хорошо. Хорошо иногда не действовать, в то время как очень хотелось бы это сделать, потому сделать это было бы хорошо, но это сделать было бы плохо для другого или если бы увидела управляющая инстанция.

Все, что осуществляет умственную работу по различению для умного ребенка с момента, когда он введен в речь, заставляет его выработать систему ценностей, этику, касающуюся воображения и реальности, в то время как он, поскольку живой, находится в поиске удовольствия, и оно всегда есть цель желания, будь оно сознательным или бессознательным. Есть удовольствие для «сказать» и для «посмеяться», удовольствие, испытываемое, когда говоришь, и затем удовольствие для «хорошего» или для «настоящего», удовольствие, получаемое от осуществления своего желания. Это лежит в основе всех сублимаций влечений детей обоих полов. Через интроспекцию слов взрослого, его поведения, которые он наблюдает и от которых он зависит для выживания, бессознательный образ тела (напомним, что он тройной: базовый, функциональный и эрогенный) структурируется начиная с первой пупочной кастрации, затем отлучение от груди и затем двигательная независимость. Он структурируется, информируя схему тела через родительские слова в том, что ограничивает инициативы ребенка (пред-Я), потому что они могли бы представлять опасность для связности субъекта и его тела, через которую опосредуется его отношение к объекту любви — матери, отцу, обладающей правами инстанции. «Мама-Папа», или «Папа-Мама», — двуглавая инстанция как родной предмет, который можно трогать, и как отношение, нюансированное по-своему для каждого из них, по-разному угождать, в

зависимости от ситуации, но всегда неизбежно проецируя на обоих свой собственный нарциссизм.

К трем годам ребенок, соответственно приобщению к речи и полученным примерам, уже знает свою фамилию, адрес, свою семейную принадлежность. Он умеет в достаточной степени себя обихаживать вместо мамы, чтобы не умереть с голоду или от холода, если есть, что поесть и чем укрыться в окружающем его пространстве; он умеет заинтересоваться и получить удовольствие от всего, что его окружает, не особенно рискуя, и если он знает это пространство, куда родные люди его ввели, он умеет себя вести, т. е. обихаживать себя вместо папы. Этот ребенок, девочка или мальчик, растет в желании идентифицировать себя со взрослыми-попечителями, родителями или старшими. И вот благодаря его наблюдению и желанию знать — фундаментальное влечение любого человеческого существа, которое заставляет его по поводу всего искать, для чего это служит, как это сделано, как функционирует и почему, — он открывает с ясностью разницу между полами, удивительное открытие, которое тут же отсылается к специфическому удовольствию, которое эта область доставляет, если находится в возбуждении. Это хорошо, это приятно, почему? Для чего это надо? А если это нехорошо? Почему?

«Потому что ты слишком маленький, — говорят ему со стеснением, — ты узнаешь, когда вырастешь». — «А когда я вырасту, я буду, как ты?» — говорит мальчик маме или девочка папе. — «Не говори глупостей, — отвечают ребенку, — ты будешь как... ты будешь... я не знаю. Поговорим о другом».

Значит, есть утаиваемое, что-то плохое, что-то запрещенное в этих вопросах. Дело в том, что родители, взрослые совершенно забыли, как они думали и чувствовали себя в раннем детстве (это то, что открыл Фрейд и назвал вытеснением); они оказались подвергнуты недоверию в самом интимном вопросе внутри себя; и они поражены, чувствуют почти стеснение, столкнувшись с тем, что их ребенок испытывает удовольствие, которое, как они считали, предназначено для взрослых, в отношении с переживаниями, связанными по их представлениям с полностью развившимися половыми органами в теле с полностью зримыми вторичными половыми признаками. Для взрослого желание и любовь до пубертата немислимы, тем более возможность генитального оргазма. Поставленный перед такими вопросами взрослый думает, что бесполезно отвечать на них, кажущихся ему лишенными основания. Но ребенок понимает стеснение родителей совершенно иначе.

Видя, что половой орган другого отличается от его собственного, ребенок фантазирует, что речь идет об аномалии или уродстве: перенесенном? Добровольном? Осуществленном родителями? Именно сам этот фантазм очень часто обращает интерес ребенка к его генитальности. Родители об этом забыли. Но стеснение, констатируемое ребенком у взрослого, служит для него подтверждением,

что это несомненно они, кто это сделал с ним или с другим, это они так захотели, но почему? Отсюда происходит совершенно бесполезный страх и он добавляется к первому страху пробуждения, неизбежному и необходимому, учитывая способ рассуждения маленького ребенка до сих пор либо в его логике форм (такой же — не такой же, большой — маленький, больше — меньше, хороший — плохой, возможный — невозможный), либо в его логике функционирования тела, что всегда сопровождается оценкой взрослых-попечителей (он красивый или некрасивый, хорошо или плохо поел, он хорошо поболел, какой ты! ит. п.).

Отрицательное следствие отсутствия ответов или неадекватных ответов на вопросы ребенка относительно его пола состоит в подтверждении его гипотезы: значит родители ему отрезали что-то или подействовали этому. Суждение, которому ребенок тем более может поверить, когда он слышит споры между родителями, которые более не могут согласовать свое сексуальное желание и любовь. Есть недоразумение, свойственное соотношению возраста вопрошающего и отвечающего, но есть еще и не-слышимое в некоторых вопросах детей, потому что они касаются самой глубины аффективного и психического страдания взрослых, т. е. соприкасаются с их собственными страхами кастрации и их актуальных испытаний беспомощности.

В большинстве случаев они будут развиваться здоровым образом благодаря воспитательной среде, позволяющей ребенку понимать то, что он наблюдает, и любящей ребенка в его качестве будущего мужчины или будущей женщины — принятие первичной кастрации приводит ребенка обоих полов к ценности пениса как красивой и желаемой формы. Эта красивая форма пениса вписывается в продолжение красивой формы груди. Для девочки принятие как более ценностного для своего тела того, что у нее нет пениса, чтобы писать, происходит как вторичный акт, совершающийся после размышления: потому что, с одной стороны, она может писать (не стоя, разумеется, но она вполне может) и что, с другой стороны, проведя обследование в этой области с мыслью, что возможно у нее он был, или отрастет, она обнаружила клитор, и в конце концов он ей приносит массу удовлетворения; и затем, наконец, узнав, что ее мать

и женщины, такие же, как она, вполне довольны, она из этого заключает, что таково условие, чтобы стать мамой, чтобы иметь или

12-6119

рожать маленьких (мысль о зачатии еще невозможна) и нравиться папам.

Ну и что, пусть нет пениса! Согласимся, что есть эта дырочка и эта шишечка (вагина и клитор), как они их называют. А потом есть две другие шишечки на груди. «Когда же это станет грудями, чтобы дать сососать моим малышам?» — вот вопрос девочки. Он утешает образ тела девочки, бессознательный образ, и поддерживает ее сознательно в принятии схемы тела. Она принимает легче, чем мальчик, уроанальную кастрацию, т. е. отказ от эротического удовольствия от объекта испражнений. За континентностью сфинктера следует сублимация тактильных влечений в работе рук, той, что ребенок видит у женщин, ловко справляющихся с работой в доме. Таким же образом мышечное двигательное удовольствие перемещается гораздо быстрее у девочек, чем у мальчиков, от нарциссизма эрогенного перистальтизма и трогания тела в области вульвы на удовольствие, получаемое от псевдохозяйственных забот ухода за домом, ухода за куклами, субститутотом детей, и на чистоту тела, порядок в прическе, на одежду, короче на кокетство, хлопоты о своих платьях, вкус к складкам, пуговицам, карманам, лентам и бантам...

Понаблюдаем за детьми, которые хорошо проходят через этот период. Имея хорошо подвешенный язык, девочки отказывают мальчикам в ценности их пениса, не особо в это веря, счастливые, когда они могут видеть, как те «писают», когда они могут их видеть «сильными», когда те дерутся, но: «Это не вы, но м\, девочки, будем мамами, и у нас будут малыши!» Отсюда игра в куклы, классическая игра для девочек, по крайней мере, рассматриваемая как таковая, в то время как это действительно игра для девочек, но игра эротическая по отношению к анальному фаллическому ребенку-фетишу, как для мальчика игра в машинки: перемещение частичного объекта испражнений на аноуретральный объект-фетиш, которым он сам управляет, для которого он хозяин, которым он дорожит. То же самое для игр с

оружием. Они соответствуют перемещению фетишизма пенисного частичного объекта, когда ребенок принял управление континентностью. Как мы видим, в своих играх перемещения анального частичного объекта девочка упражняется в материнстве, а мальчик в своих играх перемещения анального и уретрального частичного сексуального объекта (внутреннего и внешнего — пениса) выражает свою мужскость в становлении. Мальчик испытывает разочарование перед этим т. н. превосходством девочек, у которых нет пениса, но у них будут малыши лишь тогда, если ему не скажут, а также и девочкам, которые считают, что они одержали победу в результате т. н. превосходства в видимом сексуальном различии, что женщина может иметь ребенка лишь в том случае, если мужчина, отец ребенка, даст в сексуальном союзе женщине возможность его зачать.

Именно в этот момент следует открыть словами правду о том, что мать и отец в одинаковой степени вовлечены и ответственны как тот, так и другой за оплодотворение, т. е. за зачатие ребенка. Любого ребенка трех лет и старше на вопрос «Для чего он нужен, половой орган?» должен услышать ясно сказанным, что будет от оплодотворения людей, т. е. об ответственности отцовства и материнства в соединении полов. Это вполне возможно, и родители, испытывающие трудности в ответах, смогут это сделать, поговорив о том с психоаналитиком. Когда ребенок не знает своего родителя, реже родительницу, будучи воспитан одним из них или при посредничестве лица-заместителя, родителям гораздо труднее ответить. Однако это необходимо.

Ясно «сказать правду» выражается имплицитной, а лучше эксплицитной аллюзией на сексуальное соединение родителей, в намеренном или ненамеренном акте, в котором совершается зачатие ребенка, часто неведомо от сознательного желания или наслаждения родителей. У любого ребенка есть какое-то знание о сексуальном удовольствии, и он чувствителен к способу, каким взрослые, не называя его, на него ссылаются, а также на его зачатие, на свою взаимную любовь или на свое не-удовольствие. Время, протекшее между зачатием и рождением, дающее свой пафос материнской роли, дает также родителям возможность предъявить ребенку его статус субъекта. Будучи зачат, он каждодневно брал на себя свою часть в симбиозе «плод—мать». Этот ясный ответ, касающийся зачатия, служит началом настоящих слов взрослого о сексуальном удовольствии, которое не всегда на службе у оплодотворения. Если эта правда не сказана ребенку, эти невинные воображают сексуальный акт как чисто функциональный, животный,

зоологический, «операционный». «Вы это сделали два раза» (если двое детей). И так они оказываются введенными, вырастая, в тотальное непонимание в переживании своих чувств и желаний, ощущаемых в теле при упоминании и/или при встрече того или той, которого они желают и любят.

Приход в мир ребенка есть дело взаимного желания и взаимного удовольствия субъектов, которые ищут друг друга, говорят друг с другом и в своей совместной встрече позвали к себе существо, зачатое ими, зная об этом или нет (надеясь на это или желая его избежать). Именно это, что сказано словами, воспринимаемыми ребенком как настоящие, открывает ему гуманизацию генитальной сексуальности, язык жизни и не только функциональный процесс.

Наличие родственников и родителей, ответственных за этого ребенка, — и с ним надо об этом говорить — придают фундаментальный смысл его жизни такой, какой она началась: легкой, трудной или невозможной, чтобы нести родителям ее груз. И проговоренная таким образом правда его окончательно гуманизирует по отношению к тому, что он смог увидеть и узнать о течке, спаривании, беременности у млекопитающих, птиц, о родительской заботе ведущих совместный образ жизни. Вообще говоря, детям ясно не объясняют оплодотворение у животных. Если в наши дни не избегают давать сведения о технологии оплодотворения и рождения у животных, то в основном при помощи двусмысленных слов: например, спаривание для осеменения домашнего животного именуется «женитьбой», инстинктивная и сезонная течка вербализуется при помощи терминов желания и любви, как будто речь идет о людях.

Без вербального объяснения ответственности за зачатие и уход за новорожденным, затем за воспитание ребенка родителем или заменяющим отца, родительницей или заменяющей ее кормилицей, ребенок не может понять словарь родственных связей, в частности, словарь отношений между родными взрослыми и им. *Символический смысл слов родственности тела, аффективной родственности или родственности сердца и социальной родственности происходит от знания о соединении полов.* То есть через именование законной родовой фамилией, вписанной в акт гражданского состояния в мэрии, фамилией, которую ребенок носит всю жизнь. Дифференциация значений терминов родства — в значении отцовства, материнства, телесности, эффективности, законности — открывает для ребенка понимание символических отношений.

Мне скажут, что ребенок трех-четырёх лет ничего в этом не поймет. Это совсем не так; он интуитивно понимает смысл этого, если слова касаются реальности, имеющейся в его опыте; слова, законные для взрослого и ощущаемые как законные ребенком, его конструируют как человека. У него есть потребность знать, что его отец, как и он сам, был зачат от сексуального соединения мужчины с его бабушкой по материнской линии, и что мужчина, который дал свое имя его отцу, — его дедушка по отцовской линии. Его дяди и тети по отцовской линии были также зачаты этим самым мужчиной, или во всяком случае этот самый мужчина, дедушка по отцовской линии, дал им свою фамилию и перед Законом взял ответственность за них через их мать, свою супругу, которая приходится ребенку бабушкой по линии отца. Аналогично этому он испытывает потребность знать, что его мать была зачата дедушкой по материнской линии и бабушкой по материнской линии, той, которую он знает, или другой, о которой его мать рассказывала. Его дяди и тети со стороны матери являются таковыми, потому что это братья и сестры его матери, что означает, что они родились от той же матери, что и его мать, и от того же отца, что и его мать, или же от сексуального соединения этого самого дедушки с этой самой бабушкой. И тогда он понимает, что его дяди и тети моложе или старше, чем его мать. Он их племянник или племянница, их дети — его двоюродные братья или сестры. То же со стороны отцовской линии. И если по какой-либо причине у него нет законных родственников с той или другой стороны его родителей, правдивое объяснение должно ему быть дано. Это объяснение словаря родственных отношений не имеет смысла, если о соединении полов не было сказано как о происхождении рождения и вхождения в семью ребенка, бремя которого было взято на себя тем, кто ему дал фамилию, затем его вырастил или нет.

Маленький мальчик, который уже получает наслаждение в своем образе тела от эротической ценности пениса и в функциональном аноуретральном образе от испражнения и мастурбации, частично сублимированные игровыми и утилитарными объектами, которыми он овладевает, и нарциссизируется как мальчик, открывается таким образом к осознанию не только того, что есть удовольствие, какое он будет получать как мужчина в сексуальном соединении, которое делает любовниками, но также тому, что станет его социальной ценностью как спутника, может, мужа женщины, которую он полюбит; но в особенности его ценностью в прокреации⁵ от его отца и дедушки, которые до сих пор

[Прокреация — репродуктивность, продолжение рода.]

рассматривались как сателлиты, спутники, сообщники, статисты, приятные или нет, матери или бабушки. Любой мальчик, не знающий отца, не успокоится, пока не узнает, от кого мать его зачала. Я видела много детей матерей-одиночек с многочисленными и различными нарушениями поведения вследствие неполучения ответов на имплицитный или косвенно эксплицитный вопрос относительно своего отца. «Тебе он не нужен, разве мы не счастливы?», «Разве у тебе нет дедушки, дяди, бабушки?» — такие речи слышит ребенок, когда он задает почти прямой вопрос: «Почему у других детей есть папа?» Вот ребенок-метис, например, с вьющимися, как у африканца, волосами у матери-блондинки жаловался ей на вопросы своих товарищей по поводу цвета своей кожи, и она ответила: «Ты загорел во время каникул в горах, вот и все». — «А почему они зовут меня негром?» Мать не нашла ничего другого, как сказать: «Они дурные дети, невоспитанные».

Когда дети еще в малом возрасте, трех-пяти лет и даже немного больше, и это их проблема, проблема их происхождения⁶, они могут быть восстановлены в порядок их гуманизированного поведения благодаря правдивому ответу своей матери. Иногда необходимо, чтобы она поработала с психоаналитиком, чтобы понять, о чем идет речь, чтобы суметь сказать эту правду самыми простыми словами. Ребенок испытывает потребность знать это и — от вопроса к ответу — понять. Именно это дает ему здоровую базу, чтобы обрести, что я не могу назвать иначе, как свой порядок. Но для этого вовсе не обязательно идти к психоаналитику. Любая мать смогла бы, если бы знала, что это очень важно, ответить своему ребенку. Во многих похожих случаях ко мне обращалась лишь мать. В некоторых случаях было бесполезно вмешивать третье лицо — психоаналитика в работу гуманизирующего информирования ребенка. Достаточно было бы матери, как только она бы поняла, что вызывает ее сопротивление.

Но правда о том, что связано с происхождением, может также быть сказана дедушкой, любым человеком, который знает его историю, и может ему ее рассказать с уважением к соединению полов, плодом которого он является, и не порицать ни того, ни другого из его родителей. Необходимо сказать реальность фактов и, если возможно, дать уточнения относительно фамилии, фамилии самого родителя, сказать о причинах, которые побудили родителей сначала соединиться, потом расстаться. Как человеческое существо, ребенок сам причина своей

⁶ Я понимаю под этим одновременно физические силы прокреации и принятие ответственности за желание.

собственной жизни: его желание побудило его воплотиться, которое сделало так, что он изо дня в день оставался в матке вместе с этой женщиной, счастливой или в трудности, вынашивая его. Все это было прожито его телом и обо всем можно говорить, чтобы все было очеловечено, чтобы ничего не осталось в псевдоживотности или в органическом качестве, поскольку *ничто не является только органическим у человеческого существа, все является также символическим*. Когда дети узнают правду о сексуальном соединении их родителей, лежащем в основе их жизни, происходит расцвет для их умственного развития, усиленный знанием их семейной принадлежности, что позволяет придать смысл их чувствам, испытываемым к матери, к отцу, к обеим линиям, если им повезло их иметь. Но для ментальное™ ребенка речь идет о желании, которое лишь вербально является генитальным. Ответственность, взятая на себя родителями или избегаемая ими, бремя которой они несут частично, полностью или совсем не несут, произведя его на свет — этого он еще не может понять, и впрочем нет смысла вести с ним в данный момент моральные беседы по поводу подлинных фактов его истории. Быть папой или мамой есть для ребенка функциональное и, несомненно, эротическое представление, но это для него функции частичных эrogenных зон тела, предполагаемое удовольствие от которых того же порядка, что он получает от мастурбации и вместе — плюс к этому — с фантазмами счастья на двоих — мальчик вместе с мамой или принцессой, девочка с отцом или очаровательным принцем, но без тени соперничества. Это еще не Эдип. Пусть ребенок еще не понимает, что там с ответственностью и нарциссической мутацией, предполагаемое материнством и отцовством для его родителей! Это не входит для него в противоречие с тем, что он считает их счастьем при его рождении: они довольны его «иметь» и исполнить по отношению к нему «роль» папы и мамы. Для него, прикрепленного к своей собственной жизни, само собой разумеется, что любовь и радость идут рядом с «иметь» ребенка, а иметь ребенка придает по его мысли «неограниченную власть». И она для него абсолютно совместима с любовью, которую он к ним испытывает, будучи маленьким, независимо от поведения родителей.

«Но, — скажут мне, — если эмоциональные условия рождения ребенка были несчастливими, даже катастрофическими, нужно ли ему об этом сказать?» Конечно, ведь он их пережил. Поскольку ребенок выжил после испытаний для матери, отца, семьи, для самого себя, значит эти условия были совместимы с его выживанием, стало быть динамически позитивны для него, и они составляют часть того, что

должно быть сказано словами, его нужно поздравить, что он это вынес. Самое ценное благо — это жизнь, и он жив. Принятие себя на свою ответственность делается через слова другого, которые открывают смысл и силу желания через правду, сказанную насчет встреченных им трудностей.

«Но, — скажет мне немало родителей, — если дети знают т. н. секрет своего зачатия, они будут без конца забавляться со своим половым органом и еще рассказывать кому попало правду о семейной принадлежности, которая неизвестна людям их окружения». Это все мысли взрослых, и это совсем не так. Это даже как раз наоборот. Ребенок, успокоенный насчет возникших у него вопросов, входит в период понимания треугольного отношения и жизни в ее целом, что ведет его к комплексу Эдипа. И суть его не в том, как думают родители, чтобы играть бесконечно со своим половым органом.

Другие родители еще говорят: «Если я расскажу своему ребенку, он повторит это другим детям. Что тогда подумают обо мне?» Вечно этот вопрос родителей, которые думают, что плохо, если ребенок знает о происхождении своей жизни в желании и любви его родителей! Раз он здесь, он представляет сексуальное соединение, почему он не имеет право знать в словах? Ведь эта правда его выстроила таким, какой он есть? «Да, конечно, но в школе об этом будут говорить...».

Поговорим тогда о *школе в три года и ее роли*. В своем функционировании гигиена ухода, которой ребенок должен научиться, чтобы самому заниматься собой, может быть дана в классах, старших классах материнской школы, затем еще раз в начальной школе. То же самое касается пола, мужского и женского, и роли желания, ответственность за которые ребенок несет в соответствии с законами: не следует при этом пренебрегать существованием желаний, о которых дети говорят, но которых нет в Законе, а некоторые взрослые их осуществляют и за это преследуются Законом и попадают в тюрьму: запрещенные желания каннибализма, убийства, воровства, вреда, эксгибиционизма, изнасилования — это как раз запреты, дублирующие оральные и анальные кастрации в трансгрессии у взрослых. Школа должна преподавать детям различие между потребностями, которые не подлежат репрессиям, и желаниями, которыми можно управлять, и в этом специфичное отличие человеческих существ от животных. *Социальная жизнь людей предполагает управление желаниями в соответствии с Законом, одним и тем же для всех*; и начиная с трех-четырёх лет, то, что нельзя выйти замуж за отца или жениться на матери, вступать в брак с братьями и сестрами, может быть совершенно спокойно сказано в школе

в то самое время, как дети играют и продолжают фантазировать, поскольку эдипов комплекс проживается и разрешается в фантазмах, поддержанный сознательным знанием его запрета в реальности. *Единственный закон, общий для всего человеческого рода, но школа никогда об этом не говорит, — это запрет на ицест, гомосексуальный или гетеросексуальный.* Детям в школе должно преподаваться, что этот запрет налагается как на их желание по отношению к родителям, так и на желание родителей по отношению к ним, равно как и запрет сексуальных отношений среди братьев и сестер.

Все другие законы, касающиеся генитальной сексуальности, т. е. правила признания законным / незаконным брака и правила легального признания детей, рожденных от союза вне брака, то же касательно развода, права на попечение детей, алименты — все то, что дети часто слышат в разговорах родителей или что их прямо касается, подчиняется разным законам, в зависимости от страны. Дети должны в школе быть введены в курс всего этого в тот момент, когда их это интересует, а именно в возрасте пяти-восьми лет.

И потом есть в школах Франции проблема из-за празднования дней матерей и отцов. Какие только ужасы не переживают дети из-за этих праздников! Дети испытывают к матери и отцу интимные чувства, которые абсолютно не могут совпадать со слащавостями, которые им говорят в классе по этому поводу. «Любимая мамочка» и бог знает еще что в некоторых семьях совершенно неуместны (потому что мать больна, в депрессии, уехала, бросила очаг, умерла... не знаю что еще): что делать всем этим бедным детям с этим днем матерей, который лишь усугубляет проблему, в то время как по этому поводу как раз, готовясь к нему, можно было бы устроить праздник самого ребенка, его желания быть рожденным от сексуального соединения его родителей, которое имело один смысл и будет иметь другой — смысл его желания жить, соединяющего его с двумя линиями через тех, кто его зачал. Некоторые дети говорят в классе: «А у меня три папы». — «Это так, — может ответить учительница, — есть такие, у кого три папы, но у каждого из нас лишь один отец от рождения и одна мать от рождения. Можно иметь тридцать шесть пап, это спутники мамы; они могут меняться, но у каждого из нас только один отец, тот, кто дал зародыш жизни нашей матери, и она нас выносила в течение нескольких месяцев до нашего рождения. Мы все были зачаты нашим отцом и нашей матерью по причине их сексуального соединения. Некоторые родители любят друг друга долго или всю жизнь, другие расстаются или разводятся, но это не меняет их родительства по отношению к ребенку».

Вот чем должно быть преподавание в школе, если оно имеет целью воспитание. Правда может быть сказана всем детям. Все дети в наши дни слышат по радио, по телевидению о законах, касающихся аборта. Они слышат от матерей про пилюли, противозачаточные средства. Почему они не могут задать эти вопросы? И почему бы учительнице или учителю не ответить им? Совершенно естественно, как это должно делаться в семье. И тогда словарь родственных связей начнет для них с этого момента обретать смысл. Что такое мать, что такое отец? Дядя, тетя, бабушка, дедушка? Как это может быть объяснено, если ребенок не информирован о его происхождении и роде, о сексуальном соединении, по причине которого его предки являются родителями его бабушек и дедушек, его бабушка и дедушка — родителями его родителей, а он фокусирует точку встречи двух линий, которые через него, возможно, продолжатся?

Типичное представление генеалогического древа в школе было бы самым интересным для всех и побудило бы каждого поработать над ним с отцом, матерью, старшими братьями и сестрами, а также, если есть, бабушками и дедушками. Дают же детям ужасные трафареты с рисунками для раскрашивания. Почему в начальных классах не дать им схему генеалогического древа? Тем, семьи которых происходят из разных провинций, даже из разных стран, было бы интересно услышать от родителей, а учителю поговорить с ними о различных обычаях их бабушек и дедушек и побочных линий родни, в соответствии с регионами, где они родились. Если они принадлежат разным этническим группам, и таких все больше во французских школах из-за иммиграции, дать им осознать происхождение их семей, посмотреть по географической карте, поговорить о традициях, привычках, климате, семьях, к которым они относятся, семьях, возможно, очень разных со стороны отца и со стороны матери, когда они познакомились: все это для меня есть работа школы, с тех пор как мы знаем, благодаря психоанализу, что именно *способ, каким вызывающий доверие взрослый отвечает на вопросы ребенка, эксплицитно возникшие в возрасте трех-пяти лет, определяет степень открытости человеческого разума, я хочу сказать, разума, связанного с социальным законом.* До этого разум ребенка использовался в хитрости из-за незнания Закона для всех.

Не получив ответа на вопросы о своей жизни, своем происхождении и роде, ребенок более не задает вопросов, по крайней мере, в семье. Их нужно снова поднять, когда он приходит в школу, чтобы просветить, ответить ему и сделать из него не анонимного щенка рода

человеческого, но субъекта, которому возвращена ответственность за его историю и желание, и в то же время признано его желание в его дальних мужских или женских устремлениях «когда я стану большим» в соответствии с законами этого желания в человеческих сообществах и в частности в том, частью которого он является.

Если я говорю о роли школы в информировании и воспитании по поводу происхождения, рода и сексуальности детей, то это потому, что дети во все более раннем возрасте входят в социальную жизнь в яслях, затем в школе и там все то, что не смогло свершиться в семье, может быть исправлено. И мы видим, как бедные детишки приходят, не зная даже, чьи они дети, не зная даже, как, посредством кого, для кого их жизнь и их выживание имеют смысл, не зная смысла слов, которые они употребляют: дедушка, бабушка, отец, мать, дядя, тетя, брат, сестра и т. п. Роль школы состоит в том, чтобы дать смысл этому словарю, и *сексуальное воспитание заключается в конечном счете в том, чтобы эксплицировать словарь родственных отношений*. Со времени Фрейда мы знаем, что психозы подготавливаются на прегенитальных стадиях, т. е. до вхождения в первичную кастрацию, состоящую в открытии полов; ответ на вопрос о сексуации¹ каждого ребенка — один из самых важных, чтобы он мог любить, ухаживать и относиться с уважением к своему телу, любить жизнь, которая есть его жизнь, нести самому за себя ответственность в семье, которая его воспитывает, независимо от того, его эта семья или нет.

Ребенок проживает каждый этап своей жизни в соответствии со словами, которые ему эксплицируют ясным образом испытания. Каждый этап проживается, кроме того, в соответствии со способом, каким предыдущий этап был прожит и пройден. Сегодняшние дети, особенно в городах, так мало воспитываются своими родителями, что эта воспитательная роль все больше ложится на плечи учителей. Впрочем, не стало ли Общественное образование Национальным воспитанием?

Первичная кастрация, т. е. открытие ребенком своего пола, того, что он принадлежит только этому полу, и того, что это означает для него в будущем, может закончиться полной неудачей, что касается ее символических эффектов, вследствие отсутствия информации, ругани, игнорирования вопросов, которыми сопровождаются ответы и реакции взрослых на вопросы, поднимаемые ребенком по поводу того, что он наблюдал, слышал, чувствовал.

В школе все вопросы детей должны считаться заслуживающими внимания. Многие школы это поняли, помогая детям наблюдать живые существа и ухаживать за ними: жизнь растений, рост

[Сексуация (зехиапоп) — принятие пола.]

семян, уход за малышами животных, за которых они берут ответственность в классе. Все это очень хорошо, но это не воспитание их в русле собственной жизни, достаточное, чтобы ее понять и знать. Удивительное для ребенка, когда он открывает разницу полов и она ему объяснена. Впервые он встречает закон, который не зависит ни от родителей, ни от взрослых, закон, который есть факт природы и который в ряде случаев потрясает их мир. Это имеет символический эффект возвышения их собственной персоны, но может также иметь противоречивые следствия. В этом случае важно, чтобы школа могла помочь ребенку преодолеть неблагоприятное воздействие для его пола словами или ценностями, внушенными в семье. Этот ребенок, мальчик или девочка, сам иногда хотел бы быть другого пола по причинам, которые он знает и мог бы сказать, и не постеснялся бы сказать, если бы кто-то захотел его выслушать. Чем больше я размышляю над вопросом предупреждения психозов у детей, еще ведущих себя как здоровый ребенок к двум годам, и неврозов у детей, для которых развиваются трудности, начиная со школьного возраста¹, тем больше я думаю, что дело в слабости информирующей и воспитательной роли школы относительно вопросов, касающихся тела и пола ребенка; сейчас, когда дети так рано начинают посещать общество, когда так редко встречаются большие семьи, и у них так мало времени, чтобы говорить с родителями. К тому же то, что они слышат и видят в *масс-медиа* по телевидению, усугубляет ощущаемую ими неясность: переживания и страсти, ведущие к поведению, толкающему к убийствам, эксгибиционистские любовные отношения пар. Все это, касающееся отношений их родителей и их собственного существования, добавляет образные картинки к возникающим вопросам. Школа должна изменить, она должна ответить при помощи точных слов на все вопросы детей, в частности: «Почему такой-то ребенок носит девичью фамилию матери или фамилию своего отца, а она не та же, что у матери или одного из его братьев, или фамилию любовника своей матери, который стал ее мужем и его признал, но он не его отец?» Все это должно быть эксплицировано в школе, потому что именно в школе все это елгу открывается. В момент переключки.

[С трех лет.]

Сколько детей слышат в первый раз фамилию, которую они и не знали, но которая записана в акте гражданского состояния⁷.

ЭДИПОВ КОМПЛЕКС И ЭДИПОВА ГЕНИТАЛЬНАЯ КАСТРАЦИЯ (ЗАПРЕЩЕНИЕ ИНЦЕСТА)

Период, следующий за моментом, когда дети открыли свою принадлежность к полу, — период, в течение которого они входят в то, что в психоанализе называется эдиповым комплексом⁸. Как только у ребенка есть знание об этой окончательной принадлежности к одному полу, образ тела для него меняется; он не бессознательный, он сознательно тот, который в реальности должен быть согласован с телом, которое позже будет телом женщины или телом мужчины. Что касается субъекта и желания, которое он имеет относительно будущего, то это желание идентификации с существом, которое он больше всего любит в данный момент своей жизни. И именно поэтому так важно в силу функции отца, выполняемой или нет, при-общителя к Закону, как я, надеюсь, показала в деталях, чтобы был дан ответ ребенку относительно его роли в зачатии, затем при рождении: роль в соответствии с природой в сексуальном союзе, роль в соответствии с Законом в признании ребенка перед гражданским состоянием и аффективная роль в принятии ребенка на свое иждивение. Дал ли ему отец свою фамилию или нет, помог ли он матери его вырастить или нет. Может ли ребенок или нет рассчитывать на него, чтобы тот его направлял, помог стать взрослым мужчиной или женщиной.

Желание знать больше о своем происхождении посредством вербального правдивого ответа от ответственных в данный момент за его дальнейшую жизнь (его родители-опекуны) — признак ума ребенка. Глумиться над этим желанием, укрываться от ответа на него, накладывать запрет на это вопрошание как неприличное или обманывать ребенка, отвечая в терминах физиологического функционирования матери-роженницы, означает огулуплять этого мужчину или эту женщину в становлении, каким является ребенок, задающий вопросы о своей жизни, секрет которой — в его глазах — есть у взрослых. Это желание плотского соединения между мужчиной и женщиной, его родителями, были они или нет готовыми взять на себя ответственность за его последствия, жизнь нового человека, зачатого от их сексуального союза, — вот, что должно быть сказано ребенку, который вопрошает мать или отца или любого взрослого о своем происхождении. Этот треугольный союз желаний отца, матери и ребенка — девочки или мальчика — должен быть означен словами взрослого, открыв таким образом ребенку его собственную часть желания: быть зачатым, потом родиться и с этого времени жить дальше.

⁸ Ср. здесь главу об эдиповом комплексе в: Д10. — Р. 194—244.

При отсутствии отца-родителя другой мужчина, спутник его матери, может служить ему отцом-опекуном. Начиная с вхождения в эдипов период у ребенка развивается видение себя в мире, где над его воображением властвует его отношение в данный момент к его обоим родителям постольку, поскольку оно связано с проектом — который он вынашивает — своего взрослого в соответствии с полом будущего, привлекательного и успешного. Эдип может быть либо по-здоровому конфликтным, либо патологически конфликтным вследствие чувства покинутости из-за принадлежности к данному полу. Это может иметь место, когда мать не смогла или не захотела сказать правду о семейной принадлежности ребенка, девочки или мальчика. Но это может также иметь место, если бесконечные драмы между родителями заставляют ребенка страдать за мать из-за отношения отца, не ценить отца или наоборот. Кто-то скажет: что можно изменить в жизни ребенка, который имеет несчастье жить в непрочной семье, воспитываться холостяком или незамужней женщиной или родителями в разводе и т. п.? Можно сделать многое, используя верные слова по поводу фактической ситуации и помогая ребенку в том, что он считает виновным слышать, сказать то, что он считает виновным думать, поскольку ребенок думает всегда позитивные вещи, касающиеся его отца и матери, даже если он думает негативные вещи, даже если у него есть очевидные доказательства их разногласия и он страдает от воспитательных действий некоторых родителей, иногда трудно выносимых. Их дети всегда находят им извинения. Важно, поскольку ребенок живет, поддержать его, помочь взять на себя заботу о себе и без стыдливости говорить о том, что происходит. Это нелегкая или неприятная вещь. У него проблемы с родителями; но чтобы иметь возможность продолжать развиваться в порядке своей родовой принадлежности, он должен быть поддержан в усилении, чтобы сохранить доверие к себе в качестве их сына или дочери. Это то, что я называю в психоанализе «поддержать нарциссизм этого ребенка», его первичный нарциссизм, вкус к жизни, и его вторичный нарциссизм, его интерес к самому себе как продвигающегося-становящегося взрослого в своей половой принадлежности: либо беря за образец взрослых, кого он знает, либо зная, что даже рядом с моделями, которым он не хотел бы следовать, в нем есть желание, которое находится в поиске модели, чтобы стать взрослым его пола.

Предположим, что ребенок находится в достаточно хороших условиях согласия родительской пары для продолжения своей эволюции. В этот момент есть разница между девочкой и мальчиком. Мальчик хочет идентифицироваться с отцом, впрочем как и девочка.

Каждый хочет делать так, как оба родителя. Но мальчик, проявляющий сексуальную инициативу по своей мужской интуиции, решает, что он хочет жениться на матери. Девочка также в тот момент, когда она входит в эдипов период, говорит, что собирается жениться на матери. Дело в том, что она верит еще, что мать производит детей через пищеварение и что, если она добьется любви матери, та ей даст, целиком или частично, то, что муж ей дал, т. е. то, отчего рождаются дети; ибо для нее в ее фантазмах зачатие и роды — это исключительно женские вещи, и они обладают чем-то магическим. Из чего сделать анального малыша, вот что она хотела бы получить от любимого взрослого, мужчины или женщины. Папа, если он есть в доме, в любом случае будет и останется папой для нее и для ее детей. Мальчик гораздо более непосредственно в Эдипе. Если он уважает отца и чувствует, что мать уважает отца, он гордится отцом и хочет стать похожим на него, он стремится полностью идентифицироваться с ним и естественно иметь те же прерогативы, что и его отец в близости с матерью. И в этом *отец может и должен дать сыну то, что мы называем в психоанализе кастрацией*; заявить ему: «Этого никогда не может быть, чтобы сын любил свою мать, как ее любит другой мужчина. И это вовсе не потому, что ты маленький, а я большой, это потому, что ты мой сын, и никогда сын и мать не могут жить в сексуальном союзе и рожать детей».

Мальчик

Какой образ тела задействован у ребенка на пороге Эдипа? Поговорим о мальчике. Генитальные влечения, которые, как мы видели, укореняются в уретральной зоне, остаются пенисны-ми частичными влечениями, центробежными по направлению к объекту желания. Это те влечения, которые мальчик переносит на частичные объекты, представляющие сами частичные образы его тела, пенисный половой орган в частности, которые он перемещает на все ударные инструменты, мое оружие, предназначенное для атаки, на проникающую агрессию в баллистических играх, в садистических действиях, в проколах, в прицеливании в девочек, для того, якобы, чтобы их убить. В этом он проецирует — и об этом надо сказать — либо свое желание бросить убийственную жидкость (испражнения воспринимаются как плохие, так как они выбрасываются телом), либо свое желание бросить то, чем делают детей, с тех пор как он знает, что именно это произойдет однажды в жизни, о чем он знает из слов взрослых или старших по возрасту товарищей по школе. Эта альтернатива ни в чем не является

противоречивой. Дети, которые играют в «убить», абсолютно хотят, чтобы сразу же после было «воскреснуть». Это «чтобы сказать», «чтобы посмеяться»; влечения в фантазмах — это вовсе не «для реальности»¹. И потом он слышал о рождении малыша: откуда тот появился? А смерть? Она затрагивает людей из окружения ребенка. Куда мы идем? Жизнь и смерть — это самый важный для ребенка вопрос, когда он находится в разгаре эдипова периода. В этот момент он отказывается от пенисных агрессивных игр, по крайней мере от тех, которые не регламентированы в квазисоциальных играх. И все это благодаря запрету на инцест, который должен быть сказан как по отношению к братьям, так и сестрам, т. е. как на гомосексуальный, так и на гетеросексуальный инцест. Мальчики переносят пенисную агрессию центробежного типа, бессознательно или предсознательно-но желаемую, на активность деятельности рук, интеллектуальную активность, активность всего тела, игровую или созидательную.

Не «по правде».

Благодаря словам отца и данным им примерам уважения к женщинам, к своей жене, к дочерям, мальчик схватывает разницу между своим уретроанальным желанием быть хозяином над телом другого, агрессивно толкнуть его, чтобы почувствовать себя мужественным (что-то вроде течки у животных), и фактом дать однажды жизнь, сделав выбор для любви в соединении с желанием, имея чувство ответственности, которое ангажирует одного по отношению к другому любящих, а затем рождающих, т. е. тех, кто являет в свет ребенка и кто берет на себя обязанность, каждый, по отношению к этому ребенку воспитать его до совершеннолетия. *Когда это говорится отцом сыну, это инициация сына к человеческой жизни. Именно это и есть эдипова кастрация. «Я запрещаю тебе твою мать, потому что это моя жена и потому что она тебя произвела на свет. И то и другое важно. Твои сестры тебе также запрещены с сексуальной точки зрения, как и твоя мать. И я не женат ни на своей матери, твоей бабушке по отцовской линии, ни на твоих тетях, моих сестрах; твоя мать не вышла замуж ни за своего отца, твоего дедушку по материнской линии, ни за своих братьев и т. п.»⁹.*

⁹ Это очень важно сказать и повторить ребенку матери-одиночки, чья фамилия может казаться по сравнению с фамилией других детей фамилией ее отца.

¹ Доминированием и презрением чванятся дети и другого пола, по меньшей мере очень часто это наблюдается между братьями и сестрами (способ подчеркнуть вытеснение инцестуозных влечений, которые весьма распространены).

Таким образом ребенок услышит то, что его введет в порядок генитальной гуманизации. И в этом у школы есть своя роль: сказать о различии между генитальным влечением человека, связанным с любовью, и оплодотворяющей течкой у животных, подчиняющейся слепому инстинкту совокупления между самцом и самкой без любви, без чувства ответственности и ангажирования, хотя некоторые животные выдерживают время для спаривания, чтобы помочь в кормлении маленьких, как отец, так и мать, до того времени, как те сами сумеют найти себе пропитание.

Несостоятельность отца, неспособного дать кастрацию. Если отец не осуществляет или кто-то не осуществляет этого воспитания владением желанием, запрещая инцест, мальчик может остаться всю свою жизнь в мысли исключительно нарциссического выбора избранного объекта, который, может быть, не будет его сестрой или матерью, но который будет исключительно предназначен только для его генитальных частичных удовольствий: объект, выбранный случайно, чтобы находиться утрашением или насилием в зависимости от него. Нужно подчинение отца закону уважения и не-агрессии по отношению к своей супруге, матери ребенка, чтобы пробудить мальчика к пониманию того, что отношения взрослых не строятся по уретроанальному типу, как он мог себе вообразить, исходя из способа ощущений и в соответствии со своим детским нарциссизмом, но по другому типу, отличному от того, какое желание он испытывает в его возрасте. Отсюда нарушающая порядок роль грубого отца или его отсутствия. Отцы, агрессивные, невыносимые в семейной жизни или алкоголики, которые возвращаются и бьют жену, безответственные, не разговаривающие со своими детьми, никто из них не образует их с точки зрения аффективного развития. Также мужчины, от которых нет никакой радости в семье, но на глазах сыновей насильно овладевают матерью, патогенны, потому что сын, еще маленький, тем не менее в восхищении от них. Это самцы, которые ему кажутся обладающими фантастической силой, и для них это скорее в большей степени модели животных, чем людей. Такие отцы при рабском потворстве своей супруги дают детям как раз пример безответственного мужского поведения. Их поведение «мужчины» кажется детям, когда они маленькие, волшебным, можно сказать нарциссическим, оральным, анальным, очаровывающим. Мы обнаруживаем это у людоедов в сказках, у монстров в мифах. Требование доминирования, даже презрения мальчика к девочке¹ становится для него в какой-то момент частью его

нормального развития от первичной кастрации до конца Эдипа, что дано в этих случаях примером поведения отца по отношению к матери.

Если отец продолжает один устанавливать свои порядки в доме в регистре своих оральных, анальных и уретральных влечений, удовлетворенных в алкоголизме или паранойяльном поведении, тот факт, что мальчик видит этого мужчину абсолютным хозяином испуганной женщины и как тот время от времени ей делает детей, подтверждает для мальчика, носящего имя этого мужчины, что именно благодаря уретроанальным влечениям мужчина становится доблестным гражданином в обществе. Высокой будет чувствительность такого мальчика к гомосексуализму: либо пассивная гомосексуальность через идентификацию с матерью, иногда депрессивной, но мужественной, поскольку она одна защитница детей от отца; либо активная гомосексуальность, структурированная по отношению к отцу, пример которого побуждает думать, что это и есть стать мужчиной в истинном смысле слова. Так фабрикуется такой тип мужчины паранойяльного поведения, насильников женщин и правил, как только их импульсивное и неуправляемое желание встречает так мало отпора. К ним относятся взрослые, которые с самого детства ни разу в полной мере не ставили проблему Эдипа или которые не получили кастрации от своего отца. Они остались индивидами мужского пола, не совсем гуманизированными, ведомые скорее своими влечениями, нежели владеющие ими, говорящие, сутяжничающие, устанавливающие свой закон, часто умные и — как ребенок это видит в кафе — ценимые своими товарищами. На самом деле в обществе это модели гомосексуальной аффективной жизни, а дома в отношении с женой — животных, движимых течкой. Женщины, считающие себя обязанными принять подобную ситуацию, со всей очевидностью родились и прожили в семьях в своей молодости трудные ситуации. И здесь роль взрослого окружения, взрослых в школе, роль медиков, которые знают детей, очень важна: не разлучать их с семейной средой, но позволить им понять нехватку воспитания, лежащую в основе трудностей с отцом. Они от этого не будут любить его меньше, но он принесет меньше вреда как модель идентификации. Вместе с тем, такие отцы часто были в начале жизни робкими влюбленными в свою жену, как и робкими любовниками; это мужчины, для которых Эдип плохо прошел и часто они его переживают вновь в ревности, которая их давит при виде любви и интереса, проявляемыми женой к детям и особенно к сыновьям. Врач, знающий психоанализ и особенности такой семейной жизни, может дать очень хорошим способом запрет на инцест мальчику и сказать, что у него нет

особой необходимости, даже чтобы ее утешить, осыпать ее ласками, когда он видит, как она несчастна с отцом, — он вышел из этого возраста, он должен хорошо работать в школе, уважать своих отца и мать, не вести себя более как эксклюзивный друг своей матери. Его отец не всегда был таким, каким его видят дома, о чем, впрочем, мать может сказать в присутствии ребенка врачу. Отец часто попадает в эту ситуацию по причине депрессии, перенапряжения, материальных проблем. Все это очень помогает ребенку релятивизировать драмы, свидетелем которых он является, и, с другой стороны, это помогает через ребенка обоим родителям. Когда мальчик достигает эдипова уровня, невозможного по причине патогенного отца, работа состоит в том, чтобы дать ему понять, что он будет лучше учиться в школе, будет более успешным, если оставит семейный очаг и попросит сам, чтобы его определили в пансион, если это возможно экономически, или попросив социальную помощь. Но просьба должна исходить от ребенка. И не по причине тяжелой ситуации, бывают исключения, необходимо разлучить ребенка с семьей. Следует дожидаться, чтобы ребенок обратился сам с просьбой. Эдип должен разрешиться в семье.

Девочка

Поговорим теперь об Эдипе для девочки, о которой я говорила, что вначале она столь же гомосексуальна, как и гетеросексуальна, потому что девочка входит в генитальную жизнь с целью соблазнить кого-то, кто сделает ее матерью по образцу ее матери. Для нее, имеющей референцией фаллос, у мужчин пенис, у женщин дети, это ясно. Желание идентификации с матерью ведет девочку, если родительская пара хорошо ладит, к желанию иметь те же прерогативы, что отец признает за матерью. Но девочка может войти в Эдип лишь при условии попытки обойти запрет на инцест, заманив отца в западню соблазнения. У девочки нет пенисных активных влечений центробежного характера, как у мальчика. По отношению к фаллосу ее влечения носят центростремительный характер. Она влечет к себе. Она выслеживает объект, который представляет для нее силу, для того, чтобы взять себе. В фантазмах нарушение запрета инцеста отцом или братом дает ценность ей и ее семейной принадлежности. Быть взятой, получить проникновение, как Мама от Отца, даже насильно подчиниться этой соблазняющей силе — вот что объясняет преследования в сновидениях, захват и изнасилование господином, голову которого не видно, но у него

есть такие-то характеристики ее папы или одного из братьев. В реальности ее желание — это нравиться.

Это позволяет ей развить женские качества, которые она может использовать в успешной учебе в школе: учить уроки, хорошо делать домашние задания, хорошо себя вести, иметь хорошие отметки и развить домашние женские качества: хозяйство, посуда, все виды деятельности, которые, она видит, делают взрослые, как мать, так и отец, и которые она будет развивать, чтобы понравиться им обоим и, если возможно, больше понравиться отцу, чтобы он ее считал столь же достойной, как его жена, и — почему бы и нет, более достойной. Результатом этого является то, что «перверсивное» поведение девочек проявляется более очевидным образом и более видно, чем у мальчиков. Они «перверсивные» в смысле соблазнительниц, чтобы заставить обойти закон другого, начиная с того момента, как закон ясным образом обозначен. Именно для этого важно, чтобы закон ясно был обозначен. «Если я ему по-настоящему нравлюсь, если я для него более достойна, чем мама, он увидит, что я его лучше понимаю и что лучшей женой для него была бы я»; к этому добавляется факт, что выражение желаний по отношению к отцу принимает часто характер шитых белыми нитками вранья, хитрости, оговора по отношению к матери. Так, когда отец возвращается домой: «А, ты знаешь, мама ушла, я не знаю, где она, и я не знаю, вернется ли она к ужину». Фантазмы у других девочек переходят в мифоманию, что они понравились мужчинам и те допустили сексуальные вольности по отношению к ним, но в присутствии матери они никогда не говорят об этих фантазмах; их назначение вызвать ревность у отца, чтобы он так сделал с ними или лучше, чем эти предполагаемые мужчины, которых, как они говорят, им удалось соблазнить. Перверсивные манеры девочек в целом гораздо больше вербализованы, чем перверсивные манеры мальчиков, которые в большей степени проживаются без вербализации. Известно, что у девочек язык хорошо подвешен и они используют хитрость для подпитывания своих целей (или «голода», в их генитальности это всегда скорее орально)¹.

[Ф. Дольто использует однозвучие слов /т — цель и {шт — голод. — Прим. перев.]

Это происходит от того, что девочки обнаружили, что их сила соблазнения обусловлена принятием ими отсутствия пениса и их желанием, чтобы кто-то другой им его дал: не для того, чтобы иметь пенис, но чтобы быть хозяйкой того, кто его имеет и может таким

образом их удовлетворить. Кто может быть лучшей мишенью, чем отец, любовник матери, тот, кто удовлетворяет мать? Как отличить фантазмы, которые девочки рассказывают, и реальность? Мы постоянно читаем в газетах истории сексуального соблазнения и мы много таких принимаем в наших консультациях. Как отличить правду от лжи? Довольно просто. Есть очень большая разница между тем, как рассказывает, давая реалистичные детали, девочка, которая на самом деле стала объектом соблазнителя, и мифоманка. Увы, эти обманчивые для взрослого фантазмы приводят иногда к травмирующим социальным последствиям для всех; и в практике всех психоаналитиков есть женщины, вербализованные эдиповы фантазмы которых вызвали доверие окружения, потрясли и испортили жизнь. Или наоборот, дети, подвергнутые вследствие своей неосторожности соблазнительницы атаке мужчин в семье или у знакомых, не смогли об этом вовремя поговорить, потому что чувствовали себя одновременно виноватыми и гордыми тем, что вызвали внимание взрослого. И здесь также, я думаю, роль школы была бы очень важна, чтобы дать детям закон запрета на сексуальные отношения между взрослыми и детьми, чтобы реальность отграничивалась от фантазмов, и, если ребенок подвергнут в реальности столь тревожной для него ситуации, он бы мог сказать взрослому: «Но это запрещено»; в основном у них нет слов, чтобы укрыться от настойчивости первертов, потому что им никогда об этом не говорили до случившегося, когда они оказались абсолютно беззащитны.

Слова запрета на инцест выводят мальчика из Эдипа и, наоборот, вводят девочку в Эдип; они в сильной степени побуждают ее, в речи и в оральных и анальных сублимациях, говорить и делать так, чтобы преступить запрет, или, лучше, заставить взрослого нарушить запрет. Ее кокетство вызывает ценное ею дарение маленьких предметов, колец, сережек, колье, предназначенных блеснуть, привлекать внимание мужчин к ее внешне%гу виду и вызывать зависть других девочек. Отец и мальчики по-прежнему имеют для нее непревалирующую ценность, и она любит им нравиться. Ее также, но больше чем мальчики, привлекает зеркало, в котором она мерит соблазнительность своего вида. На деле, нарциссизм девочек в том, что демонстрируемая ими феминность гораздо более проживается на поверхности, чем нарциссизм мальчиков, которые живут в Эдипе гораздо более глубоко в эмоциях, испытываемых ими к матери, и в соперничестве, ощущаемом по отношению к отцу, которого они любят. Фаллическая активность в качестве зрелищного и воздействующего выражения девочки, которую можно использовать

езде в обществе, дома, в школе, огромна; вот почему девочки так успешны в эдипов период, затем в период латентности после разрешения Эдипа, особенно если они сохраняют надежду нравиться посредством своих фаллических видов деятельности как женщинам, так и мужчинам. Запрет инцеста вызывает у девочки сублимации прегенитальных влечений, в то время как у мальчика в особенности идет усиленное пробуждение эпистемофилических влечений. Что находится в центре игры для него — это вопрос знания [8ауо1г], которое можно услышать и написать как «са-тон»¹, он хочет понять, как мир сделан, как стать главным, он хочет знать законы, регулирующие права между людьми; в то время как для девочки речь идет о «са-е1те»¹⁰, казаться, нравиться, заработать все, что можно, чтобы представить себя в выгодном свете главных инстанций. Судачение и клевета — вот оружие для нее против других девочек в обществе.

Мальчик или девочка, ребенок ослаблен в момент здорового разрешения Эдипа, потому что, чтобы он ни делал, невозможно для мальчика соблазнить мать, а для девочки отца, у этих двух взрослых желания заняты сексуальными объектами, которые внеположены, супруг или человек вне очага, учительница для папы¹¹, как говорят дети, слышавшие, как их мамы жаловались на это своим подругам. Ребенок [«Это-видеть». — Прим. перев.]

испытывает в не меньшей мере потребность в защите своих родителей, во всяком случае, в защите взрослых, которые его поддерживают; у него слова «такгеззе»⁸, когда их матери употребляют его в их присутствии, чтобы сказать о своей сопернице в сердце мужа. Действительно, слово «такгеззе» вытеснило слово «тзишШсе» в школьном словаре.

[Во французском языке слово «такгеззе» употребляется как в значении «учительница», так и в значении «любовница». — Прим. перев.]

есть потребность в воспитательном опекунстве из-за трудностей, возникающих перед ним в обществе. Запрет на генитальное желание в семье его катапультирует к желанию играть с детьми своего возраста, к дружбе с младшими, к человеческим существам его пола, отмеченным тем же испытанием, что и он, по отношению к своим родителям. Среди людей другого пола он домогается завоевать объекты, от которых, влюбленный, он будет горд получить чувственные и сексуальные вольности, разделенную по возможности любовь; но тогда он встретит

¹⁰ [«Это-быть». — Прим. перев.]

¹¹ Есть много воображаемых недоразумений особенно у девочек, касающихся

соперничество других его же пола относительно того же объекта. Перемещение Эдипа к социальному окрашивает социальную жизнь детей, в частности в школе, хотя они и находятся в фазе латентности, что касается генитальной сексуальной озабоченности как таковой. Аффективные озабоченности с генитальной окраской и нарциссический поиск частичных удовольствий никогда не сдаются.

Есть много детей, кто плохо прожил эдипов период или свой выход из Эдипа из-за отсутствия кастрации, я хочу сказать отсутствия вербализации запрета на реализацию сексуального желания в семье, что освобождает желание для его реализации вне семейной среды. Из-за редкости okazji видется с другими детьми, поскольку родители хотят быть с ними во время выходных дней, эти дети стремятся обзавестись домашними животными, как для того, чтобы их любить, так и чтобы их иметь в своем подчинении. Кошки, собаки, животные, которые живут рядом, хомяки и даже в наше время лошади, которых дети очень любят, когда они смиренные. Это вовсе не означает, что дети со временем не «справятся» с тем, что им не удастся решить Эдипа; но это будет позже, потому что животные — это как бы их переходные объекты прошлых лет, которые их связывали в воображении с матерью-грудью. Эти животные, которых они любят ласкать, гладить и которые к ним привязываются, которыми они командуют и которые их боятся, являются для них переходными объектами их стертого чувственного отношения с родителями до разрешения Эдипа: до того, как они поняли, что нет надежды со стороны плодородного будущего и генитального желания с любимыми родителями. Эта привязанность к животным может, впрочем, стать целью сублимаций, которые позже продолжатся в призвании, связанном с животными. Я не хочу сказать, что любое доброе отношение с животными является для человека знаком не вышедшего из эдипова отношения образа тела. Но в данном случае речь идет о животных, которых любовь хозяина изолирует от ему подобных в силу нарциссической необходимости ребенка иметь любящего и немного наперсника.

После Эдипа в период латентности роль взрослых — родителей, воспитателей, радикально отличная от роли друзей и товарищей, остается очень важной для детей, когда у них неудачи, нарциссические разочарования, испытания в дружбе, в любви. Способ, каким реагируют

взрослые, может поддержать или вселить чувство вины, когда ему плохо. Он чувствителен к сдержанному слушанию взрослого, сочувствующего, целомудренного, без упреков и морализаторских речей. Развить доверие к себе, в том числе в неудачах и используя неудачи, возможно для ребенка, когда родители внимательны и могут придти на помощь и, в особенности, когда они доверяют сами себе. Отец, который говорит сыну: «У тебя получится, потому что ты мой сын и сын твоей матери, а мы хорошие люди, значит и ты тоже хороший человек, даже если тебе сейчас трудно», — это отец, который не «читает мораль», но поддерживает его моральное состояние: и ребенок испытывает в этом потребность так же, как и в похвалах с достаточным основанием. То же для девочки, когда она себя не щадит и жалуется матери: «Мальчики меня не любят, я дурнушка, я никогда не найду себе мужа». — «Найдешь, — отвечает с сочувствием мать, — ты найдешь очень хорошего мужа, потому что ты очень хорошая девочка. У тебя хороший папа, и у нас хорошая дочка. Сейчас у тебя не получилось, но у тебя получится в следующий раз. И ты тоже станешь очень хорошим человеком». И она ей обозначит другие выигрышные моменты, которыми та обладает в реальности, в текущей жизни. Лишь через признание родителями своей собственной ценности и в то же время через любовь и доверие, выражаемые ему, ребенок чувствует свою ценность и ощущает поддержку, чтобы преодолеть неудачи в доверии к себе, связанному именно с тем, что он ребенок этих двух родителей.

Это доверие, эту любовь и этот целомудренный — можно сказать — интерес родителей к ребенку незаменимы после Эдипа. Ибо любовь родителей необходима ребенку в тот момент, когда, зная, что запрещены чувственная и сексуальная вольность с ними, он думает, что в их глазах не представляет никакой ценности, что его больше не любят и он не нужен. Морализаторские речи, как и вольности ласок утешения, вредоносны и на короткий срок, и долговременно, потому что ребенок продолжает отделяться от родительской зависимости. Трудность для взрослых состоит в том, чтобы содействовать этому освободительному развитию посредством своей настоящей любви.

НАРЦИССИЧЕСКИЙ ВКЛАД ЭДИПОВОЙ КАСТРАЦИИ В ВЫСВОБОЖДЕНИЕ ЛИБИДО

Что же происходит после Эдипа с нарциссизмом, стало быть с этикой и отношением субъекта со своим телом? Что делается с бессознательным образом тела?

Чтобы хорошо выделить нарциссические следствия, присущие наталкиванию желания на закон запрета инцеста, т. е. когда принята эдипова генитальная кастрация, мы именуем *вторичным* нарциссизмом уровень отношения с самим собой, достигаемый субъектом в момент, когда он преодолел этот структурирующий этап последней из кастраций. Эта последняя кастрация инициирует его в социальную жизнь. Она осуществляется родителями, когда они могут и умеют это делать, получая поддержку в этом испытании для себя и для ребенка от их родительского Я-Идеального и целомудренной любви к своим детям.

Конечно, для родителей, получивших в своем детстве вовремя эдипову кастрацию от своих родителей, т. е. бабушки и дедушки ребенка, гораздо легче, чем для других, осуществить эту воспитательную работу. Вот почему роль воспитателей и учителей начальной школы в обществе важна как помощников родителей, чтобы *поддержать ребенка в преодолении предэдиповых и эдиповых способов умозаключений и аффективности*. Специально, чтобы приобщить и поддержать ребенка, родители которого, плохо прошедшие сами эдипову кастрацию, живут в двусмысленности своего отношения любви к ребенку: отношение, которое может быть филическим или фобическим (ласки или удары), ощущаемое ребенком как инцесту-озное по причине интереса, которые родители проявляют к его телу и доставляемому этим волнением. Рассмотрим для этого всю эволюцию такого нарциссизма с детства.

1. Примордиальный нарциссизм связан с допущением новорожденным факта пупочной кастрации. Факт, что в целом он выжил при рождении, обретя дыхательную и кардиоваскулярную автономию, сопровождаемую обонянием и перистальтизмом всего пищеварительного тракта.

2. Первичный нарциссизм наступает в результате опыта зеркала, открывающего ребенку его лицо. Опыт зеркала сопутствует или добавляется к знанию своего тела как относящегося к полу, мужскому или женскому, и это окончательно, создавая различие между возможным и невозможным, не зависящем от воли родителей.

3. То, что добавляет запрет инцеста, источник иного нарциссизма, названного нами вторичным, — помешать сексуальным влечениям остаться в обществе без гуманизированного закона: остаться, если можно сказать, животными и близкими инстинктивным (фраза ребенка «Я это сделал ненарочно»). Отныне он будет владеть своими желаниями и

делать различие между «думать» и «действовать». Он учится действовать от своего имени, что составляет идентичность субъекта в социальной группе. Он взял на себя ответственность за свое поведение. От имени себя самого он чувствует себя обязанным и идет на риск потерять лицо в своих собственных глазах, если не окажется хозяином своего желания и будет действовать под влиянием влечений, которым он подвергнут, не понимая их мотиваций.

Начиная с момента эдиповой кастрации, ребенок должен знать *сознательно* в реальности, что его желание в том, что оно имеет генитального — как желание всех человеческих существ, взрослых и детей, без различий племени и возраста, — и удовольствия от сексуальных телесных вольностей и от плодовитости с близкими родственниками ему окончательно и навсегда преграждены? От своих первых гетеросексуальных и гомосексуальных объектов, отца, матери, бабушки, дедушки, братьев, сестер, являющихся инцесту-озными объектами, ему следует отказаться, как они отказываются от осуществления своих чувственных фантазмов по отношению к нему. Однако надо знать, и любой ребенок это чувствует, что лишь *инцестуозная цель поддерживала его в течение всего времени гуманизирующего роста*. С рождения его желания и его мотивации были сосредоточены на матери, отце и близких родственниках. И вот им овладевает столь сильный страх хватания, насилия, переворачивающего внутренности, или кастрации и убийства, в зависимости от пола, пассивной или активной доминанты своих влечений, также его идеала и чувственных удовольствий, ожидаемых от принятия или выпускания, удовольствий от силы его собственных влечений, что он должен отказаться, чтобы жить дальше, от эротики и инцестуозной этики своего первичного нарциссизма. Действительно, то, что до сих пор характеризовало динамику желания детей, смешивающих фантазм и реальность, — получать поддержку, сами того не подозревая, инцестуозного желания, идя, не зная этого, к исключительности генитального желания к родителю противоположного пола, не отказываясь при этом ни от своего первоначального нарциссизма субъекта, ни от их будущего праздника плодовитости как индивидов.

Когда — и родители не подозревают об этом — удовлетворение дано ребенку, его сжигающим эротическим влечениям, в контакте «тело к телу», который он ухитряется сохранять либо через ласки или ложась спать в их постель, ситуация столь же эротически волнующая, как и телесные наказания, которые он вынуждает их применять, ребенок рискует регрессировать и не сохранить связность между образом тела и

схемой тела, соответствующих его возрасту, связность, которая ему позволяет остаться одновременно субъектом своей истории и завоевать статус человека. Статус человека приобретается детеншем человека по подобию своим родителям. Но они не понимают, что единственная гуманизирующая подобность — это принятие законов, управляющих осуществлением влечений в действиях между людьми. Они думают, что эта гуманизирующая подобность состоит в имитации, подражании манерам взрослых, как будто взрослые играют роль, которую дети сами должны исполнить по отношению к ним. Случается ли это по причине ловушек вербального языка в том, что есть стереотипного, включающего все роли, в том числе роль жестов соблюдения приличий?

Слова, сказанные взрослыми, те же, что используют дети, но в силу разности опыта они не означают прожитое одного уровня. Посредством образа тела, который лежит в основе слов ребенка (и который он нам предъявляет в рисунках во время сеанса и, в особенности, комментариях, которые он дает), можно понять этот феномен двусмысленностей и недоразумений между детьми и взрослыми¹. И тому есть тысячи примеров. Приведем только один: «любить» для ребенка в оральном возрасте — это класть в рот, как это делают с пищей; затем, начиная с отлучения от груди, «любить» означает не каннибализмом или укусом, но мимикой поцелуя. У хорошо воспитанного ребенка поцелуй должен стать тихим и в соответствии с ритуалом ребенок им пользуется в семье. Что касается т. н. поцелуев кормилицы, с шумом прикладываемых к щечкам или ягодицам грудничков, кто осмелится подумать, что это для тех и других аллюзия наслаждения каннибализма и в то же время пуканья, прелюдии к дефекации? Другой пример: я вспоминаю светский раут, где дети разговаривают друг с другом; поздоровавшись с гостями, двое из них делятся размышлениями: «Вот ведь, дама, которую зовут генеральша, как она обслюнявила, целуя!» Эта дама всего-навсего дала мокрый поцелуй из-за своего протеза. Но кто-то из родителей ужаснулся: «Замолчите, вы не понимаете, что говорите!» Лукавство слов!

В борьбе за сохранение по-своему подобия взрослому, чтобы завоевать статус человека, *невротик загоняет внутрь некастрированные влечения разных стадий, не зная, ни что делать с ними, ни как фантазировать их, вплоть до разрушения вместе с ними самого желания. Это то, что составляет и его страдание и его достоинство.*

И в этом их отличие от психотиков, чей нарциссизм не страдает более от потери человеческого подобия относительно удовольствия от действия своих влечений. Для него не играет роли различие между

фантазмировать и думать, фантазмировать и действовать в реальности.

Если из нарциссизма ребенок отказывается во время разных кастраций от первых дающих наслаждение манер для удовлетво-

Мальчик восьми лет, не знавший, как он родился, узнав от матери, отреагировал, ужаснувшись: «Но это же невежливо рождаться, все видят, что они совершенно голые!» (51с).

рения влечений, это происходит также от того, что взрослые люди являются для него, маленького, образом его самого доблестного; я утверждаю: взрослые обоих полов до первичной кастрации, а затем взрослый-образец одного пола. Когда ребенок находится в эдиповой кастрации, образ того, кем, он думал, должен стать, чтобы утвердить свою идентичность, это уже не подобие, но полная идентификация с родителем своего пола, заняв его место, полномочия и прерогативы. Он замечает, что до сих пор он обманывался. *Он должен идентифицироваться на самом деле с идентификацией подчинения родителя Закону, а не образу родителя или аффективному способу представляться другим и самому себе.*

И от другого субъекта, кастрированного, как он, относительно своих инцестуозных желаний, субъект-ребенок должен получить предвосхищающее признание эротической ценности — в его глазах моментально исчезающее — его тела, пола, его личности, его достоинства мужчины или женщины в становлении: потому что, чтобы он ни делал, он не может выполнить свои желания, инцестуозные до сих пор и для него неотделимые от того, чтобы любить родителей или быть любимыми ими. Он уже не знает и не понимает, что такое удовольствие любить и быть любимым.

Однако эдипова кастрация наступает в жизни ребенка в момент выпадения молочных зубов. Когда они видят себя в зеркале, они судят себя жалкими, и им часто говорят: «Какой ты некрасивый сейчас!»

Нужно, чтобы кто-то вне семьи его убедил, что его лицо и личность остаются способными вызвать любовь и желание. Не быть такой как мать для девочки, таким как отец для мальчика, не стать подобным им внешне придает ребенку его статус субъекта и убеждает его в том, что он станет мужчиной или женщиной, как это было предсказано рождением. Важно хорошо ему это объяснить (в этом также роль школы); ибо до сих пор дети живут в иллюзорной надежде стать копией соответствующей их модели, и эту надежду они привязали к своему лицу ребенка или своему поведению, всегда узаконненным удовольствием или неудовольствием, доставляемым родителям. Теперь же им может быть

раскрыт смысл, иногда противоречивый, что следует почитать своих родителей и их любить и быть любимыми ими, когда любить имеет лишь смысл «доставлять удовольствие» тем, кого любишь. Не интегрируя запрет инцеста, доставлять удовольствие двусмысленно и может стать перверсией.

Выпадение зубов в сновидениях взрослых — довольно распространенный образ страха кастрации. Выпадение зубов, выразителей активных и садистических оральных влечений, обозначило в схеме тела принятие эдипа, мутацию первичного нарциссизма во вторичный нарциссизм. Регуляция бессознательной либидинозной экономии, которую до Эдипа можно было описать как гомеостаз между Оно, Я и Я-Идеальное, охраняемое пред-Сверх-Я. Эта экономия модифицируется, поскольку у Я нет более Я-Идеального: Идеал-Я, не представленный существующим лицом, занял место цели для достижения, которая поддерживает сознательные и бессознательные мотивации желания. Если этот человек продолжает существовать, расти, это уже более не пред-Сверх-Я, которое было всегда природне-но к покровительствующей единице, под контролем которой находились действия ребенка и от которой он зависел. Теперь это Сверх-Я в соединении с фантазмами, которые он сам создал в момент невозможного желания к инцестуозному объекту, фантазмы-кастраторы и убийцы для мальчика («кошелек или жизнь!»), фантазмы мужчин, завладевших телом, или насилия извлечения половых органов для девочки, насилие, которое может осуществлять женщина, сообщница мужчины. Это Сверх-Я, бессознательный наследник одновременно пред-Сверх-Я и фантазмов, вызванных запретом инцеста, имеет в качестве динамизирующего эффекта побудить ребенка выйти из узкосемейного круга, чтобы завоевать в социальной реальности объекты, дозволенные законом, или скорее не запрещенные его любовному и чувственному желанию с генитальной коннотацией. Что это желание не только не запрещено, но оно законно и имеет ценность," если не применяется к преследованию инцестуозных объектов, — вот что должно быть вербализовано детям.

Именно на эти завоевания, которые им придают значимость перед лицом мальчиков и девочек их возраста, будут использованы годы латентности у детей, которые получили кастрацию. В подростковом периоде с физиологическим скачком пубертата желание вновь запускается в своих проявлениях на уровне органов продолжения рода и аффектов любви к желаемым объектам. Это подтверждает и усиливает вторичный нарциссизм, что побуждает молодого человека или девушку получить ценность в обществе: одновременно укрепить свой собственный образ и завоевать право на встречу «тело к телу» с объектом

любви, одержав победу над соперниками и соперницами. Этот фантазм быть успешным при любой вероятности неинцестуозного любовного и сексуального отношения поддерживает вторичный нарциссизм субъекта, начиная с фазы латентности, и еще больше после пубертата.

Таким образом, преграда, хорошо поставленная отцом и матерью перед желанием сына или дочери как инцестуозного, осо-бождает либидинозную энергию ребенка для его жизни вне семьи. Такой запрет, которому — и они это заявляют — они также подчиняются, как и ребенок, облагораживает его и выводит на уровень всех граждан. Он ему позволяет свободную игру влечений в обществе, начиная с момента, где он выражен в правилах. Начиная с этого момента, игры с их правилами столь важны: а также принятие, чтобы игра была признана как более забавная, если не мухлюют, хотя это ужасно тяжело иногда не выигрывать, когда оказывается, что судьба или ловкость делают так, что выигрывает другой. Это может проявиться еще по-другому. Удовольствие направляется к усилию, работе, научению всему тому, что помогает понять мир, других, законы природы, законы отношений между людьми и все, что придает ценность ребенку в классе его возраста, ставшему гораздо более важным для него, чем Папа, Мама, братья и сестры. И вот здесь важно, чтобы Папа-Мама вынесли, что они потеряли многое из своей важности для ребенка. Если они хотят преподать ребенку уважение к себе, то лишь примером своего уважения к его персоне. Их ребенок во всяком случае им ничего не «должен». Он (или она) ¹ сделает своим детям — когда станет отцом или матерью — то, что его родители сделали для него (нее).

Если, напротив, родители требуют в период латентности, а еще больше в подростковый период должной любви и признательности, есть ущерб для ребенка и, как более долговременный эффект этого чувства вины, ущерб для внуков. Некоторые родители-перверты без конца говорят о жертвах, которые они принесли ради детей: эти «жертвы», на самом деле, являются неотъемлемой частью их родительской ответственности и не влекут за собой никаких долгов со стороны детей по отношению к ним.

Период латентности охватывает, прежде всего, латентность физиологическую. Объем генитальных частей, пропорционально значительный у новорожденного, как, например, голова по отношению к телу, остается тем же для тела девочки или мальчика вось-ми-девяти лет. С пубертатным ростом, сопровождаемым быстрым развитием генитальных органов и вторичных половых признаков, возвращаются в воображении представления желания, известные с момента неизбежной

эдиповой кастрации: как будто подростку-мальчику или подростку-девочке предстоит прожить за несколько дней или несколько недель значимые этапы их эволюции с детства до Эдипа.

Технологические и культурные способности, приобретенные в течение периода латентности для нарциссического удовольствия и также иногда, чтобы одержать верх над соперником или соперницей, перестраиваются и ориентируются на то, что называют призванием. Это желание, имеющее как более отдаленную цель посвятить свои силы или вооружиться, чтобы играть роль в обществе. «Выйти»¹ — магическое слово подростков.

Они бы желали брать на себя свои потребности и жить в другом месте, а не у семейного очага, не только для того, чтобы располагать собой и быть свободными, чтобы посещать друзей своего и другого пола без контроля со стороны, но также чтобы принимать участие в гражданской и общественной жизни. Значение работы продолжает измеряться по удовольствию, получаемому от нее, независимо от усилия, необходимого для нее, но счет деньгам, которые позволяют зарабатывать даже неприятные задания и усилия для скорейшего освобождения от родительской опеки, начинает вестись; это работа для пропитания, как принято говорить. Вот почему современные экономические трудности наших стран с высоким уровнем безработицы драматичны для молодежи, и многие регрессируют к предгени-тальному нарциссизму. Невозможность законными способами уйти от родителей, зарабатывая деньги своим трудом, подрывает смысл жизни, внутренне свойственный генитальным влечениям, и противоречит анальным влечениям делать, которые бы усилили значение подростка в его возрастной группе, если бы у него была работа. Это

[Здесь «Зогш», оно обозначает во французском языке «не быть дома, проводить время вне дома». — Прим. персе.] в большей части объясняет мелкие правонарушения молодых, которые все более распространяются и в которых выражается испытание, выпавшее на долю нашей молодежи. Как иметь деньги, чтобы жить под собственной крышей и чтобы иметь возможность привести туда объект своего желания, жить вдвоем, парой, если невозможно работать? Как получить удовольствие, необходимое для сохранения своего нарциссизма, если только пассивные желания — терпеливого ожидания — разрешены, если нет работы? Пассивное желание не красит юношу, желающего завоевать девушку, и имеет тенденцию поставить в привилегированное положение лишь притягательное «казаться» у девушки. Пассивные желания, связанные с предгени-тальными влечениями, как, например, обонятельный эротизм,

это клей, эфир, и более дорогостоящий — кокаин; эротизм оральный — это выпивка, наркотики; эротизм анальный, воображение с иллюзией творчества впустую. Многие молодые впадают в пассивные регрессии.

К счастью, есть возможность использовать социализированные активные влечения, любовь к природе и путешествия, занятия спортом; но это также стоит денег, отсюда очень большая и актуальная проблема даже для молодых, кто прошел через вилы разных кастраций, гуманизированных воспитанием, но кто оказывается в подростковом возрасте, не имея интереса к культуре и учебе, и молодые взрослые, испытывая социальные трудности, не позволяющие им взять на себя заботу о собственном содержании и о сексуальном развитии, которому половые связи, пусть даже временные, дали бы смысл. Однако регрессии к активным анальным влечениям при страхе безнадежности ведут к насилию.

3. ПАТОЛОГИЯ ОБРАЗОВ ТЕЛА И АНАЛИТИЧЕСКАЯ КЛИНИКА

ПЕРВЫЕ РИСКИ ИСКАЖЕНИЯ ОБРАЗА ТЕЛА

В качестве исходного положения возьмем то, что имеет здесь значение некоего общего закона. Человеческое существо может, не имея нейромышечных аномалий, оказаться в невозможности структурировать свой первый образ тела и даже поддержать свой фундаментальный нарциссизм. Достаточно, чтобы он испытал наносящий вред разрыв его связи с матерью в раннем детстве, во время симбиотической внутриутробной жизни или в период грудного вскармливания — в тот период, когда равновесие в диаде мать—ребенок является главным для его человеческого становления.

Во время беременности

Можно только удивляться, откуда берутся такие нарушения связи при нормальном с физиологической точки зрения протекании беременности под наблюдением лечащего врача. Тем не менее, ино-

гда мы это обнаруживаем со стороны архаичных остатков структур у детей и взрослых — параноиков. Это может, например, случиться с ребенком, при вынашивании которого мать потеряла дорогого человека, если этот удар заставил ее забыть на несколько дней о своей беременности: след этой забывчивости, воспоминание о которой есть только у нее, весьма вероятно обнаружится позже в паранойальной реакции ребенка. Это наблюдение стало возможным лишь в психоанализе. Мы не можем, вне всякого сомнения, обобщать. Нужно понять, что посягательство на витальную символическую связь, о которой я здесь говорю, не вызвано хознательной враждебностью матери против своего плода, обусловленной либо тем, что он нежеланный, либо тем, что он, якобы, на ней паразитирует. Ни тем более постоянная классическая рвота; ибо такие телесные состояния плохо чувствующего себя тела или расстроенного аффективного сознания во время беременности, эти проявления и эти аффекты, какими бы негативными они нам ни могли показаться, являются, тем не менее, доказательством, что либидинозная символическая связь «мать— плод» не только не забыта сознанием матери, но сохраняется в бессознательном и мобилизует вплоть до сознательной эффективности чувства, что предназначены для ребенка¹.

Именно сохранение бессознательной связи желания между плодом и его родительницей и наоборот позволяет ребенку быть здоровым в своей внутриутробной жизни. По-другому, если, как я на это указала, мать забыла, что она беременна. На самом деле такое забывание невозможно для любой беременной женщины, даже во сне. Любой женщине оно кажется противоречащим ее природе. И, действительно, речь идет о мощной психической травме вынашивающей женщины, потрясшей ее вплоть до смысла жизни; может быть, даже в силу такого эффекта для плода, как мы видим в некоторых случаях, это заставило ее забыть собственное существование, даже мужа или любовника. Встречаются такие психические травмы во время вынашивания — о них совершенно не помнят матери, у которых родились дети, страдающие от психоза с самого рождения, — и они обнаруживаются в результате психоаналитической работы. Такие случаи, конечно, редки; по меньшей мере редко случается, чтобы плод не умер в результате аборта или преждевременных родов со всеми этими осложнениями.

При родах

Нечто подобное происходит у детей, чья мать понесла большую кровопотерю при родах. Для детей опасны роды без кесарева сече-

Не надо забывать, что ^нестивные, ^позитивные аффекты в либидинозном смысле являются Живыми и, значит, динамически операциональными.

ния плаценты проеула , в результате которых они остаются живыми. Они находятся как бы в разрыве символической связи со своей матерью, а она с ребенком, пока она находится под угрозой смерти, а сам ребенок в реанимации. Разрыв с матерью скажется в последствии. Если психосоциальные трудности приводят их на лечение к психоаналитику, открывается, что эти дети живут как будто и не родились. Не установилась связь «субъект—образ тела—схема тела», потому что для них идти к жизни означает идти на риск умереть. Что-то также оборвалось в символической связи матери с новорожденным вследствие того, что в момент рождения радость уступила место страху неизбежной смерти. К этому «белому пятну» отношения роженицы к малышу, которое доходит иногда до того, что она не успевает узнать пол ребенка, впадая в кому, часто добавляются со стороны любовника женщины, родителя ребенка смертоносные фантазмы по отношению к новорожденному, явившемуся причиной смертельной опасности для матери.

Если мать все-таки умирает от драматичных последствий родов через некоторое время, после того как она побыла неразлучно со своим малышом, это может привести к запрету ребенку структурировать себя в примордиальном когезивном нарциссизме. Эти два нанесенные друг за другом ребенку удара — роды с большим риском для него, затем смерть матери — вызывают разрушение первой гуманизирующей связи. Она долго не находит на кого переместиться и восстановиться с другими членами семьи; особенно если кто-то из них занимает место умершей матери. Действительно, очень часто в этом случае семейный траур навязывает ребенку чувство вины за смерть матери. Разумеется, этот человек ему об этом не говорит. Но то, как с ребенком обращаются, как к нему относятся, как на него смотрят, грустные слова у его кровати создают атмосферу депрессии, воспринимаемую новорожденным младенцем, который крайне чувствителен ко всем аффектам, имеющим к нему отношение. Он выступает одновременно как убийца и как инцестуоз: нарушитель, понятно, бессознательный, двух больших табу человечества, к которым еще надлежит

приобщиться после отлучения от груди и анальной кастрации (которая — напомним — состоит в автономном хождении).

Речь идет о плаценте, имплантированной на уровне перешейка и шейки матки, области, которая должна расширяться при родах.

Для грудного младенца, мать которого рано умерла от несчастного случая в период, когда она кормила грудью и занималась им, суть случившегося заключается в том, что мать забрала с собой как будто прикрепленную к ней грудь, и она в представлении ребенка ушла вместе с ней. И вместе с грудью она унесла, без ведома других, если она исчезла, не успев сказать словами ребенку, что она его доверяет другому человеку, рот отношений и речи младенца, часть носа, губ, бронхов, языка, его слуха, обоняния, которые в воображении солидарны с исчезнувшей грудью матери: голос, запах, витальная тактильность. С ранней смертью матери, которая полностью сама занималась ребенком, исчезает место связи в теле ребенка, служившего его посредником по отношению к речи и человеческому существованию, что обеспечивал ему этот единственный взрослый. Он продолжает существовать как млекопитающееся, но потерял то, что единственным образом в него вдыхало жизнь: свою мать. То, что в нем поглощает еду, — «Оно»; но сосание не является более обретением известного и узнаваемого удовольствия, он—она, она—он. Нарциссизм этого грудного ребенка, девочки или мальчика, глубоко этим ранен, надломлен, можно было бы сказать, и сильно ослаблен для дальнейшей жизни. Здесь есть два уровня раненности:

1. Рана в отношении субъекта со своим собственным телом по причине того, что образ тела отсечен от эрогенной зоны, ушедшей с матерью, обоняние, сосание младенца. Этот образ тела может быть ему возвращен, если ему доставят, если можно так сказать, материально или subtilно запах матери, оставшийся в ее одежде. То, что тогда возвращается к жизни, это тело. Его базовый образ тела, собственно тела; функциональный образ, возможность сосания, в то время как без запаха матери он более не умел, например, ни сосать, ни глотать.

2. Другая рана, самая глубокая травма, — потеря интерпсихического отношения, которое уже существовало и иногда было сильным, между грудным младенцем и его матерью. И эту рану можно залечить или, скорее, пережить только благодаря правдивым словам, сказанным тем, кого ребенок знает как находящегося в согласии с матерью и отцом и кто ему скажет об испытании, которое они с матерью перенесли. Из этой психоаналитической работы с грудничками,

рано разлученными с матерью, какими бы ни были причины — смерть, болезнь или отказ от ребенка, видно, что поверх разрыва в

эрогенном функциональном образе тела существует разрыв отношения «субъект—субъект». Слова сами по себе могут символическим способом восстановить внутреннюю связность ребенка; но нельзя, если мы хотим помочь ребенку пройти через испытание, сэкономить на его боли. Дети — новорожденные, грудные младенцы — понимают слова, это удивительно, мы не знаем как, когда они им говорятся, чтобы сообщить им касающуюся их правду, слова, отражающие то, что известно о фактах, без оценочных суждений.

Когда ребенок переживает эту неотвратимую символическую смерть, угрожавшую ему в эрогенных зонах вплоть до своего сущностного желания коммуникации, минимальное остаточное последствие этих травмирующих и калечащих событий — задержка и недостатки в развитии речи, цепляние языка за нёбо, что делает невозможным произнесение в целом или частично фонем. Это или крики как длительное извлечение звуков, или, напротив, полное отсутствие звуков из-за символической смерти гортани как места активного удовольствия для модуляций коммуникации¹.

ОРАЛЬНЫЙ ПЕРИОД ДО ВОЗРАСТА ХОЖДЕНИЯ И РЕЧИ. ОТЛУЧЕНИЕ ОТ ГРУДИ, ЕГО НЕУДАЧНИКИ

Что касается обобщения уроков, которые можно извлечь из изучения травм раннего детства, так это то, что речь всегда идет о последствиях вредного влияния неосуществленного отлучения от груди. Не произошло отлучения от груди, т. е. разъединения тела с телом, до сих пор постоянного для каждого кормления: разлучение, пережитое как болезненное с той и другой стороны и означен-

Эту частичную символическую смерть, которая должна быть без сомнения отнесена к раннему симптому истерии, не следует путать с влечениями к смерти индивида, так как грудной младенец не прошел еще индивидуации, и субъект — присутствующий с момента зачатия — не может инвестировать собственно тело своим единым желанием. Его тело — составляющая часть диады мать—ребенок. То, что напоминает в этом частном случае влечения к смерти желающего субъекта, — то, что, утратив использование гортани, грудной ребенок спасает будущую индивидуацию малыша. Это место звуковой коммуникации с матерью ушло вместе с ней. Будет ли это

перемещением плаценты на гортань, как невостребованная плацента при рождении, первом этапе индивидуации ?

ное, сопровождаемое возвращением матери, которая ласкает, говорит об отлучении от груди, но не дает сосать грудь. Не было проделано «работы», какой является отлучение от груди, было внезапное разлучение и к тому же без объяснений. И аналогично, это тоже проблемы отношений с матерью, но проблемы, по поводу которых можно с ней вступить в переговоры по усвоению хождения и автономности, и они помогают ребенку развивать свой индивидуальный нарциссизм. Травмы могут случаться в течение этого периода (травмы анальной кастрации). Когда, например, мать прибегает к суровому воспитанию по владению сфинктером, не допуская опосредования замещения удовольствия от испражнения удовольствием от манипулирования всеми неопасными предметами в пределах досягаемости ребенка. Кастрации, рождение и обрезание пуповины, отлучение от груди и кормление не тело к телу с матерью, автономия и удовлетворение потребностей автономно, когда ребенок приобретает двигательную возможность, — все это должно опосредоваться — слова, маленькие инциденты, соучастие, радости и горести, — делаться медленно и не внезапно: вовсе не без конфликтов и совсем не без слов. Именно это выражение без (конфликт, слова) вызывает тяжкие нарушения не-структуриации личности ребенка.

В крайнем случае отлучение от груди из-за отказа матери от ребенка или из-за смерти матери-кормилицы, то, что может остаться у грудного младенца от желающего субъекта, выражается регрессией поведения в силу инерционности фантазмов, предшествовавших травме того, что я называю диким отлучением от груди вместо гуманизирующего отлучения. Архаическая природа того, что послужило складыванию хватательного образа рта и языка в коммуникации желаний и потребностей, может также вновь появиться таким образом, что побудит к инволюции возможности схемы тела, связанной до сих пор с бессознательным образом тела в коммуникации с матерью. Гортань и полость могут потерять, как я только что напомнила, способности к соноризации¹, -которые малыш усвоил раньше.

Речь идет о вхождении в психогенный мутизм, не задевающий слуха. Но можно присутствовать и при кажущейся потере узнавания родных голосов из окружения ребенка, когда тот становится не

[Соноризация — воспроизводство согласных звуков.]

только немым, но психогенно не-слышащим. Он более не слышит человеческих голосов, слов, но только шумы жизни. Он аннулирует все, что ему говорят, не получает полезные опоры для дальнейшей жизни, вычеркивая из поля своего внимания окружающих его людей. Что касается самого архаичного образа тела, дыхательного, по которому артикулируются вегетативные кардио-васкуляр-ные ритмы и спокойствие сна, он может быть искажен аффективным страданием, порожденным болезненным утоньшением связи «младенец—мать». Можно объяснить банальную патологию затрудненного дыхания бронхов и видимой пробки в полости, образованной утешительными сосульками соплей, которые стольким детям оказываются нужны под носом, как искушение возврата к прена-тальному образу в этой области, когда полость и дыхательные пути, еще неэротизированные, плавали в амниотической жидкости, обеспечивавшей безопасность образа тела зародыша. У детей, называемых психотиками, неразговаривающих, нестабильных, замурованных в некоммуникабельности или психическом страдании, резко нарушается органическое функционирование. Впечатление, что отсутствует субъект, который был в начале их воплощения в момент зачатия и который выжил при рождении. Но где он находится? Во всяком случае, он не принимает через образ тела схему тела, которая живет сама по себе, как анонимный образец рода. Когда субъект десолидаризируется с телом,; это и есть то, что я называю влечениями к смерти субъекта. Их не следует путать с желанием дать смерть другому телу или своему. Это всего лишь удаление желания от субъекта, стремящегося отдохнуть от работы проживания со своим телом в реальности: как будто оно сводится к фокальной точке, где ритмы вегетативного обслуживания тела поддерживаются, сохраняя постоянство субъекта, либидо которого на время «в отпуске». Такое можно видеть у детей, которые обнюхивают все, но ничего не делают с обнюханным предметом, иногда они его поднимают и затем бросают. Они обнюхивают тела, ступни приближающихся людей. Можно сказать, что они находятся в навязчивом поиске запаха: может быть генитальных путей матери, архаической матери, может, их родившей матери, что их вновь сделает субъектом желания, интерпсихической коммуникации. Иногда, вербализуя гипотезу относительно смысла их поиска, можно увидеть — в интенсивном взгляде, брошенном

в самую глубину ваших глаз, — что-то правдивое, касающееся их беды, что пробудило их на мгновение к человеческому отношению, но без последствий.

Такие внезапные и длительные разъединения образа тела и субъекта и невозможность восстановления часто встречаются вследствие ранней госпитализации и последовательной смены кормилиц до возраста стояния на ногах и произвольного перемещения, т. е. до четырех месяцев и еще от четырех до девяти-десяти месяцев. Ребенок регрессирует к состоянию, где его жизненные потребности удовлетворяются окружением, с которым у него нет более ни субтильных, ни речевых, ни мимических и ни двигательных обменов. Он становится аутистом. Его влечения желаний остаются без выхода, они символизируются тератологически в галлюцинациях опасных челюстей где-то в пространстве. Может, он потерял свой собственный рот? Не его ли собственные крики в форме наводящих ужас галлюцинирующих вокализаций ушли в пространство и там остаются вне времени как галлюцинации? Все это составляет картину основной фобической симптомалогии немого ребенка-психотика. Фантазм или память о своем теле в руках исчезнувшей матери выражается как просьба, попытка коммуникации ото рта к груди, не связанных с целостным бессознательным образом, просьба, а рпоп не распознаваемая наблюдателем. Этот бессознательный субъект, все еще может связанный с пред-Я, лишенным матери, его «Ты», кажется от этого сведенным к нечто вроде эрогенному и функциональному образу клещей-челюстей, каким, несомненно, является его вечное качание без удовольствия и крика. Он цепляется иногда за свои собственные руки, кисти рук, оставшиеся фетишами материнской груди в его теле, единственные воспоминания-гаранты отношения кормления ассоциированного с грудью и руками материнской заботы, означавшими любовь. Клиника детей-психотиков имеет дело с детьми, _самопожирающими всякий раз, как они испытывают (но в каком же месте?) -более чем обычно укус беды, невозможности потерянной коммуникации и ужасающего психического одиночества человека, лишенного всякого языка.

[Тератологически: от тератология — учение об аномалиях и уродствах.]

Любая фобия соответствует архаичным частичным образам, использующим влечения актуального субъекта, которые он не признает своими и которые проецируются в окружающий мир. Эта фобическая симптомалогия, проявляющаяся в самом раннем возрасте и имеющая защитную функцию, захватывает постепенно все либидо ребенка. Хотя ей удастся использовать, выразить и фиксировать страх и хотя фобический образный ряд, разделенный и понятый взрослым, мог бы успокоить ребенка, страх не позволяет, когда состояние фобии

наступает в столь раннем возрасте, выразить эти влечения и разделить их как акт гуманизации с другим во внешнем мире. Аутизм усиливается день ото дня, стремясь обуздать фобии, запрещая желанию любую наводку на объекты и не достигая этого, потому что факт жить сопровождается все время символической функцией у человеческого существа, и она в образах одиночества частичных объектов, лишенных интенции, становится все более ужасающей¹. Фобия обретает характер преследования, и ребенок попадает в тяжелые психотические состояния. Описанный нами травматический аутизм может возникать без того, чтобы его можно было ясно приписать к случившемуся в реальности инциденту. Это может быть внезапное разлучение в раннем возрасте с матерью. Тем не менее он всегда обусловлен символической травмой, следующей за реальным испытанием или его сопровождает. Эти испытания, всегда отнесенные к кастрациям, остались несимволизированными, отчего и страдает грудной ребенок. Испытанию ребенка, помимо всего, часто сопутствуют испытания, пережитые матерью, кормилицей, которая вследствие этого уделяет мало внимания малышу, помимо необходимого материального ухода — кормление, перепеленание, — без разговора с ним, ласок, не видя нюансов того, что с ним происходит и что ее обеспокоило бы в другое время. Идет ли речь на самом деле об отсутствии структуриации, провоцирующей частичные искажения образа тела? И работа психоаналитика через принятый им перенос влечений к смерти на себя в этих случаях начала психоза — декодировать этический человеческий смысл, перверсивный в сравнении (Первым смыслом человеческой этики, каким является желание к коммуникации. У психотика речь идет о желании быть осмотритель-

Желание заставляет субъекта скрывать свои потребности, как будто они желание невидимого другого.

ным и превентивным перед лицом страха по поводу любого отношения в реальности. Как будто субъект в ребенке рассуждает, говоря: «Если я нет, нет, нет любому присутствию» (предстоящая опасность коммуникации и, стало быть, предстоящее болезненное вторичное отрывание), «я не присутствую, я не под ударом, значит я ничем не рискую». Конечно, я это говорю, чтобы лучше понять кажущийся перенос ребенка на терапевта. Но с момента, когда терапевт понимает острый ум ребенка-психотика и его способ сопротивления / страданию, он может с ним об этом говорить, не ставя ему в вину маску, в которую тот вырядился: безразличие, безмолвие, действия животного. Так ему

можно помочь обрести себя как человека и субъекта своего желания, помочь принять вновь раненную человечность в схеме тела и восстановить, благодаря переносу, образ тела в связи со схемой тела, которая как бы расколдовывается.

Ребенок-психотик является местом настоящей опухоли симво- \ лизации, скажем воображаемой опухоли, образованной символической функцией, которая проработала вхолостую и без какой-либо возможности отношения с другим человеком. Потому что человек, на которого были нацелены влечения ребенка, отсутствовал или, если его тело присутствовало, психически был вне досягаемости для ребенка, с этого момента одинокого.

Эти явления более-менее похожи на те, что мы встречаем в т. н., вслед за Шпицем, госпитализме¹. Они происходят с детьми, в жизни которых многочисленны изменения — кормилицы или учреждения — в течение первых полутора лет, но особенно в первые шесть месяцев, и они имеют решающее значение. Можно также говорить о буржуазном госпитализме, когда грудной младенец оставлен родителями на попечение последовательно меняющихся друг друга наемных женщин, часто фрустрированных в жизни в своей сексуальности и обращающихся с ним как с животным или растением, не адресуя ему никаких других слов, кроме тех, что относятся к потребностям, без уважения к его родителям, иногда даже проявляя враждебность по отношению к ним, наследником которых он является.

У всех этих детей с хроническими или постепенными травмами раннего возраста оральные и анальные пассивные влечения удовлетворяются в одиночестве — способом, который можно квалифициро-

¹ [См. *Шпиц, Р.* Первый год жизни / Пер. с англ. — М.: ГЕРРУС, 2000.

384 с]

вать как невидимая воображаемая мастурбация, т. е. в ненаблюдаемой форме; она может быть обонятельная, оптическая (например, косоглазие), лабиальная, голосовая, лингвальная, ректальная или мочеиспускательная, характерные для эротизма частичных областей на этих ранних стадиях. В силу этого эротизма у них вырабатываются фантазмы тела к телу с отсутствующей матерью, и их собственное тело-вещь служит для их презентации в одиночестве колыбели. Сосание большого пальца, банальное для большинства, становится укоренившейся привычкой для некоторых младенцев. И в данном случае, несомненно, это одна из наименее серьезных манифестаций, поскольку является совместимой с дальнейшим развитием к банальному неврозу. Дело в том, что воображение малыша, поддержанное во

всех его нормальных для его возраста желаний, имеет здесь в качестве стабильного референта лишь моменты, когда приносят еду и уносят испражнения, а также туалет и манипуляции с телом как объектом взрослого. Такой способ обращения, когда нет разделенной радости и нет слов, что бывает с некоторыми матерями, делает из ребенка объект и не позволяет субъекту желания и в особенности пред-Я вербального языка, каким он является виртуально, выстраиваться через обмены ощущениями в сообщничестве с другим. Если так и идет развитие ребенка в одиночестве до открытия им хватания руками, его необходимая мастурбационная активность, ассоциированная с сосанием пальца, фиксируется на неназываемом объекте, который он держит под носом, сосет его, вдыхает — и все его существо в мире полностью поглощено чувствами, которые он через это себе дает¹.

Этот неназываемый объект составляет архаичный фетиш его отношения с питающей молоком матерью, которая была необходимой для его безопасности, и этот фетиш есть метафора «он—мать» для ребенка, как обещанных друг другу тела к телу так, как в бесконечном сосании. Временное отсутствие этого фетиша, единственного символа субъекта в отношении непрерывности со знакомым окруже-

Винникотт назвал этот объект «переходным объектом» и изучил его оберегающую функцию в воспитании ребенка. Его можно сравнить с джокером в играх в карты, где они служат заместителями всех недостающих карт, в частности, по отношению к козырю (в данном случае мать, «Всё» для младенца).

нием, дающего безопасность, отсылающего к обладающим правом сущностям пространства материнской заботы, погружает ребенка в самый большой страх. Мы знаем этот страх детей, у которых не оказалось при укладывании спать их переходного объекта; но если мать рядом и она его утешает и позволяет регрессировать с ней, чем обильнее она говорит о потере этого объекта с ними, тем скорее они выйдут из регрессии как реакции на эту потерю. Серьезный случай, когда лишь этот объект остался у детей из их прошлого и ничего другого, никакого отношения, которое могло бы заменить отношение с матерью, ни различных игр, ни песен, ни слов. Эти дети находятся в очень большой опасности, как только они потеряют свой фетиш. Довольно быстро они впадают в аутизм — это происходит постепенно, и никто этого не замечает, — на этот раз вторичный. Пока у них был фетиш, они были в той или иной степени в отношении с миром. Как только фетиш исчез, они входят шаг за шагом в аутизм, похожий на сомнамбулизм. Оральные архаические влечения не могут быть заме-

нены анальными и прегенитальными в отношениях с кормилицей или другими. Субъект теряет некоторые составляющие своего образа тела, соединявшие желание с телом, и начинает предъявлять соматические нарушения (особенно бессоницу) и нарушения пищеварения в сопровождении с подавленностью. Это состояние вызывает у родителей фантазмы плохого ухода со стороны кормилицы, у которой заболел ребенок. Его кладут в больницу, наблюдают, и следом цепная реакция детей, травмированных потерей объекта, замещавшего мать; потеря действует как будто это было разлучение с матерью в раннем возрасте, как я описала это выше. Все эти нарушения коммуникации в младенческом возрасте имеют всегда последствия, даже если ребенку удастся преодолеть испытание. Всегда остаются какие-то аномалии речи в широком смысле слова. Поскольку схема тела, соответствующая возрасту, не встретила с необходимыми опосредованиями в выработке соответствующего образа тела, из этого следует отставание в психомоторном и речевом развитии.

Чем же являются необходимые символические опосредования? Мы видели: это аудитивные, визуальные, тактильные ощущения, информирующие со стороны матери, реагирующей на ребенка, внимательной к хорошему и плохому настроениям ребенка и говорящей с ним. Помимо необходимого ухода за телом, еды и перепеленания,

которые адресуются от рук матери телу ребенка, помимо ношения на руках тела ребенка телом матери, есть ее слова, песни, укачивание, ласки, ворчание, — вся эта речь разума сердца матери, если невроз не стерилизовал из-за страха быть женщиной путь материнской интуиции.

Всякий ребенок, рождаясь, вызывает в женщине, которую он создает матерью, родной источник, забивший из забытого отношения к своим собственным матери и отцу из глубины раннего детства, и он питает отношение «мать—сын» или «мать—дочь», на которое наслаивается актуальное отношение любовницы с человеком, являющимся или нет родителем ее ребенка. Это младенец, девочка или мальчик, пробуждает у этой женщины-своей матери-кормилицы слова, идущие от сердца, и они пробуждают улыбку и сердце ребенка и пробуждают его ум, чтобы он открылся для слушания; таким же образом покинув матку тела этой женщины, он вызывает прилив молока, его молока, которое ему подходит, чтобы продолжить свое развитие. Эта диалектическая связь «тело—сердце—ум» зародыша, затем грудного младенца с матерью укоренена в физиологии; но у человеческого существа, поскольку все является символическим, вырабатывается психическая межотношенческая составляющая, ко-

торая есть метафора этой связи. И таким образом для каждого человеческого существа его отношение с матерью, источником его собственного существования, по всей видимости, погружает свои корни в то, что, за неимением другого слова, называют «святым». Речь идет об осязаемой очевидности, одновременно этической и эстетической, для любого человеческого существа в контакте с природой и ее красотой. Это «святое» окружается для него нимбом света вокруг лица, склоненного над ним в первые часы его жизни, первые дни его испытаний.

Любая мать есть и модель умиротворяющего опосредования потребностей и также, по причине соединенности желаний с потребностями, источник смешения потребностей и желаний. В соответствии с тем, чем была мать в эмоциональных особенностях, ухваченных ребенком, нащупанных интуицией при первых забытых бедах и радостях своей жизни, центрированных на ней, у него выработалась чувствительность к реагированию, привязанная к мечте существования, сначала наведенная матерью, и которая, эта мечта, день за ночью по мере повторения и продолжения становится реальностью.

Часто мы слышим: «Эта женщина — плохая мать». Абсурдные слова. Ни про одну мать нельзя сказать хорошая или плохая. Она — мать, значит данное человеческое существо укоренилось в ней по праву, потому что оно не умерло и оно продолжает жить при этой т. н. плохой матери. Если он от этого страдал, это другое дело; но еще раз — нет ни хорошей, ни плохой матери, **есть матери, которые поддерживают больше или меньше нарциссизм в преодолении кастраций, являющихся для каждого из нас испытанием, необходимым для строительства своей идентичности.**

И вокруг первых восприятий своей матери, такой, какой мы ее ощутили и которая для нас была самой жизнью, если мы болели или нам было трудно, и завязалась наша мечта существовать. Эта мечта, эта долгая мечта нашего раннего детства по мере роста была воспринята нашим разумом, прицепившимся к нескольким вспышкам, окрашенным в воспоминания, сопоставленные взгляду, слушанию, речам, событиям, которые для нас ассоциированы с идеей матери. Этот вкус «святого», связанный с идеей матери, есть для каждого из нас инстанция как мужская, так и женская. Это кажется невероятным, поскольку каждая мать — женщина. Однако достаточно подумать о конструкциях, в каких человеческое существо почитает провидение, чтобы увидеть, как он их венчает формами, отсылающими к фаллосу: своды и купола соотносятся с грудью, башни и стрелы — с пенисом. Это телесные формы, «священные» частичные объекты тела наших

родителей, воспринятых как гиганты. Наши собственные активные и пассивные влечения проецируются в формах порождения и покровительства этих магических взрослых, которые нас отсылают к живому источнику нашего существа, можно сказать, к первоначальной сцене совокупления нашего зачатия, ассоциирующего постоянство самосознания с живым плодом священного брака богов; плодовитый и постоянный союз сублимированных активных и пассивных влечений от самых архаичных до самых актуальных. Сказать иначе, каждый из нас, младенец, полностью зависящий от взрослого, может выжить, лишь утолив жажду и голод и будучи защищен от внешнего мира. Эти два условия обеспечиваются матерью и ее грудью, а также отцом, благодаря его вооруженной бдительности, который ее защищает. Что касается младенца, он подстерегает витальную грудь и защищающую силу. Младенец находится в пассивной с либидинозной точки зрения позиции по отношению в обеим

19

родительским инстанциям, обе воспринимаются им как активные по отношению к себе. В то время как он фатально пассивен в своем теле, он проживает в своем сердце пламенно активную любовь к этой родительской инстанции, дважды защитницы в его глазах. Эти всемогущие хозяева пространства, эти два передвигающиеся, как живые стелы, фаллических тела воспринимаются им снабженными удлинениями, ласкающими и ошупывающими, и они правят как бы магически пространством, в котором младенец совершенно беспомощен и отдан их доброй воле и неограниченной власти. К их лицу, освещенному тембром их голосов, которые с ним говорят, посредством блеска, как у звезд, их глаз, крепит его безопасность свой хрупкий ум, который без их любящего и спасительного присутствия заблудился бы в безразличии составляющих его тело природных элементов, и тело без них осталось бы без опор во времени и пространстве. Неудивительно, что, став взрослыми, неизменно беспомощные перед творением люди строят свои молитвенные дома, используя красоту фаллических мужских и женских форм.

Мать также является первым информантом, пользующимся доверием относительно опасностей, и посланницей любви, которая, будучи ею дана, не может быть взята назад. Но она также и та, кто может дать смерть. Мужчина не является представителем смерти для бессознательного. Женщина — да, потому что от нее приходят наслаждения, которые заставляют субъекта забыть свое тело и ребенка про его бытие. Когда она его умиротворила голодного, когда она его утешила беспокойного, он чувствует себя ставшим ею, но от нее он

должен отказаться, и девочка и мальчик. Она не забирает то, что дала, но ребенку нужно укрыться от ее заботы, начиная с определенной точки своего развития, отказаться дать ей удовольствие, которое она просит, начиная с какого-то момента, а именно самое позднее в эдипов период. Вот почему я думаю, что мать может быть символом смерти в такой же степени, как и жизни.

Может, это причина, по которой дети-психотики боятся своей матери, когда они ее обретают, ибо та, кого они обретают, это не та, которую они ищут, не архаическая мать, не то восприятие, которого они ожидают, чтобы обрести себя. Между временем, когда они были разлучены, и моментом, когда они ее обретают, она уже более .не та. Мы видели, как разлучение в раннем возрасте (пять-девять месяцев) на долгий срок некоторых детей с матерью может ввести некоторых детей в аутизм. Они боятся возобновить с ней отношения, как будто она воплощает для них смерть. Субъект, остающийся в состоянии поиска потерянного архаичного наслаждения, делает из него человеческое существо, не адаптированное к своему возрасту, без речи с другим, без взгляда понимания, без воспоминания о подвижных играх до травмы. Иногда наоборот, он без конца и бесцельно двигается, о таких говорят неуравновешенный. Иногда он совершенно неподвижен, застывший, ступорозный. Он позволяет себе выйти из своих стереотипных привычек лишь в силу единственно напряжения своих экскрементальных потребностей или из потребности поесть неважно что. Поиграть с экскрементами было бы единственным развлечением, могущим иметь какой-то смысл для него. На самом деле, по жизни он как ребенок, не отлученный от груди фантомной матери, переживает смерть, которая ему угрожает и которую он, чтобы ее отвратить, изображает мимикой, как будто он стал, забыв о себе, другим, таким, каким его мать, маленького, умиротворила. У любого человека существует один из уровней, более или менее арха-ичных или более или менее застойных, остаточные явления способа отношения с миром и с матерью до нарциссического уровня Я—Ты и речи, затем Я—Я-собственное .

Некоторые задержки в говорении являются, на самом деле, задержками речевого развития, обусловленными инфирмацией желанием коммуникации, которая, к сожалению, распознается лишь с возраста хождения. Вы мне скажете: начиная с какого возраста можно говорить о задержке говорения? Так вот, с самого начала жизни любой ребенок находится в состоянии говорения, он сам не может говорить вербально, но у него есть слушание слов и он постоянно в поиске

коммуникации с другим, кроме моментов, когда он спит. У него есть потребность быть окруженным коммуникацией, постоянно, что есть доказательство его участия в мире; и даже когда он спит, разговоры не мешают ему. Неструктурированность или деструктуризация орального или анального образа тела проявляется в клинике очевидным образом только по достижении возраста — ин-

Не сознание ли этого у каждого из нас именуют «психическое ядро»?

дивидуально — хождения; именно тогда социальное окружение обращает внимание родителей, которые ничего не заметили у ребенка, в то время как его привычное поведение стало похоже на поведение домашнего животного, который не общается более даже со своими хозяевами. Хотя было бы легко помочь его беде, если бы мать, окружение, педиатр, которого некоторые матери тревожат иногда понапрасну («Вы слишком много занимаетесь им», «Все уладится, когда он пойдет в школу») сумели понять и распознать первые признаки безразличия, которые передают первые испытания. Отсутствие улыбки, отсутствующий взгляд, отсутствие поиска матери ребенком, постоянного общения с ней, зова, молчание послушного ребенка или, наоборот, продолжительные стереотипные крики — вот знаки для внимательного наблюдателя за ребенком, не находящемуся в гибкой и сопричастной коммуникации, ни в настоящем отношении с матерью.

Этот пассивный безразличный младенец, про которого говорят послушный, невозмутимый, но не реагирующий на мать и родных, без выражения, без игрового хватания, внешне всегда довольный, который спит, когда мать его укладывает спать, ест все, что ему дают, — он однако вызывает большое беспокойство. Но не у многих врачей. Лишь бы он набирал вес, имел хороший стул, чтобы у него росли зубы... «Что вы еще хотите от меня? — говорят они матери. — У него все в порядке!» А ведь так подготавливаются психозы, исподволь и в очень раннем возрасте у детей, которым можно было бы очень помочь, если бы вовремя заметили их страдание и потерю коммуникации именно по причине отсутствия выраженности этого самого страдания. В возрасте развития, когда схема тела должна стать посредником с другим для образа тела, влечения с активными доминантами подчинены исключительно удовлетворению естественных потребностей таких детей. Через эти влечения выражаются все желания под личиной ненасытных потребностей пить или есть, не выраженных вербально. Он все берет в рот, маленькие предметы, камни, экскременты — все, что у него под руками. Единственными явными манифестациями

расстройства, если они случаются, являются нарушения сна и пищеварительного тракта. «Он ест столько всякой дряни!» — говорят тогда. Реже поносы, но рвота или запоры. Он делает все, чтобы сохранить в себе немного пространства

безопасности, обозначенного столь малыми затратами¹. Но это дегуманизованное пространство, которое он поглощает и иногда вытаскивает, не говорит с ним и не питает его ни психически, ни аффективно. Вырастая, этот предпсихотический ребенок заставляет действовать свои желания навязчивым способом. Иногда он доходит до крайностей: например, в безумных гонках, когда он убегает из дома, теряется, заходит в воду, чуть ли не тонет; у него нет никакого чувства опасности. Он совершает вредительские и разрушительные акты, он опасен для самого себя, для самосохранения и для других. Он нападает на растения, цветы, маленьких животных, он делает в любом случае невозможным свое принятие в маленькой группе детей: именно то, на что мать надеялась, чтобы вывести его из трудностей. И именно на это, увы, часто обращают внимание как на констатацию «неадаптированности», и она рождает в умах родителей и многих врачей заключение о помещении, т. е. сегрегации, в среду для «таких детей». Так называемое специализированное воспитание действительно в лучшем случае стремится адаптировать этих Марсиан к поведению Землян своего времени и внешнего возраста, но не может способствовать дальнейшему развитию этого субъекта. Для этого следовало бы оставить его в семье на время, необходимое для установления контакта семьи с другой средой воспитания, и занять это время психоаналитической работой с отцом и матерью. И в ситуации триангулярного отношения (психоаналитик, папа-мама или с чередованием одного из них и ребенок), если ребенок будет согласен, может начаться психоаналитическая психотерапия. Психоаналитическая психотерапия одного ребенка-психотика, в то время как у него есть семья, бесполезна. В случае приемной семьи, если будет желание ребенка и работа психотерапевта поможет ребенку обрести самосознание, травма разлуки с родителями, не проработанная в словах между ребенком, родителями при поддержке психоаналитика, мешает обретению субъекта дотравматического периода. Здесь есть пробел, который невозможно преодолеть. Вот почему я сильно настаиваю, чтобы никакая работа с ребенком-психотиком не начиналась с ним одним; нужна сначала работа с родителями, затем с ро-

См. клинические случаи далее, С. 217 и 223.

дителями и ребенком, прежде чем будет рассмотрено любое другое решение относительно его воспитания.

Речь не идет о воспитании, ни тем более о перевоспитании, но о том, чтобы найти аутентичность, отличить ее от материнской вообразимой жизни по отношению к плоду, а затем к младенцу и от вообразимой жизни отца относительно ребенка и затем от вообразимой жизни ребенка по отношению к родителям, следуя событиям, изложенным взрослыми и прожитыми ими троими. Входят в игру для матери остаточные явления ее семейной принадлежности, как я показала во всех случаях материнской опеки; и то же самое у отца — остаточные явления его семейной принадлежности в зависимости от того, идет ли здесь речь о девочке- или мальчике-психотике. Психоаналитическая работа с ребенком-психотиком — это восстановление в обращении коммуникации первосцены между тремя — отец, мать, ребенок. Перенос психоаналитика на ребенка помогает родителям. Его способ работы, поиск собеседника для заключенного в тюрьму, которую ребенок себе выстроил, меняет иногда прямо на глазах привычное поведение ребенка. Увидев, как отвечает ребенок этому другому человеку — психоаналитику, который по-настоящему интересуется его жизнью и его историей, родители могут констатировать, что между этим взрослым и им устанавливается иное отношение. И это реабилитирует в них надежду на человеческое отношение с ребенком. Они постепенно утратили эту надежду перед тяжестью состояния, в котором до сих пор никто ничего не понимал. Это не означает, что сейчас психоаналитик в этом больше понимает. Впрочем, не это главное. Главное, что сам ребенок начинает обретать себя в этом. В психоаналитической работе родители могут понять из того, что они испытывают сами, интерференции — в испытании, каким является ребенок-психотик — их отношения к нему, и испытание, которое он представляет для других членов семьи, в частности, братьев и сестер, если они есть, в то время как до сих пор они об этом совершенно не отдавали себе отчета. И уже в этом одна из отнюдь немалых выгод и плодов психотерапии для ребенка-психотика, даже если не удастся вернуть ему радость жизни как свободного и автономного гражданина, — то, что другие члены его семьи, братья и сестры не сохраняют на всю жизнь следов травмы от пережитых ими страданий из-за этого ребенка.

Для самого психотика лечение начинает приносить плоды вокруг первых отношений, обнаруженных как те, что он имел грудным младенцем с родителями. Трудность исходит из того, что детям-психотикам предстоит пройти через панический страх жить иначе,

чтобы выйти из обычно запрятанной тревоги. В начале психоаналитического лечения и особенно с того момента, как лечение начинает действовать, они проходят через периоды агрессивности и беспорядочности в поведении и в органике, из-за которых часто приходится приостанавливать лечение, потому что эти нарушения принимаются за противопоказания для психологического лечения или за органическое заболевание. Больница, анализы и т. п. — возвращение на круги страха для взрослых. Снова ребенка изолируют вместо того, чтобы продолжить лечение, несмотря на окказиональные помехи функционального или соматического характера, которые психоаналитик должен постараться понять с ребенком как язык реагирования на его страх излечиться. Страх, который он сообщает своим родителям, матери и врачам.

По отношению к достаточно стереотипному застывшему привычному поведению ребенка в добром здравии эти нарушения соматического функционирования до психоаналитического лечения свидетельствуют, наоборот, в пользу продолжения лечения. Они доказывают, что субъект у этого ребенка-психотика находится в поиске обретения коммуникации; но прежде чем он сможет выразить аффектами, словами, изображением, рисунками, лепкой, мимикой, играми, он начинает реагировать функциональным языком тела, этим бессознательным пред-Я. И было бы желательно, чтобы многие врачи были бы информированы о психоанализе и чтобы психоаналитики были педопсихиатрами. Нужны терапевты и педиатры, чтобы обеспечить медицинское функциональное лечение этих детей, высказывая одобрение родителям и ребенку продолжать психоанализ, несмотря на разные расстройства, выражающие страдание. И вовсе не тот, кто заботится о здоровье тела, возьмет на себя психотерапию; но возможно, чтобы один был поддержан другим, чтобы ребенок смог продолжать эту работу, разумеется, трудную, но которая стоит того: тем более, что чаще всего дети-психотики — человеческие существа, отличающиеся умом, ранним развитием и чувствительностью, скрытыми деперсонализированной маской.

В наше время много детей представляют данный тип проблематики ранней неадаптированности, для которой диагноз колеблется между неврозом и психозом. Можно сказать, что детский психоз возникает в семьях, где обоим родителям пришлось пережить каждому в своей семье эпизод бессознательной травмы, обусловленной отношениями с родителями до возраста Эдипа. Этот эпизод, вытесненный у них, обнаруживается у ребенка, и он непоправим без психоанализа. Однако встречаются дети, квалифицированные пси-

хотиками в соответствии с их симптомами, состояние которых представляет собой на самом деле очень ранние расстройства их частной истории, и там нет резонанса детских травм родителей.

ВОЗРАСТ ОРАЛЬНЫЙ, АНАЛЬНЫЙ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРИОДЫ ДО ПЕРВИЧНОЙ КАСТРАЦИИ

Прежде чем продолжить с клиническими примерами и чтобы они в полной мере иллюстрировали смысл моих слов, который состоит в соединенности в каждый момент образа тела и схемы тела, необходимо резюмировать основные линии процесса регрессии и последовательной деструктуризации образов тела — процесс, противоположный его структуризации. Не будем забывать, что эти процессы по отношению к образу тела всегда зависимы, чтобы развиваться, от аффективного отношения, в то время как схема тела может развиваться даже в условиях аффективной депрессии.

Я прошу извинить за абстрактную сухость некоторых клинических описаний, но это ограничение необходимо, чтобы понять, как обстоит дело с патологией человека. Давайте не будем спешить делать выводы в сторону определенности, они будут в крайнем случае почти организмическими; ибо в целом процесс соединения образа тела и схемы тела выявляется как защитная нарциссическая персонификация субъекта из речевого отношения между субъектом-ребенком и его окружением. Поправимость событий или невозможность этого в ходе психотерапии будет также связана с переносом как пациента, так и психоаналитика. Вот общие положения, касающиеся клинического понимания патологии посредством образов тела.

Напомним, к сведению¹, что образ тела состоит из трех: базового образа, функционального образа и образа эрогенной зоны; все они допускают чувственные представления, фантазмированные и со-общаемые между субъектами. Дети нам открывают существование, либо ассоциированное с тройным образом, репрезентируемое в рисунке или лепке, либо диссоциированное от него, от динамического образа, не имеющего представления, за исключением наметки спирали или пунктирной черты в крайнем случае; в динамическом образе желание, привязываясь к нему, поглощает потенциальные возможности представления. Динамический образ, солидарный с субъектом в состоянии бодрствования и легкого сна, принимает, по всей видимости, форму точки во время глубокого сна, давая возможность влечениям к смерти, опорам схемы тела в отсутствие любого пособи-

чества субъекта, наслаждаться без какого-либо аффекта нехватки и без репрезентации вегетативного покоя органов.

Случай Никола

У меня в памяти Никола, ребенок, называемый психотиком. Ему было почти 6 лет, когда я его увидела. В момент эвакуации из Парижа ему было три дня. Он остался без молока, без возможности перепеленания больше двух дней, по счастью, со своей матерью. Оба без пищи и воды, одни в вагоне, где больше никого не было.

Никола был последним в семье из пяти детей; четверо старших, девочки и мальчики, потерялись на несколько недель, разлученные с матерью, эвакуированные все четверо во время бомбардировки поезда, в котором они ехали к отцу, уже эвакуированному на юг Франции со своей администрацией. Мать и малыш должны были быть отправлены в больницу, но оказались отвезенными не в тот город, что был предусмотрен. Кроме того, вскоре поезд остановился в чистом поле из-за бомбардировки железной дороги, что не позволило прибыть на объявленный вокзал. В рядом расположенных фермах не было ни людей, ни коров, ни воды. Все были эвакуированы, каналы взорваны. Женщина в разлуке со своими четырьмя старшими деть-

¹ См. гл. 1, С. 43—44.

ми, беспокоясь о них, осталась одна с грудным младенцем у груди без молока. Молоко появилось, видимо, нормально, но исчезло из-за страха. Она прожила ужасных сорок восемь часов, присутствуя при умирании от истощения и голода своего малыша, которого она не могла перепеленать, сама абсолютно истощенная и беспомощная. Наконец, все устроилось, ей и малышу пришли на помощь. Никола избежал смерти от обезвоживания и стал прибывать в весе. Это то, что она смогла мне рассказать о ребенке. Когда я его увидела, ему было больше пяти лет и он был психотиком. Благодаря психоанализу он смог поправиться. Я не могу рассказать здесь, как протекало лечение, но я думаю о нем, потому что в истории этого случая т. н. психоза не было ничего патологического в отношениях отца и матери в их детстве, со своими родителями. Война прошла для этих двух семей без значительных душевных страданий и смертей. Четверо старших детей преодолели шок эвакуации, и у всех дела складывались хорошо. Оставшись в свободной зоне, в деревне в течение всей войны, дети и, в частности, Никола не страдали от нехватки чего-либо. Только он остался ребенком, который казался диким, безразличным, но не

избегавшим взгляда. Что сразу было заметно у него — я это даю как клиническое показание — это копна нечесанных волос. У него был хриплый голос, он был беспокойным, беспорядочно перемещался, как и его волосы, туда-сюда, с согнутыми локтями, полусогнутыми коленями, несущий всякий вздор, не дурного нрава, всегда доброжелательный, но непредсказуемый. Он никогда не играл по-настоящему. И «трудился», там-сям переставляя предметы. Нужно было все время следить, чтобы с ним не произошло инцидента или несчастного случая.

Этот случай 1946 года, у меня было мало опыта. Единственным знаком, который мне Никола дал, что его приходы в диспансер, где он встречался со мной, были значимы для него, — это то, что в этот день он поднимался в шесть часов утра, пытался одеться и ждал мать у двери. Одной из самых любопытных вещей было видеть, как, прежде всего, эволюционирует капиллярная система у ребенка. Из стольких аномалий и странностей поведения мать и не подумала мне рассказать о той, что сразу бросалась в глаза. В результате лечения его волосы стали мягкими и поддающимися причесыванию к удивлению матери, которая в тот момент мне об этом сказала, и в

то же время ребенок обрел нормальный ритм сна, который до этого не был установлен; затем постепенно наступила дневная континентальность, потом ночная, хождение с вертикальным телом, удовольствие играть, выражение нежных чувств к матери и, наконец, речь, сначала грамматически бедная, но адекватная тому, что происходило.

Любое увечье для функционального образа, какими бы ни были его причина и природа, когда субъект одержим желанием, стимулирует сначала интенсивность этого желания. Напротив, если это увечье сохраняется, провоцируется возвращение к прошлому образу тела, того прошлого, когда наслаждение, связанное с успокоением напряжений, было узнано, и информация об этом есть у нарциссизма. Субъект может в течение достаточно длительного времени жить на фантазме архаичного удовлетворения, в то время как его витальная реальность в схеме тела истощает вхолостую его силы.

Репрезентация реальной смерти, репрезентация тела, ставшего безжизненной вещью, архаичной как объект кака или вещь, стимулирует все актуальные влечения к фокусированию в обретении функционального образа и эрогенного образа в поиске объекта; он всегда соединен с первым объектом, потерянным в чувственной реальности, но не в воображаемой¹. В случае не-удовлетворения, в случае

Это хорошо иллюстрируется окончанием курса лечения Никола: через несколько месяцев еженедельных сеансов излечение психотического состояния Никола проявилось на нескольких сеансах, где он, казалось, изображает свою смерть. Он бросался всем телом на пол с той или иной степенью ярости, лежал какое-то время и затем возобновлял. Я помню, может, на последнем или на предпоследнем сеансе (я фиксировала) самый разработанный из его фантазмов: он показывал на своем собственном теле, прежде чем упасть, область грудно-брюшной полости вокруг пуповины, как будто там была масса, привлекавшая его внимание. Я: «Что там?» Он: «Камень». Затем, как будто этот вес нарушал его равновесие, он падал вперед всем своим телом. Он оставался в таком положении некоторое время, затем становился на четыре конечности, немного шел, затем поднимался и возобновлял. «Сделаешь рисунок?» Быстрыми движениями Никола рисует: «дом, окно, человек» (он показывает на себя), огромное толстое черное пятно на теле. Он наносит баллистическую черту: тело выпало из окна на землю. Здесь это уже стало не головой, туловищем, руками, но расплывчатый маленький прямоугольник с тремя продолжениями — «лапами» (можно сказать, расплывчатая собака без головы и хвоста) на земле, окруженная более или менее закрытыми графическими фигурами, «листьями». Эти листья — «Это что?» Он показывает свое лицо, кисти рук, как расчлененные на «листья» вокруг

не-адекватности никакого объекта желанию, в состоянии отсутствия человека как тотального объекта, за неимением частичного объекта, ассоциированного с динамическим образом, последний, сделав напрасную попытку сверхактивации в том же месте эрогенной зоны, перемещается на эрогенную зону, соответствующую более раннему эрогенному или функциональному образу тела. В случае, когда эта регрессивная зона сама потеряла всякое отношение с архаичным объектом, или если речь идет о функциональном образе, который не доставляет никакого удовольствия, динамический образ подвергает напряжению базовый образ, который, по определению, лишен эрогенной зоны. Субъект исчезает, не имея объекта для своего желания и не имея представления в своем теле для напряжения для этого объекта. Его дискомфорт тогда проявляется соматически, ни сознание, ни эмоция не помогают ему. Это нарушения сна, либо внезапный глубокий сон, либо приступ эпилепсии, либо помутнения сознания.

Когда базовый образ диссоциируется от функционального и эрогенного образов тела, что не может произойти без некоторой пороговой паники, мы имеем схему, найденную Фрейдом в неврозах по поводу вторичного нарциссизма и которую он объяснил в работе «Торможение, симптом и страх»¹. В описанных им ситуациях он показывает, как симптомы гениталь-

«выпавшего из окна тела». «Это кто?» Никола показывает на себя и говорит: «Упал, старый, мертвый, вода нет там, вот конец, моя могла

это». Это могло бы быть записанным так: «Ста ры мертф ва да нет там вот ка нец ма йа нет боль ше». [«Л/18 еих тоге! 1о раз 1а. уа 1аз, Й, т, то1 у а р1из».] Было ли это начальной травмой? Эта сцена была не «для меня», но я была ей свидетелем. Нечто вроде выступления мима с шумами, исполненного со сдержанной страстью, что-то вроде средневековой мистерии. Рисунок, выполненный по моему настоянию, мне не был показан, он иллюстрировал мимодраму этого сомнамбулы. Я, молодой психоаналитик, была рядом, принимала, но ничего не понимала. Ни здравствуйте, ни до свидания. Он входил, нетерпеливый, напряженный, уходил, все более счастливый встретиться с матерью. «Оно» поправлялось. Никола держался прямо на ногах, прямая спина, голова свободно на туловище, вместо того, чтобы врываться как кабан, как в начале курса. Он очень быстро обрел сон, стал питаться как человек, затем наступила континентность сфинктера и ночного мочеиспускания. Он говорил лучше, связывая слова грамматически. Он стал нежно целовать мать и отца, действовать связно. В нем также упорядочивались субъект, глагол, дополнение.

¹ [ГгеуЛ, 5. Нетгтш§, ЗутрЮт ипа Ап§51 (1926с1 [1925]) // Ргеис], 5. (Ж — Ва. XIV. — 5.111—205.]

ной стадии наступают от прегенитальных влечений, которые могут выразиться лишь посредством прегенитальных образов тела. Например, вместо «мочь сношаться» у субъекта-мужчины — понос, вместо оргазма у женщины — спазмы в матке или рвота. Симптом становится оральным или анальным, либо сжатие подобно сфинктру, который напрягается — вагинизм, либо рвота, отбрасывание фаллического частичного объекта, орального — пищи. Это оральные или анальные образы тела входят в игру, избегая желания и отказываясь даже от удовольствия регрессивных влечений, к которым переместилось либидо, отвергающее генитальный образ тела. Все происходит по поводу генитального места партнеров, но с оральными и анальными фобическими образами. Все это, что — заметим — может быть легко интерпретировано в терминах бессознательного образа тела, имеет значение для индивидов, которые, по крайней мере в принципе, достигли возможности генитальной посылки реляционного образа тела, т. е. стадии зеркала, о которой я говорила раньше¹.

Но когда речь идет о ребенке до первичной кастрации, т. е. до разумности трех лет, т. е. до знания своего пола, и еще более, когда речь идет о ребенке до хождения, до неврологического завершения схемы тела, если у него нет в его распоряжении по меньшей мере сосания спасительного большого пальца, фрустрации снятия напряжений имеют лишь то место страха, что ему служит как связь с матерью, с симптомами, в частности, нарушений, которые можно назвать вегетативными: пищеварительного тракта или выходов полости, энкопрез, энурез, рино-фарингит, отит². Когда эрогенные зоны, лицо,

рот, анус, ягодицы, связанные с оральными и анальными влечениями, не являются более интегрированными с удовольствием ни в отношении речи с матерью-кормилицей (даже когда ее здесь нет), ни с функциональными образами (оральный функциональный образ — перистальтика без помех ото рта к анусу), ни с соответственным базовым образом (нормально функционирующие живот, желудок, кишечники), происходит регрессия субъекта вплоть до пертурбированных кардиореспираторных и перистальтических образов. Может

¹См. С. 137.

²[Рино-фарингит — воспалительное заболевание носоглотки; отит — воспали, тельное заболевание уха.]

222 ----о

иметь место призыв к невозможному возврату к матери зародыша в случае обонятельного непризнания себя ребенком или тщетный призыв к тактильной и вокальной матери, что вызывает некоторые приступы астмы, спазмы плача, свистящие ларингиты. Случается, что эти страхи и особенно их вызывающие события проходят незамеченными матерями или, наоборот, сводят с ума. Она не может тогда успокоить, покачать, т. е. вернуть малыша, потому что не обеспокоена или потому что слишком тревожится, к ритмам жизни по меньшей мере зародыша, затем оральной, воздушной первых дней, нося его на руках, укачивая, говоря ему, что происходит, и успокаивая его. Ребенок страдает, он более не находится в безопасности отношения «субъект—тотальный объект», его мать, посредством частичного ее объекта, как ее голос или запах. Тогда образу тела ребенка, которому не были вербализованы выражения его больного тела, недостает того, что не обозначены в страдании, не вызваны слова и жесты сострадания матери. Образ становится для него немым и сводит его к схеме тела в борьбе с влечениями к смерти. Это то, что происходит при изоляции в больнице в боксе без частого присутствия матери для кормления и пеленания, при больничном синдроме, который может быть вызван, если испытание продлевается: о нем я говорила, и ниже мы увидим пример при описании случая Себастьяна. И тогда происходят, по крайней мере у тех, кто избежал диссоциации между субъектом и образом тела, серьезные нарушения характера. Они требуют для преодоления длительного времени и никогда не бывают без регрессий.

Помимо этих страхов, усиленных молчанием матери или ухаживающей особы, если она не говорит с ребенком о травматичных событиях, которые он пережил или переживает, ранние психические

травмы, связанные с ними, искажают на долгое время или навсегда развитие образа тела, особенно если вторичные реактивные симптомы приводят — при нераспознавании соматического речевого смысла психической депрессии — к продлению пребывания ребенка в больнице, подпитывая разьединение диады мать—ребенок, которая посредством регрессивных симптомов пыталась восстановиться фантазматически у последнего. В этом происхождение большинства психозов детей, в раннем возрасте травмированных в своем образе тела, что свойственно психотиками; в частности те, кто был травмированная в базовом образе тела внутриутробной и оральной стадий, и менее тяжело в базовом образе анальной стадии (базовый образ анальной стадии — это связность голова—туловище—члены тела).

Эта общая картина имеет первостепенную важность для понимания того, что происходит в педиатрии, в яслях и в больницах. Запомним, в частности, что базовый образ всегда ассоциирован в происхождении субъекта с внутриутробным образом до первой пупочной кастрации, следующей за его рождением и отсылающей его к первичной сцене, сцене зачатия и к вопросу о первородном желании этого человеческого существа для его родителей как их собственном, не только для его зачатия в момент взаимного желания любовников, но для его жизни и также для принятия своего пола.

Случай Себастьяна:

вхождение в аутизм в пять месяцев

Чтобы лучше понять ранние эффекты проблем образа тела, влияющих на развитие психоза, приведем пример пятимесячного грудного младенца Себастьяна, родители которого оказались вынужденными сменить место жительства три раза в течение одной недели. Родители, молодая чета, у которых он был тогда единственным ребенком, находились в ожидании своего окончательного жилья, но еще не готового. Ребенок был на грудном вскармливании до четырех месяцев, и в интервале с четырех до пяти месяцев мать его отлучила от груди. Это прошло хорошо, она собиралась вернуться на работу, чтобы платить за обустройство нового жилья, и искала женщину, которая заменит ее, чтобы сидеть с ребенком. Поскольку она была вынуждена сменить квартиру два раза за несколько дней и снимаемая квартира была лишь временной в ожидании окончательной, ей пришлось сменить и няню, так как квартиры находились в отдаленных друг от друга кварталах. Так, в течение нескольких дней у ребенка были две разные квартиры и две разные няни. Чтобы уберечь ребенка

от третьего ежедневного перемещения, мать решила найти женщину, которая бы смогла держать ребенка у себя до тех пор, пока у них, наконец, не будет квартиры. Ни мать, ни ребенок, ни отец не знали новую няню до того дня, когда ребенка принесли к ней утром, в то время как мать пошла на работу; у нее наступил срок выхода на

новую работу. Когда вечером мать пришла повидать ребенка, прежде чем вернуться к себе, няня ей сказала: «Ваш ребенок в больнице, у него был зеленый понос в одиннадцать часов. У меня был ребенок, он умер от этого, и я сразу же его увезла в больницу». Естественно, в больнице ребенка положили по срочной помощи; тем не менее, когда мать пришла, ей сказали: «Здесь у него не было поноса, но оставьте его для наблюдения».

Это то, что мне рассказала мать о начальном периоде разлуки ребенок—мать. Я познакомилась с этим случаем, когда Себастьяну, немому шизофренику, было семь-восемь лет. Он никогда не садился, как будто это ему доставляло страдания. Он жил стоя или лежа. Я также узнала из разговоров с матерью о том, что она называла его запором, ссылаясь на слова врача из первой больницы при его выписке. Она часто ссылалась на слово запор, но это не вызывало никакого интереса со стороны врачей, к которым она обращалась по поводу Себастьяна. «Поставьте ему свечи», — говорил один. Такое-то лекарство, говорил другой. Между тем ребенок испытывал ужас при мысли о дефекации. Раз в пятнадцать дней, крича от боли, он выпускал огромную каловую массу, которая, говорила мать, даже его не облегчала. Врач, к которому я посоветовала матери отвести ребенка, диагностировал анальную трещину, которую он пролечил, затем, взвесив опасность госпитализации для ребенка, проделал в своем кабинете под общей анестезией в присутствии матери экстракцию фекаломы величиной с голову новорожденного. Он был вынужден отменить все консультации на этот день, настолько запах разложения был невыносим в помещении его кабинета. Ребенок носил годами это фекальное разложение, более четырех лет. И лишь время от времени он делал огромную «толстую каку», крича от боли. Мать говорила врачам: «Он страдает запорами и все». Себастьян отказывался от любой пищи, способной вызвать у него запор, например, от шоколада, который мать и бабушка — с чего однако? — считали полезным для него. Впрочем, это был повод для конфликта между двумя женщинами, когда Себастьян отказывался от шоколада. С того момента, как его кишечник восстановился, сначала посредством медицинского вмешательства, затем предпринятым мной лечением, где

вербализировалось все, что произошло в присутствии матери, Себастьян смог садиться и испытывать удовольствие от возможности есть все. Увы, это не вылечило его от психоза. Но он жил уже более приятно, имел меньше страха.

Вернемся к генезису этого психоза. Итак, в пять месяцев у Себастьяна, отданного без объяснений — а он был очень развит — кормилице, которую он не знал, произошли нарушения в его пищеварительном перистальтическом образе, несомненно вторичные из-за того, что он был отброшен и отдан друг за другом к трем разным женщинам в течение одной недели. У третьей был на руках малыш, умерший от токсикоза, начавшимся у нее дома поносом. И она в первый же день пришла в ужас от жидкого стула Себастьяна в одиннадцать часов утра, а его принесли в восемь утра. Она отнесла его в больницу, где его оставили в боксе для наблюдения. Именно туда вечером в смятении от слов няни пришла его проведать мать, но ей не разрешили зайти в бокс, где был малыш, и поговорить с ним. Там Себастьян за несколько дней впал в глубокую регрессию, осложненную, как следствие, бронхопневмонией, подхваченной в больнице. И педиатр сказал матери: «Я у него не видел диареи, скорее у него запор. Он чувствует себя хорошо, но из предосторожности мы его подержим несколько дней». Это тем более устраивало мать, так как у них все еще не было обещанной квартиры. В пять месяцев это, конечно, было для нее испытанием быть в разлуке со своим ребенком; но у нее была работа и ей говорили, что ему лучше здесь, чем у незнакомой няни. И потом она совсем не отдавала себе отчета. Только когда она рассказывала об этом периоде, она вспомнила о смятении малыша в этом боксе. За стеклом он стал неузнаваем за несколько дней. А потом у него была бронхопневмония. Откуда она? Его дыхательному образу недоставало запаха и присутствия матери. Он ее искал, когда замечал за стеклом бокса; в начале он кричал; но через три-четыре дня стал безразличным. Его легочный дыхательный образ был лишен запаха матери, которая ушла из его дыхательной эрогенной зоны. Его глаза, уши не слышали более матери, влечения к смерти сосредоточились на дыхательном функциональном образе тела, покинутом субъектом желания. Всегда есть блуждающие микробы — живые создания, для которых нет ничего лучшего, как наброситься и быстро размножиться на теле, функционирование которого с точки зрения кровообращения не самое лучшее. Схема тела плохо вентилируется, когда ребенок страдает в обонятельном оральном образе

тела от того, что не находит запаха своей любимой матери. Что касается перистальтического образа, поскольку речь идет об этом при запоре, функциональный образ пищеварительного тракта регулирует перемещение пищевого содержимого в соответствии со схемой тела пищеварительного тракта: этот функциональный образ зафиксировался, как сказал врач. «По поводу диареи, ваш ребенок тяготеет к запору, но ничего. Ставьте ему свечи, а затем заберите его. Он скучает» — это то, что было сказано, когда была вылечена бронхопневмония. Но нет, его не могли забрать, квартира еще не была закончена. И вот ребенок пяти месяцев в прекрасном состоянии по прибытии должен был оставаться шесть недель в больнице. Из рано начавшего смеяться ребенка, хорошо знающего мать, отца, бабушек и дедушек, он стал грустным, апатичным, потерянным ребенком, ни на что более не смотрящим и не играющим. Когда мать, начав устраивать свою квартиру, пришла за ним, думая, что все уладится, как только она его заберет, Себастьяну не стало лучше и он спустя немного времени постепенно превратился в аутиста. Как сумеет найти себя в новой квартире, которую ждали родители, где детская кровать, хорошая на их взгляд, но это уже не его матрасик (его частичный объект, ассоциированный с «он—его мать»), знакомый вот уже пять месяцев)? Мать, оставившая на время работу, более для того, чтобы обустроить квартиру, чем заниматься им, ничего у него не спрашивала, и он ничего не спрашивал. Она была сильно занята, и, как она говорит, он был очень послушный.

Если обобщать, исходя из такого драматичного примера, но, увы, не исключительного, скажем, что без слов, адресованных ребенку, слов, через которые он может понять, что он признан как субъект, символическая функция рискует быть нарушенной, также как и есть риск появления физиологических нарушений, вследствие смертоносных декреативных эффектов, постепенно дезорганизирующих и вызывающих потерю образов тела, от актуального образа до более ранних, «отелесненных» через их пересечение со схемой тела.

Увы, любой физиологический беспорядок кажется взрослым исключительно принадлежащим области тела, только оно заблеивает: то, что вызывает страх, и не без основания у родителей и врача. Диалектика тройного образа тела замыкается на нарциссизме ребенка, и тот как субъект, выражаемый предвербальным языком, страдающий от непонимания и непризнания в своей аффективности, в любви к матери, регрессирует. Желание субтильной коммуникации от субъекта к субъекту становится, таким образом, вытесненным со стороны ребенка и затем невозможным по причине функционального

нарушения, не декодированного как речь. Со стороны взрослого оказывается узанным только тревога перед соматическим заболеванием ребенка, стало быть, тела-объекта как представителя ребенка. С этого времени страх и его тело только и кажутся всем тем, что признается окружением. Ранее признанный субъект более им не является в том, что он хочет сказать. Говорят о симптомах ребенка, но, увы, более никогда не говорят с его личностью.

В новой квартире, вспоминает мать, действительно, она больше не разговаривала с Себастьяном. Она с ним много разговаривала в течение первых четырех месяцев, когда она его кормила, а также во время отнятия от груди в тот месяц, когда они были вместе и она ощущала страх от того, что ей надо выходить на работу. А потом ей пришлось заняться многими вещами, потом он заболел, и она его видела только за стеклянной перегородкой бокса. Он стал вялым, безразличным, и она с ним больше не говорила ни о нем, ни с ним. О Себастьяне она говорила с другими, называя его «малыш», он уже больше не был «Себастьян». Она смотрела на него грустными, беспокойными глазами. Ужасные дни смены жилья, нянь, последовавшая в конце изоляция в боксе, наблюдение-содержание в больнице, что было сочтено врачом временно удобным для родителей, переживающим трудный момент, все это оказалось смертоносным для отношений ребенка с ними и, стало быть, Себастьяна с ним самим и с миром. И это без ведома для всех. Однако Себастьяну было пять месяцев, как раз самый хрупкий возраст после отлучения от груди для развития аутизма, когда совершается разлучение ребенка и матери, но в данном случае также разлучение между ребенком и знакомым ему пространством безопасности с матерью и отцом. Эта перемена в привычном образе жизни ребенка, который был до этого полностью привит к одному человеку, в момент, когда отлучение от груди прошло хорошо — что было как раз, переход от груди к разнообразному питанию и смесям, тем самым случаем, — требует огромной заботы и опосредования. Любое изменение места, привычных действий должно быть объяснено, проговорено ребенку. Он

это понимает. Он страдает, но не теряет от этого головы. Важно это сказать, сейчас мы это знаем: может, среди тех, кто прочтет об этом случае, есть педиатры, кто сохранит в памяти и сумеет предупредить подобные заболевания, сказав малышу о вещах, которые скоро изменятся, объяснив причины действий его родителей, вынужденных временно доверить его другим людям.

*Симптом как языковой эквивалент,
предназначенный родителям*

Симптом становится средством выражения посредством тревожной дисфункции, предназначенной родителям, это также то, что происходит в т. н. отрыгиваниях, когда ребенок выгашни-вает матери непереваренное молоко при сосании. Во всех наблюдаемых мною случаях отношение «младенец—мать» было нарушено, потому что она отвлекалась от него, как только давала бутылочку, в то время ранний и умный ребенок желает обмена, разговора лицо к лицу. Он хотел бы после приема пищи межличностного отношения, соучастного, аффективного и одушевленного. Речь идет, в основном, о девочках, реже о мальчиках. Что касается мальчиков, ранняя рвота грудного младенца, рвота в виде характерных струй, происходит, как мы знаем, от легкого недоразвития привратника, легко поддающегося лечению. Но речь тогда не идет об отрыгиваниях, рвоте без всякой органической причины. В случае отрыгивания мы чаще встречаемся с девочкой, умной, ранней, мать которой менее себе на уме, скажем, чем ребенок, и, в основном, депрессивна после родов. Она не разговаривает с младенцем, ее заботят лишь часы и дозы, вес и время сна; она невнимательна к проявлениям этого человечка и не устанавливает жизнерадостного и соучастного отношения со своим малышом. Всякий раз, как ребенок ее зовет, она интерпретирует, что это чтобы поесть или сменить пеленки. Но когда она меняет пеленки, ребенок видит ее лицо иначе, чем когда она ему дает бутылочку. И в итоге грудной ребенок приходит к выводу, что единственное интерпсихическое отношение проходит через еду. И тогда он отдает то, что поел или попил, поскольку речь идет о бутылочках, чтобы она снова ему их дала; потому что тогда, по меньшей мере, обмен длится дольше и она остается с ним, благодаря та-

кой уловке. Вначале речь идет об ошибке стрелочника, которая потом становится хронической. Вместо звуков, имеющих происхождением легочный функциональный образ, когда воздух проходит через глотку, грудничок делает ошибку между глоткой, функционирующей для здоровой схемы тела в двух направлениях, и соседним зевом, который должен функционировать лишь в одном направлении; тем более что мать не поет для него и не говорит с ним. Он использует тогда частичный объект потребности, молоко, которое пришло в желудок, и отдает его через зев, в то время как на самом деле это нежные и ласкающие звуки, успокаивающее присутствие матери, которые бы он хотел продлить. Чтобы его поносили на ручках, вот что он хотел в этот

момент, и выплюнуть молоко было неловкой попыткой ей об этом сказать.

Вместо ласк и слов — страх матери и, вслед за ней, врача из-за постоянного срыгивания. Она более не осмеливается взять и двигать ребенка. Ей советуют положить его в больницу для наблюдения. А это разлука, которая лишь усугубляет и вызывает цепную реакцию проявлений нарушенного отношения с матерью, которая считает себя в этом виновной. Имеет место переоценка рвоты рта, становящегося кричащим из-за его функционирования, когда ничего нет, чтобы проглотить или вытошнить. Это способ выражения субъекта, напрасно требующего окончательно потерянное лицо матери, принявшего его при рождении. Рвотный рот становится горлопаном и в то же время остается рвотным. Для этого рта, огромной квадратной дыры, раз-верстой, шумной (в три года) и не говорящей, все предметы кажутся подходящими: какашки, земля — все, что неназываемое ассоцииру-ется с матерью, которая ее не называет иначе как «малышка». Все, что может быть поглощено и вытошнено, начинает замещать, как только она это сможет, отношение «мать—ребенок», от которого ей нечему учиться. Мать повторяет себя, она стереотипна в своем нарциссизме измученной жертвы. «Малышка» глотает все подряд, она все тащит в рот. Мать жалуется и «кричит на нее». Эти выташнива-ния длятся иногда два-три года, когда ребенок ест и выташнивает все и, однако, набирает вес, он растет; но на самом деле это тяжелые невроты, можно было бы сказать экспериментальные, вызванные фактом, что не был признан запрос субъекта к субъекту-матери, запрос на слова, на психическое и аффективное общение. Этот запрос выража-

ется тогда единственным языком, доступным для ребенка, — рвотой непереваренного молока, как только бутылочка высосана, чтобы продолжить перфузирующее¹ отношение матери с младенцем; может быть, это есть перемещение на перфузию пуповины.

Всякий раз, когда имеет место мерицизм² между грудничком и его мамой, как и анорексия грудного младенца, лечение должно состоять в разговорах матери не с психологом, но с психоаналитиком в присутствии ребенка, признанного собеседником в той же степени, что и мать, на руках у матери. Вместо этого врач, обеспокоенный страхом матери, дает увлечь себя в адский круг органического лечения, осмотров, успокоительных средств и отрицания субъекта (ребенок и его желание). В результате получается, что занимаются только телом-объектом. Тело становится единственной вещью, о которой говорят, не сумев говорить с личностью грудного ребенка, обращаясь к нему через имя, когда это нужно было, и не узнав, что грудной ребенок, мальчик

или девочка, уже есть субъект; некоторые раньше, чем другие, проявляют это, но все они восприимчивы к настоящим словам, адресованным им относительно их истории и их стремления быть понятыми. Еще один пример того, насколько нужно иметь достаточно тонкий слух, как у детей и младенцев.

О том, что может означать сказать о своей беде

Случай Пьера

Пьер, мальчик трех лет, был приведен ко мне после целого круга хождения по неврологам с жалобами на головные боли, мучающие его в течение месяца, как он пошел в детский сад. На первой встрече я увидела ребенка с тупым видом, с багровым и опухшим лицом, затуманенными глазами, наполовину спрятанными верхними веками, монотонно повторявшим: «Голова болит, голова болит, голова болит». Я сначала была удивлена, что ребенок трех лет, говоря это, не

¹ [Перфузирующее — отношение по типу единой физиологической системы.]

² [Мерицизм — многократное пережевывание, периодически проглатываемой и произвольно отрыгиваемой пищи.]

притрагивается к голове. Обычно ребенок в этом возрасте говорит, трогая ее: «Моя голова болит». Он не говорит просто «голова».

Столкнувшись с таким способом говорить, вызвавшим у меня вопрос, я, в свою очередь, спросила его: «Голова болит где? Покажи мне, где у тебя болит голова». Пьер показывает на пах, около основания ноги или лобка, может, на свой пенис. «Здесь», — говорит он. Я: «Тебе больно здесь чьей голове?» Он: «Маминой». Все это в присутствии совершенно пораженных родителей. Я тогда спрашиваю у матери: «Болит ли у вас иногда голова, мадам?» «Ах, да, у меня бывают менструальные мигрени. Всякий раз, как у меня менструации, с молодых лет это всегда так, я вынуждена оставаться дома на два дня, а так как я работаю секретарем в фирме давно, семь лет до рождения Пьера, меня знают, я могу оставить работу на два дня, а потом отработываю». — «И когда начались головные боли у вашего сына?» — «Он недавно пошел в материнскую школу, был сначала счастлив, а потом однажды утром его отвел в сад отец, я чувствовала себя

неважно, и моего сына привела обратно нянечка с запиской воспитательницы: "Ваш сын болен, он жалуется на голову". К счастью, я была дома. Я как раз осталась из-за менструации и головной боли».

Благодаря головной боли мать не ходила на работу. Поскольку он пошел в сад, он знал, что она вновь приступила к работе, оставленной ею с момента его рождения. Работа для Мамы, материнская школа для него, они давно договорились об этом между собой, а Пьер был очень умным ребенком. За три года мальчик хорошо узнал свою мать. И в этот день он понял, что это был день ее менструаций, у нее был этот запах. Соответственно, она не пойдет на работу. Тогда почему он должен идти в материнскую школу? Он хотел остаться с ней, потому что она оставалась дома. Он говорил слова, скорее звуки, имеющие для него магический эффект, те, что заставляли Маму оставаться дома. Но почему не его? «Голова болит». Но вот же! Эти звуки, эту последовательность слов приняли за выражение головной боли у него, его отвели в больницу, подержали там, искали там, искали здесь, после всех возможных соматических анализов, так как совсем не нашли ничего органического, его послали к психоаналитику. Голова, где? Там, где его половой орган. Голова чья? Мамина. Какая же там голова? Конечно голова, или la Mère¹, отрезанная, когда

¹ [Ba lelele — гоголова.]

там была кровь, как этот умный ребенок не мог не наблюдать, когда мать ложилась, а он был рядом с ней эти два дня ее менструации.

Эта маленькая история для того, чтобы показать, что слушать ребенка — это очень важно, но при условии понимать, что говоримое означает в том возрасте, в каком он находится. И это зависит от образа тела, который есть язык, и язык, который становится языком от имени ребенка лишь после усвоения полной автономии, и особенно после эдиповой кастрации. В этот момент у ребенка, который хорошо прошел через испытание, «его» речь несет ответственность за то, что «он» чувствует. Он не всегда может это сказать, но то, что он чувствует, он берет на себя, а вовсе не кто что сказал, проходные слова или слова воздействия на другого.

Связь трех составляющих образа тела, соединенных между собой динамическим образом тела, есть синоним безопасности. Их разъединение, напротив, может позволить влечениям к смерти преобладать над влечениями к жизни. Здесь критический уровень для нарциссической целостности Я и пред-Я¹.

Есть риск органической патологии, когда в результате разъединения нет больше референции к истории субъекта; тогда влечения к

смерти начинают преобладать, что по меньшей мере поддерживает, скажем, вегетативную жизнь тела. Когда очень хорошо занимаются телом ребенка, его потребностями, но не дают ему отсылок в его частных желаниях, удовольствиях, действиях к его отношению с отцом и матерью, с его будущим, его истории от рождения, для него это — как будто он имеет лишь организмическую ценность. Если только его тело и потребности находятся в центре забот о нем, тогда он приведен к необходимости делать вид, играть роль, какую ему предписывают, быть всего-навсего объектом. Например, им овладели непреодолимые потребности или у него нет чего-то материального или он должен терпеть, чтобы им занимались,

Напомним. Пред-Я обозначает сознание субъекта в схеме тела и в образе тела до первичной кастрации (образ тела еще без осознания половой принадлежности, но уже эрогенный, вследствие местной эрективности; схема тела, воспринимаемая как эрогенная в отношении с желаемыми объектами: эректирующий пенис для маленького мальчика, клитор и вагина как эректирующие для маленькой девочки).

чтобы ему что-то дали или что-то для него сделали. То, что он говорит, стереотипно: всегда конфеты, всегда игрушка, всегда пописать или покакать. В некоторых частных случаях отношения «мать—ребенок» — это боль в ушах, в животе или любая патомимия, лишь бы им занимались. Именно в это время только схема тела поддерживает ребенка в своего рода нарциссизме метаболических обменов. Если приходит настоящая боль, она может создать ему — в его аффективной изоляции — иллюзию, что он существует как субъект, его сделать внимательным к этому меняющемуся ощущению, которое только он воспринимает. Его примордиальный нарциссизм отсоединяется от сензитивного состояния хорошего самочувствия и соединяется с патогенным состоянием — болью, которая становится его спутницей, за неимением человека рядом с ним. Плохое физиологическое состояние может, таким образом, стать специфичным означающим воображаемого статуса отношения субъекта к чему угодно другому¹ при отсутствии другого человека. Воображение делает так, что одна часть тела — это как другое, и они занимаются друг другом, он своей болезнью, его болезнь им, посвящая его этой части тела². Именно так следует понимать символическую базу ипохондрии, невроза на границе с нарциссическим психозом, совершенно отличного от истерии: у истерика только одна цель — манипулировать другим человеком, в то время как ипохондрик манипулирует сам собой. Когда у него есть деньги и он посещает много врачей,

они оказываются беспомощными в отношении него, а он даже не получает от этого удовольствия. Они — свидетели его бесконечного общения с болезнью в его теле, которую невозможно поэтому вылечить. То же самое, что для некоторых невротиков и некоторых психосоматических больных, для которых излечение не должно полностью наступить: нужно только дать им облегчение, излечение было

' Что угодно другое? Значит голоса? Запахи? Антропоморфизированные тактильные образы, которые оправдывают — но они не могут об этом сказать — ранние фобии младенцев... также Боги и Демоны. У «разумного» взрослого эбнаруживается существование незавершенного периода первоначального нарциссизма, поддержанного хронической психосоматической болью: «Снова моя печенка пошаливает». Печень — это «что угодно другое», кроме себя.

' См. случай Тони, С. 340.

бы символом нарциссической потери, угрозой смерти для них. Они слишком совершенно одиноки. Эта хроническая разбитость, не являющаяся серьезной с точки зрения медицинского диагноза и не создающая для жизни больных опасности, сильно мешает их существованию и их отношениям, но необходима для них. Это форма любви к самому себе, и они одновременно являются мамой и ребенком (не правда ли, тема песни: «Удовольствие любви длится лишь миг, страдание от любви длится всю жизнь?»). Занимает любовь.

Сказать, что образ тела есть символическая инкарнация субъекта, означает, что там вписаны лишь символизированные переживания, т. е. те, у которых есть речевой смысл, смысл межчеловеческой коммуникации, во всяком случае те, что приобрели смысл для субъекта. Символизация, о которой здесь идет речь, является на самом деле предсимволизацией. Ибо символизация в собственном смысле слова наступает лишь с эдиповой кастрацией и доступом к символическому порядку Закона, одного для всех, без прерогативы для кого-то из субъектов по отношению к другим, кто был бы из него исключен. Действительно, только после эдиповой кастрации субъект может сказать «Я» от своего собственного имени, «Я» сын или дочь Н., фамилии, означающей его семейную принадлежность и подтверждающей запрет на инцест. Он знает о себе, что он индивид, рожденный от родителей, но отличный от отца и матери, от которых он произошел, и что он связан через них по происхождению с двумя семьями. Он получил доступ к ответственности за себя самого в обществе под именем, данным ему родителями, и фамилией отца, полученной от них, но которая управляет также их родом в соответствии с

законом страны, гражданами которой они являются. Что касается вытеснения фамилии отца¹, — лакановский концепт, — я думаю, что оно внедряется в очень раннем возрасте у ребенка задолго до эдиповой кастрации, в начале первичной кастрации, но я не изучала специально вырабатывания этого отсутствия патогенной предсимволизации для психической экономии. Вытеснение фамилии отца создает

Это вытеснение коррелятивно, как мне кажется, несформулированному отсутствию, отказу или покинутости сына в его связи со своим собственным родителем, что сосуществует с нарциссизмом по меньшей мере одного из двух родителей психотика.

психотический анклав, но даже сам этот анклав — гарант сохранения нарциссизма субъекта и особенно оральной этики, которая есть гарант сохранения и соединенности первых образов тела, дыхательных и пищеварительных.

Патология образа тела

в случае неудачи только отлучения от груди

Отлучение от груди не состоялось, если оно не привело ребенка к еще более богатому отношению коммуникации с матерью, чем когда он был на грудном вскармливании; и не только со своей присутствующей матерью, но и с матерью воображаемой, когда она отсутствует; мать, с которой он постоянно находится в разговоре своим гулением в играх, попыткой обозначить звуками все свои наблюдения и тактильные ощущения, как будто он находится в постоянной беседе с матерью.

Скажем еще раз, следствия плохой символизации отлучения от груди могут обозначаться у ребенка ужасами пожирания, которые мы, впрочем, находим в виде большего или меньшего следа у большинства из них. В темноте они воображают волков, крокодилов, которые могут их сожрать. Как будто оральные эрогенные зоны, которые не были в достаточной степени символизированы, могут «прогуливаться» в пространстве и схватить их как объект своего желания. Патология отлучения от груди развивается из-за ошибок матери при отлучении от груди, из-за нехватки слов, услышанных от матери, чтобы объяснить ребенку причину отлучения. Может быть также от страдания, которое испытывает мать, лишая себя удовольствия от сосания своей груди ребенком. Другая ситуация отлучения от груди, которая не позволяет символизацию запрещенных влечений в форме каннибализма по

отношению к матери после отлучения, имеет место при резком переходе ребенка, кормящегося грудью, в другое пространство, которое его разлучает на время нескольких кормлений и нескольких перепеленаний с матерью и вместо нее забота о ребенке возлагается на другую особу. Когда, например, мать отлучает ребенка от груди и в тот же день она его отдает в ясли или другой кормилице, ее малыш не может сохранить в целостности

усвоенный образ тела. Он оказывается ампутированным, по меньшей мере частично, от образа эрогенной зоны, даже части функционального образа полости (обоняние, слух, язычно-нёбный образ), удаленный вместе с матерью. Чтобы оральная эрогенная зона оставалась живой дальше, распрощавшись с частичным объектом — грудью, необходимо, чтобы ребенок сохранял сенсорное отношение с матерью, чтобы мать — тотальный объект — оставалась присутствующей, возвращалась достаточно часто и чтобы грудь, от которой он отлучен, была в его памяти. Для этого мать должна заниматься малышом, которого больше не кормит грудью по меньшей мере столько же, как раньше. Ребенок должен продолжать выстраивать свой образ тела, оральную зону, вместо того чтобы сосать и трогать грудь, открывать другие тактильности, вкусы, запахи пищевого функционирования в знакомом климате своего отношения с матерью, присутствие которой чередуется с отсутствием, возвращающейся, говорящей с ним, глядящей его, обращающей его внимание на все новые пищевые перцепции в знакомом континууме запаха, голоса, взгляда и ритмов, являющихся специфическими манипуляциями.

Переход к другому человеку, другому голосу одновременно с потерей груди и ухода матери, тем более, если это происходит в новом пространстве, чем то, в котором ребенок жил в течение месяцев с матерью, может оказаться достаточным, чтобы вызвать травму, разрыв в образе тела и послужить началом психоза у чувствительного и умного ребенка¹. Как эффект неудачного отлучения от груди может сохраняться на долгое время представление о неразрывности в образе тела отношения между ртом (язык, нёбо) и глотки-зева; из-за чего глотка наследует в силу сопряженности в схеме тела депривацию зева, поглощающего материнское молоко одновременно с вдыханием его запаха. Глотка может из-за отсутствия образа удовольствия отказаться от получения удовольствия от озвучивания фоном, ребенок еще кричит, но не «болтает» больше один в своей кроватке и.и на руках у матери. Это вызывает впоследствии такие нарушения, как заикание, задержки в речи или неспособность к обучению речи, вследствие зависания образов этой области, одновременно функ-

См. случаи Себастьяна, С. 223.

ционального и эрогенного, что происходит незамеченным в первые несколько недель после плохо осуществленного отлучения от груди, т. е. внезапного и неопосредованного словами любви, пришедшими на место тела к телу, и особенно, еще раз скажем, когда отлучение от груди происходит одновременно с отсутствием матери и потерей знакомого пространства. Воспользуюсь этим, чтобы дать соображение по поводу заикания: оно, я думаю, случается от резкой деструктуризации табу, идущего от орального возраста, после отлучения от груди без видимых проблем, в котором сублимация состоит в аппетите ко всем иным, чем материнская грудь, видам пищи и выработке новой бессознательной этики, построенной на табу на каннибализм. Это табу связано с фаллическими влечениями, симптом заикания выражает смятение ребенка, поставленного под сомнение образом или реальным опытом в его фаллической гордости, которое наталкивается в нем на невозможность регрессировать к активному образу орального пожирания не только груди, но тотального объекта, живого физического субстрата субъекта-матери.

Чтобы прояснить, я упомяну случай молодого человека восемнадцати лет, которого я наблюдала. Назовем его Жоэль. Заикание наступило, когда ему было три года. Он был тогда в чайном салоне с матерью и тетей, сестрой отца. Обе женщины ходили туда раз в неделю вместе с ним. Обе в этот день по привычке, как кажется, говорили с насмешкой о недостатках отца ребенка, супруга и брата. Вдруг Жоэль исчез под столом, соскользнув со стула. Он потерял тонус схемы тела через поставленный под сомнение фаллический образ тела. Он сидел на стуле, ел и переместился под стол, никто не понял почему. Его подняли, усадили за стол и, конечно, отругали. И вроде у него был ошеломленный вид. Все это мать припомнила, когда при анализе Жоэль вспомнил об этой сцене в кафе, сказал об этом матери и получил с ее стороны подтверждение точности его воспоминания. Однако это явилось оказией для первого заикания, заикания, которое не прекратилось и было ассоциировано с шоколадным пирожным, которое Жоэль ел, пока обе женщины закатывались от хохота, насмехаясь над отцом. Экранированное воспоминание, появившееся как представитель одновременно отвержения отца и заикания сына. Можно сказать, что Жоэль косвенно повлиял на фаллос как моторного стенического хозяина вертикального образа тела, настоль-

ко, что не смог сохранить сидячее положение и потерял управление фонацией¹, сублимацией орального фаллизма как совместимого с будущим мальчика. Нужно также сказать, что шоколад по аналогии с цветом — это образ анального экскремента. Были поставлены под сомнение возможности уретрального и анального фаллического переноса на владение речью и на скандирование воздушного столба. У Жозеля было особое заикание: вместо того, чтобы издавать звуки, он говорил как на вдохе, так и на выдохе. Это было характерно для его заикания. Он вдыхал столб воздуха в момент, когда хотел произносить фонемы, и настолько раздувал грудную клетку, что не мог задержать дыхание. Воздух, который он вдохнул, выходил с заиканием, как чужой при скандировании слов, которые он старался связать на выдохе одновременно с ветрами и звуками. Никакое обучение с детских лет не смогло ему помочь, и бог знает, что он с этим делал (он не заикался, читая тихо про себя и рассказывая наизусть стихи). Психоаналитическое лечение, восстановив его либидинозную историю, избавило его полностью от нарушений фонации, освободив образ тела до трех лет.

Помимо различных нарушений речи, важность орального периода и периода соединенной с ней кастрации, с новой этикой табу на каннибализм (оттеснение укусов) проявляется в том, что в провалах, маркирующих этот период, укореняются фобические неврозы, как я об этом подробно говорила выше. Распространенный паллиатив для такого фобического невроза находится многими детьми в частичном объекте, настоящем тактильном и имеющем запах фетише, соединенном с сосанием одного или двух пальцев. Назначение этого фетиша — вынести пассивные и активные влечения, удовольствие которых было прервано потерей из-за отсутствия матери без достаточного речевого опосредования с ее стороны. Для многих эта потеря может сказаться на том, что затронет голосовой, аудитивный или аффективный интерес по отношению к вербальному языку, недостаточно инвестированному при замене тело к телу, замене, играющей свою роль в отношении ребенка с матерью, затем с отцом. После отлучения от груди отец референт —

[Фонация — голосообразование.]

в еще большей степени у мальчиков — как тотальный объект, поддерживающий бессознательный образ тела в его развитии, и у девочек в такой же степени, как у мальчиков, нарциссизм поддержан отношением как с отцом, так и с матерью; иногда образ, обслужива-

ющий Я-Идеальное, есть суперпозиция как двухголовое целостное образование мама-папа или папа-мама¹.

Однажды инвестированный переходный объект не может исчезнуть у ребенка, чтобы тот не оказался в паническом страхе. Он выражает желание, которое есть у ребенка, сохранить тактильное пороговое ощущение груди во рту. К несчастью, это грудь, лишенная означающих слов и речи. Если он утратит этот объект, это будет, как будто он окончательно утратил бы не только рот и язык, но также более или менее значительную часть сущности Я-Идеального, которое для него соединено с любой полнотой образа тела. Он потерял бы тоже таким же образом свою связную уверенность бытия, ассоциированную с базовым образом бессознательного образа тела (в момент отлучения от груди в пять-семь месяцев это брюшина, грудная клетка, дыхательная и сердечно-сосудистая система), уверенность бытия в безопасной вегетативной жизни.

Патология образов тела, здоровых после отлучения от груди, в момент анальной стадии и индивидуализирующего хождения ребенка.

Патология анальной кастрации

Период научения хождению и телесной автономии в пространстве может быть в основе разрушения здорового до сих пор образа тела, иначе говоря трудность структуризации возникает на базе хорошего отношения между ребенком на грудном вскармливании и матерью, с ребенком, который до, во всяком случае, года полутора месяцев развивался без трудностей. Я понимаю под «здоровым образом тела» образ тела, позволяющий межчеловеческую коммуникацию, игровое и утилитарное обращение с предметами в соединении с опре-

¹ См.: Мо18 й Ыаипев (1967Ь) // А[0. — Р. 13—17.

деленной интенциональностью, творящей соучастие по отношению ко всему, что происходит, плодотворное отношение между ребенком и членами его семьи, при этом творчество и плодотворность имеют продуктивный характер в соответствии со стадией развития ребенка. Образ тела, позволяющий в целом развиваться ребенку как «продвигающемуся-становящемуся в духе своего пола» с нарциссизмом на своем месте в человеческом сообществе как его собственном.

Событийная деструктурация, о которой идет речь, случается с ребенком, у которого опыт и сделанные им открытия, присущие его возрасту, не были обозначены словами одобрения, призывающими, разумеется, к осторожности, но которые бы ему разъяснили, в то время как он испытывает желание добиться новых достижений, как необходимо для этого действовать и избежать больших инцидентов в мире форм. До ходьбы ребенок, в силу визуального и аудитивного внимания, уже участвовал посредством фантазматической идентификации с тем, на что он смотрел, во всех видах деятельности взрослых и старших по возрасту, двигающихся у него на глазах. Он приобретал опыт, если можно так сказать, посредством других. Это была антиципация его близкого будущего. С начала ходьбы ему нужно через трудности и неудачи, иногда инциденты и физическую боль свести образ тела — который он нафантазировал как всемогущий образ больших особ — только к тому размеру, который может реализовать он, маленький человек, только что принявший вертикальное положение и ставший автономным благодаря ходьбе. Речь идет о том, чтобы свести этот образ к реальности возможных приобретений опыта для схемы тела ребенка, еще неловкого в тазовой части, в нижних конечностях, вследствие позднего завершения развития спинного мозга у человеческого существа (два года четыре месяца — два с половиной года), отставание, ответственное за долгую двигательную нескоординированность у малышей человека и за детское недержание экскрементов.

Опыт реальности

Ребенок открывает путем экспериментов, иногда достаточно трудных, границы окружающего его пространства безопасности, пространство определенности, потому что он может перемещаться там без особого риска, и временные опоры, которые в своей продолжительности не отмеряются более только появлениями/исчезновениями матери. Он теперь сам, благодаря способности передвигаться и передвигать предметы, может менять внешний вид этого обрамленного мебелированного пространства, которое его окружает, и искать присутствие матери или избегать его. Следует сказать, что усвоение этой новой способности, за которой обычно следует автономия, — трудный период для ребенка и для матерей, особенно если они имеют беспокойный характер, и для многих отцов, которые иногда бывают еще более беспокойными, чем матери. Начиная со спонтанной ходьбы в положении стоя в возрасте год — год три месяца и до двух с половиной лет, способ выращивания и сказанные или несказанные

ребенку слова относительно его действий, комплименты или упреки, получаемые от матери относительно инициатив, заставляющих его действовать без ее помощи, внимание, которое она уделяет или нет, чтобы принять его иногда еще неумелое участие в делах, где он хочет ей помочь, ободрение или беспокойные предупреждения, получаемые им от инстанции-попечителя, свобода, контролируемая лишь взглядом с более-менее необходимой помощью, или, наоборот, ограничение физической свободы заключением в манеж или в замкнутое пространство, где нет места для сюрпризов, — все это имеет влияние на всю его жизнь человеческого существа. Полтора года — это, можно сказать, период «трогать—все», с трудом переносимый матерями. Четыре-шесть месяцев, которые следуют за ними, самые важные для воспитания, если они употреблены на обогащение речи в соединении со свободным двигательным экспериментированием в отношении доверия со взрослым. Вербализировать то, что интересует ребенка, на что он смотрит, старается дотянуться, трогает и берет в руки, создает у него богатство словаря, не для данного момента, но для более позднего на восемь-десять месяцев. Ребенок, «носимый» этой информирующей иницирующей речью, которую он получает от матери, знакомящей его с окружающим миром, может отказаться от спасительного ношения на руках. Он стал слишком тяжелым и может постепенно отказаться от физической помощи матери для своих потребностей. В год и десять месяцев, если с возраста ходьбы (двенадцать-четырнадцать месяцев) он смог натренироваться делать все, как взрослые, ребенок совершенно способен есть самосто-

"-6119

ятельно и оставаться чисто плотным, ловко брать то, что ему надо, пользоваться столовыми приборами, накладывать в тарелку, наподобие взрослым, если он «желает» принимать пищу вместе с ними. Он горд, если ему изо дня в день дается свобода справлять самому свои потребности в общих для всех отхожих местах, самому подтираться, если, разумеется, его научили это делать, оказывая помощь в течение необходимого времени, со временем — умываться, одеваться, самому раздеваться. Самому ложиться спать, когда его клонит в сон, давать спать другим, когда он не спит. Играть со всем, что он встречает, слушать песни и рассказы, постоянно задавать вопросы в уверенности, что ему ответят, и стать, таким образом, очень быстро уверенным в себе и в своей автономии.

Автономия ребенка

Автономия ребенка по отношению к имеющим права инстанциям в пространстве безопасности — это завоевание чувства свободы, чувства, неотделимого от чувства быть человеческим существом. Она зависит, главным образом, для каждого ребенка от терпимости по отношению к нему possessивного¹ нарциссизма матери или особы, приставленной для надзора за ним. Она зависит также от интро-екции этой терпимости ребенком. Очевидно, что ребенок, постоянно находящийся в манеже дома, носимый на руках или в коляске на улице, который не может попытаться сам исследовать в своем ритме окружающее его пространство, в то время как вот уже несколько месяцев, как он достиг мышечного развития, которое ему бы это позволило, находится в большой опасности: потому что делает лишь визуальные воображаемые эксперименты по доверенности, идентифицируясь с другим, без всякого реального эксперимента для своей собственной маленькой массы, эксперимента частичного объекта в пространстве, когда он разлучен с матерью, которая раньше его перемещала, носила сама или с помощью приспособления. Очевидно, что ребенок, вращенный таким образом как пленный, как только он

[Поссесивный: роззезию (лат.) — владеющий. Здесь: нарциссизм матери, овладевающей ребенком.]

сможет вырваться, либо вне дома, либо вне загородки дома, рискует стать жертвой несчастных случаев: у него нет никакого опыта ни своего тела, ни пространства, в результате мать, не толерантная раньше в отношении его свободы, становится к тому же беспокойной и постоянно его возвращает в манеж, «чтобы быть спокойной»; так, порочный круг упрочивается. Ребенок идет к полному отсутствию опыта своей схемы тела и в то же время развивает фантазм всемогущества чисто нарциссического орального образа тела, без двигательного опыта, что все более его делает неловким, неопытным; он окажется в большей опасности в тот день, когда ему извне никто не помешает, что для матери будет считаться безопасным, но для него патогенной тюрьмой. В этой тюрьме его анальные влечения без отдушины, пресеченные без слов, стало быть, не символизированные, усиливаются и употребляются в воображаемом оральном регистре (в двух измерениях) для того, чтобы фантазировать всемогущество при непознанной схеме тела, вполне здоровой, но участвующей в опыте как почти увечная из-за отсутствия отношений с функциональным образом тела, который ребенок выстраивает не опытным путем, а идентифицируя себя с другими, глядя, как они активно ведут себя и владеют

пространством. В воображении он приписывает свой неподвижный образ тела образам передвижения других, наблюдаемых и запоминаемых им. Он не становится Я—Я-собственное, он есть Ты, Я—Ты. Впрочем, многие из этих детей говорят о своих желаниях во втором лице: «Ты хочешь это, ты хочешь то», как если бы они говорили о себе, будучи другим. Это очень заторможенные дети с точки зрения моторики. После отлучения от груди, которое прошло для них хорошо, поскольку ребенок был в хороших отношениях с матерью и он терпел то, что она ему навязывала, не была осуществлена анальная кастрация. Воображаемая пуповина, могли бы мы сказать, которая все еще связывает мать с ребенком, ограничивает или освобождает ребенка в зависимости от того, с какой мирится мать, короткой или очень длинной. А есть такие, кто не терпит никакой свободы своего ребенка, и другие, кто умеет предохранить от несчастных случаев пространство вокруг ребенка и на этом участке свободы предоставить ему инициативу действовать и экспериментировать. Язык поведенческих действий, эмоциональных и вербальных проявлений попечительской инстанции в пересечении с игровыми и утилитарными эксперимента-

ми, которые ребенку нравится осуществлять, позволяют ему запоминать все, что мать ему объяснила относительно предметов в пределах досягаемости и адекватных способов для обращения с ними, чтобы это прошло без инцидентов и неудач. Это то, что способствует приобретению автономии. Для ребенка так выстраивается пред-Я, лимитированное осторожным пред-Сверх-Я, которое поддерживает и ободряет желание. Выстраиваемое пред-Сверх-Я — это интериоризированный голос матери или отца, Ты, к которому обращается ребенок как продвигающееся-становящееся Я. Этот голос, если он не терпит его инициатив, тормозит отношение образа тела со схемой тела. Если наоборот, он терпит его инициативы и вербализирует разные аспекты успеха или причины неудачи, субъект берет на себя рискнуть желанием последствием применения схемы тела для побуждений, которые мотивируют желание во внешнем мире. Интроецированный голос, хранящийся в его памяти, это как бы тот, который говорит ему перед новыми инициативными действиями: «Давай, ты можешь это сделать, Мама (или Папа) тебе бы разрешили, если бы она (он) была (был) здесь». Или наоборот: «Нет, тебе нельзя, это опасно. Мама (или Папа) это бы тебе сказала (сказал), она (он) это говорила (говорил)». Это, кстати, объясняет, почему то, что может быть нарушением запрета для одного ребенка, не будет таковым для другого. Каждый ребенок развивает свою автономию в соответствии

со словами-фонемами, их звучанием, тембром голоса, напряженного или веселого, беспокойного или радостного, которым мать сопровождала его первые инициативы. Мама была рядом, она видела, она сказала «да» или она ничего не сказала, значит в следующий раз я могу пойти дальше. Мама меня видела, она рассердилась, значит не нужно возобновлять. Это внутреннее интериоризированное слышание создает для ребенка безопасность или наоборот, в соответствии с тем, сопровождался ли контроль над ним страхом или нет, понравились ли его двигательные каждодневные эксперименты или нет, в зависимости от того, соответствовали ли запрещающие слова матери и способ их произнесения, крик, угроза ударов или угроза отца, жандарма, черного человека и т. п. реальной опасности, которой подвергал себя ребенок.

Действительно, если однажды случайно или под влиянием сильного импульса ребенок нарушает слова запрета и преступает через искусственные стены, воздвигнутые вокруг него, и

он одержит удачу, при этом не реализуется ни одно из объявленных пророчеств несчастья, тогда он утрачивает любое Сверх-Я, а значит всякий критерий безопасности и, следовательно, осторожности. Поскольку Мама ошиблась или его обманула, больше нет Мама в смысле отсылки к имеющей права инстанции. И нет необходимости заниматься безопасностью. И тогда инцидент или внешний по отношению к семье человек или, факт более прискорбный, несчастный случай принесут либо вербальное ограничение, либо преграду закона, преграду природы вещей ребенку, который более не контролируем и который, не зная того, из здорового желания жить находится в опасности, не имея более доверия к родителям. Мы видим, что в нюансах поведения заторможенного ребенка, осторожного ребенка и неконтролируемого, представляющего опасность для себя и других, выражается образ тела, ведущий свое происхождение от способа выраживания и воспитания ребенка родителями.

Символизация реальности

Реальность символизируется в соответствии с двумя большими измерениями — временем и пространством, в отношениях ребенка с матерью. *Пространство безопасности* — то, что предоставлено его свободе и которое мать инвестировала словами. Эти хранящиеся в памяти слова присутствуют у него как разрешительные и вспомогательные во всех занятиях, которые он для себя находит в этом пространстве в ее отсутствие. Напротив, из-за уменьшения пространства

безопасности, вследствие слов, касающихся трогания, действия, двигательности, и ограничения своего свободного жизненного пространства, ребенок чувствует, что его желания и инициативы вызывают страх матери. *Длительность разлуки с матерью* и любым другим человеком-попечителем также является референцией для его безопасности. Эта длительность может быть совместима или несовместима с необходимым ритмом для эйфорических встреч после периодов исчезновения: это зависит от детей, но также от фрустрации, которую чувствует мать в разлуке и которую они ощущают. В лучшем из случаев эта разлука есть знак свободы ребенка по отношению к матери: это не отказ от него, как только она его предупредила и он в безопасности с знакомыми ему людьми. Они вновь встречаются с

радостью, если, по меньшей мере, мать отсутствовала не очень долго и если это не вызывает у ребенка страха, тормозящего его желание свободы. Автономия может быть завоевана лишь в безопасности, связанной с любящим вниманием владеющей правами инстанции. Все знания ребенка, некоторые приобретенные из желания переступить через запрет предыдущих незнакомцев, другие в климате доверия инстанции-попечителя, все эти знания, полученные из опыта, в игре, доставляют ему новые ощущения, приятные или неприятные. И это ощущение организует *образ тела на пересечении со временем и пространством схемы тела*, какими являются для ткани нить и основа. И эта ткань отношений между его желанием и окружающим миром, что ему удастся или не удастся подчинить себе, структурирует то, что я назвала *первичным нарциссизмом*. Все это происходит в период, когда заканчивается неврологическое развитие спинного мозга. Он приносит сенсорно-двигательную способность, с которой ребенок с удовольствием экспериментирует, получая тонкие ощущения ступней ног, перинея и всей уро-ано-генитальной области, в том числе сенсорные референции сфинктерной континентности, которой он управляет для своего удовольствия. В это время ребенок играет в «произвольно задержать и выпустить свои экскременты», даже если он уже был относительно чистоплотен, как говорят матери, т. е. континентным через внимание, которое мать уделяла его функциям испражнения, и удовольствие, приносящее безопасность для неопытного и неврологически незрелого малыша, быть зависимым от нее.

Воспитание на анальной стадии

Сфинктерная континентность наступает спонтанно у каждого ребенка в силу того, что это высшее млекопитающее. Все млеко-

питающиеся континенты по природе с момента неврологического завершения. Таким образом, эта континентность не имеет сама по себе никакого культурного значения. Но культурное значение возникает как вторичное, когда ребенок обнаруживает, что континентность, когда он играет, чтобы ею владеть, служит для его удовольствия, а также позволяет удовлетворить маму или манипулировать ею. и она живо реагирует на то, что называет «несчастными случаями в штанишках», и которые вовсе не бывают с двух с половиной лет

несчастными случаями, но доказательствами удовольствия в чистом виде, полученного ребенком от анальных влечений. Через идентификацию со взрослыми и из удовольствия стать «как они» ребенок, отныне неврологически совершенно способный к контролю за сфинктером, желает ходить, как и родители, в туалеты, предназначенные для испражнения для всех, маленьких и больших. Он давно уже это наблюдал; и если он получил ответ на вопрос, что взрослые ходят делать в эти отхожие места совсем одни, то он тоже в один прекрасный день в возрасте двух с половиной лет и больше захочет повести себя как взрослый. Так, за два дня континентность сфинктера приобретена и для того, чтобы нравиться себе, а не кому-то другому.

Матери, запрещающие ребенку свободу пользоваться сфинктером лишь потому, чтобы он не запачкался, и до того, как у него не появится анатомическая возможность, сенсорная, сенсорно-моторная, контролировать неврологически свои сфинктеры и испытать удовольствие, связанное с этим контролем, делают, как будто они ему запрещают индивидуироваться по отношению к ним, знать успокоение тела и интересоваться тем, что вызывает его вопросы, и что ему нужно овладеть физическими средствами для своего удовольствия.

Дать возможность ребенку развиваться в собственном ритме — один из ключей для выращивания детей, если мы хотим предупредить будущие нарушения отношений с самим собой (т. е. нарциссические нарушения) и с другими. Мама, которая своими словами принуждает ребенка к потребностям, мешает им удовлетворяться в его ритме, которая ругает ребенка, что он описался или обкакался, принуждает его в это же время к торможению, хотя она не была на это нацелена. Она нацеливалась на «писи» и «каки», а это касается глобально физической ловкости и ловкости владения рук, иногда даже ловкости речи, легкости самовыражения. В нашу эпоху «трогания-всего» ребенок имеет потребность для всех предметов, которые он хочет трогать, чтобы его научили технике это делать, через слова матери или кого-то другого из семьи, показывая ему, что у него есть руки, как они есть у взрослых, конечно они меньше, но они могут

быть более проворными, хотя они и менее сильные. Если он с умом пользуется руками, то получает те же результаты, что и взрослые. Если он делает что попало и как попало, он не достигает цели. Это обучение осязанию через слова, сопровождающие интерес

ребенка к обращению с предметами, составляет гораздо более важное воспитание, чем приучение к чистоте сфинктера; это воспитание символизации уретральных и анальных влечений через перемещение частичного объекта на все вещи. Но для многих матерей лишь чистоплотность и хорошее питание составляют их воспитание. Они пытаются отвлечь, как можно грубее, внимание ребенка от «каки» и «писи» (частичный анальный объект), не проходя через транспозицию интереса к сфинктеру на руки, которые раньше были руки-рот, а теперь стали руки-анус, и которые через осязание и обращение с различными предметами, часть из которых составляют вода и песок, получают удовольствие на пересечении с удовольствием ума. Мысли, которыми ребенок сопровождает все, что делает своими руками, являются сначала воображаемыми представлениями, затем символизацией, благодаря словам окружения, и ребенок с удовольствием их повторяет в соединении со своими игровыми занятиями. Его желание «делать», «ломать», «снова делать», «бросать», собирать — все это физическое и операционное удовольствие проистекает из перемещенных анальных влечений, от удовольствия перистальтизма по отношению к твердому или жидкому частичному объекту, каким являются испражнения, на все предметы в его обращении, которые постоянно в распоряжении ребенка.

Нельзя удалить интерес к уроанальному удовольствию, где включено — по случаю повторяющейся потребности в соединении с удовольствием совершаемого матерью туалета — желание к коммуникации от субъекта к субъекту, и первый частичный объект (испражнения) не замещен, более того, другими.

Запрещение желания или делания, связанного с удовлетворением (каким бы оно ни было) желания, и при этом у либидо не было бы другого выхода, чтобы смягчить напряжения, подвергает опасности витальность, ум и чувствительность человеческого существа.

Континентность сфинктера

Именно в то время, когда ребенок достиг высокой степени обращения рук с водой, землей, всеми предметами, опорами его фантазмов, происходящими от его желания, коренящегося в анальных влечениях, в играх на двигательную подвижность тела, гибкость, и

он этим занимается один или в компании других детей, континентность сфинктера наступает совершенно нормально, самое раннее к году десять месяцев, обычно в два года один месяц — два года три месяца. У девочек раньше, чем у мальчиков, самое раннее в год семь-восемь месяцев, по другим причинам — полная независимость аппарата испражнения от генитального аппарата. (Континентность сфинктера может быть спрошена с девочки раньше, чем с мальчика.) Все приобретения, связанные с руками, составляют часть удовольствия жить у ребенка, который любит попечительскую инстанцию и способен опережать свои достижения, чтобы доставить удовольствие матери или отцу. Но не нужно, чтобы опережение было экцессивным. Если это еще рано, первое аффективное испытание в обществе рискует повлиять на потерю континентности сфинктера, приобретенной подчинением и зависимостью от взрослого не из удовольствия, которое он сам, независимо от взрослого, там находил.

Чувство человеческого достоинства возникает очень рано. Любое действие и любые слова, которые не считаются с этим чувством, калечит желание автономии ребенка, как будто тот виновен за свое желание расти, управлять своими потребностями, открывать для себя удовольствие справляться самому в функционировании своего тела в пространстве, что делает возможным изо дня в день неврологическое развитие его схемы тела, заканчивающееся в два с половиной года.

Континентность сфинктера, автономия в удовлетворении потребностей испражнения составляет часть осуществления им человеческого достоинства. Ни больше ни меньше как автономность для деятельности и отдыха, для самостоятельной еды и из удовольствия, пользуясь способами, увиденными в качестве образца у старших и взрослых.

Для того чтобы овладеть этими средствами жестовой автономии, интегрирующими ребенка в группу своих родных как человеческое существо среди ему подобных и ими уважаемого, необходимо, чтобы к нему не относились как к домашнему животному, подвергаемому повелительным вербальным распоряжениям, нужно, чтобы открываемое им каждодневно удовольствие от автономии, рискуя иногда неудовольствием, неудачей, когда он еще не совсем чувствует себя уверенным в координации, не было утаено от ребенка вследствие удовольствия, которое он в своей зависимости дает взрослому: зависимость, от которой он должен освободиться; еще не нужно, чтобы удовольствие от автономии было вменено в вину взрослому, у которого есть ради собственного нарциссизма потребность в зависи-

мости ребенка, во власти над ним, и он ощущает беспокойство перед той свободой жить, которую ребенок хочет взять на себя.

Все окружающие его конфликты в выращивании и первом воспитании, усвоение автономии и дисциплины сфинктера происходят от противоречий в желании между ребенком и матерью кормилицей воспитательницей, от посягательств, бессознательно или сознательно причиняемых матерями чувству человеческого достоинства своего мальчика или девочки.

Ключ этому — затруднение, в которое они вводят ребенка, или не замечают, когда он сам его себе создает, между его возрастным состоянием, неврологической беспомощностью в управлении своим сфинктером и стыдом, который он может или должен испытывать. Спонтанный стыд ребенка, свидетеля своей беспомощности, или вменяемый и культивируемый стыд — увы! — как средство воспитания матерью распространяется по смежности на все естественные ощущения удовольствия, даваемые областью, которая также является генитальной областью, этическое, эротическое и эстетическое значение которой должно быть сохранено, но выведено из-под родительского, которое интуитивно ощущается ребенком как инцестуозное.

Возвращаясь к нарциссизму, связанному с образом тела, функциональное в нем тесно соединено с чувством человеческого достоинства. С функциональным соединены также все победы по освоению себя и пространства, постепенно становящиеся возможными ребенку, который от этого испытывает удовольствие задолго до того как его заверенное неврологическое развитие (два года четыре месяца — два года шесть месяцев) сделает его физиологически способным.

Делать экскременты, как это делают взрослые, т. е. в том же самом месте и тем же самым образом одному, а не с помощью матери, — любой ребенок горд этим. Преждевременная чистоплотность сфинктера требует помощи матери или кого-то другого. Когда она наступает в свое время, ребенок быстро разбирается с этим сам, и оно для него имеет гуманизирующее значение.

Опорой в том, чтобы знать, не слишком ли рано начинать требовать от ребенка произвольной континентности сфинктера, — это демонстрируемое им умение и получаемое удовольствие подниматься и спускаться самому по стремянке или лестнице, так же как и удовольствие от игры в течение длительного времени в положении на корточках. Это доказательство, что неврологическая система спинного мозга достаточно развита, чтобы учитывать одновременно координацию и сенсорную моторику ради собственно удовольствия.

Высаживание ребенка на горшок раньше времени ведет к риску важных психомоторных задержек или еще провоцирования навязчивого психоза. В целом важно, чтобы требуемые родителями от детей достижения были для них осуществимы приятным способом. Важно также, чтобы отец и мать накладывали на детей лишь постепенно меняемые запреты, в соответствии с их ростом и их нейромышечной координацией.

Важно, чтобы дети получали ободрение, когда они подвергают себя небольшому риску, поздравления, когда им удалось что-то или попытались сделать что-то, но из-за маленького инцидента потерпели неудачу. Неудачи носят формирующий характер, если их принимают и над ними размышляют. Перед трудностью, встреченной в отсутствие родителей, ребенок должен суметь себе сказать: «Ах, да, Мама или Папа мне говорили, что это было немного трудно»; тогда перед лицом неудачи, его оскорбляющей, он утешает себя, как это сделала бы его мать, если бы была здесь, по поводу его данной беспомощности с доверием к будущему. Он знает, что каждый день он развивается. Потрясающий момент в открытии мира ребенком в развитии его двигательности, особенно когда он убеждается, что от этого развития все счастливы.

Ошибочные суждения, неудачи в действиях не должны вызывать чувства виновности или неприятия. Эти депрессивные чувства, как и, наоборот, презрение к реальности и перебрасывание ответственности на других, преграждают путь пониманию вещей и инвестирование схемы тела; и то, и другое есть плод самого начального воспитания, протекавшего в страхе и вызывающего чувство вины ребенка уже в возрасте года и восьми месяцев и в течение месяцев, предшествовавших первичной кастрации (два с половиной — три года).

Анальная кастрация и ее сублимации

Очень маленький ребенок хорошо понимает, что запрет ему дается на данный момент, но что в следующий раз ему скажут: «Сейчас ты можешь, ты подрос, ты не мог раньше, ты можешь сейчас». Или наоборот, когда речь идет о социальном согласии добрососедства, например: «Это не разрешено другим, это также не разрешено тебе, это не было бы разрешено мне, если бы я играл в ту же игру, что и ты»; запрет вытекает в данном случае из правил социальной жизни, он не относится к личности ребенка, к его неумению, он относится к такому месту и таким правилам, одинаковым для всех или по меньшей мере для детей твоего возраста, правила применяются в этом месте

инстанцией более высокого уровня, чем родители, и не нацелены на него лично. Когда какая-то вещь запрещена ребенку, доверяющему родителям, он принимает это напряжение, потому что знает, что оно нацелено на то, чтобы избежать большего риска. Это может быть неприятно, но это не оскорбляет в силу того, что не воспринимается как несправедливость. Когда что-то запрещено всем и на длительное время, ребенок знает, что это по причинам общего интереса, который выходит за рамки частного интереса каждого, включая и интерес его родителей. Важно победить стадный инстинкт, столь легко эксплуатируемый у человеческого существа, стадного млекопитающего, и воспитать его гражданское и социальное чувство, принятие правил без запрета на их критику.

Пройдя через анальную стадию, ребенок должен будет в любом случае принять запрет брать без спроса и не возвращать после пользования то, что принадлежит другому, и даже то, что принадлежит семейной группе. Если его человеческое достоинство соблюдается на словах и на деле, он вполне интегрирует запрет на любое поведение в ущерб другому, запрет со знанием дела наносить себе вред и вредить другому. *Этот запрет на кражу, завладение, агрессию по отношению к людям или предметам, принадлежащим другим, должен быть ему вербально означен.* Ребенок понимает и вполне допускает эти ограничения на его влечения, когда он видит, что и взрослые подчиняются этим правилам, особенно если не используют по отноше-

нию к нему физическую силу, обращаясь с ним как с животным или объектом обладания в их распоряжении.

Само его тело до сих пор было неизбежно «объектом» его родителей. Каково детям, когда они по-настоящему причиняют себе сильную боль? Достаточно, чтобы мать нанесла немного меркурохрома, положила ладонь на больное место, чтобы они совсем ничего не чувствовали; и тем не менее нужно несколько дней, чтобы эта рана, этот ожог зажил. Отныне *запрет покушаться на собственное тело или подвергать его смертельному риску должен быть сказан:* и это животворно для ребенка, это означает оказать доверие в нем субъекту, личности. Некоторые дети в лучшем и худшем рассматривают себя как объект матери, отца, обслуживающего опекуна. Важно *их пробудить для ответственности за самих себя. Это очень важный момент между выращиванием и воспитанием.* Тело ребенка само по себе в реальности не является частным предметом, принадлежащим матери или отцу или другой особе: это либидинозный объект для того, что есть у него удовольствие оральное (воображаемое и сенсорное), анальное (моторика), нарциссическое удовольствие в границах

кастрации — запреты соотносятся с оральным и анальным, — что составляет гуманизацию ребенка. Но для этого нужно, чтобы мать тоже (и отец также) согласилась быть анально кастрированными от своего ребенка. Что это значит? Что у нее нет потребности все время в своем ребенке для орального и анального удовольствия, т. е. нет потребности получать наслаждение от его присутствия, действовать в зависимости от него, потребности следить за ним, целовать его, тискать, манипулировать им, одевать, раздевать, украшать, мыть, укладывать, когда это ей нравится... Напротив, ребенок призван справляться сам со всеми жестами, которые он может изо дня в день усвоить, что он может делать сам и что он желает делать сам. Необходимо, чтобы мать интересовалась им, чтобы она, разумеется, не была безразлична к его успехам. Если же, сказав: «Ты можешь делать сам», она им больше не занимается, он чувствует себя покинутым и больше не знает ничего. А ему ведомо самому по взгляду матери и сказанным ею словам, что предоставленная свобода есть

отношение ее с ним; и это тогда он сам о себе заботится, как она, с ее разрешения и вначале по необходимости с ее вербальной помощью. Ему необходимо, чтобы она присоединилась в словах к его радостям, успехам, когда он приходит ей об этом сказать; и чтобы она посочувствовала, утешая его, по меньшей мере, в словах, а иногда своими мамиными жестами, ее успокаивающими ласками, когда он предпринял эксперимент, оказавшимся трудным для него, но зато хорошей наукой. Она может, утешая его, вербализировать факты, не давая оценок, не ругая его, потому что он потерпел неудачу. И никогда не обвиняя другого, если он ей сказал, что в неудаче виноват тот. Пришло ли это из отношения между ним и другим? Это было бы необходимо понять, если можно. Все это означает для ребенка, что его рассматривают как существо в постоянном становлении, спроецированное в будущее в воображаемом его отца и матери, становящимся большой девочкой, большим мальчиком и в скором времени мужчиной или женщиной, что он признан взрослыми-попечителями как субъект, движимый желанием, со свободой и фантазмами которого считаются. Ребенок проговаривает почти все, что он делает. Это не для того, чтобы быть услышанным взрослым: он не может делать иначе. Он говорит о том, что делает, потому что таким образом он гуманизирует свои действия; но если то, что он говорит, используют против него или даже чтобы выслеживать, что он делает, думает, это разрушает свободу, которую он для себя создавал. Он чувствует, когда он выращен так, как я только что сказала, что он уважаем как живущий представитель настоящего желания взрослых.

Он себя чувствует их сыном или их дочерью в их взгляде, когда они встречаются по его поводу, и это подготавливает идентификацию со взрослым его пола. Что будет в скором времени для него возможным, когда осуществится, благодаря неврологическому развитию (к двум с половиной годам), это обещание его двигательного и гуманизованного существа. До сих пор отец и мать воспринимались как Я-Идеальное, двухголовое, попечительское (это может то, что в школе Мелани Кляйн называется «комбинированный родитель»).

Патогенное влияние на ребенка оральной и анальной эротизации родителей. Ее ретроактивное влияние на отлучение от груди с калечащим эффектом

Мать, для которой собственно тело ребенка есть либидинозный, оральный, анальный объект, который находится в ее неограниченной власти для собственного удовольствия, который она целует и с которым играет, как с куклой, она его пожирает глазами, осыпает ласками, не дает играть ни во что, кроме того, что ее саму забавляет, она проявляет, что осталась сама пассивно на уровне развития анального и особенно генитального запрета, и ребенок играет для нее роль домашнего животного. Это ее кукла или «моя лепешка», как она его называет, смачно целуя. Ребенок не может тогда развиваться без фобий и навязчивости, и его симптомы связаны с этими двумя детским *неврозами*, которые настолько затрудняют его адаптацию вне семьи, что его вынуждены показать психоаналитику (еще счастье, если его покажут).

Навязчивость — это средство, чтобы остановить либидинозное развитие, отсылающее к анальной этике, где запрет касается всех частичных объектов удовольствия. Ребенок начинает быть по отношению ко всем окружающим вещам как будто это «кака», запрещенная матерью, тем более запрещенная, что если она зовет ее «моя лепешка», это доказывает, что только он сам — стоящая «кака». Он тем самым инвестирован эрогенной властью матери, властью, которая его тормозит все более, потому что патогенным является для ребенка быть эротическим объектом для матери и особенно архаичным эротическим объектом, у которого нет в качестве образа развития генитальной установки женщины по отношению к мужу или мужчины по отношению к жене. Влечения к жизни этого ребенка задают динамику блокирования, подобно проигрывающей без конца одну и ту же дорожку пластинке: «брат», есть, или конфета, «не

трогать», «пипи», «кака»; и для аффективного отношения поцелуй, если ребенок ням-ням, т. е. «миленький», и шлеп-шлеп, если он «плохой» (кака для нее), т. е. если испачкался. Что еще усложняет это поведение «не трогай» относительно всего, что матери кажется грязным, то, что эти слова говорят по отношению

к пенису ребенка, которое в некоторых случаях настолько навязчиво, что он не может писать сам. И мать в случае мальчика достает его член из штанишек, чтобы дать пописать. Или он должен писать сидя, как девочка. Что касается девочки, она не может подтираться сама, потому что нельзя трогать, это ей омерзительно (и мальчику тоже). Эти фобонавязчивые привычки некастрированной матери фрустрируют вместо того, чтобы дать символическую кастрацию. Мать (или педагог), воспитывающая таким образом ребенка, ощущает страх в силу вытесненной собственной генитальности, она находится в западне регрессии к фетишистской фиксации на своем ребенке под предлогом материнской любви; она выражает педо-фильный эротизм. Она изопряется, чтобы отдалить использование ребенком своего ума из страха, что он заинтересуется своим физическим функционированием и половым органом. Мать вызывает у него чувство вины за любознательность (эпистемологическое влечение), лежащее в основе человеческого разума. Когда он задает вопросы о половом органе и экскрементах, она не отвечает или говорит: «Замолчи, это нечистое, это некрасиво задавать такие вопросы, об этом не говорят». Всякий раз, как ребенок ощущает инициативу, у него немедленно есть пред-Я, которое вторгается, как будто при интенции движения, что-то ему говорит: «Внимание, крокодил, не иди туда, прочь лапы!» Из-за переоценки оральных влечений («есть» требует расчленения) все может быть разрезано, разделено на кусочки, в том числе и он, все таит опасность, фрустрированное человеческое пред-Я запрещает индивидуацию, сводит себя к роли домашнего животного, выдрессированного по желанию хозяина, взрослого-покровителя и в этом извращается; желания субъекта проецируются тогда в пред-Я, о котором говорят, воображая эрогенную зону, оральную, алчную, пожирающую, фрустрирующую от желания и калечащую, секущую пальцы, которым вздумается прогуляться там, где Мама сказала не трогать. Вначале ни у одного ребенка нет расчлененного образа тела. У него есть оральное функционирование, расчленяющее элементы внешнего мира, именно так он глотает, и анальное функционирование, которое делит на части элементы внутреннего мира, чтобы его экстериоризировать — там он делает «кака». Постоянное повторение

опыта своих потребностей ввода и выведения сопровождается делением на части частичного объекта (орального

и анального), но этот телесный опыт не проживается как отношение субъектов. Для того, чтобы было отношение субъектов, нужны слова, касающиеся других видов деятельности, нежели обращение частичных объектов тела и от тела к телу. Для ребенка мать все еще тотальный объект, я об этом говорила, объект, который иногда представляется как двухголовый, папа-мама, мама-папа, с которым ребенок идентифицируется, не зная еще, что он всего лишь одного пола, подобно одному из двух взрослых. Он, значит, не расчленен на куски. И это мать своим воспитанием приводит к воображаемому раздуванию дентального или анального расчленения для частичного объекта в силу того, что делает из ребенка свой частичный объект. Она уделяет внимание лишь потребностям ребенка и оставляет ему роль функционирующего тела, а не субъекта, берущего на себя свои инициативы: и кроме как о потребностях, предполагаемых или реальных, и ухода за телом, она с ним не разговаривает. Так, субъект может жаждать дать удовлетворение матери, придавая себе большое значение путем расчленения самого себя на куски. Если он ценится, то потому что он маленький кусочек либо пищи, либо «каки», и мать становится для ребенка в воображении раскусывающим ртом, посредством которого у него есть потребность быть постоянно целуемым (подражание для «есть»), или рассматриваемым (съедаемым глазами), или слушаемым, или еще носимым. Он ее «бибика», «киска», «котик», «игрушка», «лапочка», во всех случаях ребенка, девочку или мальчика, не называют по имени; у ребенка-объекта куча прозвищ, на самом деле кличек, которые для матери выражают ее нежность к объекту, которому она отказывает... по правде говоря в качестве человеческого существа. Ребенок становится жертвой по-настоящему извращающего желания, которое делает из этого маленького мальчика или маленькой девочки эротический объект обладания своей матери.

Если оба родителя ведут себя таким образом, ребенку как живущему практически запрещается пребывание в своем времени в их пространстве. Нужно, чтобы он жил в остановленном времени. Нужно, чтобы он вел себя как личинка, статуя, ходячий фаллос, без головы и ног: потому что Папа и Мама действительно являются для ребенка (в соответствии с его магической анальной мыслью, которая не экспериментирует с сенсорной и пространственной реальностью, но с

воображением орального возраста) секущими ртами или следящими глазами. Ребенок может быть «испорченным» в смысле попадания в пропасть в зове желания матери или отца (менее часто, должна сказать, отца, потому что он обычно реже бывает дома). Это то, что происходит, когда супруги попадают в западню поглощающей или отбрасывающей фасцинации, которую может оказывать на них ребенок, красивый или обделенный природой. Каждый ищет заполнения недостающего тому, беря под свою защиту, выставляя его напоказ, подсмеиваясь над ним, задаривая, сверхудовлетворяя, чтобы он не шел на риск искать в другом месте ответ на внутреннюю нехватку для своего желания. Без него брак бы не продлился. Для каждого брак — обман фаллоса. Однако в ребенке, признают его или нет, субъект постоянно присутствует, мы не знаем где, с самого зачатия; и поскольку есть субъект, т. е. желание витального соединения с Оно, с совокупностью влечений, исходящих от генетического капитала, представленного в присутствующем теле: в этом и есть основание для психоаналитического лечения; можно даже сказать, догмат веры — сознательный или нет, предварительный для каждого психотерапевта, без которого он не мог бы заниматься этой профессией. Субъект присутствует, мы не знаем где, но если есть тело, есть субъект. Если для него является невозможным выразить себя в теле, это и требует психотерапевтической работы. Речь идет о том, чтобы восстановить историю плохо-живущего, чтобы помочь ему обрести пройденный путь и сообщить в общении с нами свое собственное желание через схему тела посредством образа тела, которое не эволюционировало, но осталось нарциссически способным к возрождению.

Однако это желание иногда не может ни проявить себя, ни даже быть вообразимым ребенком. случается, что ребенок полностью составляет своей персоной, как плюшевый мишка, как кукла, частичный объект взрослого-воспитателя-попечителя. И однако где-то существует субъект со своим собственным желанием, прикрытым, но который отслеживает в своих пассивных влечениях момент, где его кто-то найдет; или это субъект, который за маской осторожного безразличия, вследствие заполонившего фобического состояния, охвачен активными влечениями и желает общаться через них с тем, кто согласен быть полностью пассивным в его присутствии и находиться в его распоряжении. Именно эта готовность к встрече с самыми архаичными влечениями человеческого существа составляет суть *a rnon* психоаналитического переноса. Особенно у детского психоаналитика. Иногда есть пороговые доказательства желания субъекта, фонемы, которые он осмеливается произнести, которые не есть еще крики или

улыбки, т. е. не посредством знакомого кода, ни даже фонемы, аудитивно близкие фонемам родного языка, но, возможно, такие как природные шумы, имеющие для него смысл знаки, чтобы быть разработанными и совмещенными в силу символической функции с ощущениями висцеральной жизни в моменты одиночества. Так, шумы машин, сирен, ударов рабочих или каменщиков, которые он слышит и которые для него по причине того, что эти перцепции внешнего мира скрещиваются с перцепцией его тела в напряжении потребностей или фантазмов желаний, становятся означающими этого, невозможными для декодирования. Знать об этих сонорных, жестовых означающих, ставших компульсивными симптомами, что они имеют человеческий смысл, который мы не ухватываем, и об этом ему сказать, необходимо. Это означающие, имеющие значение для него одного, я думаю, что он даже не знает, почему их выбрал, и затем по мере их повторения он их дает как означающие. Не становятся ли они магически заклинающими, необходимыми, чтобы удержать ребенка в реальности эфемерным соединением ощущения, пришедшего из внешнего мира, к тому, что к нему остается привязанным, а именно: клочки фантазмов. Символическая функция, которая более не соединяет эти субъекты с миром говорящих, соединяет их все-таки с космическим миром, с природой, с окружающими предметами. Эти дети очень изолированы, их называют странными, с задержкой в речи; в реальности они в предпсихозном состоянии, которое усугубляется, если их оставить дальше в их изоляции. Это неудачники воспитания с года до двух с половиной лет — анальная, двигательная и этическая фаз. Как раз в этом возрасте семьи сталкиваются с неизбежностью с самыми большими трудностями в воспитании. Вначале ребенок заторможен в своем желании, и ему позволяют его удовлетворять как попало, в зависимости от того, требовательные ли родители или невнимательные; решающую роль, таким образом, играет их поведение по отношению к ребенку, но вторично он уже не в контакте с ними, и одни они уже не могут ничего, чтобы ему по-

мочь. После нескольких неловких экспериментов, после нескольких неудач, встреченных им в попытке сделать «как большие» вокруг него, тот же самый ребенок может оказаться примиренным с собой, благодаря словам, сказанным ему щедрым образом родителями, которые поняли с чьей-то помощью (психоаналитика), с кем они говорили, что привело их ребенка к изоляции. Иногда родителей, даже при чьей-то помощи, недостаточно. Контакт окончательно нарушен и требуется по-настоящему провести лечение ребенка, оно длительное и возможно лишь, если ребенок испытывает страх, что не всегда бывает.

Этот «марсианин», как говорят о нем родители, иногда удовлетворяется своей жизнью в воображении.

Структура ребенка, называемого психотиком

Три образа тела: базовый, функциональный и эрогенный, которые, соединяясь в каждый момент одни с другими, составляют связность человеческого существа, сохраняющего свой нарциссизм, могут «срикошетить»: вместо того, чтобы они сохраняли человеческие этические ценности, как те, что он должен был приобрести после отлучения от груди, так и те, которые ему предстоит открыть во время анальной кастрации, ребенок игнорирует тогда или инвертирует такие этические ценности. Он послушен этике архаичных фантазмов, совершенно неадекватных не только своей теперешней схеме тела¹, но дисфорических по отношению к образу тела, соответствующего значительному большинству детей его возраста. Например, у него двойное косоглазие или он стремится трогать, даже взять тыльной стороной ладони или только ртом или еще, когда он хочет пойти, но вместо того, чтобы раздвинуть ноги, что позволило бы поставить одну ногу перед другой, он их перекрещивает и уже больше не может идти, его надо нести. Я привела подобные примеры в других работах, и всем они известны из детской клиники. Ребенок хотел бы расти, его родители также этого желают, они это выражают, но при каждой манифестации либидинозных влечений, изо дня в день новых, их слова имеют целью запретить, затормозить и, даже хуже,

См. случай Пьера, С. 230.

обесценить его желание. Их жесты и слова преграждают дорогу его инициативам, хотя бы как минимум инициативе засовывать пальцы в рот или класть руки на половые органы, что уже само по себе что-то для ребенка, который до этого ничего не делал.

Из этого следует, что субъект-ребенок вынужден интегрироваться, структурироваться в нарциссическом образе, который не продвигает его дальше в развитии потенциальных возможностей его схемы тела (а они ему позволили бы приобрести двигательную автономию), потому что из-за этого приобретения он рискует поссориться с инстанцией-покровителем. Что важно понять: изменение воспитательной стратегии (если, например, родители, обеспокоенные отставанием психомоторики ребенка, работают с психоаналитиком) не мешает детям оставаться в своем привычном образе жизни

отстающего в развитии. Обнаружить себя свободным в своих движениях стало опасным для него, если даже сейчас у него на это есть разрешение, потому что оказывается, что человеческое существо младенческого возраста и, в особенности, маленький ребенок интроецирует образ взрослых, занимавшихся им, особенно если он раннего развития и умный, как если бы эти взрослые представляли его самого, будущего говорящего, хозяина самого себя, живущего вегетативно и одушевленного. Интуитивная бессознательная структура. До первичной кастрации процесс интеграции другого, как он сам знающий, получается от всех тех, кто больше и сильнее любого пола. После первичной кастрации эта интеграция делается в пользу образов других, старших по возрасту и взрослых того же пола, что и ребенок, если первичная кастрация была хорошо осуществлена; и другого пола, если, наоборот, кастрация его денарциссировала в его поле вместо того, чтобы нарциссировать. Или же ребенок живет, как будто он не хочет ничего знать о своем поле, и он может тогда регрессировать к одному только уретроанальному функционированию (энкопрез), как выражение в соединении с его перинеом. Мы видели проблему в период первичной кастрации. Иногда из этого следуют со временем опасные эксперименты для ребенка и других; ибо желание, прежде чем дать себя полностью оттеснить, переключить или нейтрализовать в отношении генитального будущего — которое ставится несомненно под вопрос относительно вещей жизни и его принципа «расти и размножаться» (насколько возможно), — это

желание накапливается по мере сопротивления ему. Влечения к жизни, агрессивные, активные и пассивные, усиливаются. Совершаются бессознательные, необдуманные, непредсказуемые, импульсивные действия: чтобы избежать смертоносного статуса объекта, ребенок, подавленный в своем действовании, сначала слишком пассивный, потом неуравновешенный, становится ребенком-катастрофой, «будущим правонарушителем», как говорят, кусающимся, вспыльчивым, вором, разрушителем¹, ужасом общественных мест и магазинов. Реакция родителей, столь же принужденная, как и тревожная, постоянно быть настороже подтверждает ему изо дня в день, что надо и далее оставаться объектом, вещью, принадлежащей родителям; за отсутствием любви и ласк, невозможных из-за его поведения, а также потому что любая мягкость и нежность выводят из себя его бессознательный садизм, создается впечатление, что он изощряется, провоцируя взрослых, действуя так, чтобы что-то происходило, чтобы не оказаться в отношенческой пустыне, мишенью только для своих активных и пассивных влечений. Обладающие правами инстанции,

воспитатели, мать, отец могут рассматриваться как бессознательно калечащие, фрустрирующие этого ребенка, вторично мучители детей. В некоторых случаях эти родители и даже вначале более терпимые родители не могут возместить ущерб не данной вовремя и с любовью кастрации. Пред-Я ребенка уже более не приручаемо человеческим существом, которое его бы полюбило и он его полюбил, человеческим существом здравомыслящего воспитателя, который бы дал возможность дозволенного законом использования и символизации запрещенных влечений.

Эти дети, таким образом воспитанные, отгороженные от любого желания, и интроецируя запрещение желать, часто попадают в психосоматические осложнения и становятся больными, став жертвой других существ, микробов, готовых заняться телом того, кто за себя не отвечает, или некоторыми органами этого некрепкого тела. Если тело сопротивляется, они становятся детьми опасно трудного характера. Их ночи полны кошмаров и бессонницы, потому что даже в воображении запреты возникают в виде игры воображения, где

Даже поджигателем.

удовлетворяются желаниями нарушителями и интроецированные родители мешают им или позорят их. Во время бессонницы ребенок находится в состоянии бесконечной беспощадной войны со своим желанием и этическими противоречиями своего образа тела, оставшимися или вновь ставшими некастрированными.

Я не буду пытаться составить здесь каталог всех случаев, где такой опыт глубокого искривления человеческого нарциссизма происходит в период завершения нейромышечного развития спинного мозга, т. е. с двух до трех лет — трех лет и четырех месяцев, с двух до четырех лет. Я должна уточнить, что всегда в бессознательных промахах воспитания во время столкновений между либидо ребенка и взрослых-воспитателей при наилучшей сознательной доброй воле с той и другой стороны коренятся тяжелые нарушения — в будущем — сексуальные и психосоциальные, перверсивные фиксации или психотизирующие процессы. В воспитании во многих случаях существуют моменты неудачного воспитания. Они вентилируются, к счастью. Для большинства через очень разнообразные нарушения здоровья (психосоматику), и позволяют, благодаря времени регрессии, начать снова. Но когда тело не платит долг закону символа-генной кастрации, неудачи вписываются в психосоциальное поведение, и мы обнаруживаем это у тех, кто имеет позже мужество пройти

психоанализ, который очень труден у подростка и физически здорового взрослого, страдающего от дезадаптации, не позволяющей ни любить, ни творить.

Ребенок с трудным характером. Пред-психоз

То, что нарциссизм образа тела ребенка оказывается раз-единенным от схемы тела своего физиологического возраста, это, в частности, случай, когда оральное либидинозное желание брать, знать, понимать и анальное желание делать, действовать, экспериментировать пробуждают у инстанции-попечителя реакцию столь эротизированную или столь вытесненную (в бессознательное, что то же самое), что мать бывает охвачена неудержимым страхом, ассоциированным с экспрессивной более-менее контролируемой реакцией: «Осторожно!» — откуда ребенок воспринимает всегда несканное. Если она реагирует на свой страх посредством чувства вины

Сверх-Я, — которое восходит для нее ко времени ее детства, — это чувство вины выражается взглядами презрения, враждебными позами или словами осуждения и разрыва любви, которые она считает воспитательными. У ребенка нет более даже возможности прибегнуть к этому архаическому фантазму удовольствия: быть утешенным ею в своем испытании, помириться с самим собой, идентифицируясь путем интроекции с матерью, приветливой для своего еще беспомощного малыша, которого она умела успокоить. Поскольку она его больше не *любит*, и он ей верит, она в его глазах права (поскольку он не может не судить себя ее глазами), значит просто она его *желает* и, если она его не желает, она имеет в нем *потребность*. Она ему еще дает есть, но это делают и для собаки. И он не может из этого выйти. Он тогда подвергнут интроекции необычных переживаний без представлений или иногда — в качестве единственного представления в соединении с субъектом — с его именем, произносимым агрессивно, иногда также с его фамилией, фамилией отца (матери, если мать-одиночка), с чем мать его ассоциирует, когда она им недовольна в качестве малыша, принадлежащего ей одной: «Ведь ты (сын) Такой-то или (дочь) Такая-то». Произнесенное суровым тоном имя и добавленная к нему такая-то фамилия являются для ребенка, который понимает тем самым, что его осуждают, отбрасывают, знаком самого депрессивного переживания. Тогда в бессознательном возникают эффекты влечений к смерти, которые инвестируют ту или иную функциональную или эрогенную зону его тела в части или в целом, — это то, что вызывает, например, анорексию, рвоту, энкопрез, энурез, бессонницу. Мы слышим от

матерей и отцов, что это против них, как будто речь идет о враждебных выпадах ребенка, которого они хотят выдрессировать¹. Чем больше он показывает таких симптомов, тем более они хотят его дрессировать, и это драматическая ситуация пер-версивного либидо, где люди ничего не могут другого, как себя разрушать. Ребенок теряет даже чувствительность своих четких сфин-

Кому не ведомы слова любой матери: «Он (или она) мне устроил(а) рвоту, он (или она) мне выдал(а) коклюш», в то время как отцы говорят скорее: «Он (или она) мне устроил/а, меня провоцирует. Я не пойду на поводу у твоего сына или твоей дочери. Он (или она) поплатится головой?» Матери терпят, отцы чувствуют себя спровоцированными.

ктерных ощущений, ощущений прохождения пищи, он полностью во власти влечений к смерти, потому что настороже его базовый образ, самый фундаментальный, который соединен с матерью, о которой я уже сказала, что она одновременно и жизнь и смерть. Если у матери более нет никакого признака жизни для ума и сердца, она становится смертью, которая приходит, или даже желаемой смертью; и мать-смерть будет его мерой одновременно как антиэкзистенциальной, так и экзистенциальной. Не говоря уже о том, что во французском языке означающее «смерть» — мертвый, умереть, смерть, кусать¹ вписывается в образ тела: эти дети, подошедшие к границе живущего, при этом они являются крайне интеллектуальными субъектами, не могут более глотать, не могут более жевать: их анорексия, а это охватившая ребенка нехватка желания любить, желания желать, желания общаться, имеет особый характер и является психотичной. В то же время редко, чтобы их глотка умела пить. Когда хотят помочь им пить, все течет мимо, они потеряли опоры отношения оральной зоны (эрогенной и функциональной) глотания. Жизнь — это смерть... И тем не менее, если нет человека-свидетеля, ребенок еще может принимать пищу в одиночестве и есть иногда прямо с пола, потому что этот способ функционирования скелет—мышцы ассоциируется им со способом, каким действуют маленькие домашние животные, находясь вне запретов, интроецированных в его теле. Это странное поведение детей, переживающих большие проблемы и называемых пред-психотиками, не является капризом. Зато у многих бывают такие мимолетные капризы, которые потом не повторяются. Все дети-психотики входят, таким образом, в хроническое состояние, которое может вернуться на несколько часов, несколько дней, несколько минут у ребенка, вышедшего из этого состояния и который посредством кратковременных странных поз тела говорил что-то, что нельзя было

выразить иначе. Но психотичный ребенок выйти из этого не может. Он в западне своих влечений, которые у тех, кто нормально развивается, проявляются лишь раз, будь то необычные влечения, вызванные фантазмом или реальным событием, или агрессивные влечения против инстанции-попечите-

[«Моп.» — тоЛ, тоипг, топ., тоге!ге.]

ля. У становящегося психотиком ребенка редко бывает, чтобы он на этом остановился. В общем случае влечения к смерти субъекта желания локализируются в эrogenных зонах, и единственный способ борьбы против страха его отношения с сегодняшними родителями — укрыться в воспоминании о родителях вчерашнего дня, архаичного для него самого. Можно было бы сказать, что речь идет здесь еще и об аутизме, о сдвиге фаз по отношению к остальной части протекания отношений в настоящий момент, его экзистенциального образа тела; отсюда возврат к некоторым составляющим образа тела ребенка, который не может оставаться постоянно фокализованным в его сегодняшней схеме тела, находить корреспонденции выражению своих желаний субъекта.

Образ тела, пассивный и активный язык воплощенных влечений своего желания, делает так, что субъект сохраняет нарциссизирующее убеждение схемы тела предыдущего состояния по отношению к сегодняшнему, где его влечения выражались иначе, например, та схема тела, которую он имел в год три месяца, в десять, девять, семь месяцев. Влечения к смерти правят над остальной частью актуальной схемы тела, которая как бы запрещена сознанию; предыдущий образ дыхания, кровообращения, передвижения пищи могут одни продолжать существовать как незапрещенные. Ребенок чувствует себя во власти врагов, помещенных в его теле, и он не умеет их обуздать. Он хотел бы выразить, что в нем происходит, но это наталкивается на отсутствие слов, чтобы выразить, даже отсутствие мимических средств; ибо его желания возвращаются для него от отсутствия гуманизованного проявления жизни у взрослого-попечителя. Тем более при возвращении жизнь взрослого есть неизбежное следствие невыразимого его собственной жизни. И так как образ тела в любой момент имеет тройную структуру, субъект отделяет одну из составляющих этого тройного образа, либо эrogenную, либо функциональную, либо — что имеет более тяжелые последствия для здоровья или для страха — базовый образ. Внезапное нейровегетативное нездоровье или необъяснимый возрастающий страх ставят

его в ситуацию непредвиденных обстоятельств; если затронут базовый образ, он заболевает на продолжительное время. Отъединенный образ скрыт от настоящего момента субъекта: и тот, чтобы не быть увечным, что происходит, когда образ тела задет, чтобы обре-

сти свой нарциссизм, регрессирует к предшествующему образу тела, к архаичной этике нарциссизма, пассивной или агрессивной этике. Последняя манифестируется вспышками мягкого гнева, которые не фиксируются его сознанием, это, впрочем, менее серьезно для дальнейшего развития ребенка, нежели почти кататонические¹ ступорные состояния, обусловленные регрессией к пассивной этике.

В некоторых случаях ребенок, у которого была до этого достаточная жизненная сила, сохраняет, несмотря на кошмары, хороший сон, и, потому что с орального периода идет его фантазматическая жизнеспособность, которая сохраняется и появляется в сновидениях, стражах сна, и бессознательных фантазмах, можно наблюдать, как влечения к жизни, которым запрещен доступ к актуальной схеме тела, пытаются найти фокализацию, за отсутствием актуальной схемы тела или даже предшествующей, которую он не может обрести, и спроецироваться, приспособившись, в схему другого тела. Это тело может даже не быть телом человеческого существа: так ребенок фантазирует и сочиняет сцены наслаждения, удовольствия и опасности. Свидетелю таких игр он может показаться во власти галлюцинаций. Это пока не так, но он придумывает существа странные, мощные, угрожающие, особенно когда темнеет: предметы реальности теряют в этот момент свои контуры, а внешняя жизнь часть своего ритма и человеческих шумов, и ребенок может чувствовать себя соучастником, поработанным воображаемой жизнью, где он более не хозяин осуществляемого. Для некоторых создается впечатление, что они «оторвались» от реальности и их фантазмы могут быть приняты, и иногда так и есть, за галлюцинации; но на самом деле всякий раз, когда мне посылали детей в этом состоянии или мне звонили по поводу драматичных псевдогаллюцинаторных приступов кого-то из них, оказывалось, что если с ними говорят очень доброжелательно, спокойно, дают попить пищу, которую они любили, когда были совсем маленькими, чашку молока или какао или йогурт, и с ними разговаривают о тех самых образах, которые ими овладе-

ем, случаи двух кукол-цветочков в Д[0 [Р. 133—193.], случай Пьера (сумасшедший ребенок) и Леона — ниже, С. 230 и 271.

² Этот процесс свойственен артистам и авторам романов и служит «сырьем» для их работы, произведение сублимации.

вают, и они чувствуют себя ими захваченными, их можно вывести из этой западни. Они расслабляются из-за того, что их поняли, не пугая, им можно объяснить, что нет крокодила, змеи, робота, льва, волка, инопланетянина, марсианина: они сами воображают их себе, и человек рядом с ними может совершенно разуверить этих сочинителей черного юмора, фантастики или этих таможенников Руссо¹ в зародыше, погрузившихся в самую гущю джунглей. Нет ничего плохого, ничего дурного и беспокойного для других в том, чтобы сказать, представить или изобразить мимикой, что есть в воображении. Если ребенок, попавший в данное состояние, встречает людей, которых это встревожило до такой степени, что они ведут его на консультацию, разлучаются с ним, чтобы его положить в больницу, более того в психиатрическую лечебницу, он в этом не разберется. То же, если над ним насмеются. Его тело в солидарности со схемой тела, атакованное архаичным эрогенным образом, испытывает процесс расчленения на куски, и его расчлененные части становятся объектом воображаемых инстанций, его единственных предполагаемых компаньонов. Тогда вышеназванные воображаемые инстанции оказывают реальное воздействие. Могут произойти болезни органов (есть всегда инфекции, готовые внедриться в человеческое тело, когда часть его функционального образа воздействует на схему тела, что та оказывается затронута реактивными торможениями). Могут возникнуть галлюцинаторные сенсорные и висцеральные процессы из-за испытания, каким является одиночество, когда ребенок брошен по причине беспокойства своего окружения.

Запомним, что когда опыт отсутствия ответа матери на проявление желания ребенка не доходит до того, что уязвляется базовый образ, но только провоцируется разъединение по отношению к нему эрогенного образа или функционального образа, появляется фантазм, фантазм льва, черного человека, злого волка, колдуньи, дьявола, которые в глазах ребенка являются союзниками инстанции-попечительницы. Если мать не только оставляет заслуживающими доверия эти фантазмы, но более того она их использует как средства

[Руссо, Анри Жюльен (1844—1910) — французский художник-примитивист, прозванный «таможенником»]

давления для запугивания и усиления своей власти над ребенком, тогда можно сказать, что воспитание подготавливает у этого мужчины и этой женщины ментальную слабость и в дальнейшем в период

трудностей и ощущения беспомощности есть риск ухода либидо за пределы реальности в припадки бреда или галлюцинации.

При лечении подростков, молодых взрослых, кем они станут, для них важно обрести воспоминание этих первых проявлений, связанных с сопротивлением субъекта в период орального либидо принятию первичной кастрации, данной образом, который был воспринят как садистический или с плохо осуществленной эдиповой кастрацией, неловкой, обесценивающей генитальное желание; ибо лишь через разговор об этом периоде галлюцинаторный период подростка или взрослого приобретет свой смысл и дает место желанию испытать себя и быть высказанным в переносе. То, что было выражено в псевдогаллюцинаторном фантазировании, представляется как средство выражения желания сегодняшнего индивида, который стремится через трещины своего образа тела и в переносе на своего аналитика обрести старый и архаичный опыт. Генитальные влечения подростка и взрослого выражаются частично в фантазматическом синтаксисе и в соответствии с анальной фаллической или оральной фаллической этикой, анальной пассивной или оральной пассивной. Это то, что ведет к галлюцинаторным припадкам. Те же самые процессы проходят в отношении сознательного и бессознательного у человеческих существ, живущих, как говорят, нормально, и тех, кто ужасно несчастны и живут невротически и психотически. Разница происходит от того, идет ли речь для тех, кто может попасть в психотические состояния и там задержаться в ситуациях негомогенной либидинозной экономики; для случаев невроза об анклавах, которые действуют хроническим образом, затормаживая некоторые типы влечений, вызывают архаичные образы тела в соединении с предыдущими межсубъектными отношениями¹ и которые реактуализируются в процессе работы при лечении, благодаря переносу. Именно поэтому тонкий анализ таких ситуаций, когда ребенок конструирует себя во время развития, очень важен для психоанализа взрослых.

¹ Ср.: Бе Сав Оотпж[ие. [(1971a). — Рапз: 5еш1, 1971. — 256 р.]. — «Предыстория».

И когда фантазм не реализуется при бодрствовании в ясном виде в воображении, выраженном в играх или вербально, во сне он принимает форму сновидений-кошмаров или, наоборот, сновидений удовлетворения, удовлетворения убивать, например, убить инстанции-попечительницы в опасных антропоморфизированных объектах или роковых животных. Всему этому благоприятствует сверхинвестирование вегетативного функционального образа во время сна.

Этот функциональный образ, который я называю вегетативным, касается того, что относится к жизни органов и что ощущается в теле, в противопоставлении с животной жизнью, соотносящейся со ске-летно-мышечной деятельностью, с деятельностью тела, одушевленного в схеме тела тем, что оно укротимо волей, либо внешней, либо волей субъекта. Возможное превалирование вегетативного функционального образа тела, берущего начало в оральный период, предшествующий отлучению от груди, происходит во сне; в сомнамбулизме действует животный функциональный образ анального периода до запрета вреда (или до знания этого запрета).

Еще раз: именно благодаря универсальности этих процессов возможен психоанализ, вследствие регрессии влечений в фантазиях, вербализованных или данных в мимике, в играх, свободных ассоциациях в рамках переноса на сеансах психоанализа и в мыслях, высказанных психоаналитику. Самовыражение ребенка, использующего свое либидо в отношении переноса, позволяет возврат вытесненного так, что регрессия не воздействует на тело или не выражается в социальной реальности. Терапевт, благодаря своему присутствию и тому, что он принимает фантазмы, не придавая им ценности, но отыскивая их происхождение в истории жизни с самого недавнего до прошлого, восходящего к детству своего пациента, соотносит эти слова и образы с аффектами, проживаемыми при переносе. Эти аффекты прошедшего периода в его травматичной и содержащей страх части выражаются здесь и сейчас в идеативных элементах, эмоциональных и отношенческих, вновь актуализированных по отношению к психоаналитику. Бессознательно воскрешенные в памяти, часто деформированные, они возвращают во время сеанса из прошлого времени и других мест переживания и выражения из той эпохи отношения ребенка с другими. Плод несвершенной кастрации может проявиться поздно в разграничении, которое делает пациент при анализе во время выслушивания того, что он говорит, между воображаемым и реальным. События, сопровождавшие несвершенную кастрацию, переживаются вновь и психоаналитиком, который им позволяет, благодаря слушанию, только быть вербализованным, без суждения, кроме того, что касается их неадекватности реальности предполагаемого отношения психоаналитика с ним или ней (его пациентом или пациенткой).

Чтобы проиллюстрировать здесь то, что я только что сказала, приведу один случай. Читатель поймет тогда гораздо лучше то, что я хотела сказать на протяжении всех этих страниц, где — и я это при-

знаю — изложение работы с образами тела может показаться очень сложным.

Случай Леона

Леон был приведен в диспансер матерью по совету школы и врача, который после определенного количества анализов не нашел для его странного поведения никакого неврологического резона. Леон представлял собой особый случай перемещения, он, казалось, не мог себя носить, большой мальчик восьми лет, вялый, толстоватый, со слегка еще инфильтрированными подкожными тканями, как у меньшего по возрасту ребенка.

Я вижу, как он входит в кабинет, как от двери он идет вдоль стены, опираясь на нее, затем, прежде чем сесть, протягивает руку, опирается на стол и бухается на стул. Затем он наваливается на стол, опершись руками, локтями и грудной клеткой, как будто он не мог сидя держать свой позвоночник вертикально на стуле. И он всегда так ходил, цепляясь за мебель или стены, на улице за взрослого или школьного товарища, как малыш, который начинает стоять и не может пока пересечь пространство без вспомогательной опоры. Школа посоветовала матери отвезти его в Центр, где я консультирую, потому что он не может успевать на уроках, не может играть с другими. У него нет, впрочем, никаких проблем с характером. В своей возрастной группе у него нет врагов, ему даже помогают перемещаться, он никому не мешает. Дома его любят. Этот ребенок почти абсолютно пассивный.

Тесты по сообщенным мне результатам показывают коэффициент интеллекта 63. Лицо у него без мимики, грубые глаза, мало-подвижные, без выражения, рот постоянно приоткрыт. Он живет лишь в сидячем положении, навалившись. Мать говорит, что у него с самого малого возраста верный голос, он модулирует все песни, но без слов, все песни, что слышит по радио. Он говорит в очень любопытном темпе, разбивая слова на слоги и разделяя слоги в очень медленном ритме монохордным тоном. В ответ на все мои вопросы относительно такой манеры говорить (мать не обратила внимание на эту странность) она подтвердила, что он так говорит с самого раннего возраста. У его сестры моложе его на два с половиной года хорошо подвешенный язык с маленького возраста, она очень проворная, и оба они очень хорошо ладят друг с другом, хотя такие разные.

Мать сказала, что муж (с которым я так и не познакомилась) говорит по-французски с очень сильным акцентом: он по происхож-

дению поляк. Она сама говорит в совершенно нормальном ритме приятным голосом с модуляциями. Я удивляюсь, что Леон может модулировать песни посредством гортани, а не может модулировать фонемы. Я говорю, что Леон мне кажется музыкантом. Мать отвечает, что, действительно, он был замечен преподавателем, предложившим, после того, как услышал, как тот поет, и зная о его плохой учебе, давать ему уроки фортепьяно. Он занимается с ним вот уже несколько месяцев. В письме этого преподавателя, приложенном к истории болезни, говорится, что ребенок показывает себя очень способным и что вопреки обычному стилю его телесной двигательности, когда он за пианино, при условии, что он сидит, опершись на спинку стула, его кисти рук и пальцы очень проворны. У Леона есть дарование виртуоза, по словам этого человека, вот почему он ему интересен. Он посоветовал родителям проконсультироваться. Утомляемость Леона заставляет учителя поддерживать его руки под локти или плечи под мышками. Мышечное усилие плеч так же трудно для мальчика, как и усилие при ходьбе. Напротив, он хорошо пользуется педалями пианино, снабженными удлинителями и находящимися, тем самым, на уровне его ступней. Итак, преподаватель Леона, когда тот играет на пианино, держит его под мышками, и тогда пальцы мальчика оказываются удивительно быстрыми.

Этот преподаватель и забил тревогу и посоветовал родителям отвести Леона к специалисту по моторике. В детской больнице, куда его положили на несколько дней и серьезно обследовали, диагностическое заключение было, что нет ничего неврологического. Врач сказал родителям о дополнительной характеристике — общей апатии и ментальной и школьной дебильности ребенка. Позже я узнаю, что врач намекнул на слово «психотерапия», но мать не обратила внимание. По совету специалиста школа после подтверждения дебильности тестом 10, посоветовала матери поместить Леона в медико-педагогический интернат. Мать, по ее словам, от этого сильно расстроилась, так как он сильно привязан к родителям и младшей сестре, он очень любит пианино, почти каждый день у него урок, преподаватель живет в том же доме, что и семья, и она считает, что всего этого ему будет нехватать в интернате. Вот почему она пришла в Центр, указанный преподавателем музыки, и охотно согласилась в принципе на психотерапию, что стало возможным в недавно открытом в Париже Центре. Ребенок тоже согласился приходить регулярно ко мне, если это поможет ему избежать помещения в интернат и остаться в семье и даже, возможно, в школе.

Леон находился на лечении в консультационном Центре пять или шесть месяцев, когда я его увидела. Сначала он был доверен специалисту по психомоторике, с которой он прошел двадцать сеансов. Она была в отчаянии, потому что состояние Леона не только не улучшилось, но он казался более отсутствующим, чем до лечения, как для нее, так и для матери и окружения. Нет сомнения в доброй воле Леона и его матери. Они не пропустили ни одного сеанса, несмотря на работу матери и трудности передвижения (мы в Париже в разгар войны). Вот тогда-то директор Центра подумал, что можно было бы предпринять психоаналитическую психотерапию, поскольку реабилитация не удалась.

Итак, мы имеем картину: ребенок с замедленными ритмами речи, моторики, образования понятий и который, однако, поет верно с нормальными ритмами для пальцев и гортани. В чем дело с этой нейромышечной слабостью, потребностью в физической поддержке, с опорой для спины о стену или спинку стула? Что означает отсутствие тонуса неорганического происхождения? Откуда эта неспособность читать и писать у ребенка восьми лет, который проявляет

19-6119

при этом такое проворство рук, но исключительно на клавиатуре пианино? Почему он никак не успевает в счете и усвоил сольфеджио и значит умеет играть музыку, читая графическую транскрипцию звуков и ритмов?

Из письма преподавателя музыки, у которого я попросила при посредничестве матери и ребенка высказать его теперешнее впечатление о последнем (его первое письмо было датировано более чем десятью месяцами раньше и временем консультации в стационаре по поводу моторики), я узнала, что Леон действительно прекрасно читает музыку глазами, но не может назвать ноты, которые он читает. Доказательство, что он читает ноты и усвоил сольфеджио, — в том, что это чтение передается немедленно его пальцам. Он, такой медлительный, очень легко дешифрует незнакомый музыкальный отрывок и играет его в нужном *летро*. Письмо подтвердило, что Леон имеет исключительные способности для ребенка восьми лет и его можно было бы даже назвать виртуозом, если бы он не был калекой. Преподаватель добавил, что, давно живя в доме, он хорошо знает родителей, мастерская которых на цокольном этаже, это хорошие и честные люди, и что ребенок ему интересен. Леон ему говорил про меня и сказал, что доверяет.

Итак, речь идет о сложном случае. Я думаю, что когда в школе говорят, что он не способен читать, это не может быть правдой, потому что, не умея произносить ноты, он их очень быстро читает. Должно быть то же самое для букв, которые, наверное, его глаза очень хорошо умеют читать, но при этом он не умеет произносить фонемы при чтении.

По характеру Леон мягкий, и это в глазах матери еще одно противопоставление для того, чтобы его поместить в специализированную школу, где, она знает и это так, очень много детей с трудным характером. В школе и в повседневной жизни дети никогда на него не нападают. Ему иногда помогают, как говорят учительница и его сестра, а в интернате, с трудными детьми?

Я задала матери вопросы о начальном периоде моторики Леона и узнала, что он очень рано стал садиться в кроватке, очень рано захотел сосать большой палец, но она ему помешала, прикрепив английскими булавками рукава к одежде, и что как только он смог сесть, она посадила его на высокий стол для малышей. Он оставался там послушно несколько часов подряд на уровне рабочего стола родителей, которые занимались пошивом в швейной мастерской семейного типа. Он смотрел, как они работают, и улыбался. Позже его посадили на горшок, одновременно горшок и низкое кресло, где его удерживал широкий пояс. А на высоком стуле его место заняла сестра. Когда ему надо было оправиться, пояс отвязывали, убирали планшетку, это было кресло с дырой посередине, очень удобное для него, который так поздно пошел. «Он нас не покидал и никогда не мешал». Леон прожил так, сидя, привязанный, ничего не делая своими руками и смотрел, как работают отец, мать и их коллеги, в течение трех лет. Но когда — Леону было три с половиной года и он начал ходить в материнскую школу на полдня — захотели посадить дочь на маленькое кресло с дыркой, подобное креслу ее брата, она отказалась, выгибаясь назад и издавая такой крик, что мать вынуждена была отказаться в ее случае от этой системы содержания и оставить ее на ковре на полу, поскольку девочка отказалась теперь оставаться на своем высоком стуле. И лишь только в этот момент она одновременно освободила Леона от его привычного сидения. Никогда Леон не ползал на четырех конечностях. Когда она его освободила от стула, к которому он был привязан дома, он остался сидеть, прислонившись к стене. Иногда, чтобы дойти до сестры, он тащился на зад и, когда он поднимался, цеплялся за мебель. Он начал по-настоящему ходить таким способом, как я его увидела, одновременно с сестрой, т. е. когда ей было год два месяца, а ему более трех с половиной лет. Мать

подумала — и коллеги по мастерской ее поддержали, — что посещение других детей в школе для него будет благоприятным, и она попыталась это сделать на Пасху 1939 года, когда Леону было пять лет. События войны прервали этот опыт. Все эвакуировались из Парижа, и она сама укрылась в Бретани у бабушки по материнской линии.

Во время сеансов по психомоторике Леон рисовал всякий раз одно и то же черной линией: квадратный дом с примерно трапецевидной крышей с окнами без оконных переплетов, пустыми, трубой, которая не дымит, и дверью. Между домом и верхним краем страницы есть пространство «п» очень тонким слоем, это «небо». Низ дома совпадает с нижним краем страницы, значит не отчеркнут чертой, которая бы отметила его нахождение на земле. Эти стереотипные

рисунки находились в истории болезни Леона, которую мне передали. Мать сказала, что дома он никогда не делал других рисунков. Его сестра рисует, а Леон нет. Он никогда не пользовался красками, хотя в Центре всякий раз в его распоряжении были цветные карандаши.

Мы начали лечение. Первые сеансы очень бедны на слова и действия. Сначала я принимаю мать, потом мальчика, но в ее присутствии, затем мальчика одного. На каждый сеанс он приносит один и тот же рисунок, сделанный, пока он ожидал, или переделанный, пока я разговаривала с матерью. Он отвечает на задаваемые мной вопросы относительно рисунка, используя очень мало слов, произнося медленно, разбивая на слоги, как я говорила выше, без всякого мимического выражения («кры-ша-не-бо-дверь»). Я не могу по его поведению понять, интересна ли ему его психотерапия; однако, говорит мать, он ей всегда напоминает день сеанса. Письмо его преподавателя музыки после нескольких сеансов мне подтверждает его интерес к лечению и переносу на меня. Я узнала от матери на сеансах, что она бретонка, что отец, поляк по происхождению, получивший французское гражданство, — еврей. Впрочем, когда она выходила замуж, она не знала, что означает «еврей», и ничего не поняла в том, что об этом сказал ей муж, поскольку он не был религиозен. Все это происходило в 1934—1935 г., и ей было 19 лет. Она познакомилась с ним, прогуливаясь однажды со своей деревенской подругой, пристроенной, как и она, на работу в Париж. Она была служанкой с жильем и питанием. Ее муж был на пятнадцать лет старше ее, он был первым мужчиной, с которым она познакомилась, она была застенчива. Они поженились в церкви, как требует традиция, ради нее в Париже; ее мать приехала из Бретани. Она сама не ходит в церковь, но говорит, что верующая, почитающая

Марию. Ее мать и подруги детства не поняли бы, если бы она не венчалась в церкви. Ее муж нерелигиозен, но он был рад сделать ей приятное. Дети были окрещены вместе, когда Леону было пять лет, летом в Бретани, в первый раз как она навестила мать после отъезда с родины (это было лето эвакуации). Отец Леона был согласен в письме, чтобы детей крестили, но с тех пор об этом никогда не говорили. Из своей бретонской католической религии она знает несколько песнопений на латыни и по-бретонски, которые она любила петь

в мастерской, и их мелодию Леон хорошо знает, но не произносит слова. Супруги хорошо ладят друг с другом. Они оба работают в этом самом семейном пошивочном ателье, которое приняло ее мужа, эмигрировавшего из Польши семь-восемь лет ранее. Она осталась единственным живым ребенком в семье, где было пять детей, одни из них умерли в раннем возрасте, другие немного позже, но у нее остались лишь туманные воспоминания. Она не получила документа об образовании, так как была на это неспособна, как говорит она сама. Она выучилась швейному делу у монахинь в Бретани. Ее родители были бедными, поэтому она приехала в Париж, сначала в служанки, потом, когда познакомилась с мужем, он похлопотал, чтобы ее взяли в ателье, где он работал. Подруга из Бретани поселила ее сначала на время, потом она вышла замуж и стала жить вместе с мужем, потом родился Леон. Это очень дружная семья, матери никогда не приходилось сильно ругать или сурово наказывать детей, и отец очень нежен с ними. Он мастер на все руки. Это он устроил их квартиру в пригороде с огородом, где выращивает овощи; но несмотря на проявляемый им интерес к Леону и Леона к своему отцу, ребенок слишком слаб и утомляем, чтобы помогать отцу в саду. Он садится и смотрит на него.

Мать волнуется из-за учебы Леона в школе, она неспособна ему помочь, не имея образования и достаточно медленно читая, говорит она (я думала про себя, что скандированное говорение Леона имитирует, возможно, манеру чтения его матери). Что касается отца, поскольку он не окончил французской школы, он тоже не может помочь своему сыну, он единственный из семьи, оставшейся в Польше, эмигрировал. Мать видела фотографии одной из сестер, которая написала несколько милых слов брату к свадьбе. Сестра Леона, которой уже почти шесть лет, хорошо учится в начальной школе. В отличие от Леона, она не умеет петь, но она живая и ловкая и уже помогает матери по дому и отцу в саду. Я узнала также, что в сентябре 1939 г., когда была объявлена война, отец, получивший французское гражданство, был мобилизован, начальные классы во всех парижских

школах были закрыты, и мать уехала в Бретань к родителям. Там Леон и должен был пойти в школу, поскольку он уже ходил немного в школу в Париже, где школа располагалась за соседней с ателье родителей дверью.

В Бретани он посещал школу нерегулярно, а нужно было, потому что ему уже было шесть лет; но школа находилась не рядом, ему было утомительно — при его способе передвигаться — туда ходить, даже в сопровождении матери. Там не было столовой. Дети должны были возвращаться в полдень домой и потом опять идти в школу. Его мать думает, что этот неудачный первый школьный год сделал его в дальнейшем отстающим. После поражения 1940 года отец, подразделение которого отступило, был демобилизован на юге и вернулся в Париж, где к нему присоединилась мать, и они оба вернулись к работе, несмотря на исчезновение хозяина их ателье и некоторых других рабочих (большой частью евреи, покинувшие Париж и не вернувшиеся в него, в отличие от отца Леона). Здесь были немцы. Отец Леона, который должен был носить желтую звезду, не стал этого делать. Он объяснил жене, что он французский гражданин, что он воевал, и по причине всего этого думает, что ему нечего бояться, но он еврей, и в этом она опять ничего не поняла. Она только поняла, что немцы что-то имеют против евреев, которые обычно богаты, — но с чего бы им набрасываться на ее мужа, который таковым не является? Тем не менее ее муж должен прятаться. Он остается работать в доме, она продолжает приходить в ателье, ту же самую пошивочную мастерскую, где собираются несколько товарищей-французов, не евреев и очень милы с ней. Они делают совсем другую работу, чем до войны: перелицовывают, не шьют новой одежды из-за отсутствия тканей. Мужу, который прячется, она носит одежду для перелицовки и потом относит в ателье, когда работа готова. Она мне также сказала, ее доверие ко мне было абсолютным, что муж выкопал яму в саду и что спрятанный он там спит ночью, прикрытый ветвями, потому что немцы уже приходили к соседям арестовывать евреев, и что они всегда приходят ночью или рано утром.

Днем муж работает дома, она уходит утром с детьми. Они идут в школу рядом с ателье, возвращаются в половине пятого и там же в доме, где находится мастерская, живет преподаватель музыки, который слышал, как поет Леон, и сейчас почти каждый день дает ему уроки. В обмен на то, что он не требует платы, ателье работает на него, и иногда она может дать ему муки или сливочного масла с черного

рынка, привезенные из пригорода теми, кто работает в ателье. Мать рассказала также, что у нее есть «мания»: звать детей к себе в

кровать утром в воскресенье, в другие дни у них нет времени. И пока отец готовит завтрак, она становится на четыре лапы, голова поверх простыни, оба ребенка под ней, и играет так, тьявая как мама-собака со щенятами. Эту игру они придумали в Бретани: ее собственная мать, вдова, жила там одна с сукой, у которой были маленькие щенки. И она, играя с детьми, придумала эту игру — момент счастья раз в неделю для всей семьи. Отец смеется, когда они так забавляются, и она в этом не видит ничего плохого. Она говорит о своем супруге как маленькая девочка говорит о взрослом нейтрального пола. Она говорит, что была дикой, когда познакомилась с мужем, застенчивая с мальчиками и мало разговорчивая с девочками, зная только одну приятельницу из своей родной деревни в служанках, как и она, на работах; и так до самого замужества, когда муж стал всем для нее. Она очень хорошо ладит со своими товарищами по ателье, они для нее как вторая семья.

Что касается сексуальных отношений, она к ним безразлична, что она любит, так это получать ласки, прижиматься к мужу, который так добр с ней. Она легко перенесла беременности, дети полностью были на грудном вскармливании, почти год, как это принято в Бретани, и всегда она повсюду носила их с собой, пока они не стали слишком тяжелыми, затем в коляске.

В течение двух первых сеансов Леон мне кажется тупоумным и немым или почти немым перед своим рисунком. Если я ему задаю какие-то вопросы о рисунке или о том, что мне мать сказала в его присутствии относительно него, он не отвечает. И лишь на четвертом сеансе я понимаю, что происходит. Я могла бы понять уже на третьем, но поняла лишь на четвертом, а еще яснее на пятом: на самом деле, Леон отвечает восемь дней спустя, приходя на сеанс, на вопросы, которые я ему задала за восемь дней до этого. Когда я поняла и об этом ему сказала, поздравив с тем, что он не отвечает, пока хорошо не подумает, ибо это признак ума, его круглые глаза, немного навывкате и невыразительные до сих пор, заблестели и засветились радостью. Я прошу тогда сделать мне лепку. У него вид, как будто не слышал. (Это на четвертом сеансе.) Когда он пришел на пятый, по-прежнему с тем же рисунком и с тем же поведением — цеплянием за стены и наваливанием на стол, — он тут же берет пластилин и лепит кусочки: четыре колбаски одного размера, кладет их на стол рядом одна с другой; после чего останавливается. Я его поздравляю и говорю, что наверняка у него есть на сердце что-то, что он хочет мне сказать этой

лепкой: может то, что их четверо в доме, четверо одинаковых, из одной семьи, но может быть это другая мысль. На следующей неделе он приходит по-прежнему медленно, держась за стену, и с тем же рисунком. В полной тишине он принимается за лепку, и его намерение — это четыре колбаски одного размера, абсолютно такие же, как на предыдущем сеансе; затем, посмотрев на них, он продолжает делать еще две того же размера, но более тонкие, сам он по-прежнему навалился на стол, руки до локтевого сустава полностью лежат на столе и частично кисти рук. Затем он пытается собрать шесть цилиндрических кусков, эти шесть частичных объектов, и я не понимаю, что он хочет сделать. То же заявление с моей стороны: определенно он стремится сделать что-то и сказать что-то тем, что он делает; я это не понимаю, но желаю понять и, может быть, в следующий раз у нас получится лучше. Добрый взгляд в ответ. Через неделю он является таким же образом, что касается моторного ритма, но на этот раз едва касаясь стены до небольшого пространства, которое надо пройти, чтобы дойти до стола, он его успешно проходит, не кладя кисти рук на стол до того, как он сядет, для опоры, как он это делал все предыдущие разы. У него другой рисунок, это корабль такой же геометрии и пустой, каким был дом, но слой «п», который был в небе, когда Леон рисовал дом, находится теперь под кораблем (несомненно он представляет собой воду); Леон не говорит ни слова и тотчас принимается за лепку. С помощью тех же, что и раньше, элементов, достаточно быстро слепив цилиндрические колбаски и добавив достаточно ловко сделанную пластинку, он делает сидение, пластинка для спинки, и говорит: «Э-то-стул» по слогам. Я спрашиваю, доволен ли стул своей участью стула, сделал ли он его для кого-то. Ответа нет ни на первый, ни на второй вопрос. Спустя неделю, он приносит рисунок того же самого корабля, что в предыдущий раз, но на этот раз страницы недостаточно, чтобы его поместить. Передняя и задняя части, так же как и верх треугольника парусов, выходят за пределы страницы. Корпус корабля доходит до нижнего края страницы, как для дома на первых рисунках. Он находит несколько частей стула в коробке для лепки, берет их и медленно и старательно дополняет предмет. «Это стул», — говорит он; затем, молча посмотрев то на предмет, то

на меня, он сказал мне: «Он доволен быть стулом» (ответ на мой вопрос в последний раз). Я говорю: «Он кого-то ожидает?» — «Да». — «Тогда может кто-то придет сесть на него?» В этот момент он начинает делать человечка. Яйцевидная масса, хорошо приглаженная; к ней прилепливается шар для головы и два изогнутых валика для ног. Затем «шляпа», треугольная заостренная кверху пластинка, как

треугольник парусов корабля, приделывается к шару головы. И к передней ее части он приклеивает два маленьких шарика вместо глаз, в пространстве между ними он делает углубление карандашом для носа-рта. Ушей нет, нет волос, шеи, рук нет тоже. Он кладет человечка на пол перед стулом. «Что это такое?» Ответа нет. «Человечек?.. Ты?» — «Да». — «Ты хочешь его посадить на стул?» Ответа нет. «Стул хочет, чтобы ты сел на него?» Не говоря ничего, он садит человечка на сидение и сгибает обе ноги так, чтобы они касались пола перед ножками стула; затем он очень сильно прижимает спину человечка к спинке стула. «Доволен ли человечек?» — «Да». Мы оба долго созерцаем в молчании предмет, который он слепил. Я: «Что он думает, человечек?» Ответа нет. «Он друг стула?» Нет ответа. «Доволен ли стул?» — «О, да», — быстро отвечает Леон с убеждением. И добавляет: «Он больше доволен, чем человечек». Я вопросительно на него смотрю. «Ну и как, когда он уйдет, стул оставит себе его спину, и у человечка не будет больше спины». Он едва заметно саркастически улыбается. Я у него спрашиваю: «Но останутся ли у него голова, зад, ноги?» Ответа нет, но мимика, которая мне кажется мимикой ребенка на горшке, который тужится для испражнения, надувая живот. Конец сеанса, никаких слов.

На следующей неделе мать просит принять ее одну; рано утром в будний день пришли арестовать ее мужа; к счастью, он был спрятан в яме в саду и его не нашли. Его там и не искали. Они задали вопросы ей и детям, которых разбудили и заставили подняться. Она сказала, как они договорились: что ее муж уехал в свободную зону и у нее нет от него известий. Задали вопросы детям, они не ответили, они еще не проснулись. Заставили раздеться Леона, она не знает почему. И ей сказали, что она имеет право развестись. У детей спросили, где их отец. Они сказали, что не знают. И с этого момента с Леоном неладно. Он делает в кровать, его вырвало после ухода полиции, у него был понос весь день. Я спросила: «Не начался ли у него этот понос до того, как

пришла полиция?» (Я помню мимику испражнения и мое недоумение по поводу того, что это могло означать.) «Да, — сказала она, — вы правы. На другой день после последнего сеанса у него начался понос». И даже, что ее удивило, не днем, а во время сна. Зато рвота у него была лишь после посещения немцев, и с этого же времени три дня он писается в кровать. И она уточняет, что он стал чисто плотным чрезвычайно рано, потому что она за этим очень следила, и что она всегда меняла пеленки малышам, как только они были мокрые, чтобы избежать убийственного холода в животе малышей (ее братья и сестры

умерли в раннем возрасте). Я у нее спрашиваю, знает ли она, почему немецкие солдаты заставили раздеть ее сына. «Нет». Тогда я ей объясняю, что это для того, чтобы увидеть, обрезан ли Леон. Она не знает, ни что это такое, ни термин. Не заметила ли она, что ее муж был обрезан? Нет, но она не знает, как «это» сделано у мужчин (она хочет сказать пенис). Она вспоминает, что, когда у них было первое сексуальное сношение, муж ей сказал, что она может посмотреть, но нужно, чтобы она знала, что он еврей. Она сказала, что она не знает, что это такое, но это ничего не меняет, раз она его любит. И до обязательного ношения желтой звезды, которую ему надо было бы носить как еврею, она больше ничего не узнала и ничего не знает относительно обряда обрезания. «Ах, так вот для чего они его раздели! Чтобы посмотреть! Потому что они у меня спросили, евреи ли мои дети, и я ответила, что мой муж француз, что я француженка и дети тоже». В сущности ее муж, как многие евреи, счел себя гражданином под защитой Франции, поскольку получил гражданство и даже был мобилизован в армию. Она добавляет, что перед риском ареста он на самом деле уехал, чтобы попытаться перейти в свободную зону и что, если он найдет там жилье, она поедет к нему с детьми.

Мать ушла. Пришел Леон, вид очень усталый. Он идет прямо от двери к стулу, совсем не опираясь на стену, не валится ни на стул, ни на стол. Сидит нормально и смотрит на меня. Ни рисунка, ни лепки. Я ему говорю о том, что мне рассказала его мать. Леон говорит, что отец уехал «по правде» и что они поедут к нему с мамой и сестрой, когда он найдет дом там, где нет войны. Я ему говорю о его лепке на последнем сеансе и о спинке стула, которая хочет оставить себе спину мальчика. Он мне рассказывает тогда то, что мне уже рассказала мать, когда я с ней говорила во время первых

сеансов — и часто с ней одной, Леон по причине своей медлительности и занятия рисованием ее оставлял на какое-то время со мной. «Когда я был маленький и моя сестра тоже, Мама хотела, чтобы мы оставались на горшке, и она нас привязывала». Любил ли он это? Он не знает, любил ли он это, но его сестра не любила. Она так кричала, что мать этого с ней не делала: сестренка не была привязана; тогда и с ним мать этого больше не делала. Помнит ли он, в каком возрасте это было? Это должно было быть в четыре-пять лет в Бретани, как он мне сказал, по меньшей мере как я понимаю, что он мне говорит. Я особенно понимаю, что бабушка не хотела, чтобы малышка кричала, и поэтому Мама для нее этого больше не делала. Ну ведь и для него, который, однако, не кричал, сделали так же. Это было, несомненно,

летом, когда начался ритуал суки со щенками. Я ему говорю о том, что он начал снова писаться в кровать. «Мама говорит, что это потому, что солдаты пришли за папой и они меня напугали». — «Это правда? Ты испугался?» Он не знает. «Что хотели солдаты?» — «Они хотели посмотреть на мою писюку», — говорит он со слегка смущенной мимикой. Тогда я ему объясняю про обрезание, которое подтверждает, является ли мужчина или мальчик евреем или нет. Если еврей, то он обрезан, это тоже самое, что крещение, это заметно. У маленьких мальчиков снимают кожу на самом кончике писюки — для которой я даю настоящее имя «член», так же как и коже на конце настоящее имя «крайней плоти», — и эта кожица служит для того, чтобы прикрыть кончик члена — которому я даю настоящее имя «головка полового члена». Я говорю, что в этот день в семье его отца от отца к отцу дают имя мальчику. Это праздник, как крещение в семье его матери в Бретани. Когда он был крещен в церкви вместе с сестрой, его отца там не было, потому что он был солдат, но он написал, что он согласен, чтобы он и его сестра были крещены христианами. В этот день у него ничего не надсекли у полового члена, лишь сбрызнули водой у них над головами и сказали им их имена. Пользуясь случаем, я ему рассказываю, еще до того как говорить о члене и крайней плоти, об эрекции члена, и я вижу, с каким большим вниманием Леон меня слушает. Я обращаю внимание на этом сеансе, что, говоря об отъезде своего отца и раздевании немцами, его вербальный ритм стал почти нормальным с маленькими паузами молчания по временам как от резкого упадка

сил, с безразличным видом: немного как заика, который прерывается, чтобы найти слово, которое ему позволит продолжить фразу. Я тоже молчу, после того как проговорила про член и обрезание, потом говорю: «Знаешь ли ты разницу между девочками и мальчиками?» Он мне отвечает: «У мам есть титки, у девочек их нет, у пап тоже». — «А у тебя есть?» — «У меня да. У меня есть немного титек, у меня их больше, чем у сестры, но не столько, как у матери». — «А не заметил ли ты, что твоя сестра не может писать, как ты? Что она не так сделана, как ты, вот здесь?» Он мне отвечает: «Нет, у них есть волосы, которые скрывают, кроме пап, у них они на животе¹, а также на лице, и у них нет светлых волос, как у девочек».

Цвет волос? Его сестра была блондинкой, как мать, он шатен, как его отец-брюнет (и у которого был, говорил он, тот же цвет волос, когда он был маленьким). Он станет брюнетом, когда вырастет. Я ему говорю точными словами про реальность сексуального различия, отсутствие пениса у девочек и женщин, а также спрашиваю, что он обо

всем этом знает и что может об этом сказать. Он мне отвечает, что на его взгляд хорошо, что это не вырастет у его сестры, но вот для матери... он думал, что у нее такой есть. Она ему не говорила. Спрашивал ли он у нее? «Нет, не спрашивал. Но ведь у коров их четыре с молоком, чтобы доить. По-другому у коз, у них я думаю две. Суки это как мамы. У них нет волос там». Он показывает место пупка в центре живота. «У них много маленьких, и нужно, чтобы их кормить, много сосков на животе, но их потом топят».

Я цитирую точно по тексту, который я писала по мере того, как он говорил в нормальном ритме. Мы присутствуем при прорыве слов, как излиянии испражнений, можно было бы сказать, относительно фантазмов туманных и разрозненных образов тела. Все это началось с сидения, предмета мебели, со спины, превратившейся в вещь. Слепленные предметы покрывали смутные и беспокоящие идеи захвата, кастрации, смешивая половой орган, волосы, грудные железы, пупок и моральные суждения. Очень хорошо, что у сестры нет письки и титек, очень хорошо, что он, как его мать, невозможно, чтобы у матери не было пениса, но сиськи там хорошо, однако.

Живот перепутан с грудной клеткой, как в бесполом яйцевидном теле человечка при лепке.

Лечение заканчивается. Я это сознаю, по крайней мере, я на это надеюсь для этой семьи, поскольку она должна скоро уехать в свободную зону, если отцу удастся пройти через демаркационную линию, как я этого желаю. В течение следующих сеансов мать приходит специально одна до Леона, чтобы поговорить со мной о вопросах, которые я посоветовала ей задать сыну. Вследствие нашей беседы, действительно, я сказала Леону поговорить с матерью о всем том, о чем мы говорили. Она от этого в большом затруднении. Она не знает, как говорить о таких вопросах. Тогда мы устраиваем сеанс на троих, мать, Леон и я, он и она говорят и она просит меня взглядом помочь ответить. Продолжение рода и родовая принадлежность вообще и для Леона, эрекция, зачатие, беременность, рождение, рождение Леона, грудное вскармливание, кормление его грудью, рождение сестренки, сексуальное строение девочек и взрослых женщин, социальное будущее для каждого из них, для него и его сестры, запрет инцеста у людей: обо всем через ассоциации слов или идей. Когда разговор пошел об инцесте, вмешалась мать, чтобы сказать о суке у бабушки в Бретани. Тогда Леон оборвал ее: «Да, но у нее щенята от ее сына». Это позволило мне объяснить, что то, что делается у животных не может

делаться у людей. Леон тогда мне говорит, что его преподаватель музыки не женат, что он женат на музыке, что он ему так сказал, и это гораздо лучше. Мать улыбается, ей забавно. Я отвечаю, что он все-таки мужчина и что есть музыканты-пианисты, которые женятся на женщинах, будучи обрученными с музыкой, и что у них есть дети и дети не от музыки, а от женщин. Леон отвечает: «Но, если поженились, тогда надо разводиться. Так немцы сказали. Но это дорого стоит». Мать смотрит на него с удивлением¹. Я ему говорю, что когда любят друга друга, как любят его отец и мать, не разводятся; что немцы произнесли это слово, потому что они думают, что люди-евреи, как его отец, это нехорошо; и я добавляю, что это потому что они дураки, немцы, раз так говорят. Его мама не будет разводиться, и скоро они будут вместе с отцом, который уехал в свободную зону. Я быстро делаю набросок карты Франции, чтобы

Ее замужество в Бретани, если бы она туда отправилась с мужем и свидетелем, товарищем из ателье, было бы слишком дорогостоящим, поэтому они поженились в Париже, оплатив дорогу матери.

объяснить ему, что означают оккупированная зона, свободная зона, демаркационная линия — все те слова, которые постоянно употребляют вокруг него в это время.

В конце сеанса мать у меня спрашивает, может ли она привести дочь, которая хотела бы тоже знать о тех вещах, что брат, потому что она, мать, не знает, что отвечать, ей самой никто об этом никогда не говорил. Она не знает, как это можно объяснять детям. Леон совершенно согласен с тем, чтобы пришла сестра. Следующий сеанс, который был последним, проходил в присутствии обоих детей и матери. Малышка была уже в курсе насчет отсутствия пениса у девочек и материнства. Но она не знала о необходимости проникновения для оплодотворения. Она мгновенно выдала ассоциации с бабушкиной сукой и спариванием собак на улице, о чем они говорили с подружками. «Они залезают на другую, они склеиваются, это некрасиво». Я говорю о запрете на инцест у людей, что ее заставляет задуматься. Затем я вижу, как она обменивается в мать взглядом украдкой. Та ей говорит: «Вот ты и попала, а говоришь всегда, что выйдешь замуж за Папу!» Я отвечаю: «Это всегда так говорят, когда маленькие, это для забавы, но вырастая узнают правду. Твоя мама никогда не выходила замуж за дедушку, своего папу; твой отец никогда не женился ни на своей матери, ни на своей сестре». (Мы говорили о сестре отца, видели ее фотографию). Она смеется и говорит: «Ладно, без этого у меня не было бы Мамы». — «Вот именно,

— ответила я, — твои дети — это те, что у тебя будут с твоим мужем, который сейчас мальчик, которого ты не знаешь, твоя мама будет их бабушкой, твой отец будет их дедушкой. И если твой брат женится, тогда ты будешь тетей для детей твоего брата, а он будет дядей для твоих детей». Леон тогда вмешивается в беседу и говорит: «Я никогда не женюсь... Может быть, да... Если я женюсь, то на преподавателе музыки. Или я стану...». Он не закончил, потому что его сестренка рассмеялась: «Такого быть не может, чтобы господин женился на господине. Господин всегда женится на даме». — «Да, — говорит Леон, — тогда я сделаю, как он, я женюсь на музыке». Я отвечаю: «Да, может быть». И его сестра в ярости: «Еще чего, нет, это несправедливо, музыка — не дама, потому что я хочу быть тетей, и тогда нужно обязательно, чтобы ты женился, иначе я не смогу быть тетей, музыка она не может рожать детей!» Оба ребенка препираются по этому поводу, мать улыбается, ей смешно, мы прощаемся и семья уходит.

Позднее я получила письмо от матери, где она говорит, что у нее много было работы и она была сильно занята, чтобы привести в норму Леона; она собирала вещи. Она готовилась к отъезду в свободную зону, где ее муж нашел работу и жилье для них. У Леона дела шли хорошо. Ее товарищи по ателье заметили, что он сильно изменился, и дальше в письме она рассказывала об этом в деталях. В школе он начал хорошо читать, писать и считать, и у него каждый день были хорошие отметки. Ему нравилось прыгать на одной ноге, он начал играть в мяч и бегать. Также она описала один случай: однажды возвращаясь к себе, мать сильно напугалась, так как детей нигде не было, она нашла их спрятавшихся в яме сада, так они хотели над ней пошутить. В продолжение она писала о том, что спешит к мужу, и в конце, благодаря меня за это, она написала: следует сказать мамам, что невероятно, что доктора не нашли раньше то, что у него было непохожего на других, и добавляла, что она больше не играет (как я ей рекомендовала) в собаку со щенятами, ей этого немного не хватает, но она поняла то, что я ей сказала, и что это было для блага детей. Ее муж и дети были для нее всем, и она хотела сделать все, чтобы они были здоровы и счастливы.

Я рассказала случай Леона полностью в деталях, чтобы объяснить, как детский психоанализ позволяет ухватить бессознательную организующую функцию символического в теле в работе с оральным и анальным возрастом либидо до всякой сознательной рефлексивности и как нарциссизм мужчины и женщины в становлении инвестирует его

социальное будущее, зависящее, стало быть, от способа, каким мать заботилась о нем и воспитывала задолго до того, как ему станут известны особенности различия полов. Здесь очень ясно проявились последствия ущерба любящего воспитания ребенка, привязанного к своему стулу. Этот образ тела субъекта, желанию которого была запрещена моторика, оказал воздействие на саму схему тела, затормозив здоровый нейрологический потенциал, оставшийся, тем не менее, нетронутым. Двигательность, ловкость периферических частей, кисти рук, пальцы, гортань, глаза, ступни ног была возможна, но не соединение образов друг с другом и, стало быть, артикулированный тонус схемы тела. Кроме того, видя вначале, что для Леона отсутствует спинка и сидение в его представлении стула, иллюстрация его собственного отсутствия в зоне сидения и спины в схеме тела, понятно, что этот ребенок, у которого никогда не было игрушек в пределах досягаемости и который, будучи привязан к стулу, только смотрел, как живут взрослые, развил видимую ментальную дебильность, в образовании понятий, вербальную и телесную, но сохранил и даже развил, наподобие взрослым, потенциальную ловкость пальцев, глядя, как работают, шьют все эти ловкие руки в пошивочном ателье, и интросцировал то, что видел. Мы видели в данном случае, как одно и то же воспитание было воспринято и интегрировано с ущербом для мальчика и без ущерба для девочки на два с половиной года моложе, чем он. Она также, как он, не могла еще разрешить Эдипа, но, по крайней мере, она поставила проблему. Под «поставить проблему Эдипа» я хочу сказать: фантазировать инцестный брак со своим отцом. В то время как Леон даже не поставил проблемы Эдипа, вследствие идентификации с собакой, щенком, как и его сестра у матери-суки, без сомнения инцестуозной в воображении по отношению к этому любимому родителю — своему мужу, отцу ее детей, но как мужчина сексуально ею не желаемый.

И затем, о чем я не сказала, ко всему этому добавилось усечение фамилии отца. Об этом мне сказала мать, не помню на каком сеансе. Это было даже в истории болезни. Такой-то называемый так-то. Говорили в действительности, допустим, «Карпо» вместо «Карпоцкий», или даже более сложная фамилия. Мать не умела произносить точно законную фамилию мужа. Леон слышал эту фамилию, отличную от той, что он знал всегда, и только при назывании ее в школе — и это с самого первого дня в школе в Бретани, но не в материнской школе в Париже, где детей звали по имени. В ателье в повседневной жизни его родители и он сам, его товарищи, в школе произносили два первых слога фамилии отца, фамилия в полном виде считалась слишком

сложной для произнесения на французском языке. Вероятно, что это усечение отцовской фамилии, о чем он узнал в школе, добавило символически калечащий эффект к относительной путанице в воображении Леона по поводу различия полов, по отношению к которому он не получил гуманизирующей кастрации. Это, должно быть, усилило символику инфирмации, ведущей к идентификации субъекта-человека с полуиндивидом женского рода или лишенного пола, млекопитающегося, где цвет волос был единственным признаком его собственного тела, которое было подобно телу отца. Игра в собаку с щенками, в которую играли очень давно, по крайней мере в течение трех лет каждое воскресенье, пошла с того самого лета крещения, в момент, когда сестра жила с ним и матерью в отсутствие отца. В этот год они были разлучены с отцом, мобилизованным на срок более чем год до конца 1940 г. Игра с матерью закрепила эту идентификацию с собакой, где у собаки бабушки были малыши, которые, как говорили, были дети ее сына. И это дало в семейном отношении Леона с матерью, тогда живущей одной с ними без мужского присутствия, воображаемое разрешение на инцест без того, чтобы об этом было что-то сказано. Он переместил этот фантазм на свой стул, медленно выстроенный из элементов фаллической формы для сборки и который, завладев человечком из пластилина (который с осторожностью заколебался отдаться ему), испытывал садистическое удовольствие забрать у него спину и таз. И лишь через ассоциации с отцом, который не должен был знать об этом (вы знаете маршевую песню, которую поют все дети с трех лет в школе: «Я потерял "до" моего рожка, ах, если бы Папа знал об этом?»¹), я поняла, что это должно иметь отношение к Эдипу но это не было эксплицировано ни им, ни мной. Можно видеть, как в детском психоанализе выраженное лепкой, рисунком, какими-то словами и ассоциациями, которые к этому ребенок добавляет, дает смысл воображенного тому, что было сказано на сеансе; и что можно декодировать, как в сновидении, работу бессознательного, которое по случаю встречи в психоанализе (с терапевтом) излагает свою проблематику, в то время как терапевт, привлекая — он тоже — свое бессознательное на службу лечению, предается свободным ассоциациям. Только посредством одной ловкости пальцев и гортанных вокализаций в быстром *tempo* песен без слов мальчишачий нарциссизм Леона, субъекта своего желания, еще не запрещенного до отлучения от груди в год в проявлениях своих активных влечений, выстроил защиту в целостности будущего мужчины. Оральная сексуальность Леона, идущая к бу-

i perdu le do de ma clarinette. — *Прям. перев.*] душой генитальности, была преграждена почти полностью в момент отлучения от груди в то же время, что и вылупливание его анального либидо вследствие неподвижного состояния, навязанного кистям рук и рукам, а затем всему телу. Он был заблокирован во всех сочленениях, лабиальных, дентальных, фаллическом ларинго-трахеальном воздушном столбе. Его анальная сексуальность не инвестировала активные фаллические влечения в его тело, в скелетно-мышечную схему тела. Превалирование пассивных функций затормозило тонус лопаточно-плечевых, крестцово-подвздошных, бедренных и коленных сочленений, что дало то отсутствие вертикальной структуры, которое на первый взгляд можно было отнести на счет своего рода органической миоопии¹. Его странная манера говорить позволяла ему не идентифицироваться ни с манерой говорить с акцентом отца, ни с манерой говорить женщин, его матери и сестры: таким образом он бессознательно сопротивлялся женской индентификации. Но все должно было застыть: одновременно в активной артикуляции его ума, в голосовом, языковом и ротовом артикуляте и в соединении, которое нужно было делать между оптическими перцепциями и его говорением, чтобы произносить фонемы букв или ноты, которые он умел читать. Он не умел ни читать, ни писать, по словам учительницы; но вероятно, что при терпении ему могли бы дать возможность знать буквы, читать глазами без произношения фонем, как он делал, и как заметил его преподаватель для музыкальных нот, графическое представление которых, декодированное его глазами, поступало прямо посредством пальцев в исполнение на пианино. Короче, его первоначальный нарциссизм остался отмеченным пассивной или почти пассивной оральной этикой, но у Леона-субъекта сохранялось мужское желание в его отношении с миром, вещами в пространстве. Его отношение в межсубъектном общении было почти овеществленным отношением, что иллюстрирует стереотипный рисунок дома. Реабилитация имела тот эффект, что она еще больше усиливала навязчивость распространяющегося торможения. Его схема тела была аннулирована образом тела, где, чтобы быть признанным стоящим для матери, он должен был принять быть частичным объектом, эротиче-

опия — близорукость.] ским, оральным или анальным, т. е. расчлененным, при этом части были удерживаемы вместе внешним сидением, оральным захватчиком. Он был вынужден, чтобы держать части связанными и держать целой схему тела, постоянно находить опору-посредника, вещь или человека,

физическую подпорку извне для своего тела, готового распасться как пазл.

Этот клинический случай помогает понять, каким образом ягодица, которая поначалу у эмбриона — хвостовая область, становится постепенно областью выпуска мочи *in utero*, затем уроэскрементной и генитальной областями, затем областью специфического тонуса вертикальности для схемы тела тазового пояса конечностей со своими двумя почками, каковыми являются нижние конечности, поначалу нефункциональные. Затем в этой части таза возникает урогенитальная фокализация, образ потребностей, и третья фокализация — полового члена у мальчика в форме третьей конечности, пенисной, у которого вначале нет других существенных ощущений, кроме функциональных — мочеиспускание у мальчика. И однако пенис бывает эректильным в течение мочеиспускания у мальчиков до возраста примерно три года четыре-шесть месяцев. Тогда за несколько дней вследствие развития органа, называемого *veru-montanum*¹, пенис в сообщении с мочевым пузырем становится вялым, в то время он в эрекции, когда сообщается с семенными мешочками в момент их нефункционального развития. Таким образом, как потребность в начале жизни до трех лет четырех-шести месяцев, так и генитальное желание сопровождаются эректильным пенисным образом у мальчика. У девочки видимый сигнал ее сексуальных ощущений — пенис, третья нижняя конечность мальчиков, — отсутствует. Но мочеиспускательная функция присутствует. Клитор и вульва — эректильные органы, один фаллический, другой — круговая мышца при входе в вагину; они невидимым образом чувствительны во встречах девочки с другими людьми, кто вызывает в ней аффективное или физическое притяжение. Мочеиспускательная экскрементная функция может быть спутана с анальной функцией. Впрочем, в речи

ru-montanum — клапан в уретре.] матери часто говорят о «маленькой» и «большой» задних частях: «малые» и «большие дела». Помимо запаха, который очень хорошо дифференцирует испускание мочи от выделения кала, дети привычны не делать в речи разницы между дефекацией, мочеиспусканием и половой принадлежностью. Тазовая часть может перейти в наваждение, стать как статическая вещь, если слишком долго детей заставляли сидеть, а им необходимо, чтобы их схема тела стала динамичной и двигательной, постепенно экспериментировать в пространстве со своей ловкостью, ставшей возможной благодаря нейромышечному развитию. Им нужно перемещать, толкать, тащить предметы, мебель, брать, менять месторасположение схваченных

предметов, бросать их, поднимать, показывать себя хозяевами этих частичных объектов в пространстве вне их тела. Это владение внешними предметами, ассоциированными со взрослыми, есть перемещение владения пищеварительными частичными объектами пространства внутри — пищей, калом, мочой. Когда развитие спинного мозга позволяет это, детям обоих полов нужно садиться, ползать, перемещать тело в тазовой части, затем на четырех конечностях; и когда конский хвост¹, развиваясь, дает сенсорно-моторные опоры, благодаря завершению тонких нервных окончаний ступней ног и перинея, это уже удовольствие перемещения на четырех конечностях, потом на двух ногах, толкая перед собой стул или опираясь на неподвижную опору до того, как ее отпустить, чтобы пойти, потом побежать, лазить и делать акробатические движения единственно ради удовольствия.

У Леона, пассивного ребенка с инфильтрированными тканями, представление о млекопитающих, собаках о четырех лапах, не давало разрешения на вертикальность. С этим представлением было связано заточение, теплота матери в нише кровати с маленькой сестрой, все это сопутствовало образу инцестуозной и плодovитой сексуальности сына-собаки с матерью-сукой. Это материнство суки, ощущение своими щенками, их грудное вскармливание, что он наблюдал, а также как он мог наблюдать свою мать, кормящую грудью его сестру, — эти сознательные зрительные образы, записанные в памяти, не были абсолютно чуждыми человеческим референциям, но человеческая символизация была там спутана на всех стадиях. Оральная стадия и анальная стадия таза делали из него слагаемый частичный объект (приношение пищи) или вычитаемый (экскре-

конский хвост (анатомии.) — пучок спинномозговых нервов.] ментное удаление), ассоциированные оба с операциями сложения и вычитания, символизируемые счетом. То, что сделало бы возможным чтение и счет, было нарушено расчленением образа тела и его воздействием на схему тела. Урогенитальная стадия была спутана с базовым образом живота и хвоста в статике (предположение о волосяном покрове мужчины на пупке, названном животом). Животы у других были, у мамы и папы, но не у него.

Объединение «лопаточный пояс—тазовый пояс конечностей» посредством позвоночника, который их соединяет, делает сочлененное связным и тонус схемы тела представимым. Однако у этого ребенка были лишь расчленения, мешавшие связности, приобретаемой опытом хождения и свободного движения тела, которое конструирует через неудачи и удачи возможность этому телу выражаться и создавать для

себя представление о схеме тела; схема тела есть предсознательное и сознательное обобщение реальных актуальных способностей одушевленного тела в качестве Я, временно-пространственного среди других, которые есть Ты. Оральная стадия для Леона была связана с грудями, считавшимися пенисными, и молоконосным животом суки («Но потом щенки, их топят»). Человек-субъект был, впрочем, спутан самой матерью с фаллической животной сущностью, у суки был сын-пес, отец ее собственных щенков; мать в игре идентифицировала себя с собаками, а дети следовали фантазму матери.

Что касается отца, он был сведен для Леона к значению отделенных двух первых слогов его фамилии и к иностранному говорению, которое смутно служило оправданием, будучи связанным с голым видом мальчика по настоянию немцев и с фактом, что еврей должен развестись в соответствии с Законом, как сказал матери полицейский, пришедший арестовать отца. Этот человек, который своими словами вызвал реакцию отсутствия контроля сфинктера, возможно, побудил Леона-щенка утопиться в том, что он написал ночью. Он его не напугал, нет, но он сказал, что временное совместное времяпровождение его матери-самки с отцом, более евреем, чем мужчиной, но самца с матерью-самкой должно закончиться. Его отец, готовящий завтрак в воскресенье, мог прослыть выращивающим инцестуозных детей-щенков. Нужно сказать, что Леон не знал своего дедушку по материнской линии, так как его бретонская бабушка давно была вдовой. Мужское и отцовское имаго не было, несмотря на рождение сестры, соединено генитально, несомненно потому, что мать была фригидна. Мужское отцовское имаго казалось Леону принадлежащим преподавателю музыки, только он позволял инвестировать динамическую моторику пальцев на клавишах пианино, этих огромных зубах пианино-вещи со звуками, посредством которой проявлялась виртуозность Леона и быстрота его глаз при расшифровке нотной бумаги: бумаги, где ноты и ритмы напечатаны на двух нотных станах с пятью параллельными линиями, которые можно ассоциировать с пятью пальцами руки в схеме тела, пальцами, которые он инвестировал, расчлененными, может быть, но продуктивными в своем исключительном вкусе и таланте, чтобы играть на пианино. Его признал музыкантом его любимый преподаватель, он им занялся и он уважал его родителей. Наконец, он позволил субъекту выразиться, он помог преодолеть его неспособность, придя на помощь своим телом телу ребенка, плечи и руки которого были неспособны одни вынести тяжесть локтевой части, запястьев и кистей рук. Полное восстановление этого восьмилетнего мальчика произошло через

перенос на меня, я в соединении в ситуации на троих (я, он, преподаватель). Наконец, со мной, им, его сестрой и матерью это была ситуация на четверых, где речь шла об отце и опасности для него перемещаться, причина, по которой он не смог со мной познакомиться; но он очень интересовался детьми и в частности сыном, тем, как они сходили на лечение, на которое мать тратила свое рабочее время, чтобы его водить.

Выздоровление Леона нам говорит больше, чем многие теории о нарушенной схеме тела неврологически целостного организма, и о том, как бессознательный образ тела может вызвать символическое расстройство функционирования тела, которое желание мальчика со становящейся фаллической доминантой на генитальной стадии не может инвестировать без опасности для этики, выработанной на основе межсубъектных отношений раннего детства.

Мы видели, что для Леона образ тела:

1) не имел четкой человеческой референции;

2) был расчленен, как это бывает, на пассивной оральной и анальной стадии: он не прошел ни оральную кастрацию (однако он прошел отлучение от груди), ни анальную кастрацию, за которыми идет символизация влечений, отныне подлежащих запрету в выражении тело к телу;

3) этот образ тела был генитально двусмысленен, если не сказать отсутствовал. Очевидно, что психоаналитическая работа здесь проделала гораздо больше, чем помещение в любое медико-педагогическое учреждение или сложные специализированные реабилитации.

Что было психоаналитического (отличного от реабилитационной психотерапии психомоторики) в истории, которую мы описали, это то, что Леон сам сказал слова и означил речь, что позволило через перенос обрести субъекту в нем свое желание. Психоаналитик не знала ничего о мазохическом пассивном удовольствии, одновременно завораживающем и пугающем, которое испытывал Леон, и оно поддержало его для жизни. Садистическое выражение его улыбки и быстрота реакции, чтобы выразить удовольствие от схватывания, испытываемое от вещи в ущерб живущему, было поворотом в его лечении.

Это всегда так, каким бы ни был случай, с которым к нам приходят, и даже если у нас бывают проблески относительно общего видения образа тела в некоторый момент эволюции ребенка. В этом дух моей работы: освещать бессознательные процессы такого-то ребенка в его отношении с такой-то матерью или отцом и попытаться дать психоаналитикам посредством клинических случаев возможность быть

в состоянии слушать других. В любом случае о прожитом каждого, кроме общих процессов, мы не знаем ничего. И это он ребенок, этот другой, кто может знать. Благодаря данной работе то, что мы можем выигрывать, так это сенсбилизацию к слушанию в широком смысле слова.

Каким бы ни было наше знание, приобретенное от свидетельств других, ничто не может заменить наблюдения за всеми нашими чувствами, того, что приходит от такого-то человеческого существа. Мы знаем, и такой случай, как, например, случай Леона, представивший поведение отупения, дебильности, даже психоза, — это доказывает, что за этим видом субъект желающий всегда там есть. Он ищет общения с субъектом, присутствующим здесь в нас, психоаналитиках, которые есть другой желающий человеческого рода. Как встретиться? Как эти две части раковины, эти два собеседника узнают друг друга? Как символически психоаналитик-взрослый и пациент-ребенок, которые просят и желают, каждый со своей стороны, встретиться, могут это осуществить?

Психоаналитик имеет знания лишь из собственного опыта анализированного, бывшего анализирующего, из своей истории и собственных трудностей в отношениях в течение своей истории, той, которую он смог обнаружить и прожить со своим психоаналитиком. Вот почему опыт лечения детей, о котором мы, став психоаналитиками, свидетельствуем, столь ценен, чтобы заниматься другими детьми в ходе их развития. Язык, которым выражается желание развивающегося малыша, и язык ребенка с нарушениями, который находит свой порядок выражением прошлых трудностей в отношениях, вновь проживаемых с психоаналитиком во время лечения, они нам и служат средством работы, что позволило распространить психоанализ на лечение психотиков и детей.

Я не знаю, чтобы стало бы с Леоном в МПУ¹, месте школьного обучения и социализации, где педагогический персонал исключительно предан делу и даже часто информирован о психоанализе, т. е. толерантен относительно способов самовыражения детей, мало соответствующих тому, что обычная школа от них ожидает. Мы уже видели неуспех и даже ухудшение состояния Леона за двадцать сеансов по психомоторике. Я думаю, что этот случай доказывает нам, до какой степени психоаналитическое исследование необходимо до любой реабилитации, нежели после ее неудачи, для ребенка с низким коэффициентом интеллекта (у Леона IQ был 63 по тесту, но ведь он был малышом с ранним развитием), с психической дебильностью, по крайней мере внешней, поведением калеки (без диагностирования

видимых органических поражений), с отклонением от нормы в вербальной и моторной речи. Психоаналитическое исследование, посвященное выслушиванию родителей столько времени, сколько надо, необходимо, прежде чем решить, просит ли ребенок, которого родители привели на психоанализ, помощи, страдает ли он, требуется ему или нет специальная воспитательная работа, отдельно или совместно с психоаналитическим лечением, и в особенности, извлечет ли он пользу от отделения от родителей, к которому его надо подготовить даже в случае, если родители сами извлекут пользу от отделения, и если не они, то другие дети. Вся семья, бабушки-дедушки, как

ПУ — медико-педагогическое учреждение.] и родители, являются подписавшимися сторонами в истории трудно живущего ребенка. Это не значит, что они должны себя чувствовать виноватыми. Мать Леона не была ни в чем виновата за то, что произошло, и что, однако, шло от нее, но и от соучастия и особой чувствительности Леона. Его сестренка не потеряла ущемления своей двигательности, что мать, считая, что она правильно делает, захотела ей навязать. Ответственность за наступление нарушения в развитии не ложится исключительно на родителей.

Иногда потворство желанию между детьми и родителями может отклонить в сторону будущее ребенка и даже будущее отношений родителей со своим ребенком. Именно это психоанализ и позволяет изучать. Леон оказался в затруднении, «в перверсии» — точное слово, в своей любви к матери несомненно из-за того, что был мальчиком; его сестра не дала заманить себя в эту ловушку. Но Леон обладал исключительной чувствительностью, интуитивным умом и рефлексией, ранними либидинозными способностями, богатыми пассивными влечениями, и Бог знает, как он их использовал, эти пассивные влечения. Мы будем без усталости искать и находить резоны в заключении Леона в тревожном статизме разъединения. Важным было: как помочь найти выход из этой оболочки, которая осложняла его коммуникацию? Именно этому обучение «психоанализант—психоаналитик» и аналитическое исследование отношения переноса может научить.

И по этой причине еще раз: что бы стало с Леоном в медико-педагогическом учреждении? Трудно предвидеть. Но это казалось ненужной разлукой, невыносимой для него и его семьи. К Леону отнеслись бы снисходительно, всех детей с отклонениями от нормы там принимают, и все или почти все вызывают интерес, доброе отношение взрослых, преданных маргинальному детству; для каждого из этих детей, любой

из которых по-своему плохо управляемый пьяный корабль, находится взрослый, который пытается его отправить в плавание. Но какая мотивация была бы у Леона, чтобы выйти из заключения, в котором он находился? Что стало бы с его музыкальным образованием? Столкнувшись с агрессией трудных детей, тонкая чувствительность Леона и медлительность его реакций вынудили бы его закрыться еще больше, может быть даже получать мазохическое наслаждение от этих агрессий.

Воспитательный дух в центре работы в МПУ поддерживается методами, имеющими целью использовать у ребенка то, что у него еще остается из еще неразбуженных способностей или из еще может невытесненных. Аффективная псевдосемейная социальная среда, парасемейная и толерантная, оказывает на них воздействие под руководством специалистов в атмосфере, по возможности, безопасности. Некоторые дети, оставленные в семье без внимания родителей, находят здесь внимание воспитателей, которым они готовы немедленно оказать доверие. Индивидуализированное дружеское отношение специалистов-воспитателей, спокойная авторитетность других возвращают детям, которые больше этому не верят, доверие к взрослым, поддержку и образцы для их физического роста и психосоциального развития. Занятия с логопедом, по психомоторике, даже сеансы поддерживающей психотерапии и др. позволяют детям, безнадежно отставшим в учебе и неспособным к аффективному общению, переобучиться бытию в мире.

Неадаптированный ребенок предполагается лишенным материнской и отцовской любви, которая бы ему дала должное воспитание. Идея перевоспитания в этих местах жизни и лечения в том, чтобы «исправить» последствия ущерба, понесенного раньше. В МПУ действуют так, как будто с матерью, кормилицей, первыми «другими» ребенка, на иждивении которых он находился, отношенческая связь не имела достаточного качества для хорошего поведенческого и речевого развития ребенка. Это гипотеза работы, почему бы нет? Воспитание в МПУ имеет целью создать новую отношенческую связь ребенка со взрослыми, т. е. с ним самим, который берет их как помощников и образцы для своего развития. Группа воспитателей вырабатывает для каждого ребенка педагогический проект для успешной работы воспитателя или воспитательницы, более специально занимающихся им. Этот личный интерес играет вспомогательную роль для сил развития, оставшихся здоровыми у ребенка, сил, которые аффективное отношение заместителя родителя, взятого на себя этим взрослым, имеет

целью использовать как можно лучше, чтобы вызвать усилие адаптации ребенка к группе, куда он входит.

Но о желании этого ребенка, его собственном желании о том, что с рождения он выработал в гармонии с желаниями или в дополнение к ним тех людей, кто им занимался, об этом забывают. Они не могут этого учитывать. Прошлое нужно оставить, а здесь ребенок, считается, начинает с нуля. Не учитывается желание и его прошлая структура; впрочем, здесь нет условий их учитывать и декодировать патогенную роль желания ребенка и его мотивов или его бессознательного согласия с неуспехом и маргинализацией, не более чем, впрочем, его подчинения быть объектом медицинской и педагогической заботы.

Желание общаться иначе, чем раньше, может, действительно, быть вызвано у ребенка в ответ на привязанность воспитателя к его личности. Данный стиль мотивации вызывает эротизацию отношений ребенка с этим взрослым, что может тогда мобилизовать новые либидинозные влечения на фоне переноса предшествующих отношений. Чтобы ограничить эротизацию, воспитатели стараются принять родительскую роль, конечно и неизбежно неестественную, но проигрывая в этом сами свой материнско-отцовский перенос на ребенка. Они более-менее втягиваются в нее оба, ребенок и взрослый. Во всяком случае эта роль переноса может лишь мани-пулироваться в пользу достижений ребенка, который придает ценность любимому воспитателю. Но само их отношение не может быть демистифицировано. Перенос не может быть проанализирован, потому что нельзя одновременно анализировать и получать наслаждение от отношенческой ситуации. То, что есть отношение, действует в реальности, а не только в жестах и речи. *Невозможно, чтобы одновременно был психоанализ в смысле лечения* — анализ переноса и сопротивлений — и воспитание или перевоспитание, будь то в семье или в МПУ; в месте, где живут и встречаются психоаналитики и психоанализанты, не может быть психоанализа. К тому, что относится к переносу, что могло бы быть проанализировано, добавляется слишком много реальных отношений с взаимной либидинозной выгодой, я хочу сказать: как для взрослых, так и для детей.

Психоаналитическая работа, каким бы ни был возраст психоанализанта, может начаться лишь по явно выраженному и упорному желанию пациента, страдающего и желающего работать над тем, чтобы выйти из плохого жития, невыносимого для него. Однако симптомы у детей являются средствами для субъекта использовать страх и сделать его более выносимым. От этого мало детей желают анализа, и так как они непредусмотрительны касательно их будущего,

перекрытого этими симптомами, они не встревожены, как могут быть встревожены взрослые, которые предвидят для них очень тяжелое будущее. Ребенок может пожелать пройти лечение, побуждаемый словами родителей или воспитателей, которые сами доверяют методу и которые ему внушают надежду на лучшее самочувствие, когда, несмотря на симптомы, он остается в страхе, и особенно когда они поддерживают его решимость при ухудшении во время лечения, моментами очень тяжелого, если становится эффективным, тяжелым не только для него, но также для его окружения.

Для Леона возможным посещение Центра сделала угроза, висящая над ним и его матерью: разлука. МПУ было единственным предложением возможности обучения в школе для Леона по словам учительницы и директора, которые его хорошо знали. Возможное обращение к психотерапии прозвучало в словах врача, который обследовал неврологическое состояние и хронаксии¹. Леона двумя годами раньше и не нашел органических аномалий. «Психотерапия могла бы ему помочь, — сказал он матери в заключение. — Двигательная дебилность вашего сына — это как его ментальная и школьная дебилность. Они не органического порядка». Но мать тогда не была готова ни понять, ни согласиться.

Большой удачей для Леона было то, что закончился срок его пребывания в школе и что мать и ребенок столкнулись со страхом неотвратимого и неизбежного расставания. Это нужно было для мотивирования его обращения в медико-педагогическую консультацию по поводу патологического состояния пассивности типа психосоциальной недостаточности. Можно сказать, что Леон страдал очень ранней формой истерии в соединении с либидинозным состоянием потенциальной перверсии, будучи при этом невинным, не осознавая его, как и его родители.

Поступив в Центр по совету своего преподавателя музыки, Леон был поручен вначале специалисту по психомоторике, попытавшейся его деблокировать. Это была полная неудача. Даже более. Она сама, врач, которая его обследовала при его поступлении и

орость физиологической нейромышечной возбудимости.

направила по поводу психомоторики, окружение, все, кто его знал, также нашли его еще более отупевшим и замедленным, чем он был до поступления в Центр и реабилитации. Что и привело к заключению, переданному мне: «Эволюция к шизоидному состоянию».

Сознательная добрая воля Леона не подлежала сомнению, так же как и добрая воля его матери, сохранившей упорство, несмотря на работу, трудности передвижения Леона и плохую работу городского транспорта. Может быть, речь шла о неадекватности методов работы. Перевоспитание с его педагогическим проектом не учитывало запрет от Сверх-Я бессознательного желания субъекта. Его образ тела ему запрещал без сомнения мобилизацию его тела, угрожая ему раздроблением.

Можно было попытаться провести психоаналитическую работу, которая не нацелена на преодоление сопротивлений, но пытается ему предоставить случай выразиться другими речевыми средствами, чем самого тела в его привычном поведении и функционировании. Это было моим желанием вернуть ребенку его свободу субъекта, замаскированную под заводную игрушку с медленными движениями.

Исходя *a priori* из моего психоаналитического образования, я рассчитывала на существование первоначального нарциссизма, соответствующего для субъекта-человека духу его пола, т. е. в согласии с его схемой тела, посредством которой субъект в реальности представляет себя и находится в отношении с другими и с миром. Тело Леона не имело никакого органического нарушения, никакой органической дисфункции. Его внешний вид, его поведение были, стало быть, обусловлены образом тела, который выстроился воображаемыми и бессознательными невозможностями тонуса и моторики. У Леона ничего не болело, кроме «усталости при мышечном усилии». Если субъект его желания остался непроницаемым или даже оказал бессознательное сопротивление работе перевоспитания и позитивному отношению с тем, от кого он сознательно ожидал улучшения своего состояния, которое бы ему позволило остаться в семье и в школе, то это потому, что эта работа по психомоторике не была адресована субъекту его истории, субъекту истории его желания; она адресовалась только телу Леона, телу, которое было патологической результирующей его отношенческой истории. Природа его увечного состояния была без всякого сомнения психогенной, но само его увечье было вполне физическим, во плоти, если можно так сказать. Его тело было реально увечным, хотя это было необъяснимо органически. Я подумала, что, поскольку Леон так надеялся на Центр, возможно быть бы оправданным предпринять психоаналитическую психотерапию.

Я захотела тогда послушать, что имели сказать диада мать—сын со стороны матери (и со стороны отца, если возможно) сначала, затем со стороны сына, ничего не нацеливаясь изменить в их актуальном состоянии патогенной либидинозной фузии; патогенной во всяком

случае для Леона. Психолог должен вызывать доверие у обоих, матери и ребенка, потерявших в фузионной магне, нейтрализующей их сексуальность у каждого, во всяком случае у Леона, в то время как оба сохраняли удовольствие архаичной сексуальности, инцестуозной, взаимной и бессознательной. Нужно было внимательно выслушать все, что стремился выразить на сеансе немой способом внешне полусонливый Леон. Его поведение, его постоянно повторяющиеся рисунки, его бедная стереотипная лепка должны были быть приняты такими, какие есть, в уверенности, что в представленном виде они выражали послание для декодирования, но какое? Один Леон мог знать, о чем говорили его медлительность, его неловкость, его кисти рук. Нужно было, чтобы своим творениям, представлявшим вещи посредством графических форм и рудиментарных лепок, Леон мог дать воображаемую жизнь и обрести смысл своих желаний, давая им свои слова этим кусочкам — в частности — пластилина, приписывая им интенции, чувства, удовольствия. Что только его слова могли так выразить? Делом психолога было дать ему их связать со словами матери о его истории и воспоминаниях, которые он об этом сам сохранил. Именно эта работа декодирования посредством поставленного между ними переходного объекта позволила проанализировать перенос, который он делал от своей матери на стул, захватившей его двигательную связность, что его дробило. Эффект фантазмов пассивного наслаждения от любимого орального объекта в распоряжении субъекта-каннибала, который был более-менее сознательно предполагаем в любом заинтересованном им собеседнике. Этот способ думать про оральное наслаждение сталкивается для растущего ребенка с фантазмами пенильного членовредительства и позднее генитальной кастрации. Эти вызывающие страх фантазмы приходят в его истории на помощь запрету инцеста, принятие которого поддерживает символический и динамический эффект, который мы знаем под названием «эдипова разрешения». Леону было восемь лет. Где он был в этой эволюции? Я не могла этого знать. Попытаться понять Леона через его отношение переноса на меня было моим желанием. С уважением отнестись к его сопротивлению, дать ему о них сказать, нежели изобразить мимически, допустить возврат вытесненных влечений — таким было мое желание. Что касается меня, моя работа психолога была поддержана моими эпистемологическими влечениями, которые мне давали надежду, что Леон, если субъекту в нем удастся превалировать над Я, сможет обрести идеативную и психомоторную способности, содержащиеся в его генетическом капитале человеческого существа, сына мужчины, а

не только сына женщины, порабощенного ею. Может, обретет он нарциссическую этику человеческого существа, вышедшего здоровым из тела родительницы, этику валидации схемы тела касательно собственно тела мальчика (или девочки в другом случае) продвигающегося-становящегося мужчиной, и которого каждая стадия развития ставит под вопрос. Вопросание возникает в референции к фаллосу и к активным и пассивным влечениям желания, которые опыт страха кастрации каждой стадии заставляет организовываться для жизни нарциссизма¹. Мы видели при изложении сеансов, как *символизация образа тела может делаться при посредничестве частичных объектов*. В рисунках и лепке ребенок выражает, что он чувствует в переносе на психоаналитика, здесь его страхи и его наслаждения раздробления в качестве субъекта, полностью отчужденного в объект желания другого. Вербальный язык, даваемый этим представлениям, позволяет фокусировать в воображении желание на эти придуманные и выполненные самим ребенком переходные объекты: субъект, который есть в нем, берет эти частичные объекты как объекты, представляющие его для него самого, объекты, наделенные интенциями, действующие как люди, которые были для него образцами в детстве и которые он снова переносит

Предлагаемое мной определение нарциссизма, напомним, следующее: континуум, рассматриваемый с внутриутробной жизни до рассматриваемого дня продвигающегося-становящегося в духе своего пола.

на личность аналитика. *Моя работа психоаналитика состояла в том, чтобы задавать ему вопросы там, где я чувствовала себя вопрошаемой* моим состоянием и где через него я особенно чувствовала себя шаг за шагом вопрошаемой в отношении, которое он имел со мной.

Что с ясностью вытекает из случая Леона и объясняет, почему любой другой метод, кроме психоаналитического, был обречен на неудачу, то, что перенос, каким бы позитивным он ни был с его стороны, для кого-то, кто хотел бы ему помочь, мог сделать из него в его отношении с помогающей персоной всего-навсего канибалический объект потребления. В его отношении переноса все были как стул относительно человека, калеча начало объединяющей связности его тела, и через эту угрозу калечения выражался запрет на фаллическую этику.

И это он почувствовал в педагогическом поведении воспитателя по психомоторике и ощутил также в моей персоне во время первых сеансов, вопреки тому, что я была вся только слушание, и вопреки моему принятию его персоны. Вот почему он не мог ответить на мои

вопросы: вопросы, которые его интересовали, ибо они вызвали неделю размышлений! Я интересовалась тем, что он чувствовал и думал, более чем то, что он делал и показывал. Любого человека, который желал для него помощи, поддержки, ведущего, Леон воспринимал как кресло, это кресло-горшок его детства, которое его и сделало преимущественно вайером, частично парализованным, приобщенным ничего не делать, чтобы могло быть удовольствием для его рук, в то же самое время как все другие люди, его родители и те, кто с ними вместе работал, с большим оживлением работали руками и, работая, получали от этого удовольствие. Мы понимаем, что для Леона было бы хуже не получить этой информации его желания для двигательного удовольствия, поскольку это означало бы подписаться под своей принадлежностью к женскому полу (он допускал причуды своей матери, в противоположность сестре, и в этом он предохранял свою потенциальную мужественность). Его сестренка, девочка, отказалась от принуждения к креслу и так бушевала по поводу заточения в сидячем положении, что мать ее от этого избавила. Это защита самого первого и последнего бастиона своей человеческой принадлежности — сохранить для себя либидо в мужском роде, нарциссизм мальчика на крючках, имеющий пол судьбы своего вхождения в плоть, — спасла за карикатурным экраном большого моторного калеки разум и чувствительность мужчины в становлении, кем был Леон. За заводной игрушкой без сил был субъект, глаза которого бегали с быстротой по знакам и передавали их смысл пальцам и они, в свою очередь, бегали с быстротой по пианино; было любящее сердце, сын и брат, солидарный с семьей, с группой, существо сублимации желания, короче, рано развившийся ребенок, редкое существо: таким был Леон. Да, но... попавший в исключительно рано развившийся истерический психоз и в сексуальную перверсию фаллического частичного объекта инфантильной матери, невинно инцестуозной.

Леон — это история среди многих других. Есть также большое число детей с ранними аномалиями адаптации, когда они достигают возраста, в котором обязательно родители должны их доверить обществу для образования, психосоциального развития, т. е. обязательной школе. Все те, кто — какими бы ни были динамогенные причины, связанные с условиями их развития во внутриутробном периоде, затем в постнатальном периоде, затем во время их выращивания — не соответствуют требованиям уровня физического развития, ментального, характера, содержащимся в правилах учреждения, не допускаются для посещения школы для всех. В этих правилах для учреждений, предназначенных помогать и перевоспитывать тех, кому

трудно жить, кто плохо социализован, плохо говорит, плохо двигается, плохо делает, как будто их не должно уважать такими, какие они есть, как со стороны других детей, так и взрослыми обучающими. На самом деле, это речевые существа, как все другие, но потерявшие в способе приема и выражения, что делает их трудными для понимания. Не всех страданий, лежащих в основе неадаптированное™ детей для жизни с другими в их возрасте, можно избежать; ибо их много таких детей, которые, являя маску псевдоорганической задержки, дебильности, психоза, представляют собой рано развившихся, которые не были признаны таковыми в первые недели своей жизни и кто окончательно потерял надежду на общение с окружением, которое их не понимает и не отвечает на вопросы, задаваемые часто телом, поскольку они не могли еще говорить.

21-б119

Психоанализ не только принес чуму, как говорил Фрейд, он также открыл исследование, способ исследования эволюции человеческого существа, столь долго незрелого и зависящего от родителей до того, как распустится его генитальность. В особенности, он позволяет осветить неизбежные хрупкие моменты психической структуры, где организуются в раннем детстве неразрешимые противоречия между физическими потребностями и аффективными человеческими желаниями: непонимания и противоречия, оставляющие свои следы в дальнейшей либидинозной экономии субъектов, особенно тех, кто раньше других развит интеллектуально и в сфере чувств. Может быть, и мне этого хочется, если будет много психоаналитиков, заинтересованных в предупреждении психосоматических нарушений путем более адекватного выращивания каждого ребенка, мы сможем разработать правила поведения для взрослых, поведенческих действий, к которым нужно относиться с уважением всем взрослым, живущим в контакте с ребенком, будь в яслях, в больницах, в школах, чтобы самые способные не становились, как это их судьба сегодня, клиентами учреждений для отсталых и психотиков. Это все-таки досадно, особенно, если этого можно избежать.

С рождения страх желания и страх смерти крепятся к оси, которая для каждого из нас связывает воображение с полом, соединяя нашу тягу к какому-либо существу со страхом ему не понравиться. Нарциссизм каждого вынужден бессознательно считаться с тем, что есть судьба человека как в мужском, так и в женском роде. Само по

себе человеческое существо не выживет. Гармония с матерью-кормилицей, взрослым-попечителем, женщиной или мужчиной, сосуществует для любого младенца в его жизни. Но проходя индивидуацию по отношению к этой первой витальной речевой зависимости, мы испытываем потребность друг в друге, чтобы вынести драматическую судьбу мощного в воображении желающего и очень беспомощного индивида в реальности. И другие нам приносят в своих трудностях, отличных от наших или подобных им, возможность признать себя людьми, у которых у всех трудности, и возможность говорить друг с другом. Психианализ принес доказательство, что ребенок, каким бы маленьким ни был, обладает слышанием смысла слов, касающихся его существования в мире. Доказательство также и то, что речь может освободить человеческое существо, если ему удастся посредством речи выразить свое страдание тому, кто слушает с вниманием и без суждения. Мы узнали также, что ребенок, прежде чем суметь вербализовать свои аффективные состояния, выражает радость в состоянии хорошего самочувствия, а свои трудности в отношениях посредством функциональных расстройств своего здоровья. Однако детская медицина постоянно сталкивается с функциональными расстройствами у малышей, и большей частью они психогенного характера; если бы можно было дать слово матери, чтобы сказать, что произошло, и сказать словами ребенка, что он тоже хочет сказать и выражает своим телом, мы бы увидели, как большинство этих реактивных симптомов исчезнет и не нужно будет запрещать телу медикаментозными и химическими средствами функциональные проявления расстройства. Можно помочь человеческим малышам жить в том, что нельзя избежать, в их трудной судьбе, помогая им самовыражаться и декодируя смысл того, что они сообщают, не ставя их в безвыходное состояние прекратить раньше времени означивать на собственный манер свои желания. Я имею в виду значащие крики детей, страдающих от тревожного климата, который их окружает, например, а их хотят заставить замолчать; о детях, которые не могут спать, о детях, страдающих рвотой, и им необходимо, чтобы поняли смысл манифестируемого ими таким образом страдания. Это все и есть работа детского психианалитика в консультациях стационаров. Детей, в основном, загоняют в тупик путем запугивания или медикаментами-ингибиторами, они прекращают раньше срока означивать своим способом свое желание. Помехи, противопоставленные этому виду регуляции, происходят из-за того, что взрослые (родители или попечители) плохо переносят выражение страдания малышей. И затем по их касающихся причинам они иногда сами испытывают страх и

вторично заражают своим страхом ребенка, который, выражая свое страдание, пытался избавиться от своих собственных страхов. Чтобы там ни было, малыши, обитаемые, как есть, желаниями, несущими страх для любимых ими родителей, чувствуют, что эти желания должны быть искажены до той степени, что они их переоденут, нейтрализуют, первертируют и в очень раннем возрасте, чтобы годиться своим родителям. Родители не являются воспитателями по профессии. Они служат инициаторами и первыми образцами. Именно на долю тех, кто с ними встречается, но не отмечены, как они, нарциссически в воображаемом отношении к ребенку, всего сообщества взрослых и в частности тех, кто посвятил себя воспитанию и заботам о человеке, выпадает эта огромная работа по предупреждению и раннему лечению детей с проблемами психоаффективного здоровья и поведения. Они должны знать, что полное излечение с момента проявления функциональных нарушений *тела* у детей усугубит вытеснение их чувств и аффектов, если слова не приходят к ним на помощь, чтобы высказать то, что тело пыталось выразить¹.

Следовало бы, чтобы в педиатрических отделениях было дано разрешение матери и отцу, даже чтобы их обязали при участии медперсонала, входить в бокс, где ребенок один, чтобы к нему прикасаться, брать на руки, менять пленки, кормить, говорить о нем с ухаживающим и с ним о них, кто замещает родителей в их отсутствие, и о врачах, заботящихся о нем в этом временном месте, чтобы его вернуть выздоровевшим родителям. Для больных младенцев и маленьких детей постоянные приходы по несколько раз в день и сенсорный контакт с матерью и отцом необходим для сохранения, по меньшей мере, базовых образов тела и также функциональных образов. Это сохранение есть гарант быстрого обретения полного психосоциального, без психических, аффективных или психосоматических последствий после возвращения домой и выздоровления.

Обычно выдвигается два предлога, чтобы запретить или отговорить родителей от их посещения: 1) избежать слез ребенка при их уходе; 2) избежать страха, который у

них вызывает лечебный аппарат. Но ведь эмоциональная реакция ребенка — гарант связности субъект—пред-Я в больном теле. Что касается страха родителей, он и страх ребенка, но слова лечащего персонала позволяют его символизировать и позже понять слова ребенка относительно возвращения воспоминаний этого больничного периода, тяжелого испытания для него и его родителей.

Патология образа тела в период латентности (после Эдипа, полувременное разрешение)

Мы видели, что с Эдипом у ребенка установился вторичный нарциссизм, т. е. эмоциональное поведение (активное и пассивное) по отношению к себе как присутствующему в мире посредством своего тела с полом, какому он соответствует и которому преграждены прокреативные реализации с членами семьи. Я говорила, что самое позднее к восьми годам для большинства детей начинается фаза латентности: в то самое время как снижается органическая интенсивность функционирования половых желез, умеренной становится эмоциональная интенсивность отношений «дети—родители». Вместе с тем не следует забывать, что с самого рождения ребенок бессознательно информирован о своем поле в силу своего интуитивного, избирательного и притягательного желания к представителям другого пола. Он его смутно чувствует, это желание в интимных ощущениях. И это желание, хотя по мере роста оно все более глобально фокусируется в детородных органах. Оно играет для наблюдателя неоспоримую роль в любом эмоциональном выборе по отношению к отцу и матери в качестве представителей привлекательного для субъекта пола и не только как представителей его безопасности и теплого, обеспечивающего ресурсами, витального для его персоны приема. Достигнув возраста, именуемого разумным, дети знают, что любовь матери и отца к ним не того же порядка, что любовь, ассоциированная с физическим желанием, которое они интуитивно предчувствуют в отношении между взрослыми. Их более-менее фантазмированное желание вступить в генитальный акт с матерью или отцом не осуществится: дети это знают, но им необходимо, чтобы это было сказано и означено эмоциональным или полным чувств деланием или неделанием взрослого по отношению к ним. К сожалению, когда родители не получили от своих собственных родителей кастрации, дети сталкиваются с двусмысленным чувственным поведением под предлогом родительской любви.

Когда родители любят, уважают друг друга и проживают свои желания и любовь спокойно-конфликтным образом, т. е. чаще всего дружелюбно в контакте с обществом, где у них есть друзья-ровесники, детям легче прожить фазу латентности. Но это не само собой

разумеется, если родители не ладят или не ведут общественной жизни, которую дети могут наблюдать. Тело отца всегда, чтобы ни было, волнующая ценность, как для дочери, так и для сына; но в зависимости от «быть» и «действовать» отца, его «казаться», он не всегда мужественный, им не всегда легко по отношению к обществу быть дочерью или сыном этого мужчины, их отца, и этой женщины, их матери.

Например, трудно детям, родители которых разводятся и находятся в официальном конфликте, конфликте, который должен разрешиться решением о передаче ребенка на попечение тому или другому, чувствовать себя в безопасности, чтобы творчески использовать свое либидо в обществе. Аффективная дистанция, которую необходимо принять в отношении обоих родителей, становится невозможной либо из-за конфликта, либо из-за вида попечения, определенного в пользу одного или другого. Дети развода часто попадают к психоаналитику из-за клинических нарушений. Обнаруживаются в качестве симптомов их болезни искажения коммуникации субъекта со своей схемой тела, либо же нарушения посредством инвалидности сублимации оральных и анальных влечений, запущенной кастрациями раннего детства до Эдипа. Обнаруженные таким образом проблемы эдиповой кастрации, не поддержанной родительской моделью, совпадают с семейными конфликтами, лишают жизненной силы либидо, включенное в предыдущие сублимации¹. Эти сублимации, которые дают ребенку ценность в семье и обществе в согласии с его принадлежностью к полу, были выстроены в период, когда дававший кастрацию родитель вызывал неоспоримое доверие. Но расставание родителей изменило у ребенка в процессе структуриации и роста цену модели и веры взрослому как имеющему ценность.

И затем есть также дополнительно к сдержанности, появившейся ко времени половой дифференциации, но еще более при эдиповой кастрации, сдержанность символическая, которая проявляется

Эти остановки в развитии — это возвраты назад, в которых ребенок чувствует себя жертвой, что для него еще как бы соотносится с игрой в гусек²⁴.

Гусек — настольная игра с фишками и костью, в которой существуют переходы с одного поля на другое, как вперед, так и назад.] в факте показать или не показать себя счастливым, когда чувствуешь родителей несчастными, и чувствовать себя в обязанности быть успешным с единственной целью утешить отца или мать в неуспехе их супружеской жизни. Ребенок тогда регрессирует или удерживается в длительном дуалистическом предэдиповом отношении.

Случай Марка

Я вспоминаю ребенка, назовем его Марк, родители которого, не будучи разведенными, проживали супружескую драму взаимного непонимания со времени смерти их старшего сына, мальчика исключительно блестящего, погибшего в результате несчастного случая за три года до этого. Марка, второго сына, который в детстве обещал быть таким же способным, как старший, и не представлял до этого никаких проблем, вот уже два года, как гнали отовсюду. По совету психологов родители — оба учителя — поместили его в конце концов в пансион из-за трудного характера, проявляющегося дома, и невыносимо провокационного поведения по отношению к отцу. Когда я с ним встретилась, его как раз отчислили из лицея из-за постоянных подчисток в своем дневнике и из-за вновь провоцирующего поведения по отношению к преподавателям и дежурным педагогам. Я посмотрела вместе с ним подчищенные им дневники, принесенные родителями. Разговаривая с ним, я обнаружила, к своему удивлению, смысл сделанных им подчисток в дневнике.

Я узнала от него и родителей, что, когда он был экстерном, он всегда терял дневник с оценками и никогда его не давал на подпись родителям; и из-за такого поведения, которое школьное учреждение терпело несколько месяцев, он и был в конце концов отчислен. В настоящее время Марк был воспитанником пансиона, ему было трудно терять дневник. Тогда он убрал — что? Списки лучших учеников первых месяцев, которые были вписаны в его дневник и, подчистив свой рейтинг и оценки, которые были отличными в первые недели его пребывания в лицее, вписал на их место плохие отметки и плохие места. Дневник с подчистками и исправлениями попал в руки директора лицея провинции, где Марк провел более одной четверти. Директор, увидев дневник с подчистками и получая бесконечные жалобы относительно поведения мальчика, решил в качестве назидания отчислить его на неделю.

Марк был мальчиком двенадцати лет, хорошо развитый, с сильным нервным напряжением. Виновный? Нет: раздосадованный. И в защитной позиции. «Я не сумасшедший. Я не знаю, почему меня привели к вам». Я ему задала вопрос, спрашивал ли директор у него о причинах, по которым он подделывал свой дневник. «Нет, он со мной об этом не говорил». Но почему он их подделывал? «Ну, для того, чтобы родители не знали» (что он хороший ученик). И почему надо было, чтобы родители не знали? Здесь было очень сложно. Он выходил из своего затруднения в объяснении из того, что если бы родители знали, что он очень хороший ученик, он бы уже не мог им больше

быть. Прежде всего это было неправдой. Он не прилагал усилий, и хорошие отметки сами сыпались на него. И потом он был здесь не для того, чтобы утешить своих родителей по поводу смерти старшего брата. Тот, да, его старший брат, вот он был замечательным учеником. Всегда первый. А он, Марк, если у него и были хорошие отметки, он все равно никогда не будет таким хорошим учеником, как его брат. И тут Марк заплакал. И потом, если хорошо учиться в школе, можно умереть. Это сказали друзья его родителей, когда брату было двенадцать лет, и с возраста девяти лет Марк держал в себе эту короткую фразу друзей родителей после смерти старшего брата, эту фразу, которая его терзала. Они, по его словам, сказали о старшем: «Он был слишком умный, слишком совершенный. Этот ребенок был из тех, которые не живут». Он давал слишком много удовлетворения, он был слишком хорош. «Уходят всегда хорошие». Такие слова, произносимые в моменты траура, слова т. н. утешения между взрослыми по поводу умершего. Нам знакомы такие фразы: «Несчастный, он хорошо сделал, что умер», «Самые лучшие умирают» и т. п. Это обычные слова. Марк принял эти слова за пророчество своей собственной смерти, если в школе он будет столь же успешен, как брат. Потому что он, будучи столь же исключительно умным, не мог делать иначе, как быть успешным, и это его терроризировало; и затем при рождении он знал, он разочаровал брата, который хотел сестренку, и говоря это, он тоже плакал.

Моя работа с этим ребенком в очень малой степени была психоаналитической. Впрочем, он прибыл в Париж к родителям на ту неделю, что его отчислили, и она предшествовала двум неделям каникул, после чего он должен был вернуться в пансион.

С его разрешения и в его присутствии во время второго или третьего нашего совместного разговора у меня был телефонный разговор с директором лицея. Тот был поражен, узнав от меня, что в подделанном дневнике вместо хороших отметок были поставлены плохие. Тогда он и не подумал спросить про мотивы подделки дневника; да и он такого никогда не видел! Так вот этот самый директор лицея сделал успешным лечение мальчика; лечение не психоаналитическое, но воспитательное и человеческое. Он поговорил с Марком и они решили, что когда тот вернется в лицей, он сначала пойдет к директору. Это так и было, я узнала от директора, который мне звонил раз или два в течение двух последних четвертей. С Марком они заключили пакт: у него будет два дневника, в одном будут ставить оценки и делать записи в их настоящем состоянии; этот дневник будет храниться у директора. И родители Марка об этом знать не будут. И еще будет другой дневник, ненастоящий, по договору между ребенком и директором, который будет предназначен родителям, с

посредственными отметками и местами подписанный директором, чтобы родители чувствовали, что ребенка терпят, что он учится в школе, но не более того; так они не будут слишком беспокоиться, но и у них не будет слишком много удовлетворения. Для Марка было невыносимым им давать удовлетворение, ибо, как он говорил: «Я здесь не для того, чтобы им доставлять удовольствие». Взамен обязательства директора хранить в секрете их договор, Марк взял обязательство не мешать на уроках, не провоцировать учителей.

Этот пакт был хитроумным. С Марка снималась тяжесть за магическую вину по отношению к брату, которая запрещала ему быть столь же успешным в классе, как и мертвый брат, и страх умереть в свою очередь, будучи, как старший, образцовым сыном. Ему больше не нужно было провоцировать учителей, подобно родителям, и он дал слово директору. Но более всего сам источник его поведения исеяк. Какой источник? Дело было в том, что Марк стал сумасшедшим, потому что он чувствовал ожидание депрессивных родителей быть утешенными своим сыном, вместо того чтобы найти утешение друг у друга, как это бывает у живущей в согласии пары. Директор прекрасно понял, что ребенок был подвергнут механизму самонаказания, и он решил ему помочь. В этой ситуации ему как воспитателю было трудно выдержать и поэтому иногда он мне звонил. Он хотел было за спиной ученика позвонить родителям, чтобы сказать им о секрете, который ему было тяжело хранить; но он поручился перед Марком, и я ему сказала: «Нужно, чтобы вы шли до конца, без этого все пропало». И он выдержал, счастливый от того, что может помочь сыну учителя, как и он сам, выйти из трудного положения. В конце учебного года Марк имел блестящие результаты, в то время как в письмах он давал знать родителям (и они ему очень поверили), что из недели в неделю он рискует отчислением, но худо-бедно дела все-таки идут и т. п.

Когда Марк вновь пришел ко мне с отцом по совету директора, между нами тремя смог состояться разговор, где правда открылась между двумя мужчинами, где они по-настоящему поговорили и поняли друг друга; но Марк настоял, чтобы отец дал обещание ничего из этого не говорить матери: по его словам она не примирится с его ложью. Я думаю, это для того, чтобы существовал секрет, пакт между тремя мужчинами — директором, немного старше его отца (и кто, несомненно, выступил здесь в качестве дедушки), отцом и самим Марком. Отец впоследствии, как я узнала, прошел психоанализ.

Вот история, которая показывает, как после хорошо прошедшего Эдипа драма потери брата смогла привести такого мальчика, как Марк, что могло последовать из-за страха смерти и страха кастрации в случае, если он даст сатисфакцию своим родителям¹, к уничтожению

образа, который он давал, и к созданию о себе негативной оценки с социальной точки зрения. Эдип этого мальчика был разрешен задолго до смерти брата; но смерть сделала хрупким либидинозное равновесие всего, что оставалось от семьи. Если бы был начат психоанализ (если бы мальчик хотел, что было не так), определенно было бы обнаружено соперничество между братьями в раннем детстве, соперничество, полностью вытесненное у второго, всегда в восхищении перед старшим; соперничество впрочем, несомненно взаимное между двумя мальчиками с разницей в воз-

Я говорю в такой же степени об интериоризированном Сверх-Я, выстроенном им как вторым сыне.

расте два года, и оба сверхспособными. Это соперничество, конечно, было вновь пережито, но по-другому в момент эдиповых фантазм, затем в момент соперничества, проявленного Марком со своим отцом в виде постоянной провокации. Мать была учительницей, как и отец, и со времени смерти старшего сына — в депрессии. Все это было бы эксплицировано при вызове того, что было вытеснено, но не совсем символизировано в раннем детстве, вина Марка — не родиться девочкой. Но в жизни эти вытесненные либидинозные энергии играли по-другому свою игру. Почему? Потому что с эдиповым разрешением у ребенка, вошедшего в фазу латентности, происходит интроекция, характерная для Я-Идеального и предэдипова Сверх-Я, в само Я. Нарциссизм его Я, этот первичный нарциссизм, мутированный во вторичный, был в данном случае усилен интроекцией Я-Идеального, который выстроился по образцу замечательного брата и отца, которого надо удовлетворить. Материнское Я-Идеальное, Я-Идеальное достойной учительницы, также учитывалось, и образ реальной матери, от которой шел страх, потому что она была в депрессии, конечно же наложился на Я мальчика, акцентируя в нем своего рода феминизацию пассивных влечений, произошедшую после смерти брата. Мать более не была строгой с ним, она ничего не требовала, она была слишком подавлена. Наоборот, она умоляла, чтобы в доме был мир, чтобы с ней были милы, чтобы отец не поддавался гневу и т. п. Все это оказало депрессивное воздействие на Марка, который отреагировал агрессивными активными влечениями: мать надо было исправить, но не ему, ее сыну, это делать, а ее мужу. Нужно было бы, чтобы она простила ему, что он остался жить, он второй сын, который не в такой степени удовлетворял мать, как старший, поскольку она тоже предпочла бы дочь как второго ребенка. Необходимо было бы, чтобы Марк занял место своего брата. Это было невозможно и так рискованно? Заменить отца, чтобы утешить мать, это было перверсией для ребенка, который принял запрет на вольности ласк и чувственной

любви со своей мамой — то, что как раз свойственно ребенку, который прошел эдипову кастрацию и вошел в фазу латентности.

Все это было бы эксплицировано в психоанализе, но все это, все эти бессознательные либидинозные силы вступили в игру бессознательным образом, чтобы запретить представительство и успех Марку в своей социальной среде, где бы он ни был. Если бы не было найдено решение этому бегу к аутодеструкции, к оставлению себя, к отбрасыванию обществом, этот ребенок впал бы в депрессию, подобной депрессии матери, или, того хуже, он бы в этом потерялся. Факт, что его ментальное состояние быстро обеспокоило психиатра, который обследовал в провинции и посоветовал отцу отвести Марка психоаналитику, боясь, чтобы нарушения, связанные с характером, не эволюционировали к более тяжелому состоянию — он не сказал к какому — с точки зрения ментальной, либо к отставанию в школе и затем к юношеской делинквентности. По-настоящему речь шла для постэдипова субъекта, каким был Марк, о том, чтобы спасти свою шкуру.

В случае с Марком мы видим хрупкость постэдиповой структуры, успешно сложившейся и здоровой в девять лет; у ребенка, испытавшего потрясение в этот момент, в двенадцать лет развился невроз страха и депрессивное состояние, против которого он безуспешно боролся. Марк не умел, каким бы эдиповым и постэдиповым он ни был, дистанцироваться от своих родителей, потому что он остался единственным сыном, одной надеждой после тяжелого траура по образцовому старшему сыну.

О постэдиповой хрупкости

Если психоаналитическая теория утверждает, что после хорошо разрешенного эдипова комплекса индивид располагает либидо, прочно структурированным для будущего, — это не неверно, — следует добавить, что эта прочность испытывает еще потребность в помощи окружения и особенно, чтобы не возникали один за другим эмоциональные травматичные инциденты. Клинический психоанализ позволяет нам ухватить эту бессознательную динамику в течение фазы латентности после эдипова разрешения, прошедшего совершенно нормально, т. е. когда запрет инцеста был четко ассимилирован и ребенок полностью интегрирован в общественную жизнь его возрастной группы.

Наш опыт консультаций показывает, что дети обоих полов еще хрупки и могут испытать перверсии (и это вполне может быть незаметно), вследствие того, что их успех или неудача вызывают денар-

цисический эффект или, наоборот, нарциссизирующий на их родителей. И, в частности, на родителя, который для них референтен — в зависимости от пола, — чтобы достичь его телосложения взрослого. В то время как они проявили себя совершенно здоровыми в своей семейной и социальной жизни до возраста генитального выбора и после Эдипа, и не было инцидентов в реальности, и вот с половой зрелостью у некоторых подростков и еще у некоторых молодых взрослых появляется страх с эффектом истощения, который дезорганизует психику: эффекты торможения, деструкции, психосоматики. В случае Марка все советы сходились к тому, чтобы «поместить этого подавленного молодого человека, становящегося подростком с трудным характером в климатический лицей», хороший воздух должен был ему помочь. Почему бы нет? Но ведь не от недостатка свежего воздуха он страдал. А от недостатка гармонии в атмосфере отношений между родителями.

Все эти молодые люди, уже подготовленные к подростковой и взрослой сексуальности, страдают в момент, когда та должна появиться, от настоящей импотенции, и можно сказать, что импотенции сексуальной, которая о себе не знает, что является характеристикой фазы латентности и озаботит сознательно субъекта лишь после наступления подросткового возраста. Но эта потенциальная генитальная импотенция поражает не только субъекта по отношению к его желанию к встречам с другими и самоутверждения своим продвижением вне семьи; эта импотентность поражает также сублимации предгенитальных желаний, уже прошедших кастрацию. Это то, что дает о себе знать у детей с трудностями концентрации, с проблемами успеваемости в школе.

Могут быть также состояния смертельного страха, которые вызывают депрессии, *acting out*¹ безнадежности по случаю т. н. предательства в дружбе, например. Речь необязательно идет о дружбе, сознательно связанной с полом, это может быть интенсивная обуреваемая чувствами дружба, как гомосексуальная, так и гетеросексуальная, стертая, как это бывает в этом возрасте.

out (англ.) — отыгрывание.]

Ощущение такого предательства имеет место и при разводе родителей, когда ребенок того или другого пола находится в фазе латентности или в периоде пубертата. И если много детей развода, прибегающих к психотерапии разного рода, речь идет чаще всего — при том, что мало бывает настоящих психотерапий, — о психотерапиях поддержки прегенитальных кастраций, которые имеют тенденцию

уступать под воздействием страха от расставания родителей и выбора между ними, который ребенок считает, что должен сделать, когда он слышит, что говорят по очереди сторонники того и другого партнера пары. Ему очень трудно продолжать ценить их обоих. Тогда очень сильная дружба, отмеченная нарциссическим бойкотом, служит убежищем. И если друг или подруга данного момента предадут, это драма.

Хрупкость подросткового возраста

Встречаются подростки, по виду прошедшие Эдип, но совсем не понявшие запрета на гомосексуальный или гетеросексуальный инцест, потому что ранее у них не было опыта своей целостной силы выражения как мальчика или девочки и, возможно, они не имели гомосексуальных или гетеросексуальных эротических искушений по отношению к братьям и сестрам или к матери до семи-восьми лет. Это осознание эротизма может неожиданно наступить с пубертатом. Тогда предподростки чувствуют себя смущенными, девочки рядом с папой или дядей, мальчики с мамой, тетей, сестрой, потому что они не знают, как говорить о том, что они испытывают. Влечения были прожиты без слов, без образов, тело взволновано, они не знают, что с ним делать, не с кем об этом говорить. И это может вызвать перверсивное поведение, часто компульсивное или мастурбации, что создает чувство вины, и они тем самым избегают на самом деле достижения цели; т. е. говорить, видаться с тем (той), кого они любят в своих фантазмах и в тайне своей мастурбации. Как скажутся эти влечения, если они не направлены на человеческие существа и, в частности, на тех, кем заполнено воображение подростка? Они вызовут у эмоционального одинокого подростка недозволенную и компульсивную победу над вещами и механизмами: за отсутствием завоеваний друзей, девочек или мальчиков, для занятий, где удовольствие будет разделено. Они также вызовут страсть к животным, которым расточают и от которых получают дающие ценность ласки, не умея писать слова любви и получать и давать ласку тем, кто занимает мысли. Эти мальчики и девочки часто вытесняют свои активные желания, из-за которых они чувствуют себя виноватыми в глазах общества и уходят в себя, пассивные, бессильные, что иногда выражается хроническим состоянием усталости, что на самом деле есть — и они не ведают об этом — истерическая усталость. Они не могут заниматься спортом, они понуждают родителей бегать по врачам, как только нужно идти на соревнование, делать какую-либо работу в соответствии с

общественным долгом. Все их истощает. Мрачная эмоциональность, в сердце заноза, тонус в упадке. Больные? Их угнетает климат покинутости, в которой они оказались.

Провалы при успехе своих желаний оказывают двусмысленный эффект на этих детей. Они чувствуют себя странными, они не знают, как об этом говорить, они думают, что только они испытывают сексуальные волнующие ощущения при виде или встрече с объектом любви или с желаемым объектом, который не любят. Они хотели бы вести себя как ведет себя — они видят — любой другой, и это им дает все аспекты патологии по причине страха. Компенсаторные процессы заставляют их иногда желать стать может не убийцами, но правонарушителями, правонарушителями пассивными, эксгибиционистами, ищущими скандальности, боязливymi, примкнувшими к заводной группе маргиналов, подчиненных лидеру. Возбуждение, доставляемое им подготовкой к какой-нибудь выходке, позволяет им иногда войти в контакт с другими их возраста, что они не осмелились бы, если бы речь не шла о том, чтобы объединиться против защитников законов и попытаться их обмануть¹. Переступить через правила, как это делал Марк, провоцируя без конца учителей и зрителей за порядком в лицее, или нарушить законы гражданского общества очень заманчиво для заторможенных мальчиков, мальчиков и даже девочек. У девочек это скорее кражи в магазине, чтобы испытать наслаждение от страха быть пойманными. У меня в анализе было несколько женщин и девушек, которые называли это клептоманией:

ай с дядей Тони в подростковом возрасте: случай Тони, С. 340.

но в этом нет клептомании, это истерическая кража, чтобы испытать ощущения, близкие к оргазму, в том, чтобы обмануть и провести охранников в больших магазинах. Это также удовольствие быть схваченным и защищать себя: что больная, что ненарочно, нафантатизировать неважно какую историю, чтобы попытаться «поиметь», и об этом надо сказать, охранников в магазине. Здесь целые игры в кошки-мышки с полицейскими в гражданском, которые заполняют моментами разрядки пустую и тревожную жизнь этих мальчиков и девочек. И потом в некоторых случаях может быть стремление подвергнуть родителей плохому суждению из-за ребенка или им причинить неприятности, потому что они не занимаются в достаточной степени своими детьми. И тут есть как раз возврат к ответной мере ребенка перед лицом страдания не быть более эксклюзивным объектом желания и любви родителей.

Может также появиться у молодых обоих полов гомосексуальность или скорее поведенческая гомосексуальность, предъявленная как укорененная гомосексуальность с пассивным высокомерием у мальчиков и активным цинизмом у девочек. Есть в показном поведении афишируемой гомосексуальности что-то вроде отказа от соревнования. В этом случае в плане сексуальности; но этот отказ от соревнования может проследиваться во всех планах, школьном и профессиональном. Так, была эпоха «бог!»¹ группы молодых людей, не очень ясных относительно своей сексуальности, неспособных принять ответственность за свои любовные истории и независимость, чтобы брать на себя любовную связь. На самом деле, эти выставленные на публику гомосексуальности или даже гетеросексуальности показные. Это реактивные действия. Это крики о просьбе детей, кто не вышел из детства, неизвестных самим себе и другим. Они себя показывают по-другому, чем то, что они думают в обществе, вызывает восхищение и ценится, чтобы общество считалось с ними, их замечало. Алкоголь, наркотики в самом начале, когда молодые люди начинают их пробовать, составляют часть этого способа покинутости, отказа от состязания и, можно сказать, способа медленного и постепенного самоубийства.

bof!» — «пофигизм».]

Все это, впрочем, может привести к настоящему суициду, эквивалентному первосцене, сцене зачатия, в которой подросток отказывается признать свое участие в этом инициальном акте своей жизни. Эти молодые люди не могут принять, что они родились от своего собственного желания, что это желание изо дня в день было ими подтверждено и что они дожили до сего дня благодаря ему. Мы часто слышим «Я не просил жить», произнесенное требовательным тоном преследуемого; иногда это: «Никто меня не любит», что в сущности переводится «Мне некого любить» и можно даже сказать больше «Я сам себя выношу с трудом». Эту безнадежность одиночества сердца, вместо того, чтобы его признать и об этом с ясностью поговорить, поворачивается подростком в требования-хвальбу, он фаллосизируется, осмелюсь я сказать, в «Я себя люблю побежденным». И в движении любви к самому себе, в импульсивном *acting*¹ желания чего-то другого, желания выйти из этого, они кончают с собой, я думаю, в последней надежде на эротико-нирваническое ощущение. По счастью, некоторые неудачно (и с этого можно психоаналитически изучить вместе с ними процессы, которые их привели к

этой точке). Субъект бодрствовал во время этой комы и он более ясен после попытки к самоубийству Я, чем раньше. И потом, он, возможно, освобожден от чувства вины жить, пройдя через испытание неизбежной смерти: поскольку в той ему отказано, это значит, наверное, что следует жить.

Большинство детей, которые нуждаются в психоаналитиках после фазы латентности и в начале пубертата, — это дети, которым недостает творческих средств, которые бы смогли им дать открыть кастрации желаний на архаичных стадиях развития. В клинических случаях, что я смогла изучить, эти кастрации закончились неудачей, они не вышли на символизацию влечений, которые были просто-напросто оттеснены, что касается их объекта, и не были использованы для овладения законными объектами, приносящими детям одновременно удовольствие и социализацию от возможности разделить это удовольствие с другими. Иногда это дети, которые рано испытали повреждение образа тела в воз-

англ.) — отреагирование.]

22-6119

расте стадии зеркала или еще в возрасте первичной кастрации. И это дети, называемые психотиками, неадаптированные.

Но те, кто по-настоящему соответствуют невротическим пост-эдиповым расстройствам, это субъекты, которых видят, как они вцепляются в зеркало глазами тех, кто на них смотрит, т. е. быть успешным не для самого себя, но чтобы быть увиденным, быть успешным, не проецируя этот успех во взрослое будущее. Эти молодые люди ухватились за образ их лица, тела, за вид, за поверхность видимой внешности. Это инфляция дать видеть, чтобы спрятать внутреннюю тоску. При малейшем сомнении по поводу возможного успеха затеянного дела, имеющего целью реализовать желание, воображаемая стена возникает как преграда между ними и миром. И именно страх пустоты, абсурда вызывает отсутствие смысла проекта, за которым следует отсутствие динамизма его защитить и справиться с ним. Они прибегают к зеркалу, чтобы обрести себя, чтобы не потеряться полностью. Это гораздо менее страшно, когда они в одиночестве прибегают — в наше время — к транзистору, к музыке, чтобы успокоить и вынести страх. Это менее страшно в особенности, когда эта музыка одиночества побуждает их на ритмические прогулки на роликах или на танцы:

ибо здесь есть удовольствие для всего тела и есть усталость, которая также позволяет иметь безразличный вид, передвигаясь среди других. Они с радостью чувствуют удобство в своей схеме тела. И эти *кроссовки*, которые мы видим кругом, эти акробатические и быстрые движения, во время которых нельзя даже думать, они отупляют, но поддерживают поддельную легкость, истощая тело, это все же лучше, чем пассивность и наркотики: это поиск физического выживания с удобством для тела, которое на короткое время удовлетворяет напряженности тела за невозможностью удовлетворять напряженности сердца.

Есть также хрупкость перед первой любовью, первой любовью чувств или первой любовью чувств в соединении с проектами будущего по причине того, что желание начинает в это вмешиваться. До этого у этих молодых людей была только дружба. На этот раз это любовное желание, и вот когда они доходят до того, чтобы дотянуться до объекта любви, эта особа их отталкивает. Вместо того, чтобы рассматривать опыт как факт, который, возможно, обусловлен неадекватностью их воображения, идеализировавшего любимого человека, и тот оказывается в реальности совершенно другим, молодой человек или девушка рассуждают по-другому. Тотчас же речь идет о невыносимой покинутости. Немедленно в них резонирует — резонанс декодируется у них в сновидениях, когда они их рассказывают, — пренебрежение, прочувствованное еще в детстве, но вытесненное, пренебрежение, объектом которого они себя почувствовали со стороны сознательно любимого родителя; внезапно бессознательное сближение этих двух испытаний заставляет их почувствовать себя виноватыми, как будто является само по себе инцестуозным полюбить кого-то, кто не ответил на их надежду. И мы встречаем молодых людей, которые кончают с собой и не промахиваются, и других, которые не говорят о своей депрессии, но попадают в психосоматические состояния с органически тяжелыми последствиями. Абсолютно необходимо, чтобы кто-то ближайший родственник — не всегда нужно, чтобы это был психоаналитик, но нужно кого-то нейтрального и опытного, некоторые бабушки это хорошо делают, — услышал о несчастной любви этого юноши или девушки, выслушал, посочувствовал, не утешая, не критикуя, не давая суждений, но поддержав незаметно нарциссизм брошенного.

Может быть также, что объект любви подростка или молодого взрослого, влюбленных девушки или юноши, превознесен, тотально идеализирован до такой степени, что не может даже идти речи для него или для нее войти в общение с этой высшей сущностью; субъект

сразу же полностью теряет все свои способности для чего-либо. Он становится спящей собакой, ищущей встреч со своей любовью, которая проводит свою жизнь в ожидании взглядов, ему недоступных и по праву, потому что другой, кому он не осмеливается даже дать знать, что он его любит, не подозревает, что он(а) желаем(а), и поскольку она или он живет совсем в других сферах, чем этот робкий влюбленный(ая). Это эротомания молодых, некоторые из которых группируются в фанов своих звезд, героев и героинь своей мечты. Есть те, для кого это не очень опасно, это занимает их в моменты отдыха и позволяет встречаться между собой; но другие живут в настоящем отчаянии от того, что их не замечают, не любят, не поддерживают в жизни тот или та, в кого они влюбились.

Стало быть, есть два способа для субъекта, достигшего вторичного нарциссизма, характерного для здорового пост-Эдипа: быть денарциссизированным и способ, который быстро дает серьезные декреативные и смертоносные последствия. Или это негативный ответ на свое желание и у него больше нет, за счет чего продолжать существовать, и это разрушение всех образов тела, вследствие чего он теряет права и даже средства попытаться обольстить. Или же другой желанный реагирует, как будто это желание его не касается, что может влюбленным быть понято как то, что его желание запрещено псевдомагней: это пробуждает у подростка муки эдипова периода, навязчивую мысль быть лишним, сверлящую ревность к тем, кого, как они считают, принимают, в то время как им это не удастся; и это может спровоцировать вместо покинутости, ведущей к медленному или быстрому суициду, акт мщениия, нацеленный на более счастливого соперника. Это, в частности, происходит у субъектов, для которых можно найти, зная их историю, что они не были нарциссизированы, когда были детьми, в момент кастраций, каковые (как реальности по отношению к мечте, которые каждый ребенок должен вынести) не были восприняты как продвигающие их вперед, но как тяжкие испытания в течение какого-то времени, когда братья и сестры имели вид предпочтительных объектов для родителей.

Эти плохо данные и плохо полученные кастрации, данные без уважения и сочувствия к их страданию детям, получившим их как пощечины, толкают к тому, что после периодов латентности, более-менее сносных для жизни и терпимого начала подросткового возраста, первые неудачи в любви вне семьи, идет ли речь о любви, отчетливо гетеросексуальной или гомосексуальной или только слегка сексуально окрашенной, удушают его чувством вины. Вины полностью воображаемой, которая не имеет ничего общего ни с ответственностью

за досадные действия, из-за которых якобы счастье было упущено, ни с какой бы то ни было логикой. Известен тест, в котором рассказывается история, где маленький мальчик или маленькая девочка (в зависимости от пола тестируемого ребенка) поругался с папой или мамой, которых он не послушался, в то время как другой ребенок в очень хороших отношениях со своими родителями. В предложенном тесте (это устный тест) обоим детям следует пройти по одной и той же дороге и перейти через мост, который из-за аварии рушится. Один из детей погиб в результате несчастного случая. Который? Ребенок в фазе латентности или в начале пубертата, эдипово разрешение которого не было символическим, или очень маленький ребенок скажет тут же одно, что тот, кто был убит, это непослушный ребенок. Напротив, ребенок, хорошо проживший фазу латентности, с доверием относящийся к себе подросток и который выносит, что может быть оттеснен в сторону теми, кто им выделен как избранные, ответит немедленно: «Но откуда нам это знать?» У того, кто дает смерть от несчастного случая непослушному ребенку, есть проекция на сущности мира магической мысли, касающейся родительского всемогущества, Сверх-Я. Ребенок проецирует таким образом то, чем он хотел обладать и чем, как он думает, обладают родители: всемогущество. И в этом, очевидно, неудача кастрации, потому что всякий родитель должен ощущаться ребенком как кто-то, кто не обладает всемогуществом, но чувствует себя ответственным за ребенка и страдает, что вынужден его заставлять страдать, чтобы ему помочь; кто сочувствует, потому что сам прошел через это и умеет объяснить это своему ребенку. Не прошедший кастрацию ребенок не был приучен это понимать, когда он был маленьким и побольше, из разговоров с родителями, вследствие реальных инцидентов или рассказанных историй или случаев из жизни: любые вещи, о которых родители, когда они озабочены воспитанием и развитием, говорят со своим ребенком. Ребенок не был приобщен, например, к тому, что непослушание может быть иногда необходимым, чтобы достичь автономии и справиться с неизвестной ситуацией, при условии, что тот, кто ослушался, хорошо поразмыслит над тем, что он делает, хорошо просчитает риск и примет свое решение, как справиться, включая риск не понравиться и быть отруганным родителями. Верно, что такие опытные люди, какими кажутся взрослые, умеют предусматривать опасности, которые дети не могут предусмотреть. К несчастью, многие родители предусматривают также опасности, которых не существует, и они тормозят своими чрезмерными запретами и своими абсурдными пророчествами желание, которое имеет каждый ребенок, стать

автономным, долг и желание думать самому и рисковать, когда он принял решение.

Я возвращаюсь к этому *лейтмотиву*: роль школы поддержать у детей критический дух по отношению к словам взрослых и к часто абсурдным правилам, которым он подчинен, и что ребенок считает себя виноватым нарушать запреты, в то время как это его долг.

Пробудить критическое отношение к обладателям власти также важно; и если родители не могут этого сделать, тогда это должна сделать школа. Обладатели власти являются в глазах Закона теми, на кого выпадает обязанность, например, сделать так, чтобы его уважали. Но те, кто хочет использовать свою власть в манипулятивных целях и идентифицируются со своей ролью, — плохие учителя; можно помочь детям их вытерпеть какое-то время, но нужно также поддержать их в осуществлении критического отношения к авторитарным действиям, в которых нет ничего разумного, они делются лишь из авторитета к авторитету, т. е. они лишены социально полезного человеческого смысла.

Лнорексия

В патологии образов тела после эдиповой кастрации, затем периода латентности в начале ответственной жизни в обществе у подростков часто возникают с клинической точки зрения проблемы анорексии, иногда легкие, но они могут стать очень серьезными. Нужно понять этот симптом по отношению к образу тела. Он восходит не к моменту Эдипа, но значительно раньше к возрасту трех-шести лет. Эдип лишь перестраивает то, что было, когда девочки были меньше в момент первичной кастрации, т. е. когда они получили доступ к знанию своей принадлежности к полу и доставляющей удовольствие нарциссической гордости стать женщиной, как их мать. Момент, который также получает диалектическую форму в соответствии с ценностью фамилии отца, насколько мать умеет вызвать его осознание; ибо вокруг мужчины, мужественного фаллического представителя, организуется у девочки вся сексуация. Девочки, принявшие в момент первичной кастрации в три года отсрочку сексуальной жизни до пубертата, но убедились в ценности своей особы как дочери такого-то мужчины и такой-то женщины, редко впадают — мне такие никогда не попадались — в анорексию. В пубертатном возрасте они умеют сохранять необходимый фаллизм своих архаичных влечений, т. е. созидательную деятельность, игровую, общественную деятельность; они успешны в учебной и

общественной жизни. Целомудренно, без стыда за себя они счастливы показать себя в выигрышном свете и привлечь взгляды других, когда их тело развивается и они становятся девушками. Их соперничество с другими девочками протекает без чувства вины.

Следует, тем не менее, знать, что среди этих девушек, вступающих в пубертат после удачно завершившегося Эдипа и социально успешной фазы латентности, есть такие, кто в подростковом возрасте маскируются, можно сказать, под мальчиков. Это не всегда знак гомосексуальности в стадии становления. Это иногда знак переполненности богатствами женственности, иногда сопротивление дать выразиться пассивным желанием обольщения и также тактика осторожности: ибо очень трудно для девочки, вызывающей взгляды и желания мальчиков, соперничество девочек продолжать вооружаться для социальной жизни. Она может испытывать искушение отойти от состязательности в школе. Однако в наше время мы знаем, до какой степени важно быть способным зарабатывать на жизнь для женщины, которая хочет быть автономной во всех ситуациях, особенно когда у нее будут дети, в случае если необходима будет ее зарплата или если она будет воспитывать ребенка одна. Доминирующие пассивные влечения у девочек в пубертатном возрасте могут помешать успеху в профессии; и девочки типа «сорванец в юбке» гораздо более иногда гетеросексуальны в желании, чем девочки т. н. очень женственные, чей женский шарм признан и восхваляем всеми и которые иногда ни девочка, ни мальчик, крайне пассивны и проводят время в ожидании быть объектом выбора фаллическим существом, каким бы он ни был, кто им даст все, что они сами не стремятся добыть — т. е. возможности социальной жизни — как паразиты на законном или незаконном основании. Когда они находят мужчину, берущего их на иждивение, законного супруга или постоянного любовника, это для них социальный фаллический гарант, которого они используют, как младенец использует грудь матери или взрослого-попечителя, от которого он зависит. Когда они становятся женщинами и, к несчастью, матерями, они не способны вырастить детей. Они могут быть хорошими кормилицами, хорошими вынашивающими, но их дети выращиваются ими в нарциссизме их собственной персоны данной половой принадлежности. Они не могут дать детям кастраций и вызвать в них символизацию влечений, которым запрещено неокультуренное выражение. Это воспитательницы того, как надо хорошо есть, производить хорошее впечатление, но не автономного становления желания мальчика или девочки.

Синдромы психической анорексии или булимии гораздо чаще встречаются у девочек, чем у мальчиков в подростковом возрасте и пубертате; это симптомы, либидинозно укорененные где-то в период первичной кастрации, плохо поддержанной воспитанием матери. У мальчиков булимия — иногда синдром в период Эдипа; в фазу латентности это скорее анорексия; в подростковом возрасте это снова булимия. У девочек анорексия наступает в период пубертатного скачка и после него. Это происходит от того, что генитальные влечения девочек заимствуют экономическую организацию, немного схожую с организацией оральных влечений; дело в том, что в момент отлучения от груди оральные влечения, соотносящиеся с желанием груди (я говорю не о потребности в молоке, я говорю о желании груди как частичного объекта матери), могут быть вытеснены и при этом символизация в отношении субъект—субъект для удовольствия между младенцем-дочерью и ее матерью не заменяет и не опережает намного тактильный и вкусовой интерес груди для рта младенца-дочери. Интерес к отношению с матерью и сексуальное желание в широком смысле у девочек, болеющих анорексией, совершенно вытеснены, но не мутированы в межчеловеческих отношениях с матерью и женщинами. В пубертатном возрасте пенисный интерес, интерес к фаллосу, представленный у мужчины penisом и у женщины грудями, приводит к тому, что пубертатный толчок, увеличение груди, наступление менструаций означают сознательно и бессознательно возможность к оплодотворению. Однако родительская пара живет в данном случае чаще всего инфантильно в климате либо приятном, либо неприятном; и бессознательная мысль о беременности невыносима для этих девочек. Их сознательная навязчивая идея связана с «потолстеть». Они живут в своего рода конфликтной магме, куда сексуальность взрослого низвергается, отмеченная негативным знаком, ужас иметь грудь, груди, ужас быть толстой. И это требует психоанализа, речь идет о нарушениях в реальных отношениях между дочерью и матерью, между дочерью и пищей, между дочерью и отцом, между воображаемой феминностью и неопытностью с мальчиками, между девочкой и зеркалом. Толстеть, слово, бессознательно отнесенное к слову беременность, опасно для чувства красоты девушки, которая стремится соблазнить: это, так сказать, помешает ей нравиться. Но прежде всего самой себе в зеркале, самой себе в ее собственном взгляде она хочет нравиться, убрав все женские округлости своего тела, даже самые незаметные. Желание к отцу прячется теперь либо в сложную и конфликтную привязанность, либо, наоборот, в явное убежание подальше от его глаз и отказ отвечать,

когда он с ней говорит. Ее проблема укоренена в конфликте любви и желания по отношению к отцу и в конфликте женского соперничества с матерью, с которой ребенок остался вроде младенца-кошки: мать, разумеется, этим озабочена, но она никогда ее не рассматривала по-настоящему как продвигающуюся-становящуюся женщину. Нарциссизм девушки оказывается в кругу обмана. Она проживает совершенно автономные бессознательные конфликты с возраста трех-шести лет. Они не имеют ничего общего с отношением родителей к ней в данный момент, вторичным в реальности и связанным с их оправданным беспокойством, касающимся состояния ее расстроенного здоровья.

Беременность и образ тела

Рвота в период беременности у женщин происходит также от конфликта со времени образа тела раннего детства одновременно при отлучении от груди и начале Эдипа.

Что касается аппендицита у мальчиков и у девочек, это психосоматические нарушения, относящиеся ко времени, когда они воображали зачатие по пищеварительной технологии. Эти фантазмы давно прошли, но было время, когда они были действительны и оставили возможности для инфекции в более поздний период в данном месте схемы тела, просто в силу того, что образ тела, содержащего плод беременных женщин, рассматривался как заполненный магической «какой». Мальчики и даже девочки предполагали, что роды — частный случай анальной мощности матери. Бессознательный инцестуозный ребенок, каким является любой ребенок до Эдипа, желает носить подобно матери как залог любви и желания к отцу (я говорю не только о девочках, но также и о мальчиках) этого инцестуозного бессознательного ребенка. Но его нужно действительно выкинуть, прежде чем суметь ликвидировать его Эдипа. Аппендикс становится также местом воспаления, и его нужно удалить, чтобы спасти субъекта из архаичной западни, которая бы реализовала в дисфункции схемы тела фантазм желания, который раньше не смог быть с ясностью проговоренным у ребенка. И это, следовательно, тело повторяет сказанное, его означает в этом аппендиксе: слова, которые в настоящий момент не имеют более смысла для ребенка, которому семь-восемь или четырнадцать-пятнадцать лет. Возможно, читатель удивится тому, что я только что написала, но если бы он часто встречался с детьми, он бы увидел, как удивительно многие из них фантазируют, трубят всем, что у них скоро будет ребенок, и они пред-

полагают и показывают, что он у них в теле, в животе. Ничего не остается другого, очевидно, как смеяться: «Ах, ты вправду веришь!» Они это сказали. И позже аппендицита у них не будет; но для тех, кто вытесняет это желание и не говорит об этом, тело должно будет означать, прежде чем они покинут детство. Вот разница: речь выражает желание и избегает, чтобы об этом было сказано в теле, если не сегодня, позже. Вот почему фантазмы детей, когда они их проговаривают, не должны вызывать ни эха, ни отрицания, ни чувств; пусть дети говорят это все, этого достаточно; слова являются освобождением для всего, что находится в состоянии здорового вытеснения; после чего это будет символизировано другим способом, чем в теле, и культурным образом. Женские влечения мальчика сублимируются тогда иначе, чем вынашивая плод плоти, а генитальные эмиссивные влечения девочки сублимируются иначе, чем в желании сделать самой ребенка своему отцу.

Истерия и психосоматика

Развитые мной на протяжении этой работы положения по поводу понятия образа тела, одновременно соотносящегося со схемой тела и отличного от нее, приводят меня к необходимости уточнить, как осуществляется соотношение между реальным телом и бессознательным либидинозным динамогенным образом, который субъект себе создает, и отличием по отношению к нарциссизму симптомов истерии от симптомов психосоматических заболеваний.

Истерией называют поведенческие реакции, которые были бессознательно нацелены на манипуляцию другим; название *психосоматических* заболеваний дается функциональным поражениям в теле, которые не обусловлены органическими причинами: нет инфекции, нет даже, по крайней мере, вначале болезненных нарушений, нет неврологических нарушений; однако у индивида расстройство здоровья, он страдает. Его тело болит, но причина физиологического функционального расстройства — психологическое бессознательное нарушение.

В любом случае, истерия или психосоматика, больной(ая) страдает реально и испытывает затруднения в своей психосоциальной деятельности. Так называемые истерические заболевания присущи чаще женщинам, как говорят; однако я в этом сомневаюсь .

Истерический индивид чувствует себя в основном хорошо, но посредством изображенных в мимике заболеваний, которые наступают неожиданно, он бессознательно любит себя в манипуляции другим, пользуясь, я бы сказала, средствами слабого. У истеричной женщины фрустрированное либидо выражается зрелищными сценами, которые ее парализуют и делают виноватым супруга, не удовлетворяющего ее сексуально, но она сама испытывает что-то нечто бессознательного оргазма во время этих сцен: ее либидинозная энергия во время этих приступов получает бессознательную нервную разрядку, за которой следует состояние блаженства, как в оргазме.

Истерия препятствует межиндивидуальной жизни, жизни отношений в хорошей жизни супружеской пары или на работе, в то время как психосоматика не тормозит хорошее поддержание аффек-

Я думаю, что утверждение, что истерия в особенности бывает у женщин, идет от того, что истерия у мужчины используется гораздо более социально, чем у женщины, в фаллократическом типе поведения, в поведении, демонстрирующем представительность, которые ценятся обществом, стало быть, имеют нарциссический эффект для субъекта и оказываются эффективными в воздействии на другого. Почему больше диагностируется истерия у женщин, да потому что, когда ей не удастся достичь своей цели и ее нарциссическое страдание от этого перевозбуждено, она упорствует иногда в одном и том же симптоме, бессознательно в своем происхождении, и истерия вследствие этого появляется без связи с социальным успехом. Вот почему истерией у женщины называют то, что является средствами, вызывающими восхищение как аксессуары социального успеха у мужчины.

тивных отношений с другими: объектом манипуляции у него становится врач посредством хронического состояния больного, который по любому поводу развалина, если не по-настоящему внушающий беспокойство.

Истерический паралич доставляет неприятности или страдания индивиду, неосознающему, что он сам вызвал истерию; его бессознательной целью было манипулирование другим, через которого он чувствует себя фрустрированным, но в конце концов, он становится пленником слов в своем теле, про которое он думает, что оно объект атаки внешнего агента, например, микробного типа, или в результате несчастного случая из-за своей неловкости и что мешает ему двигаться. Он чувствует себя жертвой причины, чуждой ему, в то время как на самом деле, не подозревая того, он сам себя аутовиктимизирует с бессознательной целью, состоящей в том, чтобы воздействовать на свое окружение и помешать самому себе действовать. Когда речь идет о психосоматике, мы имеем дело с эффектами бессознательной борьбы (что надо декодировать) между инстанциями

психики, находящихся в противоречии внутри самого индивида, в то время как истерия есть воображаемая борьба между индивидом и другим, от которого он желает или бессознательно страшится удовлетворения в реальности, которой не умеет управлять иначе. Фрейд цитирует в этой связи случай истерического паралича руки девушки, брат которой сломал ногу, по случаю чего один из его товарищей пришел домой его навестить. Девушка втайне влюбилась в гостя. Но брат, вылечившись, больше не приглашал своего товарища к себе домой. Сама не зная того, она желала вновь увидеться с молодым человеком, но не могла ни признаться себе в этом, ни сказать, и у нее оказалась парализованной рука в подражание брату. Ее собственная рука была как бы в воображаемом гипсе в соответствии с такой бессознательной магической логикой: «Если конечность неподвижна, молодой человек вернется». И лишь под гипнозом Фрейд вызвал на разговор девушку о смысле, который имела неподвижная рука, как будто сломанная. В гипнотическом сне субъект желания абсолютно ясно видит то, что касается Я; девушка во сне знала, что ее неподвижная рука была призывом к визиту молодого человека. Я, адаптированное к окружающему языку, не имеет доступа к означаемому желанию в силу защит, развивающихся в нем и мешающих субъекту перейти через табу воспитания. Во сне девушка могла сказать о своей надежде на визит молодого человека. При пробуждении у нее не было бы такого понимания самой себя, если Фрейд ей не сказал, что она ему открыла под гипнозом. Впрочем, как раз столкнувшись с эмоциональными тяжелыми последствиями, нанесенными нарциссизму таким признанием, Фрейд понял, что бесполезно и даже вредно в работе сближать таким резким способом бессознательное и сознательное посредством работы под гипнозом, делая ее потом достоянием спавшего: это могло создать лишь травмы.

Фрейд доказал, что гораздо лучше работать с самими защитами субъекта, сознательно говорящего правду о своем бессознательном желании. Ибо как только они выражены и проанализирован период их организации, сопротивления нет больше места. Точнее, в течение этой работы между анализируемым и аналитиком перенос эмоционального отношения с людьми своего детства устанавливается на аналитике, и ввиду истощения защит желание может быть сказано и быть встроено в отношение со временем, когда оно появилось в первый раз.

Вместо дикого признания, часто травматичного и неподходящего для использования вытесненных желаний, *Фрейд предложил лечение психосоциальных нарушений посредством переноса*, который пациент

делает на того, кто его слушает и находится рядом во время периодических встреч, условленных во времени, постоянно в одном и том же месте посредством платы. Отношение между этими двумя участниками становится случаем для опыта, прожитого в прошлом, или нового для пациента, который в то же время сталкивается с допуском оценивания, разного для психоаналитика и него, что касается воображаемого и реального материала обсуждения из сеанса в сеанс. Отсюда для пациента прозрение: он приступает к прозреванию без чувства вины относительно своих желаний, о которых он говорит здесь, ничего не делая с ними и языком, каким располагает, чтобы их выразить. Эта работа приводит его к выявлению ценности, которую имеют желания по отношению друг к другу, их проговаривание и умалчивание, в соответствии с этикой, которую он изо дня в день критикует на кушетке. Эта этика подстраивается под развитие его уровня сознания, которое освобождается от архаичных *a priori*, и его суждения — сознательного, — которое шлифуется по отношению к связи с психоаналитиком. Связь теряет «интимный» характер, становится банальной и теряет свою магию. Аналитик — гид в субъективной работе своего пациента — никогда не вмешивается в реальность, побуждающую пациента обдумать действия, принять решения в зависимости от того или тех его желаний, по поводу которых нужно провести переговоры с социальной стороной, чтобы взять на себя как можно лучшее их выполнение. Лечение заканчивается взаимным *quibus*¹ между анализантом и аналитиком, когда первый не мотивирован более продолжать движение к своей истории, она его больше не интересует, а второй, преимущественно, согласен.

Случай истерии у мальчика: Алекс

У меня был случай с ребенком, мальчиком тринадцати лет, который сломал себе несколько раз правую руку, и, как только снимали гипс, не мог заставить двигаться локоть. Его рука оставалась неподвижной, в то время как рентген показывал, что нет препятствий к выпрямлению и сгибанию локтевой части руки. В течение двух или трех недель не очень успешной реабилитации мальчик снова ломал себе ту же самую руку. Снова гипс, снова снятие гипса. Снова невозможность двигать правой рукой. Затем третий перелом той же самой руки и третий гипс. И, конечно, гипс снова снимают, рука двигаться не может.

Чтобы подтвердить, что локоть был абсолютно свободным в своих движениях, поскольку рентген не показывал никакой аномалии суставов (это было в хирургической консультации детской больницы), мальчику дали общую анестезию: под анестезией его рука, абсолютно свободная, была абсолютно пассивно-подвижной. Функциональное излечение, таким образом, не должно было бы ставить проблем в данном случае. При пробуждении от анестезии нужно было бы сломать локоть, чтобы попытаться ему придать двигательность. И у него самого при попытках это сделать ничего не полу-

лат.) — будучи в состоянии.] чалось. И он не испытывал никакой боли в этой увечной верхней конечности. В этот момент заведующий отделением, зная, что я, экстерн консультации, проходила психоанализ, спросил у меня, не могла ли я заняться мальчиком и убедить его, что ничто не мешает в реальности обретению мобильности для его руки.

Я согласилась, мальчик тоже. Алекс приходил через день в хирургическую консультацию в другой кабинет, не в перевязочную. Мы оставались вместе добрых полчаса, сидя по обе стороны стола. Он рисовал, и мы говорили. Я не лечила его по поводу перелома ни в момент анестезии, не участвовала ни в какой попытке реабилитации. Я находилась, таким образом, в классических условиях, чтобы играть роль психотерапевта. По истечении малого количества сеансов бессознательное желание, толкавшее Алекса к неподвижности его руки, проявилось отчетливо. Он жил в «зоне», специфическом неблагоприятном районе, вблизи больницы. У него была сестра, старше его на четыре года, которая, якобы, соблазнила его, когда ему было восемь лет — т. е. пятью годами раньше, — а ей двенадцать, по крайней мере, так он говорил. Правда или неправда? Сестру он любил; у него еще был маленький брат, на четыре года его моложе, которого он тоже любил. Он мне сказал о своем реальном желании к сестре. Реальное желание, воспоминания, признанные с некоторым стеснением, об игре считать себя мужем и ее своей женой во время псев-до-материнской сцены между старшей сестрой, ним и его младшим братом. Но не это было важным, говорил он. На другом сеансе он сказал, что важное для него было сновидение, от которого ему было не по себе, но он не мог сказать. Он машинально рисовал нападения с ножом, разговаривая, и его рисунки ассоциировались с невысказанным этого повторяющегося сновидения. Он давал ассоциации в связи со сновидением из сеанса в сеанс и в соответствии с разными характеристиками рассказа он иллюстрировал его мимикой.

Однажды, показывая мимикой сцену, вариант сновидения, где фигурировала «большая сестра» (именно так в сновидении он ее называл, в то время как в обычном разговоре он всегда говорил «моя сестра»), он начал двигать своей правой рукой, к своему большому удивлению, как будто его рука, вооруженная воображаемым кинжалом, нацеливалась на меня, по предположению занимавшую место большой сестры в сновидении. Мы смогли поговорить о том, что он только что изобразил, и в то же время сравнить это с рисунками, которые машинально он продолжал делать, разговаривая. Это могло означать, что его правая рука, вооруженная ножом, была способна нанести смертельный удар своей сестре, или, может быть, матери того времени, когда он был маленький, поскольку он говорил о большой сестре, или другой женщине, например, обо мне. Неподвижность правой руки, очевидно, мешала ему совершить это зло. Эта помеха шла от гуманизированной совести — совести, возможно, бессознательной — запрета на инцест, запрета на убийство. Запрет на убийство, мы видели, идет от анальной кастрации, а запрет на инцест от эдиповой кастрации. Что и выражалось для него чувством вины за нарушение запрета инцеста, которое его сестра попыталась ему навязать, в это же время чувство вины за вероятное убийство сестры, убийство, которое, впрочем, могло быть символическим смещением его собственного архаичного инцестуозного желания, поскольку, мы говорили об этом, в образе тела маленького мальчика великолепие пенисной эрекции и ее сопровождающее желание к материнскому избранному объекту побуждают ребенка уничтожать объект своей любви.

Это был ответ сестре, которая в тот момент в реальной жизни в свои семнадцать лет и его тринадцать хотела, чтобы он спал вместе с ней в большой кровати родителей, где она спала уже несколько месяцев, пока мать была в больнице. Она подталкивала, чтобы он согласился. Она говорила, что положит между ними валик, но он отказывался. В этом и был конфликт. Алекс предпочитал спать на полу или в другой комнате их двухкомнатной квартиры, где спал отец, когда он был дома, и младший брат. Но когда они были совсем маленькими и еще до ухода матери в больницу, они спали на одном матрасе, он и сестра. Но сейчас он этого больше не хотел. В ответ сестре, которая, может быть, предлагала ему нечто вроде «тело к телу» для ее собственного удовольствия, он хотел ответить убивающим «тело к телу». От этого он и защищался бессознательно.

Его истерический паралич был воображаемым самокалечением, безболезненным, неудобным, но менее серьезным, чем настоящие переломы при членовредительстве. Это был бессознательный мим; он

падал и всегда на ту же самую руку, которая получала перелом. Перелом заживал, и он снова ее ломал. Но истерия в анестезическом сне исчезала. Лишь когда он был в сознании, истерия его фиксировала в полной беспомощности руки-убийцы, становящейся недвижимой. Алексу было тринадцать лет, он подошел к пубертатному возрасту. Он находился в пике роста, и пубертат разбудил в нем воспоминание о соблазнении, бывшем, по его словам, гораздо раньше. Соблазнение, в котором его сестра принудила его, говорил он, к мастурбации, после чего она сделала ему также. Данное воспоминание, если это не было фантазмом, рассказанное с почти полным отсутствием чувства, несомненно, было в основе бессознательного желания. Возможно, это было воспоминанием, экранизирующим желания, фантазмированного в возрасте маленького брата, желания гетеросексуального, еще в малой степени соперничества с отцом, но желания самца, которое выражалось в желании проникновения относительно своей сестры или матери до эдипова периода. Он сместил пенисное проникновение на проникновение ножом. Хотя его рука была неподвижна, кисть руки могла рисовать графические представления. Можно было видеть кисть руки, вооруженную ножом мясника, но никогда не было видно на том же рисунке человека, в которого нож целился. И вся работа в анализе осуществлялась вокруг этих рисунков и сновидения, который он не мог рассказать.

Какими же были его отец и дедушка? Трудности эмиграции привели эту семью с Востока в ситуацию, полную случайностей, как это было в Париже. Но если рука мальчика не нуждалась в реабилитации, массажист, у которого был хороший контакт с Алексом, после того как психотерапия позволила облегчить психогенные мотивации этого странного нарушения двигательности, захотел возобновить свою работу. Алекс очень любил болтать с массажистом-мужчиной. И то, что он рассказал ему, что говорил мне, и массажисту пришлось сыграть роль лучшего из воспитателей для этого мальчика в предпубертатном развитии, отец которого, отсутствующий или очень занятой, не обращал внимания на детей. Мать, не знаю почему, несколько месяцев как была в не знаю какой больнице. Домашним очагом занималась сестра пятнадцати-шестнадцати лет, если можно это барачное помещение, разделенное на две комнаты, считать домашним очагом.

Можно сказать, что истерия — это всегда призыв о спасении, адресованный очевидным образом другому, чтобы получить либидинозную сатисфакцию, более или менее отчетливо эротическую,

одновременно желаемую и оттесняемую. Эта амбивалентность желания провоцирует субъекта к бессознательной регрессии влечений, хотя, вероятно, вначале она была сознательной. Эта регрессия выражает влечения в соединении с архаичным способом удовлетворения.

У Алекса влечение генитальной пенетрации преобразовывалось во влечение проникающего члена, которое Алекс не хотел реализовать. И в этом был истерический симптом, перемещение пениса на руку и нож.

Психосоматическое заболевание происходит скорее от боли по поводу личных страданий: страданий по причине разочарования от отношений с избранным существом, которые выражаются воображаемой раной с возвратом к архаичному образу тела и ко времени отношения субъекта с другим лицом, не тем, о котором в данный момент идет речь. Переживаемое психосоматическое заболевание есть повторение реальной или воображаемой дисфункции, иногда усиленное прошлой, самого тела пациента. Когда тело становится субститутом компаньона данного периода испытания в соединении с сегодняшним испытанием, компаньон, о котором субъект думает, что он поймет, не оставит его один на один со страданием и раной в данный момент. Это, следовательно, не тот самый нарциссизм, который кажется затронутым в психосоматическом заболевании и истерии. *В истерии в опасности, мне кажется, находится вторичный нарциссизм; в психосоматике — первичный.* В истерии то, что можно назвать этикой эротики, упорядочивается вокруг генитально-сти; в психосоматике она организуется вокруг зависимости от «есть» и «делать» или автономии по отношению к любимому существу в детстве, к любимому существу в элективном отношении, где она могла сопровождать испытания анальных и оральных кастраций.

Стало быть, должно существовать что-то более архаичное в психосоматических заболеваниях, чем в истериях. Упомянем случай — случай матери, — который мне кажется типичным для психосоматического заболевания. Во время похорон сына, скончавшегося взрослым, в момент опускания гроба в могилу мать почувствовала как удар кинжала в желудке. При обследовании выяснилось, что у нее был рак желудка, от которого она умерла в следующем, после поминок сына, месяце в тот же день. Очень может быть, что раком она была больна давно без всяких признаков заболевания: о чем сказали врачи мужу; но она почувствовала боль в тот самый момент, когда ее сына клали в могилу. Это было так, как

будто смерть ее старшего сына — первого, кого она кормила грудью, пробудила в ней невозможное отлучение от груди. Может быть, она оставалась привязанной бессознательно плоть к плоти к любимому ребенку за пределами самого периода отлучения от груди; со смертью сына окончательное отделение его тела отрывало у нее висцеральную субстанцию ее собственного желудка. Умереть месяц спустя после ребенка, день в день! Смерть этого Я, которое мутировало женщину в мать при рождении своего первенца (и женщины это хорошо знают — есть первенец каждого пола и для отцов тоже): стать матерью в первый раз — это мутация, мутация Я, мутация нарциссизма женщины; но не субъекта желания: этот субъект вне пересечения времени и пространства, он не знает ни рождения, ни смерти, но только глагол «быть», чтобы любить.

Как субъекты мы знаем других лишь через наше Я-отношение к ним и их Я-отношение к нам: в этом проблема психосоматики, связанная с соотношением символического и реальности, времени, пересеченного с пространством, что составляет живую плоть посредством сочленения образа тела со схемой тела.

Для страдания, нарушающего континуум витального отношения, у субъекта нет слов, чтобы сказать о нем. Тело как бы искалечено в месте, присущем истории связи разбитой любви; и оно означает, усекая от него большую или меньшую часть, невозможность выражения выпавшего страдания, таким образом частично анестезированного.

Известно также, что сердечнику не нужно эмоций, потому что эмоции затрагивают сердце, сердце образа тела, сердце эмоций; дело в том, что сердце имеет отражение на схеме тела и функционировании сердца как органа. «Сердце сердца» и «сердце мяса», как меня научил говорить ребенок, которого я лечила, различны, дифференцируемы, но иногда в патологии интерферируют друг с другом.

Хорошо известно также, что когда в семье происходят драматичные споры, может иметь место пробуждение язвы желудка у потенциального хронического язвенника. Анализ субъекта-больного язвой хорошо подтверждает архаичность этого психосоматического заболевания. Его либидо осталось маркированным любовью к матери, спутанным желанием к ней. Онейроидные¹ представления в анализе подчиняются каннибалической этике, анализант вновь проживает время, когда мать его кормила грудью. Эта этика материнской любви, это пожирание поцелуями играет вплоть до желудка свою роль в отношениях с людьми, с кем мы вместе принимаем пищу и чьи вспышки характера эмоционально отражаются на других.

Случай Тони: психосоматический отец, ребенок ипохондрик (или истерик?)

Я познакомилась с женщиной, назовем его отец Тони, который был последним ребенком в семье, где было пять мальчиков. У него была язва желудка в течение нескольких лет, он страдал от гастрита с четырнадцати лет. У него единственного из пяти братьев была нормальная социальная и половая жизнь: он был женат, и Тони был его единственным сыном. Другие четверо братьев были правонарушителями и часто сидели в тюрьме.

Их отец, стало быть, дедушка Тони по отцовской линии, ребенок, воспитанный в детском доме, как и их мать (бабушка Тони), умер от несчастного случая на работе, когда отец Тони был еще ребенком: он о нем не помнил. Что касается матери, алкоголички (или ставшей алкоголичкой, овдовев?), она умерла от *delirium tremens*¹, когда отцу Тони было десять лет. Он говорил, что она их всех кормила грудью. У него были слезы на глазах, когда он говорил о ней, такой хорошей, но которая жила беспорядочно и была отброшена обществом из-за своего алкоголизма. Тем более что после ее смерти его десятилетнего и двоих его братьев, самых близких к нему, забрали в детский дом. Эта мать, отброшенная всеми, вызвала, таким образом, у своих сыновей, когда они были совсем маленькими и любили ее все, личный конфликт безумной любви, сердце к сердцу, к ней, затем стыда за нее перед лицом общества. Они росли в материальной нужде. Че-

идные — фантастические, сновидные.] [Delirium tremens —

«белая горячка».] тыре других сына
выстроили либидинозную структуру,
сохраняя как единственное Я-Идеальное
любимую мать того времени, когда они
были маленькие! И они были поддержаны
только этой идентификацией, так как
работа отца его «убила». В то время не
было системы социального страхования, не
было семейных пособий, компенсаций по
причине несчастных случаев со
смертельным исходом. У них, по мере того
как они росли, не было другой семьи,

кроме нее. Они стали, как она, индивидами, неадаптированными к законам, предметами на выброс для общества. Они все начали с подростковых правонарушений с четырнадцати лет, и в том же возрасте отец Тони оплачивал гастритами своего рода правонарушения своего пищеварительного тракта. Он сохранял ту же фиксацию на матери, которая была такой хорошей кормилицей, такой нежно любящей и мягкой в воспоминании. Его братья стали воровать, затем пить, потом это была на время тюрьма, затем вооруженное нападение. Двое из них стали убийцами во время своих рецидивов. Он был психосоматическим делинквентом: он нападал на свой желудок или желудок нападал на него, или, скорее, он самопожирал себя из-за отсутствия материнской груди, которую он сосал последним и которая вследствие этого кормила его дольше, чем других, как он говорил.

Мы видим здесь, как распределяется в семье различие, о котором мы говорили, между истерическими заболеваниями и психосоматическими. Трое из братьев, те, которым было больше четырех лет при смерти отца, были истериками, это были активные истерические правонарушители, четвертый — пассивный истерик. Пятый был психосоматик, отец Тони.

Случай, который меня познакомил с этим человеком, и его история не есть, как это можно было бы подумать, психотерапевтическое лечение его язвы. Я с ним познакомилась в больничной консультации по направлению отделения, где я работала, для психологического обследования мальчика десяти лет, как раз Тони. *Тони вот уже несколько месяцев пропускал школу под предлогом острых болей в коленях.* Обследование в больнице, все осмотры и анализы не позволяли понять причину этого страдания. Был ли он симулянтом? Каков его ментальный уровень? Его боли, как говорили, реально мешали ему спать и затрудняли ходьбу. В течение всего длительного периода обследования в больнице Тони не проявил себя ни ребенком с трудным характером, ни отстающим в школе. Его IQ был 105; короче

говоря, его случай ставил меня в затруднение. Нет, этот ребенок не был ни делинквентом, ни с задержками развития, ни с трудным характером, он страдал. Он был ипохондриком. *Колени? Я—мы*¹². В чем дело с нами, моим отцом и мной? Можно сказать, игра слов или болей¹³. Но именно это проявлялось на сеансах, где я слушала. Он четко ставил проблему отцовской семьи через призыв к спасению, что принял речевую форму этого симптома, опосредованного через боль в коленях. В начале были слова участкового врача, вызванного, когда он реально испытывал боль в колене, опухшем и горячем, для которого врач прописал покой и непосещение школы в течение недели, поставив диагноз «боли роста». Это было несколькими месяцами раньше. Затем Тони отметил десять лет, возраст, в котором его отец потерял свою мать и был отправлен в детский дом. Возможно, что при праздновании десятилетия сына старые воспоминания вернулись в память отца, но он ничего не сказал. Ибо ничего из детства отца и его семьи никогда не было сказано ни жене, ни сыну. Жена, тоже из детского дома, была оставлена родителями гораздо раньше, чем он, и сохранила хорошее воспоминание о кормилице своего детства, увы, умершей вскоре после того, как та попала в детский дом. Она знала только от мужа, что у него была мама до десяти лет и что она была бедной женщиной... Но она знала о преступности деверя, которого она никогда не видела, очень смутно из-за «бумаг и писем адвоката», которые муж однажды получил. Он ей тогда сказал, что ему нужно пойти поговорить с адвокатом о глупостях, совершенных его братом, самым близким ему человеком. Она была ненавязчивой и любящей, она любила мужа, сироту, как и она сама, и была потрясена несчастьем. Ничего из того, что касалось происхождения и родственных связей Тони с какой-либо стороны, отцовской или материнской, не было известно ребенку. И лишь психотерапевтическое и психоаналитическое лечение внука позволило понять, что такое либидинозная судьба в родственной линии, когда нарциссизм задет в ходе структурами.

Этика желания укоренилась у отца Тони в оральный период, в нарциссических проблемах фаллической ценности его матери; а для братьев вокруг вторичных проблем, связанных с презрением и отказом от отца, побежденного несчастным случаем.

[Французское слово *Genoux* (колени) по звучанию состоит из двух слогов, первый из которых совпадает с *Je* — я, а второй с *pous* — мы. На этом совпадении строится дальнейшее рассуждение. — *Прим. перев.*]

также игра слов на омофонном созвучии: *mots* — слова и *maux* — боли. — *Прим. перев.*]

И лишь благодаря заболеванию ипохондрией мальчика я смогла узнать историю этой семьи, а также посредством слов и возвратом к проговариванию всего того, что не было сказано, помочь ребенку обрести здоровье. Травмы сердца, которые не проговорены, могут быть выражены телом, которое чувствует себя травмированным, посредством образа тела, накладывающихся друг на друга как нить и основа в ткани нашего нарциссизма. Речь идет в случае больного колена о сердце отца Тони и его собственном, его сердце в соединении с сердцем отца, короче говоря не о колене, но о Я—Мы, этих двух сердцах в смысле аффективной связи, которая соединяет человеческое существо со своим родителем, с тем, кого он любит в начале своей жизни, и который делает, чтобы тот любил самого себя, я хочу сказать об отце или том, кто занимает его место. Это тот самый отец, ответственный за своего ребенка, девочку или мальчика, который начиная с трех лет выводит его из дуалистического отношения с матерью, чтобы сделать из него социальное существо, обладающее полом и действующее по Закону. Вот почему все сказанное и не-сказанное относительно отца настолько травматично в смысле отсутствия структурных элементов в бессознательной жизни; вот почему эта травма переносится на следующее поколение, это одно из самых важных открытий психоанализа: наследование бессознательного долга, который лишает динамизма одного из потомков второго или третьего поколений.

Отец Тони во время отлучения от груди не знал отца и мог быть воспитан лишь через референцию к тому, что общество означивало по поводу его матери, чтобы его от нее отсоединить. Но общество не помогало его старшим братьям, субститутам отца для него. Для маленького ребенка старшие дети представляют других взрослых в контакте с мамой, они немного субституты отца. Так вот старшие были неспособны служить референтными лицами по отношению к Закону, будучи сами травмированы обезглавливанием семьи и тоской матери, оставшейся с пятью детьми. Травма вследствие оставления детей одним или другим из родителей по-разному воспринимается в зависимости от возраста развития, не физического, но аффективного и социального, каждого в одной и той же семье. Если вследствие травмы, поразившей всех детей и мать (или отца), когда есть дети на иждивении у одного после исчезновения супруга, каждому есть что сказать, о чем он страдает, тому, кто умеет слушать, слушать для него самого, тогда каждый может суметь взять на себя ответственность за испытание и пережить его. И даже стать сильнее, приобретя этот опыт, если он смог выразить все, что человек, живущий в горе, имеет сказать

об этом событии. Любое испытание — это опыт жизни тела, и все происходит как будто оно есть метафора психической структуры; но чтобы психика продолжала жить дальше, нужно, чтобы был обмен речью, экспрессивной, актуальной с кем-то, кто дает тому, кого слушает, ценность субъекта его собственной истории.

Любое испытание — это опыт реальности, который может быть пережит психически, если тело его вынесет. Но для этого нужна работа, которая называется психоаналитической, и эта работа может быть проделана с кем-то, кто посредством слушания и своей подготовки дает тому, кто ему говорит, символическую кастрацию, т. е. помогает понять себя через символизацию того, что тот потерял, и тот тогда начинает принадлежать себе самому. Так, этого мужественного отца, который был вынужден оставить свой пост главы семьи вследствие несчастного случая на работе, каждый из его сыновей мог бы, чтобы воздать ему честь с помощью другого человека, поддержать в трудностях, потому что все были детьми умными; но следовало бы реабилитировать и отца, относительно которого у них был лишь опыт, что он их бросил, брошенной оказалась и мать, и страдание матери, единственным выходом для которой было пить, чтобы оставить пищу мальчикам, тогда вино было очень дешевым в кабаках.

О породителях «порожденных»: страдание.

О воображаемом в реальности: долги и наследство

Приложить слова к страданию от испытания для того, кто может услышать эти слова и обратить внимание на субъекта, который говорит с доверием к нему, — это смиряет страх. И без страха для жизни, продолжения жизни позволить тому, кто пережил остроту испытания, найти решение самому. Это означает, что влечения, удовлетворение которых запрещено, вызывают либидинозные сверхнапряжения и, следовательно, страх, как и все, что есть сверхнапряжение у человека. Снятие либидинозного напряжения вызывает уход и сон; а сверхнапряжение страха. И страх через сверхнапряжение вызывает плохое самочувствие, и дискомфорт ощущается как чувство вины уже на первой ступени; затем, так как он парализует живые силы индивида, то чувствует себя вторично виноватым от того, что не противостоит, не проявляет достоинства, связанного с фактом брать на себя свое желание, что укоренено в человеке с самого начала. Вот почему страху нужно выразиться. Если он не может выразиться в словах, то он тогда выражается в поведении или функционировании

тела, поведением тела в обществе или в проявлениях характера или дисфункцией вегетативного или двигательного тела. Все есть выражение язык у человека. Само тело здоровьем или болезнью есть язык. Здоровье — это язык хорошо себя чувствующего человека, болезнь — язык переживающего и иногда человека в страхе. Быть больным — знак борьбы против врага этого равновесия обменов, которое называют здоровьем. Вся энергия тогда фокусируется, чтобы сопротивляться умыслу или чтобы излечить умысел, который внешний агент спровоцировал напрямую (несчастный случай, рана, болезнь) или вторично посредством защитной реакции. Я попыталась на последних страницах декодировать эволюцию образа тела, связанную с первичным нарциссизмом, затем со вторичным нарциссизмом после разрешения Эдипа. Я сказала, что он был и эрогенным, и функциональным, но также в своем начале то, что я описала как базовый образ, против целостности которого всякая угроза ощущается как смертельная. Он соединяет тело с самым вегетативным языком — сердечно-дыхательно-пищеварительным.

Целостность этого образа тела, что касается сердечно-дыхательного и пищеварительного, — это то, что дает человеческому существу безопасность вплоть до сна; за неимением чего субъект желания не может больше любить плоть, и из этого следуют тяжелые психо-органические поражения.

Если *базовый образ* затронут, имеет место частичная или полная девитализация вплоть до реакции в виде заболевания. Если затронут *функциональный образ* посредством травматического события, которое не было проговорено, происходит реакция функциональная, гуморальная, нейромышечная. Эффекты, нарушающие гомеостаз и тонус с бессознательной исходной точкой, больше или меньше искажают Я и порядок психических инстанций, и отсюда поведение как глобальное речевое выражение. Если под ударом *эрогенный образ*, может иметь место инфирмация или, наоборот, сверхвозбуждение желания так, что оно выплескивает то, что субъект способен сдерживать при переходе его выражения в схему тела. У старших братьев отца Тони, например, страдание, испытанное в возрасте, когда они почти достигли пубертата, когда их мать полностью опустилась с социальной точки зрения, не позволило им выстроить себя в этике трудящегося. Их отец был презираем в его значении трудящегося, поскольку оставил там свою шкуру, а общество не посчиталось с его достоинством главы семьи, чтобы оказать помощь детям выжить, даже материально, не говоря о воспитании. По смерти отца для старших, которых отец отметил примером работы, честной и упорядоченной

жизни, кастрация, которую он начал им давать, улетучилась (если так можно сказать). Тормоза для влечений к вреду и убийству также улетучились, унося с собой символизацию оральной и анальной сексуальности, трамплин, используемый либидо в учебе и работе. Кроме того, по отношению к матери, нежной и любящей, оставленной им в распоряжение, у детей пробудились инцестуозные чувства. Все это в бессознательном; но результат был таков, что труд не имел ценности, сверх того, сыновья любовь к матери поругана, поскольку дети еще не могли работать, зарабатывать деньги, чтобы помогать, и не могли ничего другого, как присутствовать при том, как люди вокруг них ее осуждали, что она терпит жизнь впроголодь и пьет. Старшим братьям, пораженным в самом своем человеческом достоинстве, т. е. в базовом образе их нарциссизма, вследствие унаследованной ими заброшенности отцом и матерью в эдиповом возрасте социализации, ничего другого не оставалось как стать матерями правонарушителями — вплоть до того, что двое из них дошли до кровавых преступлений, — занимаясь воровством и затем попадая в тюрьму, водясь с еще, может, худшими, чем они, правонарушителями, и они не сохранили от матери столь же привлекательного образа, какой она хранила о них.

Тот брат, для кого отец Тони приглашал адвоката, был самым близким ему по возрасту. Он был болен абулией¹, был пассивным истериком, не любил девушек и, по мнению адвоката, эксплуатировался бандой, но сам лично не совершил ни воровства, ни преступления. Этот брат был вместе с отцом Тони в одном детском доме по смерти матери. Это был тот мальчик, кого мать отлучила от груди в период беременности отцом Тони.

Последний никак не осуждал своих братьев. Он был потрясен несчастьем и говорил о братьях с покорностью судьбе, но выражал неизменную и горячую любовь к матери и идеализированное уважение к отцу, о котором у него не было никаких воспоминаний и о котором он слышал лишь то, что он был детдомовцем, и о несчастном случае на работе.

Симптомы, относящиеся к ипохондрии у Тони, внука погибшего на работе, к истерии как у его дядей, или психосоматические как у отца Тони, могут быть поняты как язык бессознательного Я как солидарного с собственным телом, местом схемы тела. Эти симптомы, которые создают затруднения для свободы жить, все они средства выразить страдание человеческого существа, пораженного в своем нарциссизме: нарциссизме, который прикреплен от кастрации к кастрации, символической или нет, в течение своего развития к бессоз-

знательной этике и обеспечивает континуальность в связности психической и сексуальной структуры.

Эта континуальность психических и сексуальных структур есть то, что понимается под термином нарциссизм, он связан с предсознательным и сознательным пересечением бессознательного образа тела и схемы тела. Это условие сочленения субъекта, который не

— слабость воли, безволие.] есть ни во времени, ни в пространстве, вопреки тому, что можно сказать о теле, которое участвует в Я, и через него субъект объективируется в своих мотивациях поведения; оправдывая их фантазмами или вербальными рационализациями, проявляющимися в обменах с космосом, если можно так сказать, т. е. в здоровье, отношении с животными и людьми, привычном проявлении характера.

Другие тела также являются объектами, принадлежащими реальности, где пересекаются время и пространство. Каждое тело характерно для желающего субъекта, если это человек; но оно воспринимается другими в своей форме объекта, подаренного их желанию, провоцирующая желательного филически или фобическим способом; я хочу сказать желать, чтобы войти с ним в отношение обмена удовольствием ли чтобы отказать в отношении обмена с ним, который был бы не удовольствием.

Именно субъект желания — не только как свидетель, но также как актер своей собственной истории посредством тела — обретает плоть в этом теле в день зачатия каждого, и кто продляет этот контракт живущего от вдоха к вдоху, после того как от выдоха к выдоху он рискует — в доверии — этим контрактом живущего. Можно сказать, что от секунды к секунде нарциссизм субъекта продляет контракт желающего субъекта со своим телом. И это есть «жить» для человеческого существа.

Контракт, связывающий субъекта с его телом, — таинственная загадка каждого человека. Когда он говорит, каждый говорит о самом себе под прикрытием слова «Я», отличного от «Ты» и «Они», но в то же время этот субъект, который говорит о себе от имени «Я-собственного», может или дезавуировать Я, или взять его на иждивение сознательно (может быть и по-другому). И еще во сне он является свидетелем, этот субъект, отличным от этого неподвижного «Я», можно сказать вегетативного, и в то же время работа по реассумации¹ этого тела осуществляется у субъекта, которого желание во время бодрствования утомило: следовательно, происходит то, что

базовый нарциссизм бдит ежедневно над продлением при жизни контракта, над продлением этой загад-

сумация — здесь: как овладение, принятие снова.]

ки. Это дремлющее «Я», которое не могло бы даже сказать грамматическое «Я» фразы, это дремлющее «Я», которое бодрствует неизвестно где, позволяя телу восстановление своих сил, это «Я» — свидетель желания всех желающих, кто берет свое начало во тьме времен, будучи рожден от матери к дочери, от отца к сыну с тех пор как мир есть мир.

К этой загадке ребенок подступает в возрасте около трех лет. Он верит, невинный, что взрослый, законченный для него образ, даст ему ответ на все вопросы, которые возникают у него; но взрослый сам ожидает от своих детей ответ на загадку смысла жизни, ответа на загадку неудач Я по отношению к желанию Я-собственного.

И это недоразумение, это непонимание, где каждый ожидает от другого ответ, который никто ему не может дать, и составляет проблему отношений «дети—родители». Они не могут легко признать свою беспомощность: ребенок — беспомощность родителей, родители — беспомощность ребенка (беспомощность им дать удовлетворение, которое их воображаемое желание хотело бы найти в реальности).

Во всяком случае у Тони с больными коленками это сочленение нижних конечностей — загадка боли для врачей, у которых не оказалось при их знаниях относительно тела решения к тому, что происходило, — позволило, что контакт с психоаналитиком высветил другую загадку, которую ставило «Я—Мы (колени)» отцу в теле его сына и ребенку в любви к своей семье накануне того момента, когда ему предстояло самому взять на себя свое желание. Эта история позволила также молодому психоаналитику, какой я была в то время, понять, как страдание, невысказанное на протяжении двух поколений, может выразиться у ребенка десяти лет, их наследника: Тони, в невозможности нормальной жизни и лишенный сна из-за стреляющей ипохондрической боли, вопил о своем страдании, которое восходило к отцу, бабушке и, может быть, еще выше.

Конечно, ничего не изменилось для отца из-за факта, что, говоря мне, он реактивировал у себя в этом возрасте аффективные переживания своего детства. Но он был не один: он мог, вернувшись к мыслям о смысле жизни, говорить с сыном о том, что тот не знал, но что было для него проблемой, или о том, что знал, но что доставляло ему боль.

Тони сам не задавал прямых вопросов отцу; но вопросы задавались посредством его тела, и ответы не приходили со стороны тела как объекта медицинского знания. Загадка мутаций роста и судьбы человека в разные периоды его личной истории возвращает в них прошлые и даже ушедшие внутренние события. Это события, которые прошли между бабушками-дедушками и их родившими, так же как события, произошедшие в течение жизни субъекта, но не смогли быть сказаны по мере мутаций жизни. И казалось, что Тони мешает жить его тело, но это не так, это было несказанное, что представляло тело. Тони позволил, чтобы, наконец, его отец мог дать слова для психоаналитика, который его слушал, к его истории, слова сына, внука, ставшего отцом и породителя детей. Этими словами он смог рассказать о своей жене и сыне, в то время как он никогда не говорил об этом никому; сказать о своей матери, ее несчастье, о мужестве этой женщины, о своих несчастных братьях, о которых никогда не говорил Тони, его дядях, побежденных своей либидинозной силой, которых слишком рано ушедший отец не смог приобщить к другому закону как закон труда и мужества, закону, потерявшему сам по себе силу и ставшему абсурдным из-за его смерти, и непризнания чести за трудом.

И что сказать о тоске, в которую его смерть повергла жену и малолетних детей, о горе, том самом, которое познал отец отца Тони, оставленный в детском доме, тоске, которую узнала мать Тони, тоже оставленная в детском доме? Но нужно подняться еще выше в истории этих обладающих желанием, нужно подняться к тоске прабабушки по материнской линии и прабабушки по отцовской линии Тони, отринутых как ценность обществом в своей беременности; женщин, которые послужили объектом для безответственного мужчины и не были поддержаны в том, чтобы взять на себя заботу о своем ребенке. Все это было отражено в теле Тони, в его обоих коленях, каждая из его нижних конечностей представляла его опору в жизни, его обоих родителей, для которых загадка была «Я—Мы».

Вместо заключения к этой работе

Загадка нашей жизни — всех и каждого — в отношении через наше тело с телами других и через язык с другими субъектами через опосредования самых сущностных вещей до самых субтильных из взглядов и звуков, эта загадка остается.

Образ тела, пересеченный в каждую микросекунду со схемой тела, субстрат нашего бытия в мире, связь субъектов с их телом в трепещущей субстанции, место их видимости: таким еще может быть сказано бессознательное желание. Загадка остается,

привязанная к тяжести нашего тела, всегда множественная со своими потребностями и желаниями, где Я каждого (вместе с Я других) истощается. И потом, что делать с этим субъектом в поиске субтильного союза с другим субъектом? Желание, которое хочет настроенности на другого через субтильную гармонию любви. Загадка «Я—Мы» остается из поколения в поколение, в то время как я, ты, другие умирают и язык есть загадка, которая при том, что мы отделены друг от друга, нас соединяет помимо...поверх...посредством чего? В ком? Не есть ли этот неведомый Субъект глагола Быть?

Клинические случаи нарушений образа тела Лист пациентов

Аньес, несколько дней: потеря обонятельного образа тела, дает себе умереть. 60

Девочка, 2,5 года: шизофрения 137—138

Жиль, 7 лет: энурез, беспокойный, неспособный к школе, фобии. 47—49

Жоэль, 18 лет: заика с возраста 2 лет, плохо прожитая первичная кастрация. 237—239

Леон, 8 лет: замедленный, моторный дистоник, фобо-истерический дебил, музыкант. 271—305

Марк, 12 лет: сверходаренный, беспокойный предделинквент с трудным характером, постэдипова декомпенсация. 311—318

Алекс, 13 лет: истерический паралич после повторных переломов руки, постэдиповая угроза декомпенсации и перехода к инцестному акту, фобический страх. 334—338

Никола, 7 лет: психотик из-за отсутствия человеческой идентификации, смертоносный оральный образ тела. — 217—220 прим.

Пьер, 3 года: фобо-истерик («головные боли») с речевыми наваждениями, по внешнему виду предпсихотический дебил. — 230—232

Себастьян, 8 лет: немой аутист, госпитализация в пять месяцев. — 222; 223—228

Тони, 11 лет: больные колени, острые психосоматические боли, в процессе установления ипохондрии, семейный психоз. — 340—350

Франсуа, 13 лет: блестящий ученик третьего класса лицея, попытка самоубийства через удар ножом в живот, не мужской образ тела. — 105—108

Я не думаю, что это случайность, что большинство примеров относится к мальчикам, Мальчики и девочки вынашиваются и выращаются своей матерью (или после рождения женщинами), У первой идентификации моделью является мать. Во время последовательных кастраций мальчики расстаются с первым любимым alter ego, желаемым в женских влечениях матери и сестер. Девочки обретают в себе, что они покидают, женскую власть своих пассивных влечений, представленных в матери и женщинах. Роль Отца и закона доминирует у мальчика.

Став матерями, многие девочки укрывают своих сыновей от кастрационных испытаний их отца и закона, обесценивая тем самым человеческую символическую филиацию в пользу физиологического материнства и аффективного родства.

Нарциссизм мальчиков и девочек разный. Закон неустраним для мальчиков.

О некоторых дополнительно затронутых темах

Переходные объекты

Сфинктерная континентность

Зеркало

Школа в три года, ее роль

Детские психозы

Ранние фобии, вызывающие психозы.

Специализированные учреждения-интернаты (МПУ): трудности для излечения психосоциальных проблем здоровья, невозможность психоаналитической психотерапии: в защиту смешанного обучения в обычной школе и пребывания в среде реабилитации и лечения.

За профилактику в больницах психосоциальных заболеваний маленьких детей.

Анорексия.

Истерия и психосоматика.